
Международный совет музеев ЮНЕСКО	International Council for Museums UNESCO
Комитет музеологии Международного совета музеев	International Committee for Museology
Сибирское отделение Российской академии наук	Siberian branch of the Russian Academy of Sciences
Научный совет по музеям	Scientific Council of Museums
Институт истории СО РАН	Institute of History of SB RAS
Комитет музеологии Сибири	International Committee for Museology of Siberia

МУЗЕИ И ЭТНОКУЛЬТУРНЫЙ ТУРИЗМ

MUSEUMS AND ETHNOCULTURAL TOURISM

III Ежегодный симпозиум ИКОФОМСИБ
Шанхай, Китай
7–12 ноября 2010

III Annual Symposium ICOFOMSIB
Shanghai, China
7–12 November 2010

ББК 79.1
УДК 069.01
М 89

**Approved for publishing
by Scientific Council of Institute of History SB RAS**

Reviewers:

M. A. Demin, Doctor of Science, Professor,
Dean of History Department of Altai State Pedagogical Academy,

N. M. Shcherbin, Candidate of historical sciences,
manager of Museum department of SB RAS,

G. M. Zaporozhchenko, Candidate of historical sciences,
chief scientific associate of Museum department of SB RAS.

Museums and Ethnocultural Tourism: collection of materials of the IIIrd Annual International Symposium ICOFOM SIB / Under the editorship of O. N. Truevtseva, O. N. Shelegina. Novosibirsk, 2010. 168 p.

ISBN 978-5-94356-868-8

The collection includes articles of the participants of the 3d Annual International Symposium of ICOFOM SIB and International Committee of Museum of UNESCO on the topic “Museums and Ethnocultural Tourism”. The symposium is organized and held within the framework of the XXIIInd General Conference of ICOM “Museums for harmonious society” on November 6–12, 2010, Shanghai, China. The authors pay considerable attention to studying the history of museology in Siberia, integration of museums into tourist business, development and strengthening of international cooperation, studying cultural heritage of Siberian peoples, adaptation of museums to the conditions of globalization and searching for new forms of activity. Articles of foreign scientists are included in the collection.

The materials are addressed to researches, scientific workers and lecturers of higher educational institutions, as well as to museum stuff and students studying history, archeology, ecology, art history, museology, tourism, heritage.

These publications are prepared in accordance with the program of development of international cooperation of ICOFOM and ICOFOM SIB, Scientific Council of SB RAS.

The translation is made by the students of Linguistic Institute of Altai State Pedagogical Academy.

Publication is made with financial support of the Presidium of SB RAS.

ISBN 978-5-94356-868-8

© Institute of History of SB RAS, 2010

© Altai State Pedagogical Academy, 2010

ББК 79.1
УДК 069.01
М 89

**Утверждено к печати
Ученым советом Института истории СО РАН**

Рецензенты:

д-р ист. наук М. А. Демин,

канд. ист. наук Н. М. Щербин,

канд. ист. наук Г. М. Запорожченко

Музеи и этнокультурный туризм: Сборник материалов III Ежегодного международного симпозиума Комитета музеологии Сибири / Под ред. О. Н. Труевцевой, О. Н. Шелегиной. Новосибирск, 2010. 168 с.

ISBN 978-5-94356-868-8

Сборник включает статьи участников III Ежегодного международного симпозиума Комитета музеологии Сибири Международного совета музеев ЮНЕСКО по теме «Музеи и этнокультурный туризм». Симпозиум организован и проведен в рамках XXII Генеральной конференции Международного совета музеев «Музеи для гармоничного общества» 6–12 ноября 2010 года, г. Шанхай, КНР. Значительное внимание авторы уделяют изучению истории музейного дела в Сибири, интеграции музеев в туристический бизнес, развитию и укреплению международного сотрудничества, изучению культурного наследия народов Сибири, адаптации музеев к условиям глобализации, поиску инновационных форм работы. В сборник включены статьи зарубежных ученых.

Материалы сборника адресованы исследователям, научным сотрудникам и преподавателям вузов, практическим музейным работникам, студентам, изучающим историю, археологию, экологию, искусствоведение, музеологию, туризм, наследие.

Работа выполнена в соответствии с программой развития международного сотрудничества Комитета музеологии Международного совета музеев и Комитета музеологии Сибири, Научного совета по музеям СО РАН.

Перевод статей осуществлен студентами Лингвистического института Алтайской государственной педагогической академии.

Работа выполнена при финансовой поддержке Президиума СО РАН.

ISBN 978-5-94356-868-8

© Институт истории СО РАН, 2010
© Алтайская государственная
педагогическая академия, 2010

CONTENTS

Annual Symposium of ICOFOM SIB 2010	8
S.A. An	
Humanistic and social meaning of a museum	10
V. V. Barmin	
Museums as centers of cultural heritage of Russian Germans in Siberia and tourism	12
L. V. Belkova	
Formation of Ethnocultural Space in Modern Society	14
G. D. Bulgayeva	
On Dismantling of Iconostasis Complexes	17
A. Kh. Khussainova	
Ethnocultural heritage of the muzejno-memorial complex of victims of political reprisals end totalitarianism "ALGER"	18
E. A. Koveshnikova	
Prospects of development of cultural-educational tourism in Kuzbass	21
E. A. Koveshnikova, A. I. Martynov	
Functions of a museum at the heart of museum and society interaction	23
A. M. Kulemzin	
What is museum: view from Siberia	29
Kuo-ning Chen	
Ethnocultural Heritage Museology and History in Taiwan	30
V. A. Lamin, O. N. Shelegina, I. A. Kraineva	
SB RAS Museum Council: an Experience in Museum Management	33
Vieregg Hildegard K.	
Ecomuseums with Community	36
L. V. Malinovskiy	
The pioneers of the clock production in Russia	39
L. Maranda	
Museums and (ethno)cultural tourism	41
O. E. Mishakova	
Ethnocultural heritage, museums and tourism in the sample of socio-economical Strategy the development of the Republic of Buryatia	45
D. A. Miyagashev	
"City of Xiongnu" — an interactive platform in territory of the Ethnographic museum of people of Transbaikalia area: to a problem of preservation Xiongnu fortified settlement in Ivolga	48
N. D. Nagaitceva	
Museum animation as a resource for development of a modern museum	49
G. M. Patrusheva	
Development of the regional excursion and tourism service system in Omsk and Omskaya oblast at modern time	53
E. V. Semenov	
Interaction museums in Ulan-Ude and public non-profit organizations in the development of tourism (example NGO National Cultural Autonomy of the Poles, Ulan-Ude "Nadzheya")	55
O. A. Shaglanova	
Ethnographic museum of people of Transbaikalia area as model of preservation of ethnocultural heritage of indigenous peoples and ethnic groups of the Baikal region	57

T. K. Shcheglova	
Oral History and Museology: Ways and Forms of cooperation	59
O. N. Shelegina	
The Role of Museums in the Sociocultural Adaptation of People in the Globalization Epoch.....	62
A. G. Stepanskaya	
Ethnocultural traditions as the basis of the renewal of nations	65
N. A. Tomilov	
History of Siberian museums in the researches of Russian scientists.....	67
N. V. Truevtsev	
ICOFORM history as a glance in future.....	69
O. N. Truevtseva	
Role of museums in integration of siberian aborigines culture into multicultural environment.....	71
S. S. Zharnikova	
The existence of orthodox culture and preservation of its heritage in the example of the Pry-Baikal district daily life of the orthodox male monasteries in the Republic of Buryatia	73

СОДЕРЖАНИЕ

С. А. Ан Гуманистический смысл и социальное назначение музея	77
В. В. Бармин Музеи как центры сохранения культурного наследия российских немцев в Сибири	80
Л. В. Белькова Формирование этнокультурного пространства в современном социуме.....	82
Г. Д. Булгаева К вопросу о перемещении иконостасных комплексов	86
С. С. Жарникова Бытование и сохранение наследия православной культуры на примере повседневной жизни православных мужских монастырей Прибайкальского района Республики Бурятия.....	87
Е. А. Ковешникова Перспективы развития культурно-познавательного туризма в Кузбассе	91
Е. А. Ковешникова, А. И. Мартынов Функции музея в основе взаимодействия музея и общества.....	93
А. М. Кулемзин Что такое музей: взгляд из Сибири.....	99
В. А. Ламин, О. Н. Шелегина, И. А. Крайнева Научный совет по музеям СО РАН: опыт музейного менеджмента	101
Л. В. Малиновский Пионеры российского часового дела.....	104
О. Э. Мишакова Этнокультурное наследие, музеи и туризм на примере Стратегии социально-экономического развития Республики Бурятия	106
Д. А. Миягашев «Городища хунну» — интерактивная площадка на территории Этнографического музея народов Забайкалья. К проблеме сохранения Иволгинского гордища хунну	109
Н. Д. Нагайцева Музейная анимация как ресурс развития современного музея	111
Г. М. Патрушева Развитие региональной системы туристско-экскурсионного обслуживания в Омске и Омской области на современном этапе	114
И. В. Сальникова Социальная политика и музейные проекты.....	118
Е. В. Семенов Взаимодействие музеев Улан-Удэ и общественных некоммерческих организаций в рамках развития туризма (на примере МОО «Национально-культурная автономия поляков г. Улан-Удэ «Надлежа»)	119
Л. А. Смирнова Чувашские национальные костюмы как этнокультурное наследие переселенцев Тальменского района	122
А. Г. Степанская Этнокультурные традиции — основа обновления наций.....	124
Т. М. Степанская Традиции русской архитектурной школы в промышленном зодчестве Алтая	126
Н. А. Томилов История музеев Сибири в исследованиях российских ученых	128

Н. В. Труевцев	
История ИКОФОМ как взгляд в будущее	132
О. Н. Труевцева	
Роль музеев в интеграции культуры сибирских аборигенов в поликультурное пространство.....	134
А. Х. Хусаинова	
Этнокультурное наследие музейно-мемориального комплекса жертв политических репрессий и тоталитаризма «АЛЖИР».....	138
О. А. Шагланова	
Этнографический музей народов Забайкалья как модель сохранения этнокультурного наследия автохтонных этносов и этнических групп Байкальского региона.....	141
О. Н. Шелегина	
Роль музеев в социокультурной адаптации населения в эпоху глобализации	145
Л. М. Шляхтина	
Музей и турист как актуальная проблема науки и практики	148
Т. К. Щеглова	
Устная история и музеология: пути и формы сотрудничества	155
Сведения об авторах.....	159

ANNUAL SYMPOSIUM OF ICOFOM SIB 2010

Preliminary Program

Shanghai, Nov 6, 2010 (8.30–17 p. m./ 17.30–19.00 p. m.)

“Museums and Ethnocultural Tourism”

(“Museums and Ethnocultural Tourism in South-East Asian and Pacific Countries”)

The 22nd International General Conference of ICOM is going on the Main Topic: “Museum for Social Harmony”. ICOFOM SIB, the sub-Committee of the International Committee for Museology (ICOFOM), is related to the Russian Federation/Siberia, South-East-Asian countries and the Pacific. It will start with a specific program on Nov. 6, 2010 in Shanghai.

In all of these areas the Ethnocultural Heritage plays an important role. Therefore an international academic program is going to be organized by the Chair-persons of ICOFOM-SIB in co-operation with the ICOFOM Board, a representative of Chinese Association of Museums (CAM), ICOM Mongolia and a member of the Group for World Heritage Education in Germany.

International organizers:

Prof. Dr. Olga Truevtseva, President of ICOFOM SIB and Secretary of ICOFOM (Russian Federation) Prof. Dr. Hildegard K. Viereg, Vice-President of ICOFOM SIB, Board member of ICOFOM and member of the German Research Group for World Heritage Education (Germany)

Prof. Dr. Guo-ning Chen, member of ICOFOM, Standing Board Member of Chinese Association of Museums (CAM), Vice-President of ICOFOM SIB (Taiwan)

Shelegina Olga, Secretary of ICOFOMSIB (Russian Federation)

Patrusheva Galina, Secretary of ICOFOMSIB (Russian Federation)

Preliminary Program

November 6, 2010

8.30 a. m. Opening Session Welcome by representatives of ICOFOM, ICOFOM SIB, Chinese Association of Museums, Chair of ICOM Mongolia.

9.00 a. m. Introduction into the topic (Hildegard Viereg/Germany).

Report about ICOFOM SIB (2005–2010) (Olga Truevtseva/Russian Federation).

Information about the project “Museology School 2011” (Kemerovo/Russia) (Hildegard K. Viereg).

Information about Students' Museology Summer School in Altay Region 2011 (Barnaul and Altay Republic) (Olga Truevtseva).

10.00 a. m.

Lectures:

Ethnocultural World Heritage, Museology and Tourism (Hildegard Viereggs/ Germany);

Ethnocultural Heritage, Museology and Tourism in Siberia (Olga Truevtseva/Russia);

Ethnocultural Heritage, Museology and History in Taiwan (Guo-ning Chen/Taiwan);

Ethnocultural Heritage, Museology and Education in Mongolia (Damdinsuren Tseedma/Mongolia);

Museums, Museology and Oral History (Tatjana Shcheglova /Russia).

11.30–11.45 a. m. Coffee-break.

11.45 a. m. – 12.15 p. m. Presentation of recent Museological Editions of ICOFOM SIB, ICOM Mongolia, CAM Taiwan (symposium materials).

12.15–13.15 p. m. Workshops to the sub-topics.

13.15–13.45 p. m. Summaries of the workshops and discussion.

13.45–15.00 p. m. Lunch.

15.00–16.00 p. m. Case Studies on Ethnocultural Heritage and Museology.

16.00–16.45 p. m. ICOFOM SIB and its co-operation with Museums and Universities in South-East Asian and Pacific countries as well as in Europe — experiences and further planning (Olga Truevtseva, Guo-ning Chen).

17.00 p. m. Closing session

17.30–19.00 p. m. Business Meeting of ICOFOM SIB-Board

CALL FOR PAPERS

Rules for presentation

The papers should be produced according to the following specifications:

1. Written on computer, software compatible to MS Office 95, 97 or 2000 (Word 6.0, 7.0 or 8.0) in English.
2. Papers should not exceed 8 pages, plus bibliography and an abstract (of 1 page at the most).
3. Pages must be size A4, printed only in one side of the paper, without numbers of pages; text must be written in font Arial size 11, single space and margins as follows: 0.98' (superior), 0.98' (inferior), 1.18' on both sides.
4. Text should be justified and saved as ".doc" file. If not possible, please, use ".rft." or ".txt" files.
5. Headline: Title in capital letters, lined up to the left, in font Arial 14, black. Below, in small letters, name of the author, institution and country, in font Arial size 12.

HUMANISTIC AND SOCIAL MEANING OF A MUSEUM

For a museum a person is more important, than a thing. For modern society of mass-consuming, a thing is more important, than a person. Nowadays museum stands for a kind of ancestors' cult, which, banished from modern society and protestant confessions, is regenerating in museums. Some graveyards turned into museums, some graves are kept on museums' territory. Death-masks, letters, photos, things of people that are gone still keep the memory of them.

The humanistic meaning of a museum reveals itself in the fact, that in our century, which values only useful, museums keep useless things. These old, useless things are the monuments for long-gone generations. Thus, they uphold the feeling of relativity, without which a person is losing morality.

For any humanistic theory (in our case it's the theory of museum's meaning) a thing of great importance is the respect for another person. Respect for a person gives birth to respect for people, because people consist of you and me, parents, neighbors, ancestors, now living people and descendants.

In museum expositions we keep things that create an image of our ancestors in their link with modern people's destinies. Does death have meaning? Human culture brings meaning to something that means nothing without human existence. But, being humans, we ask: why do I live? Why do I die? Who will hear things I spoke? O there is no meaning? Can we live without solving this?

Different people think differently. Everyone is included in processes which connect us to other elements of world system, maybe that's why we not always try to find meanings. But, as people, we can't but search for a meaning and museums help us with that, by upholding link between generations.

Our life is complicated; every generation is depended on many laws, which are often in conflict with each other. This complication of life is what morality studies. Art is also connected to morality and it has many sides, so museums conserve this morality with many sides.

The pieces of art, which are kept in museums, reflect life, even if their creators lived long, long ago. Works of art continue to make us better. Art possess one important function: when life takes away our possibilities, close ways, art gives possibilities, open new ways, that's why art adds to our life. Art also gives us special knowledge, different from scientific knowledge. The knowledge of science deals with artificial models of life, but art gives contradictory knowledge, which is more adequate to real life. And that is another humanistic aspect of art museums.

Culture is always connected to past experience, always means the unity of moral, intellectual and mental life of a person, society and humanity. That's why, when we talk about modern culture, we must talk about all the way it went, and museums save and keep its artifacts. That way is enormous; it includes many thousands of years and overcomes the borders of historical eras and the borders of national cultures. In other words, we are all included in one common culture, the culture of humanity. But there are also more narrow, more personal spheres. There is personal memory, family memory, city memory, memory of a nation — these are different "floors", levels of culture. One of such spheres is the sphere of the way of life. Cultural artifacts of the way of life probably make the majority of museum expositions.

The artifacts, which are gathered in museums, help us to understand the spirit of time. Without it, we can't understand these time's books, people's actions, even history itself.

The things, which are kept in museums, help us to decipher the worlds of different social structures and organizations. Keeping this thesis in mind, let us turn our attention to post cards. At first picture post card existed as an open (without envelope) message. Later a type of post card in an envelope appeared. Russian word "otkritka" instead of English "post card" shows not function, but humanistic meaning — a gift to another person. Also, the suffix "k" creates the diminutive, with the nuance of trust. It is interesting, that first post cards in Russia were four cards, published by the publishing house of The Community of Red Cross of St Eugene by the paintings of N. N. Karazin to the Easter of 1897. As in other countries in Russia post cards connected to basic life interests of people were published. There were cards of socio-patriotic and art thematics. There were also post cards of religious character, dedicated, usually, to Christmas.

In Soviet Union in 20–40th holiday post cards were not widespread for interpersonal communication. Only during post-war years mass-printing of post cards, dedicated to primal soviet holidays began. In 70th presenting a post card became popular for all holidays.

According to museum exposition, the latest changes in post card's life come with the advent of e-mail. If we follow principles of technological determinism, the development of post card's world is mostly connected to the improvement of polygraphy and design.

But there is another point of view, which shows the reason for holiday post card's communications' growth. Post cards speak not just with words, but also with colors and drawings, what corresponds to our age of visual effects. The tendency of visualization expresses itself in mass-passion for post cards. And we can say for sure, that post cards were influenced by all innovations, which happened in the communicatory sphere of culture: the principle of hypertextuality, for example. We consider that the manifestation of hypertextuality is connected to the development of electronic documents. As a result, today's post card doesn't often have easy determined front and back sides, as a rule, it is colorfully designed, text and pictures, connected to the holiday, are on all pages. It can also have variants of "passages" from one part to another, so called "windows". So post cards try to follow new fashion — fashion of interactivity, involving the reader in a game.

Changes in Russian post cards for the last twenty years can also be seen as an indicator for social changes, which happened in Russia. The idea of equality between different social groups, peculiar to soviet ideology, lost its actuality, and the ideas of equalization and standardization disappeared not only from social, but also from post card world. The age of praising of achievements and career has provoked the birth of giant post cards: half-meter in size, decorated with gold paint, they embody servility in writings like "to the favorite boss". The society of mass consumption changed the very existence of post cards.

Firstly, the use of post cards was connected with the written form of communication. The sending person wrote a text, which was added by a picture, proper to the event. Recent changes changed post card's role. Today you can buy a post card where the words of congratulation are already written. In a way, post card received the status of a souvenir. A post card was always a synthesis of industry and art, but in today's commercialized world it became more of a selling good. It's not surprising, that post cards have their own place in a supermarket.

No doubt, museums will soon get new unique post cards. There are also exclusive hand-made congratulation cards made by painters. They can't be found in stores, but only in art shops.

In order to find humanistic meanings, we compare writings and pictures of soviet and modern Russian congratulation post cards; by this we understand what appeared in life and what went away. These changes are reflected in post cards. One of special features of modern Russian congratulation cards is their strong personification. As to birthdays, soviet card contained very common phrases: "Congratulations!", "Happy Birthday!" Modern cards are more specific, they express vast variety of statuses and roles of a person. Card can be chosen, according to the sex and age of addressee; there are post cards with names: "To Oleg", "To Artiom", "To Galina", "To a good guy", etc. Feelings to relatives are shown with writings like: "To beloved mother-in-law", "To beloved daughter", "To the best husband in the world".

Museums keep the symbolism of mass-agitating art, which is disappearing from our life. For example, the image of planet Earth, placed on cards and posters dedicated to the 8th of March. Today world women's day has gender and romantic tint, but then, in Soviet Union there was socio-political pathos of all working women's union.

Talking about museums' work as keeping, categorizing and interpreting the artifacts, museologists, as a rule, keep to the principle of development, according to which we have constant movement from one event to another, from one state to another in history. That explains why some things replace other things. The new age, especially XXth century is considered the most dynamic time. That is why the post cards we examined also changed their meaning. Experience of twentieth century required in-depth study of changes, achievements and catastrophical losses, which happened in history. In order to be just, we must mention that one of the first opponents of evolutionism, though it may seem paradoxical, was Hegel, who rejected the idea of development as just development in time of more complicated and lower forms. It is possible to adhere to his opinion, that logical consistency do not match to time consistency. Hegel can afford the thought that history can repeat itself, which happens in leaps. Instead mechanical circular movement, he talks about spiral movement, which means that the repetition is illusionary. In real history things that seem to be repeated are in fact something new. In our case museum artifact is analyzed as something that came from old state and is moving to other, new states.

It is more difficult to study works of art, which fall into museums' hands. The problem is not only that every work of art keeps the imprints of past evolution and at the same time promises later development. Art researchers have an opinion, that a work of art has something that exists beyond time in it. That humanistic premise also determines the meaning and purpose of a museum.

The more destructive are the changes, the more active the archaics is reborn; the stronger the desire to change life and live differently, the more active model of returning to the past is reconstructed. The borders of XIX–XX and XX–XXI confirm this logic. Paying attention to museum expositions on Russian culture of middle ages, we should keep in mind that this type of culture is very dualistic and excludes middle and neutral spheres. That is why this culture differs from other cultures, where neutral spheres not only existed, but had deciding role. The existence of such spheres helps to keep these cultures from destructive processes. But Russian culture is different, because in it all new processes were understood not as continuation and development, but as complete rejection of tradition, and this helps to periodically invoke apocalyptic ideas in history.

Such understanding of Russian culture's functioning's logic is connected to an idea that it's changes and development happen according to the formula of radical rupture, repulsion from previous stage and its complete revaluation. Condemned past shouldn't have continuation, it is fully rejected and thus destined to be destroyed. Such attitude toward development as a total revaluation of values illustrates the idea of the end, which is often associates to Russian culture. According to some points of view, there are cultures, which are end-orientated or beginning-orientated (Chinese). It is very tempting to consider Russian culture as end-orientated, as it is shown in works of leading Russian philosophers V. S. Soloviov and V. V. Rosanov. These thinkers derived Russian culture not so much from binary principle, peculiar to its functioning, as from mental nature of Russian messianic type of personality, which differs from promethean, western type of personality.

When promethean human tries to see the world differently as it is, trying to bring more order in it, Russian human is a maximalist; he don't want to cope with reality, trying to change it in its basics. And if eastern and western cultures are so called middle cultures, which possess the spirit of step by step reforms, Russian culture is a culture of the end. That is from Russian people's orientations for crisis, catastrophes and, accordingly quick changes, come from. Many nations try to

avoid revolutions, but Russians strive for them. Mental organization of Russians, as N. A. Berdiaev wrote many times, is determined not with temperance, but with yearning for the extremes, for the end. That exposed itself in destructive rituals of Russian revolution, which devastated a great part of cultural heritage. But, at the same time, this conclusion shouldn't be attached to all Russian culture, after all, there were people, who kept the culture. It's not surprising that there are very different points of view on the same things in Russian culture.

The logic of Russian culture, viewed here has an archaic model — a cosmological myth, which narrates about systematical “death” of cosmos, coming of chaos and then the birth of new cosmos.

Though this logic brings to permanent ruptures, there is no destruction of the culture, because the rejection of the last period of history is followed by returning the rights to the forms, which existed in more distant historical periods. That's why a new period of history is not actually new. It is new in chronological and verbal plans only. In a deep sense we have a repetition of somewhat that actually happened before. The coming of such new period is reflected in artifacts, the museums keep. And that is where we find the humanistic meaning of a museum and its social importance.

V. V. Barmin

MUSEUMS AS CENTERS OF CULTURAL HERITAGE OF RUSSIAN GERMANS IN SIBERIA AND TOURISM

The history of Russian Germans who were deported from the Volga region in the middle of the twentieth century, is closely linked with the history of Altai region. However, the Germans had lived here before, not only creating centers of their own national culture, but also contributing to the development of Siberian region.

In recent decades, the state is taking the obvious and effective steps to preserve the culture of Russian Germans, both in terms of passing legislation and creating the legal framework, and in terms of promoting the very technical process of collection and preservation of tangible and intangible cultural values and their popularization.

The question of preservation of culture of Russian Germans is one of the factors in the preservation of Russian culture, which was formed and developed under the influence of historical and social processes in close co-cultures of neighboring small nations. In terms of cultural assimilation the urgent problem is the study of the heritage of Russian Germans, but not less burning is the closely related question of the forms and methods of its preservation.

The main and most effective socio-cultural institutions, agencies involved in collecting, storing and exhibition of works of art, models of equipment, scientific collections, items of historical interest are the museums. “A museum is an expression of memory common to all people as the cathedral of all living, memory, and inseparable from the mind, will and action ...”. They are both educational and research institutions for professionals who deal with the culture of Russian Germans. The main task of any museum is to preserve the cultural heritage of mankind as a whole and individual nations in particular. This can not be of interest to institutions involved in the organization and development of tourist routes, which are connected with the popularization of history and culture of small nations living in Russia.

The attention should be paid to the work in the preservation of cultural heritage, which is carried out by the state and civil society organizations. As a rule, they as representatives of people's culture initiate the organization of tourist traffic. The tourism development in any region involves the development and organization of certain structures. Museums, designed not only to store historical and cultural materials, but also introduce them to visitors, are the first in the list of tourist destinations and become part of such structures.

Nevertheless, it must be said that the museums in western Siberia, where there are exhibits of Russian Germans culture, are relatively few in number. Most of them are concentrated in Omsk and Altai region. The publications about the museums of Russian Germans are rare, and this is more than a dozen museums, which today are the centers of cultural, educational and cultural-educational work, patriotic and aesthetic education of the population, mainly young people. Almost all of the museums or museum corners introduce the history of Germans stayed in the territory of Western Siberia, but not always they become a part of the tourist complex.

The reasons for this are rooted in historical circumstances, which for a long time, not only did not help, but, moreover, made any system work in the given direction impossible. The situation around Russian Germans in the second half of the 30-ies of XX century put them on outside the law for many years. It led to the fact that this nation, as well as a number of other, had fallen out of sight of Soviet ethnography, as an atypical, “not falling within the structures of the republic and local autonomies”. The researcher L. V. Malinowski, considering the situation, said that it was aggravated by the lack of multi-national staff ethnographers, who were exterminated in the 30 years or abandoned this research. As a result, notes the author of the article, “nobody works with the cultural heritage of Russian Germans systemically, ... except of local and regional (farm and school) museums ...”. They are scattered in many small stores and get into the hands of specialists, “who can not appreciate their significance and originality ...”. The article, which excerpts we give here, was written in 1994 and, of course, for the past fifteen years the situation has changed for the better in some parts. However, it should be noted that the concern of L. V. Malinowski is justified today too.

Museums in West Siberia, whose exhibition is devoted to the history and culture of Russian Germans, can be roughly geographically determined as follows:

- German National Museums of Azov district in Omsk region;
- German national museums in Altai region;
- private collections, some exposure to public museums;
- museum corners in schools and houses of culture.

The museums of German national district (the district center in Galbshtadt) in Altai region have got a significant material, indicating the existence of material and spiritual culture of Russian Germans.

At present the museum district is just beginning to form and to pass documentation process, however, the rooms were reconstructed and furnished.

Unfortunately, we must note that the rural collective farms and museums of the German national region have not yet become a subject of special study and research and, of course, they are seldom used as tourist objects.

The teachers and students of AltGPA are particularly interested in the history and culture of Russian Germans. Ethnographic expeditions organized by the ethnological center at Barnaul State Pedagogical University (now Altai State Pedagogical Academy AltGPA), allowed to collect a rich ethnographic material for an exhibition of the history and culture of Russian Germans in the Regional History Museum of the History Department of the Academy.

The third museum complex dedicated to the history and culture of Russian Germans, involves individual exhibitions in public museums and private collections, museum corners in schools and houses of culture. These expositions contain answers to the questions of audience: how the Germans appeared on the territory of Western Siberia, what kind of people they were, what was unique in their history and culture. Materials of this complex are weakly used for the purposes of tourism.

A great potential for this work has Altai State Regional Museum, in whose development took part Friedrich Vilgelmovich Gebler, one of the representatives of Russian Germans. He contributed to the creation of the spiritual culture of Germans in Russia, Altai region, in Western Siberia, his work for the world of science is greatly valued. Paying tribute to the doctor, scientist and founder of the museum, Altai State Museum holds scientific meetings. The purpose of the meetings is to study the specificity of the historical development of Altai region, to represent museum collections “- as noted in the introductory article of O.V. Padalkin, director of the Altai State Museum. The article by T. Fikker “Dr. August Gebler, a physician and researcher of Altai. Parental home and youth in Germany” contains memories of Gebler’s sister Frederica and the letters of the F.V. Gebler. His “Remarks on the Katun Mountains, and other materials. “ were published. The administration of the city of Barnaul, with the support of Frank Mike, the Consul General in Novosibirsk, opened a memorial in the historical district of Nagorno cemetery, where F.V. Gebler was buried. Scientific articles “The news of the Barnaul Museum (1829),” Remarks on the Katun Mountains that make up the highest mountain range in Altai” (1836) written by F.V. Gebler in the middle of the XIX century were published too. The collection of the Altai State Museum, that reflects the life and work of Frederick Vilgelmovich Gebler, includes 47 books. In 1976 Nina Innokentievna Gebler, the great-great-granddaughter of the researcher of Altai, donated to the museum the portrait of Gebler made by the painter Myagkov. In recent years the collection was replenished with photographs of the descendants of F.V. Gebler, donated by I.A. Semyonova (Moscow). One street in the regional center and the place in the town of Zeulenrod were named after the great scientist.

These are not all the activities of the Altai State Museum. The exhibition halls of the museum quite often present the collections, which include the exposures, revealing the features of resettlement, life and religion of Russian Germans. I.V. Popova tells in her article under the title “The twentieth century, the outgoing century” about the eponymous exhibition organized by the Regional Museum in late 1999. It consisted of three sections: the Origins, the Past, the Eternal. It included more than 700 exhibits from the museum collection: the objects of peasant handicrafts, books, icons, a collection of awards, photographs, postcards, toys, household appliances and others. The peculiar portrait of the past century was a photo collage “The Century in Personalities”, which included the most typical faces of various social groups. Among them were the peasant settlers, who began mastering the Altai in the early centuries, the Barnaul merchant Vorsin and the educator and social activist V.K. Shtilke.

The funds of the State Art Museum in Barnaul contain the materials about the heritage of Russian Germans: A.R. Eberling, E.V. Goldinger, A. Friesen, etc. “The new millennium was marked by the desire for a single museum space, for spiritual development”, wrote I.K. Galkina. “One of the good results is the including of our collection in international projects. First of all a fundamental album “Masterpieces of Russian Art. Golden Map of Russia “ was published, where our collection is represented among some of the best museum collections”. The presentation of the album took place in Russia at the Tretyakov Gallery and in Germany (Frankfurt Book Fair).

The Novosibirsk Art Gallery does some work on the collection, preservation and promotion of artistic heritage of Germans too. In 2003 the exhibition “The Third Novosibirsk International Biennale of Graphics” took place there. 33 countries participated in the Biennale. The works of A.P. Friesen were presented at the exhibition, he demonstrated “the main trends of modern graphics, creative development of the archetypal systems”

Museums as tourist centers are able to define and implement the most productive areas of work. Moreover, the expansion of the expositions of museums, that have the appropriate funds and materials and activate the research work, can draw public attention to the problems of Russian Germans. This is more important because in most cases the museums of Russian Germans were established by the bearers of culture, but the museums as centers for preserving the cultural heritage of Russian Germans in the Western Siberia region can not fully perform their functions now. There is a need to use better the museums of history of Russian Germans in Western Siberia and to include them to the tourist structures in the region.

FORMATION OF ETHNOCULTURAL SPACE IN MODERN SOCIETY

Increased attention of pedagogical society leading groups in modern Russia towards the issues of ethnocultural education was conditioned by the transformations of social standards. This attention did not appear from scratch: the ideologic crisis and sociocultural situation in the beginning of 1990-s facilitated the increase in attention towards the cultural heritage, traditional popular cultures, national languages, national self-consciousness and interethnic relations.

Education reforms allowed launching the procedure of innovation processes implementation, one of the achievements of which is the introduction of traditional popular culture curricula in some comprehensive schools. These changes not only testified the new fashion for folklore but also the understanding of traditional cultures value in social mind.

During the course of study of humanitarian, aesthetic and artistic school subjects there appeared a necessity for natural immersion of a child into the complicated world of ethno-culture, formation of the spiritual and moral, the artistic and aesthetic, and creative potential of the new generation Russian citizens. In these circumstances the necessity appeared in reference to the traditional popular culture, which is a unique phenomenon that, being syncretic in its essence, absorbed the most viable samples of spiritual and material ethnic legacy, concentrated moral social, psychological, pedagogical, artistic, aesthetic and universal ideals, norms and values.

The recent decade has seen wide introduction of traditional popular culture in education. "The National Policy Concept of the Russian Federation" (RF Presidential Edict No. 909 as of June 15, 1996) defines the primary objectives of the state national policy in spiritual aspect. The Concept underlines the importance of formation and distribution of spiritual unity and interethnic concordance ideas, knowledge of history and culture of the nations inhabiting Russia, preservation of their historical legacy, development of national identity, provision of optimal conditions for preservation and development of their languages, consolidation and improvement of comprehensive schools as a tool for development of culture and language of every nation along with nurturing of respect towards culture and languages of other nations and cultural valuables of the world, accounting of interconnection between national customs, traditions and rituals and religion.

However, modern scientists and practitioners underestimate the role of ethnocultural education in the upbringing of children and adolescents.

Ambiguous policy of recent-years reformists in the field of education is conducted with the purpose of quality improvement of educational services and increase of educational processes effectiveness, while the spiritual and moral development and education is commonly left in the background. One of the most unfavorable and negative factors existing is the regular underfunding of educational programs and projects, activity of children supplementary education institutions that, according to Federal Law No. 131, are now financed by the municipal budget and are forced to "survive" instead of attracting more children and adolescents in their programs. The interests and needs formed in the society by mass media and the Internet are only too well known. The bright glossy magazines and newspapers, promotion of pop-culture, beautiful and attractive life of showbiz develop negative, consumer treatment of the world of culture and art. It's an open secret that today's mark is hit by variety creative associations, fitness-clubs, ballroom dance schools, model schools, etc. The society immerses into the "culture of real virtuality" formed by electronic tools of mass media that mixed up all forms of cultural legacy, our past and future, in one integrated digital space. Not every parent is able to comprehend (thanks to his/her good manners and world outlook) and realize the importance of spiritual and moral development and education of their child, while studies and good marks mean more in comprehensive school.

The dominance of material needs of the society over spiritual needs is unquestionable against the background of spiritual wealth elimination. The situation is aggravated by the absence of interest of executive and high-level employees at educational institutions in creation of optimal conditions for ethnocultural environment development in the surrounding society; by the shortage of knowledge and special skills in humanities school teachers and pre-school educational institutions employees during the study of folklore and ethnographic topics; by incompetence of supplementary education teachers — special course teachers, managers of creative associations dealing with educational activity; by absence of educational processes equipment and its incompatibility with up-to-date requirements.

The existing situation is conditioned by a group of objective factors. **Collection**, examination, preservation and promotion of spiritual; and material legacy is often organized and conducted by efforts of individual enthusiasts. Speaking about the objects of material legacy as a means that would help recreating ethnocultural space of specific local tradition, design and organize reproduction of handicrafts and applied technologies, we point out that relatively rich illustrative and background material has been collected, sufficient number of monographs has been published.

In Altai Krai this work is being successfully conducted by scientists from institutions of higher education and employees of state and municipal museums.

In Altai State Pedagogical Academy (ASPА) the collection of ethnographic and material historical matters is held starting from the middle of 1970-s by **A.D. Sergeyev**, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor. Starting from 1990-s intensive ethnographic examination of Altai Krai has been conducted by **T.K. Shcheglova**, Candidate of Historical Sciences, Professor. Peasant settlement complexes, dwelling and utility structures, clothing, domestic and industrial life, beliefs and folk art are regularly studied. The focus is on the Slavic and, most importantly, Russian culture. At present, the stock of historical and local history museum of ASPА contains more than 35 thousand units of storage.

The State Museum of Art of Altai Krai has a successfully functioning section of “The Russian traditional culture”. The enthusiasts, craftsmen that revive traditional folk handicrafts are: V. V. Gychev, G. F. Minglyova, L. V. Zhivova, teachers O. S. Shcherbakova, M. N. Sigaryova, Y. N. Eiholts and others.

The collection of materials pertaining to the ethnocultural legacy of Altai people is held mostly during expeditions. Organization and conduct of expeditions and studies in the field of non-material legacy and spiritual culture is not possible without utilization of special technologies (video camera, audio equipment). The purchase of expensive equipment is still a serious issue for research and creative groups. As a result, the expeditions decrease in number and, sometimes, it's just impossible to carry them out. One condition impeding the mastering of ethnocultural space of the region is the unavailability of studies' results that were conducted by the expeditions of professional groups, Centers of Popular Arts and Leisure Activity, educational institutions, museums and other organizations during the Soviet period.

This, of course, has certain objective reasons — this type of data is exclusive and, in case the researcher or organization does not want to distribute the results of their labor, the materials of scientific expeditions will be left unclaimed. Still, preservation and reproduction of people's spiritual legacy, introduction of children and adolescents to this activity “die on the vine”. Each music teacher should employ authentic sounding of vocal and instrumental performance in his/her teaching practice, and even reproduce the singing style of local tradition based on originals.

The discrepancies revealed by us in the recent educational and cultural policy of Russia caused by social and cultural reality allow of formulating the following problem: inconsistency and interdepartmental dissociation of education, science and culture representatives that deal with the issues of preservation and reproduction of material and spiritual legacy, cause misunderstanding and underestimation of importance of this area of culturological education conducted by local authorities and the state.

We see the solution to this problem in creation of educational institutions that will be able to create conditions for the formation of ethnocultural space in the society, will provide interaction between practicing teachers, scientists, culture and art representatives, will become a link in uniting efforts of educational institutions, culture, social institutions in the problems of ethnocultural education of rising generation.

In this respect the experience of the Local Educational Institution of Supplementary Education for Children “Children's Art School Traditsiya (Tradition)” of Vlasikha settlement, Industrial district, the city of Barnaul represents peculiar interest. This institution functions within the system of supplementary education for children and implements additional ethnocultural oriented curricula. The content of educational process, its goals and objectives are submitted to the basic idea of ethnocultural education, which is the creation of conditions to ethnocultural environment. The teaching staff of the school implements applied goals and objectives on the basis of formation of integrated ethnocultural education environment. The administration and the teaching staff of the school have chosen the educational policy that is based on flexible and adaptive action system based on the principles of ethno-pedagogy, cultural congruity and health preservation. The fundamentals of the educational practice of the institution lies in the integrity of sociocultural, educational (academic, educative, scientific and research) and organizational and methodical fields of educational work, which presupposes the development of unified educational platform — substantial culturological basis for cooperative activity of all participants of teaching process.

The organization of the Local Educational Institution of Supplementary Education for Children “Children's Art School Traditsiya (Tradition)” activity is carried out by the implementation of supplementary curricula with the exploitation of methods of ethno-pedagogy and health preservation technologies.

The structure of the school includes several laboratories, each of them carries out its own function within the ethnocultural environment of the school: laboratory of ethno-pedagogy; laboratory of folklore traditions “reconstruction”; laboratory of theory and history of music; laboratory of material culture restoration.

The laboratory of ethno-pedagogy implements the following subjects: ethnology, basics of orthodox culture, folk culture, history of folk trades and crafts. Within the scope of the laboratory there functions a historic and patriotic association «Russian fisticuffs workshop», and educational curricula are being implemented connected to speech development in children of early and late pre-school age “Here, in our chamber”, logical thinking development in children of late pre-school age “Pochemuchka” (why-child).

The laboratory of folklore traditions (musical, instrumental, dancing, etc.) “reconstruction” specializes in teaching of the following practical study courses: ensemble singing, folklore dancing, programs on the basics of ensemble singing for children of early and late pre-school age “Ladushki” (pat-a-cake). In connection with the specificity of musical abilities development in children by means of musical folklore, a group of courses is conducted on the individual basis. For example, we have integrated vocals and “deciphering” course called “Mastering of local singing traditions” and a curriculum called “Instruments of the Russian folk tradition”. Within the scope of this course various partial programs are being implemented concerning mastering of various types of instruments of oral folk tradition, starting from the primitive noise, percussive, wind, string instruments, and chromatic harmonica.

The achievement of optimal education level in creative folk groups and high effectiveness are facilitated by the activity of the **laboratory of theory and history of music**. The curricula include study of music literacy, solfeggio, music theory, individual course “general piano”.

The children and adolescents study various types of decorative and applied arts, as well as traditional folk handicrafts, is carried out in the **laboratory of material culture restoration**. The range of activities in this area is extremely broad: starting from the study and production of folk toys (rag, wooden, clay), mastering of traditional peasant painting (Ural-

Siberian, Mezenskaya, Permogorskaya, Rakulskaya and others), traditional weaving and belt braiding to the production of traditional folk garments and accessories.

Necessary skills are imparted to students within the scope of implementation of partial curricula of the following teaching courses: little craftsmen, workshops of decorative and applied arts, basics of design and by means of individual classes connected to mastery of various crafts basics.

With the purpose of achievement of high activity results in the field of sociocultural direction in the Local Educational Institution of Supplementary Education for Children "Children's Art School Traditsiya (Tradition)" there functions a structural unit called the **laboratory of sociocultural activity**. The teaching staff of the laboratory considers necessary the extension of educational space in the field of the institution's sociocultural activity.

An important role in achieving the results is played by the involvement of parents into the school activity. They act as facilitators in the implementation of events, render financial assistance in organization of folk and ethnographic expeditions, production of costumes for performances.

Skills of research activity are acquired by the students in the folk and ethnographic expeditions. The development of this aspect of the school activity and the organization of expeditions is the responsibility of the laboratory ethnography and local history, geography and culture. The organization of research activity is the priority direction of the staff's activity, because it allows of filling the content of academic subjects in the institution with deciphered folklore, ethnography and local history materials. Use of visual means also plays very important role in the educational processes, that is why the Children Ethnographic Museum and Workshop called "Lad" (Harmony) is founded and functioning in the school.

The Children Ethnographic Museum and Workshop "Lad" (Harmony) of the Local Educational Institution of Supplementary Education for Children "Children's Art School Traditsiya (Tradition)" officially started its work as of September 14, 2003. In April, 2009 the school filed an application of changing the status of the museum to the Children Ethnographic Museum and Workshop "Lad" (Harmony) of the Local Educational Institution of Supplementary Education for Children "Children's Art School Traditsiya (Tradition)". The necessity of change in the name is caused by the fact that the main index of the quality of the content and organization of the educational process in the institution of children supplementary education is the creation and implementation of flexible, integrated system of programs capable of fast and effective reaction to changing needs of an individual and society. The arrangement of activity on expansion and transformation of the exhibition space of the existing museum, its development and establishment as an educational structure within the scope of which expedition and research practice, dedicated scientific and archival work, exhibition, marketing and excursion activity are carried out, became the basis of the teaching staff work in this respect.

The syncretic essence of folklore and the necessity of unobtrusive, systematic, and deliberate familiarization with the world of material culture of the native people have conditioned the need for organization of classes in decorative and applied arts and handicrafts.

The museum stock consists of 1345 exhibits. The book of visitors' record for the years 2004–2009 counts 12486 persons.

The principle of interactivity that presupposes acquisition of personal experience in the historical and cultural reality through the world of things lies in the basis of the museum educational activity. The visitors are treated not as subjects that need to be taught and educated but more as equivalent participants of communicative processes, a dialogue accomplished within the museum environment.

The distinguishing characteristics of our museum and workshop are the opportunities given to our students to master complex, diverse and multilevel curricula within its exhibition space. The following curricula of decorative and applied arts are being simultaneously mastered: "Traditional peasant paintings", "Igrushka-Tararushka" (Amusing Toy), "Pottery", "Traditional folk costume of old residents and settlers in Siberia", "Traditions of waiving and braiding", "Aesthetics of traditional way of life of Russian peasantry", "Lacing on bobbins", as well as individual topics and sections of the courses "Ethnology", "Folk culture", "Ensemble singing" and others.

The primary data source for existence and development of the museum communication in the Children Ethnographic Museum and Workshop "Lad" (Harmony) of the Local Educational Institution of Supplementary Education for Children "Children's Art School Traditsiya (Tradition)" is the deliberate and systematic expedition and research practice of students and teaching staff of the school, work with folklore and ethnographic material (deciphering, processing, description, etc.), authentic samples of vocal and instrumental performance, research works, historical and archive materials, recreated objects of material legacy and reconstructed traditions (customs, rituals and feasts).

Main areas of the searching work are dedicated to the study of culture and way of life of Russian people of Altai Krai and the south of Western Siberia (old residents and settlers), ethnographic local history of settlements, city, and krai.

With the purpose of summing up the search and research activity there is an annual scientific and practical conference held in the school, which is called "Arrangement of conditions for formation and development of ethnocultural environment in an educational institution". The students of the school present the results of their research activity at the children's section of the conference. In addition, the students of the school actively participate in scientific and practical conferences on regional, town, krai and All-Russian levels. The work of our students is a prize-winner in the krai program for gifted and talented children called "A Step in the Future", the Children Ethnographic Museum and Workshop called "Lad" (Harmony) of the Local Educational Institution of Supplementary Education for Children "Children's Art School Traditsiya (Tradition)" is a ground for workshops and museological schools, including international schools.

ON DISMANTLING OF ICONOSTASIS COMPLEXES

Time proves stability of different phenomena. A good example of this is traditions. Dismantling of both single pieces of virtu and whole ensembles — iconostases — can to a certain degree be called traditional. Above all, such phenomena directly depended on the reasons liable to change in the course of time, but the result always remained the same. Current science pays more attention to the study and role of small towns and villages as treasurers of sacred objects of the past centuries. The provinces, indeed, turn out to be the collector of regional and even national objects and monuments. Different paths brought books, icons, church utensils and other sacred things there. They were passed on as gifts or blessed objects, were brought to new cathedras by bishops after moving to other places, were ordered by benefactors, etc. Besides, the provinces grasped any opportunity to apprehend and take everything from the center. The capital cities in their turn gave and sold objects that had lost their beauty and purpose, as not important and useless. Such a process in the visual arts history of Russia can be traced both in the secular and church influence areas.

Aside from single icons, high-quality iconostases sometimes were brought to provincial churches. During the XVIII–XIX centuries, provincial churches bought iconostases that had lost their grandeur and did not correspond to the contemporary rulers' tastes, for small sums of money. Thus, an iconostasis of the Dormition Cathedral in Vladimir painted by Andrei Rublev was passed for a small sum of money to the village of Vasilievskoye of Shuisky Uyezd on the order of Catherine II in 1775. By this time it had been twice repainted: in the 17 century and in 1703. The icons of the XVth century were replaced by a new iconostasis executed in luxurious baroque. A similar process takes place in the XIXth century in Siberia.

In 1807–1811 in the Tobolsk village of Begishevo with the blessing of His Eminence Amvrosy, Tobolsk and Siberia Archbishop, a stone church is built to replace the burned one. The churchwarden Pavel Dolgushin initially asks the church hierarchy authorities for permission to purchase a spare iconostasis for Tobolsk Church of Nativity. But this request goes declined as the parameters of the iconostasis do not correspond to Begishevo church interior and the agreed sum fails to be duly paid. Subject to agreement, the above mentioned iconostasis is transferred to Beryozovo Resurrection Church [1]. After awhile, Pavel Dolgushin again delivers a request to His Eminence Amvrosy. Pavel asks to purchase an iconostasis that is out of use in Tobolsk Church of Epiphany. The request was followed by a resolution enabling a free transfer of sacred icons to the Church of Exaltation of the Holy Cross, as this iconostasis was in the same manner transferred free of charge to Tobolsk Church of Epiphany from Abalak. Besides, prior to that the Archbishop had blessed the ecclesiarch of Tobolsk Holy Wisdom Cathedral and sacristy, priest Vasily Kuznetsov to “adorn” the newly built church in the village of Begishevo “with sacred icons”.

Judging by the time, Abalak iconostasis was executed in the second half of the 18 century. The iconostasis of the Dormition Cathedral of Holy Wisdom installed with the blessing of Tobolsk and Siberia metropolitan bishop Filofey (Leshchinsky) served as the carving model. So in 1756 icon-painter Kosma Tcherepanov, who executed the icons of Tobolsk Church of the Presentation of the Mother of God, watched over the drawing taken from the iconostasis of Holy Wisdom Cathedral [3, p. 7]. A few years later in 1768 Tobolsk coachman John Tcherepanov was hired by the former churchwarden coachman Kosma Tcherepanov of Tobolsk Archangelic Church “...to make a carved iconostasis...according to Tcherepanov's drawing...” [3]. Thus, it could not be ruled out that the iconostasis brought to Begishevo church contained distinct baroque forms.

A similar process takes place in the south of Western Siberia.

Of greater interest is the story of the iconostasis of Petropavlovsk side altar from Biysk Dormition Church which we know about from archive data. As a legend on the reverse side of one of the icons of the mentioned iconostasis says, “this iconostasis belonged to Lutsk regiment and was painted in Moscow in 1721” [5, p. 50]. It is donated to Biysk by one of the high-ranking military leaders. Consequently, it is assumed that this iconostasis is a field one. The inventory of the mentioned cathedral of 1829 contains the following: “By the window near the lattice there are Sanctuary doors painted green, earlier located at the side altar of Peter and Paul...”. The mentioned side altar was consecrated in 1789 [5, p. 47]. Thus, the iconostasis of Moscow painters reaches Altai. However, the travel of iconostasis doesn't end here. In 1885, Archpriest Stepan Landyshev, Head of Altai Orthodox Mission, made a request to transfer two old iconostases from Biysk Dormition Church to him, that “were in the town of Biysk along with field Regimental churches, and later on were put in Nikolayevsk and Petropavlovsk side altars” [5, p. 47]. The petition of priest Landyshev was satisfied by Barnaul Orthodox Board for the following reason. “As, in witness of Biysk Dormition Church anagnosts, the two iconostases lay idle in their sacristy and are not needed in the church, they should be transferred to Altai Mission at the disposal of Missionary Archpriest Landyshev and excluded from the inventory of Biysk Dormition Church as of September 12, 1855” [6, p. 128]. It is possible that the iconostases appeared to be unclaimed after repair works were held in the side altars of Biysk Church [5, p. 50].

Within the set period there were five camps with field churches in Altai Orthodox Mission: in Ulalinsky camp, with the throne of the Most Merciful Savior, in Mayutinsky camp — in the name of Odigitriya, Mother of God, in Chemalsky camp — in the name of St. John the Precursor, in Chernouyusky camp — in the name of Life-Giving Trinity and in Makaryevsky camp with the temple in the name of Venerable Macaria the Great. The field churches were located in detached

houses and were read for ministering [2]. It can be supposed that the iconostases from Biysk Church were located in the aforementioned camps, excluding Ulalinsky camp, because the church of the latter received its iconostasis earlier, in the time of the founder of the mission — Macaria (Glukharev).

As a result, the iconostasis by Moscow painters of the XVIIIth century appears in Russian backwoods fifty years after its creation, as a role model. More than one hundred years after, it is possible to trace the process of iconostases transfer, but in reverse direction. Thus, Tobolsk Intercession Cathedral, newly opened in 1943, accepts the iconostasis that belonged to Spasskaya church situated in the homonymous village.

The occasions of iconostases transfer from capital to provinces were not rare. According to the archive data and the results of various scientific researches, the trend was revealed of iconostases and sacred icons transfer, conditioned by various reasons over a period of several centuries. This process is simultaneously unique and characteristic throughout several centuries of Russian culture. Being conditioned by practical significance, it facilitates the interpenetration of culture to central and peripheral towns, as well as preservation of monuments of art.

List of references

1. State Institution of Tyumen Oblast “State Archive of the city of Tobolsk” Ф. 156 0.6 Д. 1533
2. State Institution of Tyumen Oblast “State Archive of the city of Tobolsk” Ф. 144 о 1 Д. 44a
3. State Institution of Tyumen Oblast “State Archive of the city of Tobolsk” Ф. 0.156 0.3 Д. 644
4. State Institution of Tyumen Oblast “State Archive of the city of Tobolsk” Ф. 156 0.1 Д. 247
5. Storage Center of Archive Materials of Altai Krai ФФ26 О1 Д1131
6. Storage Center of Archive Materials of Altai Krai Ф26 О1 Д1088

A. Kh. Khussainova

ETNOCULTURAL HERITAGE OF THE MUZEJNO-MEMORIAL COMPLEX OF VICTIMS OF POLITICAL REPRISALS END TOTALITARISM “ALGER”

Spiritual wealth of any nation is significantly predetermined by its ability to keep its historical memory, take care and develop national and cultural traditions and form growing generations on the example of fathers. Museums, which collect, keep, restore, classify and exhibit values of history and culture play a considerable role in solution of this task. Each element of a museum is a revived original of national heritage, heritage of a native land, its spiritual value with a huge cultural potential. However, for its implementation these values need to be kept not “as a thing in itself” but as things needed by a society, used as means to satisfy needs of contemporaries to understand spiritual world of various epochs and to perceive its history. Modern museum can not be just a treasure of rarities, it should organically fit with modern cultures, ensure succession of cultural and historical development, provide moral and esthetic upbringing of growing generation, engage people into the world of true spiritual values. Each museum can and should become a center of spiritual life of a region and an institute of social and cultural activities, which leans on values of history and culture concentrated inside. However, today a range of museums in the world experience insufficient protection from a state and society; many museums are characterized with one-sided focus on history, incomplete scientific methodology and museum expositions are used as a mean to engage various populations into social and cultural activities.

Museums being a treasure of human memory during all periods of their existence served as a source, filling spiritual force, keeping collective memory, enriching and developing intellect of a nation. During hard periods of a society a role of a museum increased many times and became complex grasping not only spiritual life but also significantly influencing on economy and social life of a society.

In early XXI a society experiences a hard period of its history. Change of formations, values and priorities in a society, change of mentality of a Kazakhstani human being placed a museum in a unique position. Museums are initially in its social essence are closely connected with changes in a society. And, first of all, it is connected with globalization, i.e. with formation of processes in all spheres of a society, including social and cultural spheres. Issues related to military history and, particularly, to history of development of arms and military technique within particular period of time were covered in one statehood. Today culture and education system are being developed, monuments, museums and archives opened. It finds its reflection in issues on study of history from other positions.

Main directions in globalization in social and cultural space can be the following:

Development of large scale culture, where, first of all, its positive parts need to be extended — availability of wide ranks of population to monuments of spiritual and historical culture;

Tendencies towards assurance of overall competence and increase of education culture;

Assurance of internal cultural communications in the planet scale.

Life of modern museum is enriched with plurality of forms of practical activities and a mass of theoretical developments, but history is calculated with centuries at present there are particular opportunities for further development. One

of the main themes for museum specialists to think is forecasting in creation of museum XXI: with what will museum institutes enter a new millennium, what are ways of their further development, what should be changed based on the existing experience in the meaning Museum?

History gave a special role to the Republic of Kazakhstan — unite worlds and civilizations, give new impulses for development and progress, contribute to cultural and social development of European and world communities with a high level of spirituality, tolerance and openness with respect to other civilizations and cultures. At all times culture saved our country, provided its integrity and stability and for this reason it deserves a state and a society take care of it with support and protection. The priority of the Republic of Kazakhstan is preservation of cultural and historic heritage.

Following this policy of the state monuments, museums, libraries and archives are annually opened in our country. Museums perform not only the role of preservation of heritage, memory, culture, but also perform information and intercultural functions. Expositions, exhibitions, scientific forums and conference enlighten people with new information. Intercultural exchange of a museum in a modern world constantly develops and perfects. Representatives from various countries annually hold exhibitions of art, science, enlightenment, history, ethnography. Kazakhstan arranges exhibitions in Europe, the USA, Japan, China, etc. Mutual enrichment with information is ongoing.

In the capital of the Republic of Kazakhstan — Astana museums have been opened: the Museum of the First President of the RoK — history of formation of the first president of the RoK, N.A. Nazarbayev, as a person, formation of the Independent Kazakhstan, the President Center of Culture — ancient history of Kazakhstan, ethnography and art are given, the Museum of Astana, the Museum of Fine Arts, the Museum named after S. Seifulin, the Museum of Gold, ALGER Museum-Memorial Complex located in Akmol village, monuments have been opened: Bogembai batyr, Kenesary Kassymov, S. Seifulin, A. S. Pushkin, Split star devoted to the memory of victims of political repressions and others.

N.A. Nazarbayev, the President of the Republic of Kazakhstan, actively supports the policy on preservation of cultural monuments, histories of nations, art. Special attention is drawn to tragic pages of our history and respect to memory of bygone generations is a law of nature not a tribute to political fashion.

On December 30, 1996 the Presidential Decree of the Republic of Kazakhstan "On Announcement of 1997 as a Year of Nation Wide Accord and Memory to Victims of Political Repressions" and the Decree dated April 5, 1997 "About Establishment of May 31 as a Day of Memory to Victims of Political Repressions" were issued.

May 31, 2007 is a significant date in the history of our state. The Museum-Memorial Complex devoted to Victims of Political Repressions was opened and timed to the 70th anniversary of memory of victims of political repressions. This ceremony was attended by N.A. Nazarbayev, the President of the Republic of Kazakhstan. This occasion is annually attended by ex-jailers of ALGER, their children and grandchildren as well.

One of the priorities of the RoK policy is preservation of peace, stability and heritage. Much attention is drawn to study of both good and bad history. Good history serves as a good book to build a happy future, bad history prevents its occurrence in future.

ALGER Museum-Memorial Complex (Akmola camp for wives of betrayers of Motherland) is located in 35 km in the south west of our capital. On the shore of picturesque Zhalanash lake over 20 000 women were prisoned. These were women, whose fault was that they were wives, sisters, daughters of their husbands, brothers and fathers.

For this reason the memorial is not only a tribute to respect of memory about those people who suffered from the totalitarian regime but also edification to descendants.

Undoubtedly, archives, libraries, museums including military persons played a significant role in the development of large scale culture. Globalism is a world process, which leads to elaboration of national borders, the reason of which is a formation of a world market. Museums are dedicated to preserve cultural values of their country, spirit of their nation.

Main tasks of our museums were and remain based on requirements of time.

1. "Survivalability" of museums under present conditions.
2. Acquisition of funds.
3. Preservation of museum collections.
4. Scientific activity, first of all, historical research with a task to research museum subjects and collections and acquisition of museum collections. Archive research has a special position among historical research.
5. Development of theoretical and methodological bases of an educational process in a museum and practical use of their results in exhibition and exposition forms and in other forms of museum activities is a subject of museum and pedagogical researches.

6. Constant development and perfection of intercultural exchange and receipt of International recognition.

Increase of a role of museum in arrangement of entertainment for people, in its turn, influences on exposition and cultural and educational activities. It is visually exhibited in the tendency to create more attractive expositions for visitors by recreation of interiors, placement of current models and various technical means — sound accompaniment, cinema-screens, monitors and computers and in the use of theatricalized forms of work with visitors, music concerts, holidays and balls.

So, new functions of a museum include a function on arrangement of free time and a communication function.

Communication (lat. communico — make common, connect, communicate) — is a transfer of information from mind to another mine. Dialogue, exchange of ideas, thoughts, data — are associated meaning of this definition.

In early XX the term “social communication” appeared and after the world war second philosophy concepts related to society development appeared. Social communication was considered as a source and a basis of public development.

Definition “museum communication” was introduced into science in 1968 by the Canadian museum specialist, Dunkan F. Cameron. Considering the museum as a communication system he supposed that its distinctive specific peculiarities are visual and spatial character.

According to his interpretation a museum communication is a communication process of a visitor with museum exhibits which are presented as “real things”. The basis of this communication, on the one part, is ability of creators of exposition to build with a help of exhibits special non-verbal spatial “statements”, on the other part, — ability of a visitor to understand the language of things.

One of the main missions of a museum is its educational activity which is an important constituent of an institutional role of a museum. Relations of a museum with schools of all levels are an important measurement of its institutional context which requires qualified management. Museums gradually review their role as public educational institutions. In work with schoolchildren museums focus on development of ideas of children about the world, ability to observe, classify and generate information.

In collective work our museum adheres to historicism principles — the most important side of a historical thematic material.

Exposition of ALGER Museum-Memorial Complex is a story about mass political repressions on the territory of Kazakhstan. But uniqueness of our country is that not only local people served their sentence but also thousands of other nations of the ex USSR. For this reason, ALGER is a bitter page of our history; ALGER is our common memory and pain. As usual peaceful and totalitarian Kazakhstan was the first to plant the Flower of memory and showed an example to other nations and states.

The basis of ideological and historical concept of the museum is not only the memory but also forgiveness, without which peace and happiness of future generations are impossible.

Being scientific and research and enlightening institution of culture, our museum collects, researches and keeps historical and cultural heritage, assists in increase of cultural and educational level of population, distribution of knowledge about a human being and his surroundings, about a character of mass repressions, serves to spiritual development of a society. The museum is unique. It gives visitors a symbolic access to a space of culture and history and an opportunity of personal experience. In essence the museum is a school of things, a school of visual and spatial perception where a language of things is mastered, their cultural meanings and a fact of their anthropogenicity and man-made art are reached.

The exhibits of ALGER Museum-Memorial complex has photos, video materials, documents and personal things of ALGER jailers repressed. The exhibit fund of our museum is annually replenished with new materials thanks to research of history of repressions, search of children and grandchildren of the repressed.

The museum employees annually undergo training in the museums of Europe and Middle East, take part in scientific conferences and forums, have business trips with the purpose to collect information and exchange experience.

The museum functions are: cultural and educational, communication, scientific and theoretic functions.

Our museum is annually attended by about 30 thousand people. There are groups of schoolchildren, students, public and political workers of our country, CIS and other foreign countries, ambassadors of foreign states, scientists, writers, journalists, descendants of the repressed. They bring flowers and write records in the Welcome Book. Spain, the USA, Canada, Russia, Ukraine, Poland, Georgia and Denmark — are geography of comments.

Exhibition work is carried out in the museum. Exhibitions are arranged in schools, libraries, military educational institutions. Workshops, lectures and excursions are held. Brochure, articles in newspapers and magazines are printed and published, ALGER magazine is issued. In ALGER museum movies devoted to mass repressions and hard life of ALGER women-jailers are shown. The movies are shown for visitors and guests of the museum. The movies — “Severe Cold of ALGER”, “Returned Memory”, “We will live” were shot. On April 21, 2009 ALGER Museum-Memorial Complex jointly with the Italian Embassy and Eurasian National University held a presentation of the book of Julio Vinelli and Yuliya Jakanetti Boiko “Unknown tragedy of Crimea Italian people”. J. Vinelli — professor of International Right of Genuev University and Yuliya Jakanetti Boiko — member of Association of Crimea Italian people research history of Italian people deported to Kazakhstan.

A boost for development of the museum is the principle “dialogue of epochs” through constant scientific research which leans on the heritage of the past and also the participation in the “dialogue — interpretation” of a museum visitor. Therefore, constant research — interpretation of museum collections both on professional level and on the level of a visitor is a main condition of dynamics in the development of a museum concept.

The museum of the modern world reflects principles on perception and interpretation of new technological frames. ALGER museum adheres to these frames and perfects its activity. As it is known, exhibits are created for a visitor. Regular research of museum audience (questionnaire, observations and others) held in our country and abroad showed that a visitor of a traditional museum (if he/she is not a specialist in this area) when familiarizing with new materials faces a dilemma: independently interpret what he/she saw or apply to an employee and reference aids of the museum. As the aim of the majority of visitors is overall familiarization with the museum and “search for subjects of interest”, exhibits of our museum are considered as a synthesis of two main factors: acquisition of knowledge, preservation of memory and

obtaining of information. That is why a thematic line should be interpreted on an available level and given both in physical and spatial aspects. In this regard ALGER museum and some museums of our republic in order to present exhibits all available museum graphic means are used. Use of video and audio records, slides and various interactive devices allow visitors to "experience particular feelings, see them for themselves, perceive themselves, ask themselves questions when facing various events in life...."

Based on this review I decided to determine main tendencies of the activities of the Museum and its tasks.

1. Dynamic mode of life of a modern society and new links between architectural and cultural space led to changes in the structure of the Museum as an institute of Culture and establishment of a new dialogue "Museum-visitor" on intellectual and spiritual levels. Meaningful moments in exhibits are deepened due to temporary exhibitions, which stimulate an interest of audience in the Museum and constant development of its concept.

2. Brave use of audio and visual means of communication in exhibits and introduction of new computer technologies into the process on documentation processing and work with collections led to a birth of a new epoch in expo-design when sound, light and color become museum exhibits in a virtual space. In its turn, appearance of computerized database, e-mail and electronic publication lightens and accelerates search of information about "museum resources", increases quality of research works and extends opportunities of new work contracts with various institutions on a high level.

3. The museum is formed among variety and variability of world events and is surrounded with multifaced human culture. In the current context when a role of a separate person, significance of his/her participation grows the Museum, it is thought, should implement the ideas of meeting of the Culture and Civilization through the world of subjects and ideas and, therefore, become a true assistant to a contemporary human being in perception of themselves, their place in the Culture, perception and recognition of the world in all its variety.

... Nobody can deny today that with development of communication means we rapidly move to formation of unified world society. Peoples, nations and states can no longer exist separately from each other.... Culture of tolerance Grachev A., Lomeiko V. Meeting of civilizations: Conflict or Dialogue?

In this meaning the Museum of our days has a task to research new ways and search new solutions in the construction of the Museum for the Human Being of the Future.

The list of references

1. *Volkovich A. Y.* Model of museum communication in the concept of foreign museum specialists // Museum in the modern culture. Saint-Petersburg, 2007. P. 111.
2. *Gnedovskiy M. B.* Museum communication and museum scenario // Museum and Modernity. Moscow. 2006 (Collection of scientific works of National Research Institute of Culture.)
3. *Gnedovskiy M.* Museum profile // Soviet Museum. 2005. № 5.
4. *Zhigulskiy Z.* Museums of the world. Museology. Moscow, 2003. P. 199.
5. Brief dictionary of museum terms. Moscow, 2004. P. 397.
6. Code of professional ethics. Paris, 2007. P. 311.
7. *Yureneva T. Y.* Museology, Moscow, 2003. Code 70 Y69 1 Section "Museum as social and cultural institute".
8. *Trishechkina L.* ALGER Returned memory. Astana, 2008
9. *Shlyakhtina L. M., Mastenitsa E. N.* Museum – pedagogical thought in Russia. Historical sketches. SPb., 2006.
10. *Gribanova E. M., Zulkasheva A. S.* Pages of tragic destinies. Almaty. Zhety Zhargy, 2002.

E. A. Koveschnikova

PROSPECTS OF DEVELOPMENT OF CULTURAL-EDUCATIONAL TOURISM IN KUZBASS

Development of cultural tourism is one of the first-priority directions of economical development in the contemporary world. In the 21st century tourism favors communicative processes and integration into the regional socio-cultural environment and world community, it also promotes intellectual and moral perfection of an individuality and assertion of the maxims of tolerance and correct understanding and acceptance of cultural diversity [1]. Within the framework of intercultural projects of UNESCO and World Tourist Organization there are being realized the projects directed at strengthening of peace-loving policy and proclamation of universal values.

Cultural, intellectual or educational tourism to a great extent corresponds to the basic directions of activity of these authoritative international organizations. In scientific researches the term "cultural-educational" or "educational" tourism is often replaced by the term "cultural" tourism [3]. The basis of educational tourism is formed by historic and cultural potential of the country and the region. Identical ways of historic evolution of culture and tourism predetermined common methods and approaches to their further development which is based on the use of potential of cultural heritage of the country's ethnocultures and the ones of local territories.

This kind of tourism is mass not always and not everywhere. Quite often the objects of cultural heritage have limited accessibility for tourists. To regulate tourist streams specialists regularly hold monitoring on demands and offers of tourist routes to the objects of national cultural heritage.

Different types of cultural-educational tourism are gradually being put into practice, for example, historic, event-trigger, archeological, ethnographic, ethnic, religious, anthropological, ecological and others.

In some countries cultural tourism is a big sector of economy which solves the problems on different levels: from employment of local population to supporting of restoration and reconstruction of the objects of historic and cultural heritage. Cultural tourism promotes the development of unique enterprises — handicraft works and favors the revival of artistic national trades. The tendency of absorption of different kinds of tourism by the cultural one is being traced in the world. Thus, one of the most realistic ways of the development of tourism industry is not to increase the intensity of tourist streams but to raise the quality of tourist service, to develop infrastructure, to perfect methodology in educational sphere.

It is the very direction that requires putting of greatest forces and widening of scopes and intercultural dialogue based on the models of museum-tourist communication [4]. Cultural globalization led to the necessity to search for new ways of solving the problems dealing with preservation of cultural identity, national culture and tangible and intangible heritage.

Only 20–30 % of Russia's colossal natural and historic-cultural potential is used [5]. In spite of the development of museum net the major part of the population doesn't seem to be interested in the development of cultural tourism. It turned out that this problem is rooted in the near past and is connected with the beginning of tourism development in Kemerovo region.

The development of tourism in Kemerovo was retarded by the absence of historical monuments ready to be shown. But today it is possible to form a tourist product of high quality on a very good foundation combining different kinds of tourism. This approach will surely raise financial efficiency of tourist sector and adjacent sectors [6].

Kemerovo region is rich in memorials to the historical past. Scientists discovered about 700 archeological memorial objects, above 300 historical memorials, more that 160 architectural monuments and about 400 other memorials on the territory of Kemerovo region. All in all there were found about 1600 memorial objects.

The number of museums in the region is constantly growing (they are the museums of local lore, art museums, departmental museums and museums of cultural preserve).

Kuzbass is positioned among the first ten regions of Russian federation in terms of the number of museums. Thus, the greatest number of museums — about 70 — is concentrated in Kemerovo region. The most unique one is the culture open preserve “Tomskaya Pisanitsa”. It is included into the list of specially protected historic-cultural objects of UNESCO. Here public feasts and family holiday are held as well as international seminars and conferences. The open museum in Mariinsk is a unique ensemble constructions on the streets: stone and wooden buildings of the end of the 19th and the beginning of the 20th centuries in “Siberian baroque” style with the elements of modern. Ornamental carving made by local masters is unique. And revival and preservation of this technology will become the basis for cultural tourism. Here tourist routes go through ethnic zones and memorials to historic and cultural heritage.

Two big investment projects are being under realization in Kuzbass now: tourist complex “Sheregesh” in Gornaya Shoria and tourist complex “Tanai” in Promyshlennovskiy district. As the specialists state making Sheregesh a Special Economic Zone provides wider possibilities to attract investments and to develop partnership and mutual interregional cooperation.

Not accidentally Gornaya Shoria is called Siberian Switzerland for its natural beauty and riches. Sport (downhill skiing, hiking, water and horse) and cultural tourism is developing here. A great advantage of the project is that since the beginning of construction Gornaya Shoria has been a functioning sport and tourist mountain skiing complex which is known not only in Siberia but in Russian and abroad. The rest zone in the south of the region can accept more than 1000 people a year. Cultural tourism is supposed to be further developed in Tashtagol district. There a new hotel complex, sport facilities — such as mounting skiing lines, elevators, stadiums and cultural centers will be constructed. And, consequently, it will make it possible to develop cultural and educational tourism. Speaking about the development of tourism in Russia it is necessary to firstly take into consideration the fact that a modern tourist (both in Russia and abroad) is expecting to find not only exoticism but a very good modern infrastructure and worthy level of service and highly qualified tourist stuff. The landscape here is wonderful, there are mountains and caves here. Possessing such magnificent natural potential Gornaya Shoria is able to become the region of tourism and recreation of all-Russian and world level [7].

Perspective plans of local authorities are aimed at elaborating of many other urgent and original projects dealing with creation of excursion-tourist routes and turning of Kuzbass into a tourist zone. Because this territory is rich not only in coal but in unique flora (above 40 species are listed in the Red Book) and fauna, minerals, historic and cultural monuments. And all these natural and cultural possessions should be developed, finance and forces should be put into the development of cultural tourism in the region, and it is necessary to show the world the beauty and cultural heritage of one of the most unique regions of Russia [2, 7].

Until recently one of the weakest links in the chain “infrastructure – tourists – profits” was poor roads, but today the situation is changing rapidly. The construction of a motor road Gorno-Altaysk – Turochak – Tashtagol will provide more mobile transport connection and the possibility to open new tourist rioutes connecting Kemerovo with the Republic of Altai, republic of Tyiva, Mongolia and China.

“Tanai” is one of a few Kuzbass tourist complexes which started to work in the sphere of ‘entrance’ tourism and to draw additional financing into the region.

The elaboration of new excursion and tourist routes and tourist lands in the territory of Kuzbass is in near perspective and cultural-educational tourism lies in its base. And this is just the beginning.

The list of references

1. Declaration of tolerance. UNESCO, 1995. M., 1996. P. 9–10.
2. *Kabushkin N. I.* Management of Tourism. M., 2004. P. 17.
3. *Mironova T. N.* Preservation of cultural and natural heritage. M., 2005. P. 18–24.
4. *Ilyina A. N.* Touroperating: organization of activity. M., 2000. 220 p.
5. *Goryaeva O. A.* Development of home tourism In Kemerovo Region in 1940–1980-s 2006. № 6.
6. Tourism in Kuzbass. Kemerovo, 2006.
7. Museology and historic-cultural heritage: Volume of articles. Issue 1. Kemerovo, 2006. 225 p.

E. A. Koveschnikova, A. I. Martynov

FUNCTIONS OF A MUSEUM AT THE HEART OF MUSEUM AND SOCIETY INTERACTION

The global changes occurring in all areas of public life of Russia last decades, have made considerable impact on development of sphere of culture. Processes of transformation of outlook, revaluation of values and search of new reference points have aggravated a problem of the relation of a society to a cultural heritage.

The museum hasn't stood aside from occurring changes, but today all is more difficult to apply to it the generated traditional conservative approach considering it in isolation from other areas of sotsio-cultural activity, and from public opinion and the support, being a necessary condition of preservation of a historical and cultural heritage, reproduction of creative potential and development of cultural life of region. Intensive processes of integration, an urbanization and migration tear off many people from them "the small native land", from traditional way and cultural, ethnic roots. Restoration of cultural traditions and communication with the past, inheritance of cultural traditions of previous generations by them, transfer of cultural experience to the subsequent generations are inconceivable without active participation of museums.

He museum, is one of the major institutes of the sotsio-cultural sphere, based on principles of preservation and репрезентации cultural values. Thanks to the nature, and influence of communication representations, the museum today, can be presented, as information-communicative system, with the unique resources concentrated in it which bears "sign" sense, and is the stabilizing factor in society life, carrying out the primordial duties of preservation and actualization of achievements of material and spiritual culture of concrete region. However, this quality of a museum, also can be perceived as destructive, i. e. to be considered basically, as a warehouse of archaic things. Therefore, not casually, the essence of life of a museum in a society, generated ambiguous relations and some problems of interaction strengthened by dynamics of modern transformations, also has caused considerable scientific interest to an investigated problem.

Formation of new communicative cultural-educational model in our society has led to infringement developed before system of interactions of a museum and a society. Change of dynamics of interest to museums have found reflection in the state statistical materials of monitoring, they testify to transformation of a museum network of region, and insufficiency of financing of museums. These processes occur simultaneously to attempts of perfection of museum practice, in activization of search and an establishment museums of more effective contacts to museum audience, various social groups of a society. The Current situation has demanded judgement of a problem of interaction of a museum and a society with the account изменяющегося modern sotsio-cultural средового space.

The urgency of a problem of relations and interactions of the person with social and a cultural heritage for the purpose of maintenance of efficiency of these contacts has caused character of research, and representation about a museum as to special system which was generated according to requirements of the sotsio-cultural environment that is a consequence also a necessary condition of social development. Museum and society interaction is built in a context of uniform sotsio-cultural space on the basis of multifunctionality of a museum at various levels, and направленно on maintenance of a continuity of translation of values.

Owing to what studying of interaction of a museum and a society in sotsio-cultural aspect is rather actual. Thus, it is necessary to consider, the whole spectrum of questions. For example, legitimacy of application culturological and system.

Approaches to studying of a problem of research; the analysis of historical aspect of mutual relations of a museum and a society. It is necessary to give the psihologo-pedagogical characteristic of the basic groups of a society and their relation to a museum, to study museum collective as original public group; to analyse specificity and structure of a museum as object of public perception. It is required, all-round consideration of system of functions of the museum which is a basis of interaction of a museum and a society, and the typological characteristic of spheres of interaction of a museum and a society; definition of progressive technologies and optimum ways of cultural communications in museum activity on the basis of modern model of interactions of a museum and a society. The analysis of practical activities of domestic and foreign museums has

shown insufficient research of a problem of mutual relations of a museum and visitors. Therefore the museum, as the socio-cultural phenomenon, as the information-communicative system of society connected at many levels with the environment, and a concrete society as one of components of socio-cultural space became object of our research. It is necessary to consider also processes and the mutual relations formed at interaction of the person and a society with a museum.

The decision of the designated problems dictates necessity of research and the analysis of various kinds of sources:

It, the unpublished materials stored in archives of department on culture of administration Kemerovo and museums of area. Such sources have basically statistical and office work character.

Results of sociological polls (questioning), carried out monitorings among museum workers.

Guidebooks, catalogs, directories, the information in the periodicals, reflecting separate directions of interaction of a museum and a society.

Considerable file of the theoretical and historical researches, characterizing various aspects of interaction of a museum and society, the editions of methodical character which are let out by large museums and research establishments, legislative sources and the instructive documentation, characterizing relations of a museum and society at various stages of social development.

The research basis are museums of Siberia, various types, profiles. The comparative analysis of some regional museums of Kuzbas, on the basis of the system approach has given the chance to consider diverse aspects of an object of research and to analyse the general characteristic processes. The comparative analysis of the scientific literature on experience and modern lines of foreign museums of Europe, the USA, Canada, Great Britain, Australia is carried out.

Interaction is a communicative system of two-way communications in which result of change on the one hand inevitably lead to some changes in another. Thus, the problem of interaction of a museum and a society can be presented as a problem cultural-historical links two phenomena which decision can be only in dialogue.

Considering all variety of concepts and museum definitions, and also specificity of their types and profiles, we will consider a museum in aspect of its interactions with a society, as *многофункциональное* the social phenomenon. In understanding of a museum those lines which give to museums of the whole world similarity are accented and allow to distinguish from other institutes, however the majority of researchers reveals specificity of a separate kind of a modern museum of certain type, a profile, submission, etc. the Museum acts as the information-communicative system building the relations of an individual with its subject cultural heritage.

Thus, it is necessary to characterize various historical and cultural forms of a museum in their relations with a society as the complete, spontaneous system connected with human activity in its various displays.

The society is presented as a social component of the socio-cultural environment surrounding system of a museum. Basically experts pay attention only to mutual relations of a museum with some part of museum audience. More complete sight at a problem can give consideration of all set of relations.

In the approach to understanding of culture it is possible to agree with the statement that the culture is a function of a society, a way of human existence and activity.

Environment — necessary space and a background, on which and at which direct participation system functioning, set various “macro- and микро» ability to live and behavior conditions develops. It is impossible to limit museum functioning to the social or cultural environment as external formation for the given system with which the museum is connected by a network of communications.

Therefore it is necessary to use concept “socio-cultural”, as in relation to Wednesday, and other concepts correlated with life in this environment which is considered as integrity and a unification, initial synthesis social and cultural. Continuously rendering influences on system, changes in the socio-cultural environment induce a museum to be reconstructed, perceive or neutralize these influences, are a constant source of development. The system of interaction of a museum and a society within the limits of a socio-cultural problematics as a whole wasn't considered yet in details though the history of this problem originates in an epoch of formation and development of public museums to Russia. The first attempts of understanding of a place and a museum role concern the same time in life of a society and in culture also. In N. F. Fedorova's works [1] on boundary XIX–XX of centuries the complete philosophical judgement of a museum for the first time is given and the question on its moral and vital value in society and culture existence is brought up. In the twenties the XXth centuries to a question on mission of a museum address P. A. Florensky [2] and A. V. Bakushinsky [3], differently treating questions of existence and museum functioning in culture.

After the twentieth years the tradition of philosophical judgement of a phenomenon of a museum in our country interrupts for long time and renews only last decade attempts of complete judgement of an art museum and its mutual relations by means of the esthetic approach, for example, are undertaken. In a number of works which carried out the culturological analysis of social functions of museum institute as a regulator of the certain relations developing in sphere of art life, the museum role was underlined.

In the mid-seventies a number of researchers have made an attempt to present a museum as complete formation in culture sphere, to reveal common cultural functions of a museum and to define its mission in a society. This point of view has impelled development of some culturological workings out in the field of museum business. Researchers of M. B. Gnedovsky V. Ju. Dukelsky, Etc. Kalugina, V. Pshenichnaja, and others, using as a universal heuristic principle the communications theory, consider a museum and various aspects of its activity in a context of cultural communications, trying to translate this theory on methodological level of museology. V. Ju. Dukelsky, in particular, directs the communi-

cation approach to a channel of "a museum historicism", understanding of a museum as special system of accumulation, development and reproduction of historical knowledge.

The problem of interaction of a museum and society finds reflection and in the questions, concerning functions of a museum, a role of museums as a whole, and values of separate kinds of museums in a society in the course of A. B. Sachs, E. V. Vanslova, D. A. Ravikovich's their historical development, A. M. Dispersal. There are active discussions about social functions of a museum to the eightieth and proceed now.

It is necessary to note also works of muzejno-sociological character, basically the works of art museums connected with practice, and studying of the museum visitor as "the art consumer", the sociological researches based on a number.

The problem of interaction of a museum and society finds reflection and in the questions, concerning functions of a museum, a role of museums as a whole, and values of separate kinds of museums in a society in the course of A. B. Sachs, E. V. Vanslova, D. A. Ravikovich's their historical development, A. M. Dispersal. There are active discussions about social functions of a museum to the eightieth and proceed now.

It is necessary to note also works of muzejno-sociological character, basically the works of art museums connected with practice, and studying of the museum visitor as "the art consumer", the sociological researches based on a number.

Lack of studying of visitors of museums of different profiles culture scientific research institutes "the Museum and the visitor" have filled a number of the spent expanded researches of audience of museums of local lore, for example. This and complex research of memorial estates, relations of the population of some big cities to a museum were separately studied. For last decades similar large sociological researches it was not spent, though audience of museums, according to selectively spent monitoring, has undergone changes.

The big obrazovatelno-educational potential of a museum which was considered mainly within the limits of cultural and educational activity is most studied, having a psihologo-pedagogical orientation. The practical side was showed in working out of concrete techniques on obrazovatelno-educational activity for museums of various types and profiles in Z.A. check, E. G. Vanslova, E. N. Krajner, L. M. Shljahtina, M. Ju. Juhnevich's works and a number of others. There were the works connected with activity of public museums, memorial estates, eko-museums, museums of different profiles of A. U. Zelenko, M. A. Kazarina, Century M, I. M. Kossova, A. Z. Crane, V. G. Lure and other places of a museum contemplating a problem in system of functioning of a cultural heritage. Scientists in the works have paid attention and museum roles in formation of territorial recreational systems of tourism in the conditions of new social and economic system of relations, as to the factor of cultural and economic development of region.

The most known are Z. Bazena, A. Uittlin, K. Hadsona's works, etc. historically proving idea of "public service" museum. Historical aspects of formation of museums and museum audience are considered also by English and American historians in the field of P. Bejli's leisure, H. Cunningham J. Oltu. In the West researches of various aspects of interrelation of a museum and a society, never interrupted, since works in J. Коттона Are given. Researches of visitors from now on were widely adopted; the museum was considered in dualistic system of culture, mass and high, problems of management by museums and the museum policy were regularly reconsidered. The tradition of perception of a museum as means of nonscholastic adult education and education of the person throughout all his life is popular. As well as in the domestic scientific literature, the close attention here is given to problems of an art museum and its audience, an esthetic role of a museum in formation of society Д. Камерон, D. Kerol, J. Coolidge, etc.

One of the issued international directions in studying of contacts of a museum, its influence on audience, is the theory of the museum communications, which prominent representatives of a steel of D. Kameron [4; 5], D. Porter, J. Romeder, 3. Stransky [6], etc. Application of the theory of communications to studying of museum problems is crossed with the semiotics approach in research of some aspects of activity of a museum. For example, the sign nature of the museum communications which are starting with the sign nature of a subject, an exposition as text, and problems of perception and V. Gluzinsky's understanding, 3. Stransky, E. Huper-Grinhill.

There are the specific researches devoted to problems of efficiency of activity of museums, combining methods of sociology and marketing at studying of public opinion and development of strategy of work with various categories of museum audience of D. Kerol, R. Lumis, F. Maklin, Ranjard etc.

Last years there were the proceedings representing a museum in the tideway of the wide culturological approach, considering it among other public institutes in a certain social and economic context for example, C. Bann, M. Saggit, D. Hor, as means of maintenance of understanding, dialogue of the people and cultures, and even as a necessary condition of realization of the citizen of a modern society T. Bennett.

Exist attempt and critical consideration of a museum phenomenon and a cultural heritage as a whole in a context of a postindustrial civilization.

Many researches are devoted the state and private support of museums, questions of financing and museum marketing, etc.

For the given theme allocation in foreign museology of such directions, as museum professionalism, a museum trade as a sort of public service, professional etiquette in relation to museum collections and to visitors to whom in domestic researches not enough attention is given is important enough.

Complex character of a problem of mutual relations and interferences of a museum and society demands working out and use of special methods which would allow to investigate a problem more full. The problems outlined in work have predetermined necessity to emphasize the functional direction aiming at studying of system of a museum in interac-

tions with Wednesday and other systems. Great value researches of philosophers and culturologists of Ballera [7] had, M. M. Bakhtin [8], V. S. Bibler, I. S. Gurevich, M. S. Kagana, G. S. Knabe, D. S. Lihacheva, E. V. Sokolov, A. Tofflera, A. I. Fliera. In the given works the culture is considered, how the dialogical phenomenon, as system of interactions.

Considerable role in museum studying as major phenomenon of culture the reference to the theory of the information and the concept of cultural communications, with inclusion of specificity of museum communications in researches of such scientists has played: Z. A. Check [9], M. B. Gnedovsky [10], V. Ju. Dukelsky [11; 12], Etc. Kalugina [13; 14], E. Rodzhers, D. Kameron, Z. Stransky, E. Huper-Grinhill, etc.

At research of all variety of contacts of a museum and a society in разнопрофильных the museums making base of research, the comparative analysis of their practical work and the museum documentation has been carried out. Definition of the basic functional communications and spheres of interaction of a museum and a society has demanded the reference to methods of the system analysis and system modeling. Consecutive application of the system approach in research has allowed to develop a little developed directions of the theory in domestic museology, and has given the chance to depart from formal administrative representations about a museum-establishment. Also has helped to present in a new fashion a museum as open system of society. General-theoretical museum concepts were developed recently through an esthetic, institutional problematics, the information and communications theory, but basically is unsystematic. During research, we consider museum functions, at several levels through communications and is system, as they are defined as a basis of interaction of a museum and a society. The system of functions of the museum is as a result proved, allowing to reflect communications and museum and society relations more precisely.

At studying of interaction of a museum with his environment the situation of formation of relations round a special phenomenon of culture in which quality the museum as the specific compiler and the generator социокультурного experience acts is concretized. On the basis of these relations the typological characteristic of the basic levels of interaction and the basic social groups of a society getting to this or that sphere of interaction with a museum is built.

Paying attention to the characteristic of museum collective as to the specific generality representing a museum within the limits of wider social context, on the basis of the analysis of functioning of museums, the basic tendencies of development of ways and forms of interaction of a museum and a society are revealed. The most effective forms and methods of activity of museums, optimum ways of communications are defined.

Museum — the specific organization existing for preservation, interpretation of subjects of the past and representation to their each subsequent generation of a society. This definition demands, however, specification. The phenomenon considered in the light of a postmodernist paradigm in each specific case can be relative.

That testifies to integration of natural-science and humanitarian knowledge occurring today in the world, penetrations of the mathematical theory into studying of questions социокультурной spheres. For today exists various approaches to interpretation of any phenomenon throughout historical stages of its development, to validity comprehension: аксиологический, anthropocentric, деятельностный, дискурсивный, institutional, information-cybernetic, semiotics, system, structural, functional, heuristic, and also their combinations.

In the tideway of uniform postmodernist system, the general, synchronous space of knowledge, they find the general things in common and can be integrated by consideration of this or that phenomenon, creating some model of the validity, but not equivalent to the phenomenon, and assuming simultaneously presence of other models. Интегрированность and integrated approach, are important properties of a museum as it should combine разнонаправленные characteristics: first of all storages, and at the same time use of the resources which don't concern to renewed. As museums are one of culture phenomena theoretical researches in the field of museology should lean first of all against the culturological approach, that is be considered in a culture context. And only then, to object of research those or other specific tools of other developed systems knowledge, or own concepts possessing in heuristic potential can be applied. In domestic museology the approach offered A. M. is traditional. Dispersal.

At studying of concrete questions of museum business the researcher suggested to use methods of profile sciences, a historical science in whole and its special and auxiliary disciplines, and if necessary, to apply methods of some other public and natural sciences. Such approach was fruitfully applied and applied till now in domestic museology, positions of a Marxist esthetics are used also.

In works of scientists there are elements of other approaches as it is impossible to coordinate all facts of the surrounding validity in uniform system, the general for all. In domestic museology, from the middle of the eightieth years, methodological installations became more differentiated and start to have something in common with sights foreign музеологов. Analyzing, the scientific approach to a museum in a context of development of spiritual culture as a whole, and taking into account social and economic development of a society, experts all start to apply elements of various approaches — statistical, administrative, information, system more actively. In the nineties, in museum business the increasing role starts to play, developed on the basis of the theory of the information the theory cultural, i.e. the museum communications, offered before D. Kameronom, and developed, E. Huper-Grinhill, M. B. Gnedovsky, V. J. Dukelsky, Etc. Kalugina and etc.

In some researches a considerable role the semiotics approach, in Z. A. check, E. Huper-Grinhill's works, etc. And also starts to play, combinations — аксиологического, institutional, sociological and other approaches — V. Ju. Dukelsky, L. J. Petrunina; T. Bennett, K. Hudson, etc.

The given situation characterizes world outlook searches of a modern society and a science reflects more and more strong and ambiguous interaction of a society with museum life. One of the most perspective approaches, allowing to consider the phenomenon it is more complete and in completeness of concrete forms of its existence, functioning, devel-

opment, the system approach is. This interdisciplinary, general scientific approach which was widely adopted since sixtieth years. Obshchiesistemnoe research of culture, in unity and variety of its aspects, has been presented by the domestic culturologist M. Kaganom in the book "culture Philosophy". A museum as one of the culture phenomena, being difficult open system with specific functions, special structure, own potential of self-development, also can be investigated in the tideway of the system approach. As a whole The methodology of the system approach demands tripartite consideration of object: functional, subject and historical. At the heart of system research the general methodological preconditions, giving the chance synchronous consideration of object lie: principles of dynamics of development and a historicism, an ascension from abstract to concrete, researches whole earlier, than the analysis of its parts. We will notice that a museum as the system object, can't be considered only in the form of a set of elements, such as, material base, a building, the equipment, funds and expositions, and other. And, especially activity kinds, for example, gathering and storage, the account, preservation, etc. Taken separately, they not in a condition to express specificity of a museum as formations which can't be reduced only to set of its structure and components, but is capable to identify itself as whole, to distinguish itself and similar in world around.

We observe the same phenomenon in constant comparisons of a museum with thematic park, theater, library, storehouse, shop, etc. Museum atmosphere is constantly compared to atmosphere of a temple, an office of the scientist, a holiday, theater and other.

Museum and society interactions occur at various levels and depend on width of understanding and the maintenance put in these concepts.

On degree of clearness of understanding it is possible to allocate two groups: "museums as those" and "establishments of museum type" (zoos, botanical gardens, thematic parks) which even more often carry today to museums.

The society — also relative concept, it consists of different communities: ethnic, половозрастных, professional, small, sotsio-cultural groups and persons. We will allocate the following steams on degree of width of understanding "музейности" both "sociality": a museum and establishments of museum type (sphere of a cultural and natural heritage), persons and a society (ethnic and interethnic level). The society, can be defined as set of historically developed forms of joint activity of people, and furthermore as in not biological way of communication of people in their joint life and activity which isn't represented without existence of interrelations in it, the synchronous, social communications supporting it системность and integrity. However a major factor fastening a society and giving the chance its development, the social memory which in many respects has replaced genetic mechanisms of inheritance of human experience is. On-opinion the most outstanding expert in the field of information and social communications A. B. Sokolov, "a retrospective" part of social memory are results of spiritual life of last generations — a cultural heritage, the spiritual inheritance substantiated in the form of monuments of culture [15]. Cultural, including and natural, realized as that through a prism of certain culture the heritage can be embodied in various forms.

Museum, not unique from forms of preservation and actualization of sotsio-cultural memory. The museum differs from other forms of such memory meeting of material evidences, objects of the nature and the culture, capable is long to remain, certificates on old or absolutely recent past which we worry as the present.

The definition which has developed in domestic museology of a museum underlines this backbone factor: "a museum — historically caused, multipurpose institute of the social information intended for preservation of cultural-historical and natural-science values, accumulation and distributions of the information by means of museum subjects" [16, p. 18], special specialization of a museum.

New system qualities appear at "storehouse", a collection, the organization when the object "named" itself "museum", ranking as a number similar and being differentiated from all that there is no museum. Each sotsio-cultural system within the limits of larger (ethnocultural) system as what the local society of the certain period appears at us, is, "the organized set of sotsio-cultural functions, specialities and specializations, socially-functional and professional groups of the people who are carrying out this activity". Besides the various systems of a cultural heritage specializing in sphere of non-material social memory (language, traditions, folklore, technological abilities, etc.) There are also close to a museum on specialization and features of carried out functions the institutes having the general genetic roots. Their mutual restriction and self-identification, differentiation and specialization of systems have resulted from historical development, growth, and till today they can be found out in a synthetic kind. Unlike the museums specializing on artifacts, subjects of the nature and documents, archives and libraries deal with written and printing sources, and also documents on other carriers: cinema- fono- a photo- and other documents. It is close to a museum and institute of protection of the monuments, developing throughout last time almost in parallel with development of museums, however its specificity the immovable monuments understood today are is wide enough: from the separate monument devoted to the historical person or event, to a historical city and reserve (national park), a memorial zone, including and cemeteries

Their activity happens almost unseparable, especially if the museum territory includes monuments or a museum is a monument. The understanding of necessity of wildlife management as the native habitat of the person subjected in the modern world of merciless operation, has led to inclusion in sphere of public memory of concept "a natural heritage". Falls and lakes, parks and woods, landscapes and separate objects (trees, stones and other) become objects of cultural translation. Музеефикация the natural objects, allowing to carry them to sphere of the competence of museum business, it is much more difficult chamber, museum as monuments remain connected with the nature, its continuous movement and

self-renewal, and less give in to control of the person. In some countries as, for example, in the USA, as establishments of museum type for a long time rank zoos, aquariums — terrariums, oceanariums, botanical gardens.

More recently to museum establishments in some cases began to carry thematic parks, historical attractions though they possess other purposes and sphere of their activity public leisure is. Unlike point of a definition of museum ИКОМ on a museum as noncommercial establishment, they plan an economic gain. As “serving” system of social memory the museum is in close interrelation with “the spiritually-industrial” institutes which are carrying out knowledge and generation of senses and their initial input in social memory. Sotsio-cultural institutes of formation, a science, religion, art have served in quality of sources of formation of museum specificity, have transferred some functions to a museum, delivered and deliver the professionals who are carrying out museum activity, are sometimes simply unseparable with museums. As, for example, *Kunstkamera* — a museum and scientific research institute of anthropology and ethnography of the Russian Academy of Sciences; Art galleries and museums at the Unions of artists; numerous museums at educational institutions, from a school museum — to a high school museum of world level, as in case of an educational museum of College of mines or Academy of Arts in St.-Petersburg.

The high-grade understanding of a phenomenon of a museum probably only in a context whole — environments, or larger system space where the museum acts as one of subsystems as well as adequate understanding of a separate subject of a certain collection is impossible without the reference to the given complete set.

The museum considerably differs from the social institutes constituting actually public relations, such as marriage, morals, the right and so forth. However analytical splitting of these two phenomena — cultures and societies — not always serves as reliable heuristic means. There is a set of the points of view on interrelation of a society and the culture, defining these communications as hierarchical: system-element, or one-modular system-system. The society and culture can't be divided, as it is two plans “integrally uniform and genetically simultaneously arising whole, decomposable only means of the logic analysis”.

The museum deals with the specific phenomenon — “a museum subject” which can be carried to more wide range of the phenomena — to “cultural heritage”, or as characterizes the last professor A. V. Sokolov, — to “a retrospective part of social memory”. In a museum the society and culture unite the efforts, forming cultural ways опредмечивания public relations. A museum, and in it we join M. Kagana's point of view as the establishment is the representative of socially organizational culture, the form of an objectivization of the human activity connected with a thing, — *prirodno-material* and simultaneously the cultural object which is a source of social memory, capable is long to remain and be transferred, the form created specially for translation of sotsio-cultural experience.

In a museum it is possible to name all-round interactions of a society and culture sotsio-cultural, and these relations are necessary for accenting as system for a museum. However the museum is a difficult system actions in which don't proceed on the closed cycle, and constantly change, doing system developing.

There is a systematic growth and reorganization of collections, museum structures, modification of its functions, building of new premises under expositions, occurrence of the new. The people involved in museum activity, etc. Similar ability of system speaks that its given type possesses “freedom in choosing” of the actions which defines a measure of following to the developed program of behavior and a measure of its change under the influence of various external factors and logic of self-development, uniform for all systems. At a large quantity of the external factors characterizing a situation of a choice of this or that way of development of system, the big role is played by an adaptability and plasticity of behavior (adaptable possibilities) social component with its orientation to stability of system. The museum in the course of system *генеза*, passes from the initial, chaotic condition comprising uncertainty, of a new condition with certain structure and restriction of degrees of uncertainty, of a condition *самоорганизующейся* systems (historical aspect) [17].

Criteria of self-organizing of system, processes of self-reflection and dialogue achievement between system elements are. Any occurrence of self-descriptions and formation of a complex of self-control, management, self-management, etc. the Given research demands application of special aspect of the system approach — system-communication, aiming at studying of system of a museum in interaction with Wednesday, with other systems, on the analysis of that “necessity” which is imposed by external factors.

The position of a radical functionalism, recognizes a basis of existence of any system behind function. Function appears at us as the primary, driving beginning of system, force of its self-development. By knowledge of functions structures and components can be investigated. If function, at all its variability, strengthening or easing, remains the certain constant defining system in nonequilibrium system (at certain historical or social fluctuations), structures can be disorganized, replaced with others, “equivalent concerning the given function”. Therefore for an explanation of existence of a modern museum as certain historical system and its communications with Wednesday important enough the question on bases of its self-organizing — about museum functions [18] appears.

Having considered base theoretical and methodological aspects of research, we tried to prove logically application of principles of the system approach to museum studying in its interactions with a society. Thus, the Museum represents open developing system. In a museum the society and culture unite the efforts, forming cultural ways опредмечивания public relations.

Museum and society interactions can be under construction at various levels, but only as relations of two, though also inadequate, systems within the limits of the uniform sotsio-cultural environment.

Hence, the system approach is приемлимым heuristic means of studying of the basic problem of functioning of a museum and its all-round mutual relation with a society.

The list of references

1. Feodors of N. F. museum, its sense and appointment. M., 1992. 60 with. Museum business and protection of monuments: the Express inform/gbl. № 3–4.
2. Florensky Item And. Temple action as synthesis of arts // Soviet muzej. № 4. 1989. With. 65–69.
3. *Bakushinsky A.V.* Research and articles. The selected art criticism works. M.: Owls. The artist, 1981. 240c.
4. *Kameron Duncan.* Museums — to the modern person // The Courier of UNESCO. M.: Progress, 1970. № 10. P. 22–27, 32.
5. *Kamerron D. F.* Museum: a temple or a forum // Museum business. Museum – culture – society: Sb. sains. № 21. M., 1992. With. 259–275.
6. *Stransky Z. A* Museum, art and prospect of development of mankind // Museum business. The Museum – culture – society: Sb. sains. Vyp. 21. M., 1992. With. 247–258.
7. *Baller E. L.* Social progress and a cultural heritage / Ed. N. S. Zlobin. M., 1987. 158 c.
8. *Bakhtin M. M.* To methodology of the humanities // Bakhtin M. M. Estetika of verbal creativity. M: Art, 1979.
9. Z. A. bas's checks of museum communications (From experience literary museum) // Forms and methods of scientifically-educational work of museums. 1986. 50–52.
10. *Gnedovsky M. B.* Museum communications and the museum scenario // the Museum and the present. M., 1986. P. 127–133.
11. *Dukelsky V. Ju.* Muzej and cultural-historical // Environment Museology. Problems of cultural communications in museum activity. M., 1989. With. 107–116.
12. *Dukelsky V. Ju.* Formirovanie of historicism bases in museum business of Russia, sulfurs. XIX–XX centuries: Sciences in shape. The report. M., 1994. 29 with.
13. *Kalygina Etc.* Public consciousness and an art museum // Museology. World museums. M., 1991. P. 304–326.
14. *Kalygina Etc.* Sources of cultural-communicative function of an exposition of an art museum // Museology. Problems of cultural communications in museum activity. M., 1989. P. 68–83.
15. *Sokolov A.V.* Introduction in the theory of social communications. SPb.: SPb of State Unitary Enterprise, 1996.
16. A museum and the spectator: The item / Materials of scientifically-practical conference of art museums of RSFSR. Arkhangelsk, 1990. 81 with.
17. A museum and communications. The concept of development Samara regional istoriko-museum of local lore of P. V. Alabina / The Bus collective under the editorship of N. A. Nikishina and V. N. Sorokina. M.; Samara, 1998.
18. A museum and a society. M., 1991. 24 with. Museum business and protection of monuments: the Express inform. № 3/4.

A. M. Kulemzin

WHAT IS MUSEUM: VIEW FROM SIBERIA

In the up to date museum determination discussion Gerry Edson suggested a very important idea that the existed museum definitions had one but significant drawback — the museum essence is often given through aspects of secondary importance. He stated that the museum determination must consider the museum fundamental character. Bernis L. Murphey offered to work out a simpler (non-complicated) museum determination which would demonstrate a great degree of its intellectual integrity, suitable for different groups in the world.

The Museum as well as any other social institution undergoes a definite transformation in the course of historical development of the society. More than 2000 years of the museum history has changed considerably the museum essence understanding and its employment. But its fundamental social value and role haven't changed, have remained the same — to keep the main valuables and achievements of the mankind and to transfer them from the past into the future.

The nowadays (contemporary) literature gives many definitions of the museum concept. They had been justified in their time, until the second half of the 20 — century when the attitude to the cultural, historical and natural environment heritage of the mankind has been change considerably under the influence of the integrating process in the world and in every separate country. Alongside with that the museum influence on the society, initiated and authorized by the International Museum Council has increased and developed. The present situation demanded a universal, suitable for every society concept "museum".

In recent years it has been universally excepted to operate with the definition given in 1974 by the XI Conference of ICOM. According to the given definition the museum is determined as a permanent, non-commercial institution, social

by its origin, which works for the progress of mankind and its development. The Museum must be public and is to be involved in the work of acquisition, conservation and research, popularization, exhibition of material manmade artifacts, which characterize man and his environment to serve educating and self-knowledge process. One can't but admit that the definition of the kind is not adequate to the contemporary understanding of the museum essence. Besides, it is too long and is quite illogical from the point of view of definition formation. Such a definition is more like a classic European Fine Arts museum definition.

Let's examine the given definition to find out whether it suits the present day understanding of the museum, its type variety and its social functions.

Can any museum be called "an institution"? — Obviously not, as there are museums which are not only social institutions but also enterprises. There are private museums which are neither institutions nor enterprises, but a kind of their owners' property, though without appropriate juridical registration. Nevertheless, they fulfil specifically museum functions, which proves that the museum is not an institution but a definite organization structure. The Museum in itself is a system. More precisely — the museum is a social institution of realization of some specific definite and variable functions.

Can any museum be called "non-commercial"? Thanked to the contemporary widening of the museum social functions, the museum often and often turns into a form of pastime, offering a variety of services to visitors, which, in its turn, leads to a wide usage of marketing in its work. The Museum is getting a profitable structure, which make it independent from the state support, state financing and state administrating. This is a positive tendency as it allows the museum to function independently, to influence the public consciousness formation.

Does any museum serve the society? Is any museum available for the public? Absolutely trustworthy — no. Nowadays there are a lot of private and corporative museums of the "close" type, which serve not the society on the whole but some narrower circles of people. Both in the Middle Ages and in the new times there were wonderful palace museums, which were accessible only for their owners and the owners' noble guests.

Is exhibition an only way of demonstration of the museum's properties? Not only museum exposition can be called "exhibition". For example, in many museum-reserves there are no exhibitions. The presentation is realized there on the basis of the preserved monuments or natural phenomena (falls, caves, relict forests, rocks, picturesque landscapes). The present virtual museums realize presentations by specific, non-exhibition methods.

Does any museum consider only "material artifacts"? — In recent years non-material cultural heritage has been often included in the cultural heritage and has become the object of exhibition.

Does any museum serve to educate, to satisfy people's cultural demands? — No, not any. There are museums whose primary aim is profit, capital investment in art objects, the cost of which is constantly growing at the auctions. There are also museums the functions of which are political and ideological.

The discussed museum definition lacks one of the main museum feature — the mankind cultural heritage preservation and its transmission to the coming, future generations.

Hence, taking into consideration what is said above one can formulate the museum definition in the following way: The Museum is a social institution of preservation, presentation and transmission of the historical, cultural and natural (environmental) heritage.

The given definition may be followed by a thorough description of the museum types, the museum functions, methods of work, the museum exponent objects.

Kuo-ning Chen

ETHNOCULTURAL HERITAGE MUSEOLOGY AND HISTORY IN TAIWAN

The Development of the multi-culture in Taiwan

Taiwan is an island, located in the Asia-Pacific region, at the southeast side of mainland of Asia, the west of the Pacific Ocean, in between the Philippine's marine plate and Eurasia geographically. It was that the trade station among China, Eurasia, countries in Pacific Ocean and the Indian Ocean in history. Also it is the door way to Pacific Ocean for the Asia, had even became the Asian-Pacific economic strategy station of Holland, Spain and Japan were fighting for the economic benefit purposes in history.

Under trade, multiple factors immigrated and colonized, successively there were prehistoric culture of Paleolithic period culture (50000~15000 BP), the Neolithic period (2000~7000 BP), the aboriginal's culture who were tribes immigrated from south Pacific, east China and south-east Asia since 2000 years ago. During 16th and the 17th century, colonize cultures of Spain, and Holland was made by trade factor until 1662. The late Ming general Zheng Chenggong(Koxinga) conquered over Holland's 38 years occupation of Taiwan. Since then, millions Han Chinese immigrants from southeast China (Fujian and Guangdong) immigrate into Taiwan for 300 years. After the war of Sino-Japan JaiWu, under the Treaty of Shimoneseki, the Qing emperor gave up Taiwan to Japan on 1895, Taiwan became Japan colonizes for 50 years until

1945. After II world war Taiwan returned to Republic of China. The large immigrants about 2 000 000 people from all over China immigrated to Taiwan in 1949, it was because of the troops, governors and their family follow the government of Nationalist Party (KMT) which led by President Chiang Kai-Shih when the Chinese Communist took over China. The American culture also inference to Taiwan because of the US Aid Strategy Project to Taiwan which was channeled through the Mutual Security Agency and local US representatives on the Island during 1952–1965 *. It recognizing the importance of Southeast Asia's large ethnic Chinese communities to stability and prosperity in that region, the US began cooperating with Taiwan's Nationalist government to attract overseas Chinese students from South-East Asia to study in Taiwan, where it was hoped, hearts and mind would be won over to the democratic, anti-communist cause **. Recent decade, there are many labor workers and marriage immigrant from Southeast Asian to Taiwan. The intersection of immigrant history cause various interchange phenomena of culture in Taiwan especially happened during past 300 years and still going on today.

The plural mixture cross-cultural has constructed the ethno character of Taiwan since history, it is developed on confronting, compromising and regenerated process.

The Ethno Heritage Exhibitions in Museums Development of Taiwan

The museum exhibition on ethno and art culture of Taiwan should be present on the research of multi apposition, with such a complicated thinking only, could be find the appropriate division of history into periods, characters and eligible interpretation for the heritages of Taiwan.

The development of Taiwan's museums has been influenced by government's cultural policies, the growth and decline of the economy, the investment environment, private collections, religion, as well as international cultural exchange. The development of Taiwan's museums could be divided into the following four periods.

1. The Burgeoning Period

During the 50 years (1895–1945) of Japanese occupation, the Japanese government brought the museum model of democratized Europe to Taiwan. In 1915, using tax money collected from the Taiwanese, the Japanese government established the “Affiliated Museum of the Business Property Bureau of the Civil Affairs Department under the Office of the Taiwan Governor” (now National Taiwan Museum) in Taipei, which became the first public natural history museum in the Taiwan region. In addition, in Tainan, Chiayi and other areas respectively established the Taiwan Historical Materials Museum (now Koxinga Museum), the Alishan Botanical Museum opened to the public. Various departments of the Taihoku (Taipei) Imperial University (now National Taiwan University) also established anthropology, botany, and entomology specimen exhibition halls and cabinets with reasonable scale. These museums survived the tumultuous era, including World War II, and were able to remain intact except during the 1946 Chiayi Earthquake. After the war, these museums were returned to the government of the Republic of China along with the resurrection of Taiwan.

Based on the Japanese government administration control, the classification system for the Taiwan primitive tribes was first divided by Japanese anthropologists as a nine tribes system during this period ***. The classification for the collections of the primitive's tribes was divided as 9 tribes in the National Taiwan Museum. In fact there were more than 14 tribes in the island, each with their own distinct language, cultural features, traditional customs and social structure. Today, museums face to the problem of rethinking the 14 tribes classification from their collection.

Like most anthropology museums in the 19th and first half century of 20th, The exhibition was only on showing the “object” but not much on the interpretation of the primitive culture, the function of the ceremony and the process of making, it may bring the variance sights for the visitors on seeing the “*undeveloped civilization*” instead of bring the thoughts of diversity value of sub-cultures to the majority, to realize the indigenous people are an important source of history and culture as well as a treasure to be cherished.

2. The Restoration Period (1949–1970s)

In 1949, the government of the Republic of China relocated to Taiwan, and brought along valuable cultural assets from the Palace Museum in Beijing and the Central Museum in Nanjing, bronze ware and Tang tricolor pottery from the Henan Museum, artifacts excavated from the Yin(Shang) Tombs by the Institute of History and Philology of the Academia Sinica. Right after the war II, everything in Taiwan was required to start anew, and despite the difficult material conditions of the time, the Ministry of Education was determined to set forth a series of museum restoration plans. In the 1950s, the Academia Sinica and the National Museum of History were established, and in 1965, the National Palace Museum officially opened in Taipei. Since then, these museums have taken on the important role of education that passes on the Chinese cultural tradition in Taiwan.

---

* After the end of II World War, the United States initiated coordinated effort to help allies in Europe and Asia recovering from the devastation of the war. An important motivation for such aid was the creation of a stable defense chain against communism that stretched.

** “Strategy and inference of US Aid and Project origins and objectives” // Museum special exhibition of National Cheng Kung University. 2008.

*** Today, 14 tribes have been recognized by the Taiwan government. They are the Amis, Atayal, Paiwan, Bunun, Puyuma, Rukai, Tsou, Saisiyat, Yami, Thao, Kavalan, Truku, Sakizaya, and Sediq.

The central government of this period strengthens people's anti-communism and replies the faith of the country by promoting nationalism, pursue mandarin with strength, forbid language with dialect (Taiwanese, Hakka and aboriginal's language) in schools and government offices. The martial law cause Taiwanese writers maintain a discreet silence. The drama groups of Beijing opera, Henan opera, Shaoxing opera, Guangdong opera, the north China folk talk show, Chinese traditional music, dance and traditional festivals were bring into the formal theaters. The Education Minister made the culture policy intending to bring Chinese Culture Renaissance into Taiwan. But the traditional local Taiwanese folk arts and performances were dismal by government in this period. The exhibitions were mostly showing the value objects of Chinese traditional culture which was bring from China in The Palace Museum and the National History Museum. The value of Taiwanese folk artifacts and performances was discriminate by the society of majority Mainland people in this period. There was no Taiwanese folk museum in Taiwan in this period; the phenomenon of the agricultural society still existed in the urban area of Taipei. The Taiwanese folk culture, Hakkas' culture and the aboriginal's culture heritages have not been protect by government culture law yet.

3. The Vigorous Development Period(1970s–1990)

During the 1970s and 1980s, Nativist consciousness for local culture was on the rise, as well as the 12th major cultural construction plan implemented by the Executive Yuan , endeavored to balance the development gap between urban and rural areas. Subsequently, 21 counties and cities all over Taiwan commenced the establishment of cultural centers and large museums, pushing Taiwan's museum industry into a vigorous development period. The prosperous development of industry and commerce, and international trade have brought up the transformation of Taiwan's agricultural society and traditional buildings were rapidly torn down and traditional folk art and craft techniques also gradually diminished. However, the local literature movement awakened people's Nativist consciousness and many began to collect folk art, cultural works, and local natural specimens; a number of private folk art and cultural museums were also established. In 1977 the Executive Yuan began to implement the 12th major construction in culture by constructing in every city and county a cultural center, that includes a library, a museum and a recital hall. In addition, large museums on a national scale, for fine art, natural science, science and technology, maritime, and pre-historic archeology were constructed by the central government respectively in northern, central, southern, and eastern Taiwan. With such strong support of government policies and activities of the large various-themed museums, the general public's acquaintance of museums has been greatly heightened and international cultural exchange has also been vastly promoted. The exhibitions held by the museums of those cultural centers had a noticeable beneficial effect on the growth of art activities in each area, and on the collection of folk arts and crafts, and the nurturing of local art talent. They also spurred the local interest and participation in art activities, and indirectly had a positive effect on the growth of the art market.

The Council of Cultural Affairs set up the awards for intangible heritages such as for craftsman, performance groups, folk art actives, grants for research and survey, having TV programme on folk arts, local Taiwanese and Hakka operas etc.. Many counties and small cities established museums of folk arts in 1980s. The Taiwanese Opera, Hakka Opera and fork musics are have performance in the National Theaters since 1980s.

4. The Peak Development Period (1990s)

The growth of Taiwan's museums since 1990 has been nothing short of incredible. In the past dozen years, more than 300 new museums have been established.

The growth of Taiwan's economy at the beginning of the 1990s was miraculous, and while it led to a rapid increase in the national per capita income, more and more people became interested in art activities. Both large and small business owners began to avidly collect art works. Several large corporations even set up art and cultural foundations, art museums, or cultural museums. Thus, the establishment of private museums began to increase rapidly. During the mid-1990s, there was heavy investment in art and entertainment industries, and more than 40 themed amusement and cultural parks appeared, many of which had an affiliated cultural center or specimen exhibition halls. By the end of the 1990s, the growth of Taiwan's economy had slowed drastically, and a number of private museums were forced to be closed.

The growth in the number of privately-funded museums is not only due to rising incomes, but is also due to the cultural policy initiated by the Council for Cultural Affairs over the past decade. Since 1994 the Council began implementing its plan to increase local infrastructure. Its "proposal to develop cultural software and hardware in cities and counties" and its "plan for local cultural centers" emphasized the integrated nature of Taiwan's culture, identification with local culture, the promotion of local creative enterprises, and the development of a community consciousness. Since 2002 began the project on "Local Cultural Museum Plan" with budget to facilitate the improvement and set up locally-themed cultural museums. There are currently more than 400 public and private museums is thriving.

To respond to the needs of the indigenous peoples, as well as to bring Taiwan in line with global trends, in 1996 the Executive Yuan began preparations for the establishment of a central government organization devoted to indigenous affairs. Organizational laws were formulated in the same year to provide a legal basis for the development of this organization. 28 museums in Tribes are established, but they need to be trained for the operation, because there was no museum culture in tribes. What and how to run a museum in the tribes in Taiwan is an new subject.

In the future, the trend for Taiwan's museums will be to attract new audiences by meeting the cultural needs of the general public, young people and tourist. This will be accomplished through cooperation with the leisure and cultural

industry, finding new modes of operation by allowing the private sector to run public museums, integrating community resources of local museums, and having universities strengthen their training for museum professionals.

Museums provide a place for the public to learn while they are having fun, and it's likely that they will become the new cultural creative industry of the next generation. However, the challenge will be for museums to adapt to a society of consumerism, to not lose sight of the fact that education is the primary goal of the museum, and to simultaneously pay attention to the interests of the public while also adding recreational and entertainment elements. It's a difficult balance. In order to operate a museum, one must understand popular culture in order to develop management strategies based on the different location and time. Once museums begin to cater to the general public, the energy of the museums adds something to the lives of the public, and a museum culture gradually begins to form. Museums should take into consideration the needs of the public, actively integrate themselves into society, define their own roles, develop their image, emphasize their strengths, and develop "cultural products" that have a unique appeal. Creating a museum culture for the new generation will necessitate a complete evaluation of the museum by every academic field from every angle and perspective. The culture of the museum is based on the principles of truth, goodness, and beauty, as well as inborn ability. The creation of a museum culture is a primary medium that can be used in the reorganization of social order, thus we should reexamine the role and power of the museum.

V. A. Lamin, O. N. Shelegina, I. A. Kraineva

SB RAS MUSEUM COUNCIL: AN EXPERIENCE IN MUSEUM MANAGEMENT

At the time characterized by the processes of globalization and informatization museum management as institutionalized forms of coordination and integration between the museums of various types becomes more significant.

The experience of SB RAS Scientific Council of Museums shows the efficiency of the programmed organization of museum business, which corresponds to the world experience and is of interest for further development of the innovative directions in national museology.

A new Program for the Development, Storage and Study of Museum Pieces, Collections and Public Presentation of Museum Collections in the SB RAS for 2008–2012 was worked out on the basis of successful results yielded by the SB RAS previous programs, i.e. by the Program of Museum Organization Development in Siberian Branch for 2002–2007 and by the Program of Scientific-Expositional and Educational Museum Activity devoted to the SB 50th anniversary. The Program's objective was to preserve the scientific and cultural heritage of Russia and of the Siberian Branch of RAS; to make this heritage accessible for the public at large, to popularize spiritual values, patriotic traditions and humanism in the society; to replenish the museums funds and present the museum pieces and collections as objects of historical, cultural and scientific heritage of national importance; to implement some new methods and technologies of their storage and study; to disseminate scientific knowledge and modern science achievements among various walks of society and contribute to the growth of SB RAS international prestige.

In 2009 the Scientific Council of Museums organized, coordinated and effected competitive financing of the following program sections: publishing, educational activity, museums integration, information technologies, and the emerge of the Museum of Siberia.

The outcome of academic museums certification, conducted in 2008, gave a considerable material for the study, analysis, and for certain administrative decisions. It resulted in collective monograph *The Scientific Centers and Institutions Museums in the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences: Outlines on Organization and Development*. The investigation was published under the aegis of Scientific Council of Museums SB RAS and of Siberian International Committee for Museology (ICOFOM SIB) [3]. For the first time both in national and foreign science the monograph encompassed the information on the history of organization and development of SB RAS museums (from 1958 to 2008) as structured subdivisions of the Scientific Centers and Institutions of SB RAS. It also singled out the basic tendencies in Siberian academic museology, revealed the coordinating activity of the SB RAS Scientific Council of Museums, and also the integration of SB RAS museums into the regional socio-cultural space and into the world museum community. The authors of the monograph argued that from the middle of the 20th century till the early 21st century a multidiscipline, geographically arranged museum system was formed, which consists of 38 museums and museum units and is considered to be one of the most dynamically developing segments of the RAS museum system. SB RAS museums formed the so called informational bridge between the fundamental science and mass audience in this country and abroad. The following activities are of paramount importance for the further beneficial development of museum business in the Siberian Branch in its close collaboration with the SB RAS Presidium: to formalize the museum collections, stored in academic institutes; to popularize the achievements of fundamental sciences; to contribute to the increasing prestige of science in society; to cooperate with the regional socio-cultural and educational structures; to draw up and present electronic museum recourses; to integrate museum subdivisions of the institutes into the Russian and international scientific space through their staff

participation in the research grants, in the joint museology research, in conferences and exhibitions supported by the RAS Scientific Council of Museums and the SB Committee for Museology (ICOFOM SIB).

In 2009 new Regulations, which correspond to the modern scientific-organizational and socio-cultural demands, were accepted by the SB RAS Scientific Council of Museums, moreover, some new members joined the Council. On April 7, 2009 the Scientific Council of Museums meeting was held, which discussed a number of organizational issues and approved the provision "On the Competitive Distribution of Money from the SB RAS Presidium Fund *Museum Support*" in strict regulation with the priority nominations. The meeting also distributed the duties of the Scientific Council members and adopted the Work Program for 2009.

In 2009 an All-Russian theoretical and practical conference on *Integration of Siberian Museums into One Socio-cultural Space and International Museum Community* was held. It was organized by the SB RAS Scientific Council of Museums together with the Buryat Research Center Museum. The sessions were held in Ulan-Ude and Novosibirsk. On the SB RAS Exhibition Center initiative (director O. A. Lugetskaia, executive E. S. Godunova) it was a videoconference, the first one ever held. Vladimir A. Lamin, Chairmen of the SB RAS Scientific Council of Museums, the corresponding member of RAS and B. V. Bazarov, Chairman of the Barnaul Research Center (BRS), the corresponding member of RAS were co-chairmen of the conference. The Conference numbered 55 experts from academic museums, university and school museums from Barnaul, Berdsk, Novosibirsk, Tomsk, Ulan-Ude, from the village of Listvyanka, Irkutsk Region, and from the village of Souskanikha, Altai Krai. There were Administration representatives from the Sovetskiy District of Novosibirsk too. The program of the conference was built round the three workshops that covered the following areas: the history of the formation of academic and university museums fund collections; scientific, educational and international activity in academic museums; the application of modern technologies in museum business: problems and prospects. The results of the conference composed a collection of conference research papers and made for some important decisions. Thus, the emergence of the Museum of Siberia was proclaimed a priority task for the museum integration. It was also decided to establish closer relations between the SB RAS Scientific Council of Museums and Ministry of Culture Local Museums of History and Lore; to develop a joint project *Museum Meridian* in collaboration with Siberian Committee for Museology, which may contribute to the strong international ties of the Siberian museums; to start developing and putting into test the idea of local museums encyclopedias, taking into account the Tomsk State University Museological department experience and the results of their activity on excursion tourism. These decisions will be helpful in monitoring the state of museum network in the Region [4, 5].

The annual ICOFOM SIB Symposium (Taiwan, Taipei, November, 2009) *Museums for the Society in the 21st Century* focused on the status of the museums within the framework of the cultural policy: international and domestic strategies, multimedia and digital technologies, tourism and global cultural changes were widely discussed there. The papers of Siberian museologists were devoted to the preservation and presentation of the cultural heritage, to the results and challenges of the SB RAS Scientific Council of Museums activities (V. A. Lamin, O. N. Shelegina). The Proceedings of the Symposium comprise the articles on the collaboration between the Buryat Research Center Museum and educational institutions (S. V. Burayeva); on the topical forms of museum communication in the Museum of History and Culture of the Peoples of Siberia and the Far East (I. V. Salnikova); on the experience in solving problems pertaining to cultural heritage and tourism in other museums, universities and administration organizations in the Siberian Region [2, 6, 7].

The adaptation of information technologies to museum practice is carried out by the Scientific Council together with the Institute for Computer Engineering, the A.P. Ershov Institute of Informatics Systems of the Siberian Branch of the Russian Academy of Science, the NSU *Multimediacenter*. The work is centered round the historical factual information, "electronic museology", development and replenishment of "the Electronic photo archive of the Siberian Branch of the RAS", round solving the problems of independent software product *Maly (Small) Museum Management System*, and round the formation of virtual space for Siberian museums. In April 2009 an integrated efforts of Novosibirsk State University, the SB RAS Institute for Computer Engineering, the Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences with the support of the Incorporated Academic Council on Nanotechnologies and Computer Science, SB RAS Scientific Council of Museums, and the SB RAS International Committee for Museology helped to hold a Scientific-Methodological Seminar *The Presentation of Scientific-Educational Museums and their Collections in the Internet*. The participants came to conclusion to create the Museum Portal of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences and experts from the NSU *Multimediacenter* have already started the pilot version of the system with the remote access rights granted to the Museum of Coal SB RAS Kemerovo Scientific Center (KSC). The Scientific Council of Museums supports the informatization initiated by the museums of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences. Thus, the SB RAS Buryat Scientific Center Museum (BSC) has launched the program HIDA 4 aimed at the registration of the museum items; DubDetector is the program to sort and to streamline the photos, and IRBIS program is designed to account for press products. The museum is engaged in creating electronic photo archive for the BSC Museum. In 2009 the Internet site of the ISEA Zoological Museum has also been expanded, specified, and upgraded. It is still developing now, the detailed information on the Museum's funds can be obtained at: <http://szmn.eco.nsc.ru> and <http://szmn.sbras.ru>.

Motivated interaction of the Presidium of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences with the Scientific Council of Museums and with the heads of the academic institutions has provided an effective network of the museums in the Siberian Branch of the RAS. For example, the investigation category *New Museums and Modernization of the Museum*

Objects offers new vistas. The Museum of History and Culture of the Peoples of Siberia and of the Far East invites the visitors into the new exposition halls *The Middle Ages* and *The Early Iron Age* with an ample use of interactive information technologies — digital albums, an information kiosk, and the Internet version of the exposition. The project was supported by Dm. Zimin Dynasty Fund: *The Scientific Museum of the 21st century* (Natural sciences and an archaeological source category, the area of an exposition is 315 m²). The members of the Historical Museology Centre are trying to start the first permanent exposition of the museum *The Formation and Development of the Omsk Center of Archaeological and Ethnographic Researches* which is devoted to the 35 anniversary of the University and to the opening of the Omsk Museum of Siberian People, the Omsk Branch of the Institute of Archeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences.

The SB RAS Buryat Scientific Center also runs some joint as well as some independent projects. *The Huns: Secrets of the Disappeared Empire* is the one, executed in collaboration with the M.N. Hangalov Museum of Buryatia History and Kyakhta Museum of History and Lore. The BSC Museum houses 71 subjects of the Hunnic time. A reexposition and a presentation of the exhibition *The Secret of an Oriental Book* took place at the Museum. The Center staged a Photo-exhibition *The Roads of Wandering: on the BSC research expeditions materials*, another exhibition was devoted to the caves of the Baikal Siberia — the exhibition united paleontologic, geological, archaeological and ethnographic materials. The Center organizes the display of new books devoted to the veterans, to the renowned scholars in the country and throughout the world.

The SB RAS Scientific Council of Museums views as one of its priority areas the implementation of new ways of museum business. For example, the artifacts of neolith, bronze, and the Iron Age epoch from the collection of BSC Museum were granted for the investigation to the researchers from the Krasnoyarsk Museum of Regional Study, to their colleagues from the Institute of Archeology and Ethnography, from the Institute of Mongol and Tibet Studies and Buddhism. Another example. The Local Branch of the Institute of Archeology and Ethnography focuses on compiling the theme tracking database indices on the scientific archive of Omsk State University. Besides, the Institute researchers prepared the catalog manuscript *Archeological Monuments of Steppe and Southern Forest-Steppe of Priirtyshya in the Collection of the Museum of Archeology and Ethnography of OmsSU*.

The SB RAS Scientific Council of the Museums traditionally renders assistance to the SB RAS Museums in their field expeditions and in their current acquisition of museum artifacts. The Institute of Diamonds Geology and Precious Metals Museum in the course of their expedition in Central Yakutia and in the basin of the Kolyma River continues to explore some basic quaternary exposures and to collect the mammoth faunae bone remains. The most valuable exhibit is the lower jaw of a cave lion. All the departments of the BSC Museum have been replenished with some new collections: archeological, geological, paleontological and biological.

Specimen and objects are acquired from fieldwork undertaken by BSC research associates and from private collections. SB RAS BSC Museum research personnel have conducted archeological investigations in Khorinsky, Tarbagataisky, Mukhorshibirsky and Bichursky Districts of the Buryat Republic (written records and photographs). Expedition works of IH SB RAS Source Studies and Early Texts Studies Sector aimed at finding ancient manuscripts and books published in Russia before the 18th century continued in its year under review. Fieldworks on early texts studies were undertaken in the territories of Tomsk, Novosibirsk, and Kemerovo Oblasts. In 2009 the collection of books published before the 18th century of the SB RAS Institute of History was complemented by 34 new objects. Under the auspices of SB RAS General Committee and Museum Scientific Council, SB RAS Central Siberian State Museum formed an initiative group consisting of the Institute personnel and volunteers and organized an exportation of a unique 700 kg specimen of native copper from the Taimetskoye Deposits in Gornaya Shoria territory. The expedition was saving a unique natural object. The stock collection of the Zoological Museum was complemented by 2 skeleton casts of ancient pangolins — *Estemmenosuchus* (climbing a tree) and *Deinonychus*.

SB RAS Museum Scientific Council informs SB RAS museums on new ways of financing, tenders and grants of both traditional and new generation types. SB RAS museums are RHSE, RFFS, and SB RAS integration projects grant recipients, as well as other organizations grant recipients such as *Dinastiya* Fund and D. Potanin Fund.

A lot of scientific and educational work has been done to popularize history and modern development of academic science in Siberia. A great importance has been given to organizing and conducting exhibitions of different levels. BSC SB RAS Museum took part in an international museum festival *People of Baikal Lake (Ozernye Lyudi)* in Ulan-Ude city. The presentation project *The Nomad's Star* was a 3-rd prize-winner (S.V. Buraeva, S.A. Baturin); the museum staff took part in the presentational conference *Innovative projects of Moscow Museums* (within the frameworks of Moscow Days in Buryatia). SB RAS museums take an active part in celebrating Days of Russian Science. There was an open day in the SB RAS Central Siberian Botanical Garden (CSBG). More than 500 people visited the site. Hothouses with tropical and subtropical plants were very popular among the visitors. The SCBG Museum displayed new exhibitions of lichens, strobiles, Siberian medicinal plants, Chinese food plants introduced in SCBG, plant remains from the Ukok Plateau burial mounds. SB RAS Institute of Mining traditionally offers an informative program for the Days of Russian Science. Schoolchildren and students can watch the demonstration of real unique testers designed in the Institute to study the structure and properties of mountain formations, and the features underlying the interaction of technical means and rock mass during minerals extraction. 500 junior and senior students visited CSBG. SB RAS ISC General Committee and the School Board organized within the Day of Russian Science a tour for schoolchildren and teachers from supported institu-

tions to the Ecological Educational Center of SB RAS ISC Baikal Museum in the village Listvyanka. The tour program included lectures for teachers, excursions to the museum, aquarium, bathyscaphe, and arboretum. There was organized a two-stage Baikal Studies Competition. SB RAS Museum organized a meeting of students of school 119 with N. A. Kuperstokh, PhD in History, and senior research associate of SB RAS Institute of History. The Museum also hosted an exhibition and presentation of the *Science Firsthand* magazine, a presentation of scientific and popular science publications of SB RAS Printing House, an exhibition *From the History of Siberian Science...* (based on SB RAS Museum collections). The Russian president Dmitry Medvedev as a part of his working tour to Irkutsk visited the Baikal Museum. He was enthusiastic about approving the concept of developing the museum into a scientific and educational complex SB RAS *Baikal Museum of Natural History*. The SB RAS Museum of Science and Technology was awarded a Certificate of Honor from A. A. Gordienko, head of the Sovetsky District administration, for its part in organizing academic (in February) and city (in May) Days of Science. More than 200,000 people have visited the museums of the Siberian Branch, more than 1,000 excursions and lectures have been organized here. The Baikal Museum has welcomed 5,500 people.

The SC concern about the strengthening of the material and technical base of the museums facilities is its issue of priority. The means received by SB RAS museums are spent on new exhibits and collections, on the replacement of equipment, on new exposition and exhibitions. For example, Omsk Branch of SB RAS Archeological and Ethnographic Institute renewed the equipment for the exhibition hall of the Museum and fund storehouse. In 2009 the SB RAS Geological Museum IGABM started the formation of the united osteological and lithologic-and-stratigraphic distributing centre. It is created on the basis of the Museum fund collections and is expected to be replenished for the account of new arrivals including monographic paleontological collections. During 2009 osteological materials of mammoth fauna (about 6,000 copies) were moved into the distributing centre. The expenses for the new exposition in the SB RAS Coal Museum in the KemSC were but partially covered.

On the whole, in 2009 the SB RAS Scientific Council of Museums implemented its Development Program aimed at the preserve and exploration of museum objects and museum collections, at public presentation of museum fund of the Branch in 2008–2012 [8]. It bears evidence that the museum management proved to be effective and it will help to save culture and scientific heritage in the Russian Federation as well as in the Siberian Branch. The results of the Program implementation will facilitate to increase the role of fundamental sciences, to consolidate spiritual and patriotic principles in the public awareness, to enhance the system of cultural and liberal education as well as of international cooperation.

The list of references

1. Lamin V. A., Shelegina O. N. Museums of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences: Formation and Development // Vital Problems in the Activity of Academic Natural and Scientific Museums: Proceedings of the International Scientific Conference. Novosibirsk, 2010. P. 23–31.
2. Lamin V. A., Shelegina O. N. Scientific Council of Museums of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences as a Coordinator of Activity // Proceedings of the International Symposium “Museums for the Society in the 21st century”. Taipei, 2009. P. 381–389.
3. Museums of the Scientific Centers and of the Institutes of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences: Outlines on Formation and Development / Ed. V. A. Lamin, O. N. Truyevtseva. Novosibirsk, 2009. 262 p.
4. Makarov V. A. TV Bridge of Siberian Museums // Science in Siberia. 2009. № 37. P. 9.
5. The Integration of Siberian Museums into the Regional Socio-Cultural Space and in the International Museums Community. Ulan-Ude: BSC SD RAS, 2009.
6. Salnikova I. V. Museum Exhibition as a Form of Scientific Communication // Proceedings of the International Symposium “Museums for the Society in the 21st century”. Taipei, 2009. P. 419–425.
7. Buraeva S. V. The Academic Museum and Education in Buratia Experience of Interaction // Proceedings of the International Symposium “Museums for the Society in the 21st century”. Taipei, 2009. P. 315–319.
8. On the Activity of the SB RAS Scientific Council of Museums // Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences in 2009. Research and Organizational Activity. The Dynamics of the Branch Development. Novosibirsk, 2010.

Vieregg Hildegard K.

ECOMUSEUMS WITH COMMUNITY

1. History of Eco-Museums

1957 the International Council of Museums defined the Open-air-museum as a collection of monuments which are open to the public. Those are usually buildings of folk- or pre-industrial architecture: lodgings/houses for farmers, herds-men, fishermen, craftsmen, workers — or workshops as mills, potteries, shoemakers, carpenters or even shops etc.

Sometimes also monuments of “high architecture”, historical buildings, chapels, manor houses, old school buildings or monuments of the industrial age belong to an open-air Museum.

Eco-museums in further time reflected the structure of “open-air-museums” which itself dealt in a way with “Eco-problems” and related it much more to the community.

The idea of the “Ecomuseum with a Community” is much older than the ICOM-definition of the “open-air-museum”. The first one was the open-air-museum in Skansen close to Stockholm in Sweden. It was opened 1891 and a phenomenon/occurrence that corresponded with the reform-movements on all subjects of life by the end of 19th century. This “open-air-idea” came at the same time into existence in different countries of middle Europe.

Particularly in Germany arose the so-called “youth-movement” as a protest-movement against the social constraints of the Empire of Wilhelm II. This youth-movement intended to find a way to live in freedom from those military obligations and to find the individual and social prosperity/richness and luck in the encounter with the nature in the countryside.

This was only one school of thought of the reform-movement. Others are to find in the political, social, artificial changes and also in the reform-development of the museum. At the same time by initiatives of communities many small community-museums in Germany came into existence. Particularly after World War I. the turn to a better native country led to the foundation of *community-museums* which should enable to promote the cultural life.

In their collections they incorporated different objects from all spheres of the every-day-life of a local or regional community. This development continued during the whole 20th century. Apart from the fact having very important “Museum-Areas” or “Museum-Islands” with a lot of world-wide famous museums in the capitals of Germany, as e.g. in Berlin or Munich in the most smaller cities of Germany community-museums came into being. In my region Bavaria in the South of Germany are at the moment more than 1200 of this kind, in all federal districts of Germany more than 6500 in total.

That’s to say that since the radical social changes already during and after the Industrial Revolution the community in relation to the museums played a very important role. Many people were engaged in putting together of collections and creating deposits, in activities of conservation, presentation of those goods and chairing these mostly small museums. Particularly in the first half of the 20th century the directors of those museums were no museum-experts. Besides, until now community-museums in Germany are in many cases led by laymen.

Many of these community-museums are nowadays a *kind of open-air-museums*: as they work in the agricultural, skill-trade or economical system. There can be single buildings as farmhouses, archaeological open-air-museums, open-landscape-museums, etc. They are mostly kept “*in situ*”.

But the defined “open-air-museums” sometimes mistakenly named “Eco-museums” are in reality museum-imitations of rural villages. In this concern original single farm-houses, workshops etc. are transferred to a beautiful place in an attractive region or landscape — as e. g. to a site closely situated to the mountains — and arranged in a combination of these buildings like a village. As they have the characteristic of a collection like other museums.

Others, as the open-air-museum Großmain close to Salzburg/Austria, are developed according to the historic landscapes and regions of a country. Besides the presentation of single farm-houses related to the counties In this case the experts intended a didactical presentation for the visitors: Everybody should become acquainted with the structure and the protection of the countryside. Another attribute is that from a “living museum” — as well as by the presentation of the customs and cultural techniques of the peasants as by the changing image of such a museum by the seasons of the year.

However, the feature of the community is very important.

Nevertheless they differ a lot from the *classical Eco-museum* which we know as institutions “in situ” with an authentic milieu, and as a specific phenomenon of local or regional cultures.

Eco-museums claim for themselves to be potentials for identification of people in and of a certain region. The focus is particularly on the regional development. This understanding leads to a new sight/vision of museological tasks. Somebody may ask whether they are without a doubt *museums* — or simply districts of a city or amusement parks which reflect the phenomena of space, time and human beings.

2. What is an Eco-museum in reality?

One of the most important developments of 20th century is the Ecomusée in France or the Économusée/Economuseum in Canada. The idea comes from the famous museologist *George Henri Rivière* (1897–1985) who founded the “Musée National des Arts and Traditions populaires” in Paris. He presented it as a kind of “ideal-village” on the World’s Fair. Already to the 1940s he developed a conception for an Environmental Museum for the Musée de Bretagne in Rennes/France. According to Rivière this museum is characterised by a total area that is inhabited by a community. This area is in all facets and problems considered under the conditions of its development from geological ages to the present. Nevertheless the most important focus is on the interrelationship between men and nature in space and time. The attributes result from an regional territorium, a museum-centre and a regional net of museums of different branches.

The tasks are for the most part adequate to those of traditional museums: collecting, conservation/preservation, documentation, presentation, communication/education. Above that there are interdisciplinary approaches and other facets of cultural and natural life as well as the involvement of the population in the diverse activities of such a museum.

The creation of this new type of a museum can be derived from the social changes in the 1960s and a new policy of environmental planning in France. This policy of de-centralisation became a counterpole to the centralisation in Paris. By

the end of the 1960s the Musée de l'Environnement was as a prototype of an Ecomusée founded with the ensemble of the site as Ecomusée of Grand Lande Marquèze. (Marquèze Ecomusée de la Grande Lande)

Hugues de Varine-Bohan (1891–1967) describes the museum of Marquèze. He starts from the intentions of “New Museology” that relates to the individual and the community. The needs of them are to be analysed. Related to the society in total the past should become documented, the present should be evaluated and the results involved into the future necessities. This surpasses the traditional disciplines of a museum.

The Ecomusée has an “open conception”. Marcel Evrard focused on this already 1971 concerning to “Musée de l'homme et de l'industrie in Le Creusot-Montceau-les-Mines in Burgundy. The population should become acquainted with the cultural and natural heritage. This resulted in a social dimension of the museum work. “Participation” in the museum became the famous motto for all levels of society.

Economuseum

Cyril Simhard, since 2000 professor at the UNESCO-Chair for Cultural Heritage at the University of Laval, and president of the International Economuseum Network Society, is the representative for the development of *Econo-museums* in Canada. He characterises Econo-museum which we find in a great number in the East of Canada by the following components: a reception-building dedicated to the introduction in the museum, workshops for production, sections for object-interpretation, a department for the interpretation of a contemporary production, documentation-area and archive — and a shop where the self-financed museum earns the money.

To contrast this development in France, let me now give a comparison with the advance of adequate museums in the USA which also came into existence in the 1960ies. There was not the intention to create “Eco-museums” as in France, Canada or those different kind of open-air museums as in Germany.

Rather more the Civil Rights Movement was the decisive factor for the foundation of so-called “Neighbourhood-Museums”. This Movement focused on the emancipation of the afro-American population. It was a very important issue in order to promote the circumstances of the everyday-living of this population in relation to social, cultural and economic conditions as a kind of “Social Revolution”.

To think in this way was very new not only for the civil society in the USA but also and explicitly for museum experts. In the course of this movement and emancipation-process became more and more clear that the traditional museums with their often too much privileged topics didn't satisfy the needs of this Afro-American people. There was no possibility for those social groups to identify with. Step by step another kind of museums — branch-museums — arose in relationship to the local community-life.

The first and most important is *Anacostia Neighbourhood Museum in Washington* (founded 1967), supported by Smithsonian Institution — and established in a former cinema. In relation to the neighbourhood museums the term of the “outreach” portrays very clear the significance of “traditional” museums for the specific branches of the “neighbourhood”. This neighbourhood is not unlike to Eco-museums because Eco-museums have enlarged their perspectives. They are not at all as some decades ago particularly related or even limited to the rural sector. Rather more these Neighbourhood-museums followed the purpose to introduce and involve all levels of society in museum-issues as “participants in culture”.

As we have noticed there are different kinds of “Ecomuseums”: the classical Eco-museums in France and Canada, many variants in Germany, Austria and other countries. Although their characteristics and phenomena are somehow allied we have to distinguish between the classical Eco-museums, the neighbourhood-museums and the open-air-museums in their great variety. Nevertheless, for all of them the “community-aspect” is very specific. Most of them were planned and created as museums with or in relation to a “main”-museum and as branches with workshops belonging to a centre or network.

3. Example Yasnaya Polyana — Tolstoy Estate — The Universe

My example of the Tolstoy-Universe in Yasnaya Polyana, the “**Tolstoy Estate**” is a very famous *Eco-museum with community* since its beginning — but it is completely different from all of the others mentioned before. It is an *Estate and an Universe* developed from a family-property to the *State Memorial and Natural Preserve of Russian Federation*.

In consideration of the variety of the “classical” Eco-museums in France and Canada with all those buildings and workshops, and particularly the convincing conception and its credibility I dare to declare it as a very important *prototype of an Eco-museum which was unnoticed until to 1990*. There were too much political problems which didn't allow to integrate this museum into the international museum-typology. Therefore, and that's a pity, although this museum developed since the 19th century in a progressive way, we (museum experts) in Middle Europe couldn't be aware of this because of the political conditions in the former totalitarian State of Sowjet-Union.

Because of its integral conception Tolstoy Estate Museum is of particular interest. Situated about 240 kilometres South of Moscow, the metropolis of Russian Federation, the “World of Leo Tolstoy” is extending. Tolstoy (1828–1910), the world-wide known great man of the letters and literature and above that *one of the most important representatives of Reform-pedagogy in whole Europe*, lived in Yasnaya Polyana together with his own and many peasant-families. Tolstoy was also a prophet and a “father of families”.

Nowadays, exactly this museum is the exaggerating *open-air or Eco-Museum* in the Russian Federation. Therefore it is described not only as an “*Estate*”, but also and much better as an “*Universe*”.

This Eco-museum is not only defined from its rural sphere with country-seats and animals but much more by the community included in all of the activities.

When I was there as a guest, I recognized it as a specific — and non-traditional — Eco-museum of international importance.

Nowadays Yasnaya Polyana is on the one hand a great Museum related to the European Literature, and it is on the other hand also an *Eco-museum with numerous buildings, houses of coaches and cottages, workshops, extended estates, the grove of Leo Tolstoy and several branches*.

Leo Tolstoy lived until to the year 1910 together with his wife and his youngest daughter Alexandra in the private Tolstoy House.

This is, altogether with the other places and sites of the “Estate” an authentic place.

Tolstoy-house means an authentic place, the real residential building with all of the great relations to literature — as the famous “Anna Karenina” or “War and Peace”. In this environment originated novels, stories and discourses upon political, philosophical, aesthetical and pedagogical discourses about this famous poet.

In this respect the “Tolstoy House” with its different living-rooms and the solitary furnishings is a specific Universe. It reflects as an authentic place the total life of the Tolstoy-Family.

Remarks to the Eco-Museum of Yasnaya Polyana

Starting from the Turn-around along the museal buildings, the parks and the orchards, the paddocks and the bee-keepers, not only the former residential-building is of great importance, but also the “Volkonsky-House” of Tolstoy’s great-Grandfather.

Also Volkonsky-House with the closely-situated stables for the horses and the animals is an attractive building in the style of Russian Empire. The possible use for seminar-buildings corresponds to the authentic using under the legendary prince of the Volkonskys. In the period of his regency not only a knitwear-factory was housed in this building but also a workshop for spinning threads and knit-wear-factories — while young ladies in the same house produced handmade-articles as dills, laces, carpenters and worked in tailoring and much more.

As almost in all of the Russian Estates also the remote region of “Yasnaya Polyana” was a self-reliant community. There were almost all kinds of the agricultural and producing- techniques performed and realized. And- The community was always involved.

Nowadays, in the museum purpose is intended traditional cultural techniques to bring to life and to offer workshops for museum-visitors. Above that, music, dance, stage plays are delivered and may be involved into the pedagogical work.

Another room in the “Volkonsky House” is prepared for seminars and the training of teachers and other multipliers. While in the numerous outside externalities belonging to the “Tolstoy Estate” — the private residence, the school for the children of the peasants, the farm-houses.

Particularly the school established for the children of Tolstoy’s Estate is going to be used as a kind of “school-museum” inside of the Universe. Not to forget that Education was very important not only in the conception of Tolstoy’s Estate but also in the Eco-Museum of Yasnaya Polyana.

Let me close and summarise:

The Eco-Museum of Yasnaya Polyana is together with “Tolstoy’s Estate” both an integrative and interdisciplinary model. In this concern we have also to take into account that there are many branches belonging to the “main museum”.

– Kozlova Zaseka: the very interesting railway-station with the exhibition “Railway of Leo Tolstoy” from where Tolstoy as a very famous literate started to Moscow. This project of Leo Tolstoy and the Railway was realized in 2001. That means that the old railway-station was according to the old model was restored and established as one of the branches.

– Nikolskoye-Vyazemskoye: the ancestral Estate of Tolstoy family, mentioned in “War and Peace”.

– Maloye Pirogovo: a site that supported in a particular way Tolstoy’s creative spirit.

– Krapvina: a museum about local history.

– the Cultural Centre with an Art Gallery, a Publishing House and a Tourism-agency, that provides “activity”-programs in Yasnaya Polyana and visits to the other museums.

Tolstoy died a natural death during an itinerary. The Eco-Museum reflects all facets between his literature-life and the farming community.

L. V. Malinovskiy

THE PIONEERS OF THE CLOCK PRODUCTION IN RUSSIA

As it is well known to everybody Russians are not very accurate and come often too late. And not only to their personal meetings. To some degree it can be explained by the absence of the needed tradition: the poor Russian farmer lived and worked historically according to the daily movement of the sun, as his saying was “the dew goes away and we go home”.

Clearly and comparatively could see it the Russian traveler and ethnographer A. S. Afanasev-Chushbinski who traveled in the Ukraine just at the times of the reform (1861). There he saw already ploughed and sowed fields of the German colonists along with the still raw fields of the Ukrainian farmers which did not manage to work in time with their slow-going bull ploughs. Here he asked the Ukrainian farmers, why they do not accept the positive methods of their German neighbors and do not work more speedily with horses and iron plough.

The answer was: My grandfather and my father ploughed with bulls, such is the tradition. The Germans have their customs, we have our own ones. They have a clock at home, they live and work according to it...

That is the very moment we want to stress. What kind of a clock had the German farmer in his dwelling and where from could he get it? Surely did he not have in his pocket the famous French Briquette chronometer like the Petersburg nobleman as described by Pushkin. At that time Russia had no own clock and watch production, the very few masters could assemble some with imported parts. 1897 were imported to Russia separate parts of clock and watches for 3219 000 rubles, 2007 000 if the sum came from Switzerland (62 %)

At the same time there were really hanging in the German colonies clocks on the wall from their own production: German craftsmen had brought the art with them from Schwarzwald, where home worker always made wooden clocks with a cuckoo, such cheap wooden clocks had in his home also the famous writer L. Tolstoy, not a farmer but a Russian gentleman.

Such clocks produced by the German craftsmen have their history and stand in museums in Germany and in Switzerland.

But in Siberia they are till now hanging in the homes of the German farmers. The author could collect a small number of such clocks; the collection demonstrates the technical development of the device. The eldest exemplar is dated as far as 1807; the clock is also more than 200 years old.

From the later specimen it differs in such items: it has only one hand, correspondingly the work has no minute gear; there is no chain, the single weight is hanging on a rope and the work has a corresponding rope-gear; the weight is not made on a turning bench but is wrapped as a sheet of brass and filled with plumb smelt; the dial is round and painted with a landscape and has Roman numerals.

This clock was found 1965 in the district of Isil-Kool in the region of Omsk and was a present to the author by the then student of Omsk Pedagogical Institute Jacob Hoepfner, the direct descendant of the man with the same name who 1787 was the first deputy during the first migration of the Mennonites to Russia, he met Potemkin and Katharine II at Kherson the deputies could not see her at Petersburg and followed her to the South.

The student was of the same name as his ancestor because there is a custom with the German families to name the first-born after the father.

That clock was naturally much neglected and had to be renewed. In the process of this work we could see that the moving parts of the clockwork were worn out like old shoes and we had to fill the holes with soft tin to control the functions of the mechanics.

There and then we found as well that the screws holding the dial (they were lost) had an unconditional and outmoded thread, so that the restoring engineer Ju. Korshunow (from the Atomic Institute of the Siberian Academy) had to turn them anew and to use nonstandard thread.

All these details confirm only the old age of the clock and the correctness of the date written on the dial — 1807. Besides the author had 1996 the possibility to visit the clock museums at Schwenningen (Schwarzwald) and of Zurich (Switzerland) and to see there the clocks from the beginning of the XIXth century, there was not a single clock with one hand, though some of them had a rope instead of a chain.

Some years later we got presented a book by the offspring of the clock fabricants Kroeger from Canada describing the development of the clock production in Khortytsia (German-colony in the Ukraine, 18 kilometers from the town of Zaporizhia), it shows a clock with the only one hand, made 1837, obviously the man had no older specimen there is Canada, or even a memory of their model, he could not report the time of the beginning of the clock production at Khortytsia.

Another piece of our collection refers clearly to the later time of the work of German craftsmen. The clock has two hands, the weight is made on a turning bench, the weight is hanging on a narrow stripe of leather with corresponding changes in the clockwork. We would refer this undated clock to 1850 or nearly that time. In 1972 we found that clock in Orlovo (now it is the German national district, region Altai) we could find in the neighboring site of Chartesh in the same district and photograph the clock of the same type but dated 1858 it was driven from a chain, also of some later production. Kroeger dates his specimen as produced 1887 with two hands, the change from “one-handed” clock to two hands was obviously at former times. His picture shows also a striking clock, produced 1897, more exact data on the beginning of that kind of production are not mentioned.

In the German villages of Siberia we have seen mostly clocks with two hands but not striking. Besides there is a picture of the striking tower clock of the same firm on a school house in Khortytsia

For the Russian or the Ukrainian farmer of those times who paid 20 rubles of income and other taxes a year and whose whole farm inclusive his home was priced 300 rubles only such a clock was too expensive.

The farm of the German colonist in the south of Russia was at the same time priced some 3 till 25 thousand rubles before all as the mounting cost of the land of which each German farmer had some 60 or 64 dessiatin.

In this way the Kroeger firm existed in the time of 1800 till 1925, but its development went with them down. The firm had no rivals in the market, the demand for the clocks was for the German colonies very steady but the market was just rather small, only the German colonies. Therefore the firm at the beginning of the XXth century passed to the production of oil motors according to a license of the German Deutz firm.

The World War I and the following downfall of the Russian economy made an end of the Kroeger firm in general. Our Canadian author writes he was himself a witness of the last case of production of a Kroeger clock as far as 1925.

Here we have also the question of why the firm did not pass to the industrial production of the cheap small clocks which was possible even through a craftsman partition of the working process. The number of workers aroused at the time of flourishing of the firm till 60, which was just enough for the first partition of the working process. The first steps in this direction were already made — the craftsmen made the inner works of the clocks and some women painted the faces by hand or with the help of transfer pictures. This makes it clear for us why there appear on the faces of the clocks some topics of the Russian art of the XIXth century. At that time the firm had already an own two-story edifice in Khortytsia and could pass over to mass production if not for the small market in Russia.

Here arises an important question of why those useful and exact clocks, able to work for 100 years and more could not enter the Russian village life?

The cause of it is very simple — the clocks were too expensive. Kroeger himself writes on page 95 of his book the clocks were not cheap, their price was 50 rubles, compare it to the insurance cost of a horse in the German colonies at the middle of the XIXth century, a horse was to have at 20 silver rubles. In the memoirs of a German craftsman we read that he had made two clocks and had bought for the profit of it a suit, obviously a good town suit.

What was the production cost of such a clock? Besides of the material costs, the craftsman had to work on such a clock for a week, producing continuously the house, the gears, the face and the weights. That means he would make some 50 clocks a year if working continuously. It is hard to imagine such a steady work, especially because the cutting of the brass gears was not only laborious but even deadly, as the dust of the brass waste was very poisonous.

It is clear that the clock of such a cost was not suitable to seize the market. The same case is to be seen in the passing of some other firms in Khortytsia to the mass production of agricultural implements, so produced the former clock firm of Peter Lepp already in the 1860ies some 100 horse driven cutting machines a year. It is very interesting that in his works the turning lathes were at that time with wooden benches, to master the iron casting he went to the state works at Luhansk as it describes his biographer (1912) D. Epp, the well-known Mennonite historian.

Having reviewed in this way the collected material and according to the writings of the firm participant we could put here an end to our story and say that at the middle of the 20th years the village production of the simple clocks was driven out from the market by the industrial production of clocks and watches in the state factories of the USSR, which were built at that time with the partial help of the craftsmen from the same Schwartzwald.

But the tradition of the clock production is still alive in the German villages of Siberia, which we can see in the following cause: in January 2008 the Moscow TV/Station sent a topic from the region of Novosibirsk about a German village master who has built in his village and in the neighboring small town tower clocks with towers of three stories, which mark till now the life of the village and town with its clinging bells.

The name of the master is Abraham Steffen from the village of Neudatchino. The author has been often to this village and knew the teacher of the site with the same name of Steffen, the village had a school with the teaching if German according to a special program, the former colonists had read not only the Bible but the works of Darwin and Heckel and those of their Scientific opponents. About the economic stand of those villagers we can mention the fact that already 1923 during farming fair in Novosibirsk they took the electric station and the devices from this village, which was very unusual in those poor times.

In this way the European tradition of the German clock production lives till now in the depth of Siberia.

L. Maranda

MUSEUMS AND (ETHNO)CULTURAL TOURISM

Abstract

Tourism has become a growth industry and contributes substantially to the economies of, in particular, small, “third world” countries. Many tourists travelling to far away places are particularly keen to seek out cultural experiences, either as ends in themselves or as an added value to their vacations. While most of these experiences are executed through commercial tour agency businesses, some come under the aegis of museums with the requisite resources to effectively carry out such programmes. But, what of the involvement of museums on this scene? Can museums, as players in the cultural tourism field, provide the kind of educative experience of which they could be capable, or do their traditional mind-sets and methods of operation preclude them from fully fulfilling this role?

What is involved here is the historical and contemporary ethos of museums and their concept of self which interferes with their ability to be inclusive of “the other” except on their own terms. The museum’s purpose in this regard is to maintain its authoritative voice and intellectual prerogative in its communications with the publics it serves. The thought that there are multiple voices that need to be heard is not any easy concept for museums to contemplate and a positive move in that direction would represent a major shift with far-reaching consequences. Nevertheless, it is this obstacle over

which the museums must hurdle to be effective players not only in relation to the local community it serves, but also in the wider realm of cultural tourism.

Preamble

Today, there are substantial monies to be made in both the eco and cultural tourism sectors, and in fact, this has now become a growth industry. An increasing number of tourist-travellers, with the financial means to do so, are seeking to include natural or cultural experiences as value added to their vacations. Such experiences range from simple tours to nature reserves or attendance at cultural performances, to elaborate and pricey “total” type experiences replete with lecturers, interpreters, resource personnel, personal transportation, and etc. Keen on seeing the wonders of the world, tourists are flocking to remote and exotic destinations as never before. Most of these individuals are “takers / users”, with few contributing to the welfare of what they have witnessed as “givers / builders”. The “me” is the focus and the “other” is there for the enjoyment and edification of the “me”.

Those promoting such experiences are almost entirely commercial businesses for which such tourism is a profitable venture. These tour agencies make their living from and owe their existence to such enterprises. Some are more polished and palatable than others, others which are simply satisfied with providing any level of crassness in the course of their operation. After all, their aim is to give the clients “what they want” at the cheapest price possible, because there is big competition “out there”. Some operations are downright sleazy, whereas others, while still “commercial”, strive to make the experience a memorable one for the visitor. After all, the aim here is that the client leaves happy and hopefully, will spread a positive word about his/her experience, which in turn may generate more business for the tour agency. Word of mouth as a powerful tool is not lost on how most tour agencies conduct their business.

The question is, however, to what kind of an experience is the tourist-traveller being subjected and does this represent, for example, the culture being presented to the visitor. Safe to say that tour operators normally conduct their business within the established cultural parameters, and the tourist normally experiences only that which is acceptable to the culture being represented. In fact, the culture can and does set limits to such experiences and “releases” only those images to which it wants the visitor to have access. This is what the tourist will take home as a cultural experience, and since most travellers have little or no idea about the cultures they may encounter on their trips, there can be much “licence” taken by those delivering the experience. By and large, most cultural experiences encountered are “tailor made” for and “sold” specifically to tourists. Culture sells, and this fact has not gone unnoticed by indigenous peoples around the world as more and more are seeing cultural tourism as a means of economic growth.

The Museum Fit

Do museums fit into this milieu and if so, how? There is no doubt that museum and cultural site visitations are an integral part of the tourist experience. This is where the visitor can see the material productions of a culture from both the archaeological and ethnological pasts. All too often, however, museums and their encased displays perpetuate the stereotypical belief or myth that “authentic cultures” are “frozen in time”, do not change, and can be visited and observed without interference. In fact, many museums are not particularly interested in the cultural continuum and make a contentious decision not to collect objects which are representative of the contemporaneousness of such cultures. This gives the visitor the impression that cultures are dead and no longer exist. Consequently, the museum’s predilection for what it believes to be the “authentic” representation of the lifeways of indigenous peoples, as illustrated in exhibition gallery displays, only serves to confuse the visitor who has difficulty equating that which is seen in museum presentations with that which is observed in the course of cultural tourism experiences. This gap serves to distance the museum from the reality of “today” and relegates it to the realm of an historical past.

There are, of course, many museums, both large and small, which are involved in cultural tourism and mount local and/or international tours or expeditions whether on an ongoing basis or just intermittently. Tour leaders with specialist expertise, come either from the core staff of the relevant museum or are imported from, for example, other museums or from universities. Many of these programmes are billed as study tours and strive for a melding of education and sight-seeing, including lectures given in advance and en route and the distribution of reading materials. As is the case with museum exhibitions, much of the dissemination of didactic information on such tours comes from academe and not from the indigenous peoples who are naturally in the position to best interpret their own cultures. This does not mean that indigenous peoples do not play a part somewhere in this process, but these individuals tend to be marginalized as language interpreters, site tour guides, or local facilitators, the services of which tour organizers have retained primarily for more practical and less instructive reasons. This speaks directly to the lack of indigenous inclusiveness in the workings and programmes of museums in general.

Originally, museums were a construct of “Western” or European based societies, wherever these can be found in the world. European countries in particular have built museums to house objects acquired in trade with or looted from the many different cultures they have encountered during exploration and conquest and through the effects of imperialism and war. Objects have also been taken or imported from foreign lands through questionable or illicit actions and these have found their way into museum collections. On the other hand, museums not on the receiving end of such activities, have focused on collecting objects from their own predominant culture or cultures or from those where there are indigenous minority populations. For Western museums, holding eclectic cross-cultural collections is very often a natural part of their institutional ethos and the concept of universality is not far from their thinking. More recently, museum institutions

outside of this demographic have developed and have become inherent additives to the cultural and social landscapes in which they are located. The word "museum" has found its way into the lexicon of most languages except for those where it (the museum) is still an unknown. Each museum has naturally taken the form and espouses the beliefs of the dominant cultural milieu in which it is located. Incorporating different cultures into either the philosophy or operation of the museum and its activities, let alone fostering intercultural exchanges, is not an easy task and some museums shy away from doing so altogether.

As peoples move more and more throughout the world and immigration is a continually growing reality, especially for Western countries, new cultural values which infiltrate the sphere of the predominant societal dynamic are slowly beginning to be acknowledged in a visible way by museum institutions. The forms of acknowledgement employed by museums normally range from the acquisition of objects, to their exhibition, to educational and other programming at both the school and adult levels. The issue here is that these activities nearly always go in one direction, originating from the museum and "delivered" to the publics it serves. There is, however, an inherent problem with this type of unidirectional "delivery".

The Issue

Simply stated, the root of this problem stems from the formation of the museum organization itself and its ongoing traditional methods of operation. The museum has fundamentally become a mirror of the societal values of the predominant culture in which it is located. The primary decision makers in the museum structure — directors, curators, educators / programmers, exhibition designers, conservators — are normally recruited from this demographic. Each is accomplished in a field of study acquired from a university, technical, art school, or other such institution, and each brings learned skills with him/her to the job. Since the museum ethos and methodology subscribe primarily to "Western" standards, cultural attributes, which might differ from the norm, rarely enter into the equation. By and large, the museum is comfortable in this position and sees little reason to change the status quo.

On the other hand, however, segments of the population, in particular those of indigenous peoples and to an increasing extent, those from immigrant minorities, have been questioning the way they are being portrayed by museums and in some cases, why they are not being represented at all. This has led to not only a desire, but also a demand for a role in the museum's acquisition, collections management, information production and dissemination, and other activities. For some museums, this has escalated to the point that the inclusion of such demands be evident both in intent and in written museum policies. While many museums are prepared to acknowledge intent (often appearing, however vaguely, in Mission Statements), only too few are prepared to cast it into their policy documents.

Museums still think of themselves as the sole generators and thereby in control of the didactic materials they disseminate to their audience, primarily by way of exhibitions. They hire curators who have the learned knowledge about the collections under their care and they believe that it is the curator's responsibility to research and present the collections through exhibition in a "meaningful" way for the general education and interest of the visitor. These collections are comprised of objects which are static, having been removed from their "active" *in situ* environment and subjected to the process of musealization. Through this process, they are ascribed with new identities to suit the museum's purpose, however that may be defined at any one time. As such purposes change, so do the identities given to the objects. The objects, as sources of knowledge, exist in this way to serve the museum's intent. Throughout time, the museum can imbue objects with many different attributes so far removed from their original function, thus enabling the museum to create illusory cultural contexts which they make available to its visitor.

This methodology is museum based, museum directed, and museum delivered. While curators think they are being conscientious by striving for authenticity and balance, they do not realize that even with what they believe to be respectful intentions, the cultural illusions they create are just the opposite. While objects remain as real, tangible testaments of the cultures from which they originated and as such must be preserved, they are no longer "alive" within their original cultural milieu and have become just remnants or examples of what once was. As such, they are open for re-contextualization, manipulation, and interpretive "abuse". They are moulded to fit an exhibition concept or storyline and their inclusion is justified in terms of their interpretive value. Juxtaposed with other objects, their cultural identities and functional relationships can be entirely lost. Above all, the exhibition has the ability to create illusion and this it conveys ostensibly for the education and enjoyment of museum audiences.

Are these illusions, however, truly educative or just mere facades? While the accepted standard is to provide didactic materials through such manipulative interpretations, the question remains why minorities query the way they are represented in museums. This has led such groups to call for a place in museum policies, for a share in museum activities, and in particular, for a voice in the interpretation of their own cultures. It is this call that museums need to heed to move them, however slowly, off of the concept of their sole authoritative position towards one that is more inclusive. Nevertheless, the inherent attitude extant in museums remains: they possess the authoritative voice; they have the right to interpret the collections and their originating cultures with whatever intellectual prerogative they so choose; and, they deliver the message in a unidirectional fashion. The museum visitor is handed the message in a take it or leave it style depending solely on his/her level of interest. Little or no attempt is made to engage the visitor, whose presence in the "sanctum" is perceived by the museum as a natural corollary to the institution being what it is. As such, the museum is seen as disassociated from the wider community and this state becomes more evident, and ultimately more critical, in the case where indigenous peoples are concerned.

The Transition

For the museum to be effective not only within its own structure, but also as a worthy player in the wider world, it needs to make a conscientious effort to break down those barriers which have marked years and years of institutional self-superiority. It needs to come to the realization that it is one with the community, regardless of that community's cultural composition, and that it could be a primary vehicle through which indigenous peoples and minorities communicate their histories and life-ways to others.

Many museums have begun to reach out by communicating directly with various communities to consult contacts within or designated representatives from the specific cultural group or groups on which a chosen enterprise focuses. This consultation, however, normally takes place after the museum has drafted the conceptual framework of the project and developed it to the point where it feels that such discussions would be appropriate. Again, this position serves to demonstrate the presumption on the part of the museum that the authoritative role devolves to itself. This does not mean that such consultation is wrong, but it does represent the extent to which most museums are prepared to go and, at this point, not much beyond.

There is, however, far more the museum can and needs to do to achieve a meaningful dialogue with its multicultural communities. This would involve a series of major changes for the museum: from inward to outward looking, from exclusive to inclusive, from paternalistic to respectful, from independence to sharing, from reactive to proactive, from single to multiple voices and perspectives, and all the corresponding consequences that would eventuate. Such a major mind-set shift would constitute a complete re-evaluation and re-alignment of institutional values. It requires a fully committed, policy-driven effort by the museum to effect the necessary results. The step from consultation (seeking knowledge for fundamentally unidirectional purposes) to collaboration (where roles are shared) is one of the key changes in this process. Museums are reluctant to relinquish or even share the power and authority which they feel is rightly theirs. The fact remains that in order to achieve a level of meaningful dialogue, museums must enter into genuine relationships with those groups whose cultures they wish to disseminate to their visitors. Basic to this is the building and nurturing of such fundamental attributes as trust and respect, and only from the springboard of such a foundation can collaboration take flight and produce valued results.

To fully embrace demands being made by indigenous peoples would be to enter into an equal partnership (not just a more simple collaboration) with those in question. Museums are being put in a position beyond inclusiveness to that where they virtually relinquish decision-making powers to indigenous peoples from whom they hold collections when these are being used. Under such conditions, whether it be a collaboration or a more "invasive" partnership, museums would no longer work in the protective "ivory tower" isolation behind institutional walls, but rather, they now would become facilitators rather than producers; they would serve as intermediaries, bringing peoples together for a common cause. In this way, museums would become listeners to indigenous peoples and builders of bridges that connect these peoples to the museum visitor and beyond. In this reality, museums would embrace a new way of approaching its day to day operations. They would no longer be in a position to set deadlines and demand deliverables in accordance with a museum-based predetermined schedule. Timelines and schedules would become open-ended and expectations realigned accordingly. Things will progress at an entirely unfamiliar pace and museums will need to exercise incredible patience and flexibility.

In addition, museums can no longer look on their holdings as their own property but need to see themselves as stewards of a heritage that does not belong to them. They need to realize that they have become over-dependant on other peoples materials and that this form of cultural appropriation has become unwelcome. They must learn to recognize that there are different methods of presenting histories that are non-linear and cultural lifeways that diverge remarkably from the standard methods. While curators are perfectly capable of intellectualizing and objectifying their exhibition presentations by arranging inanimate objects in their own learned fashion, there are perspectives of great value that originate with indigenous populations that bring the added dimension of a "living" knowledge base which the museum cannot replicate.

The Next Step

If museums can, within their own walls, collaborate actively or ultimately achieve working partnerships with indigenous peoples on, in particular, information dissemination through exhibitions and programming, then they might be in a position to branch out into an active cultural tourism that could have substance and meaning. The possibilities are there. After all, museums communicate knowledge, albeit normally within the confines of their own structure and through those "tools" available to them, such as exhibitions and educational programmes. So too, museums have the opportunity to expand their communications grid into the world of (ethno)cultural tourism but this needs to be done on the same foundation on which they conduct their home base operations.

Museums, once and for all, need to dispel the stereotypical belief that 'authentic cultures' are 'frozen in time', that they do not change, and can be visited and observed without interference. To do this, museums need to seriously question their perception of the concept of "authentic" and come to the realization that indigenous cultures are still alive, and that they change and evolve like everyone or everything else around them. Change comes about over time when new, external factors are introduced into a culture. The most obvious of these manifest themselves in the tangible and readily observable material culture complex, where, for example, objects or parts thereof once made out of natural substances, change to incorporate manufactured matter. Least obvious are the subtle changes which happen to the intangible cultural attributes such as language, belief systems, traditional knowledge, and so forth. But, is any of this any less "authentic" than that

which most museums would have their visitors believe? Museums, therefore, need to acknowledge the presence and viability of the cultural continuum as a legitimate contender in their corporate type thinking and planning.

Since, to their visitors, museums already occupy positions as legitimate and trusted purveyors of cultural knowledge, they could easily move into the often lucrative (ethno)cultural tourism market. This will not be easy. Partnerships would need to be formed with the indigenous peoples at the selected destination(s) and the museum would need to retreat from the sole authoritative position that was once its purview. This is all about inclusivity and if the museum wants to complement its activities by adding (ethno)cultural tours to its mandate, then it must allow indigenous peoples to take the lead role in presenting their own cultures. Even though many indigenous cultures already do run their own (ethno)cultural tourism enterprises, these are normally home-based operations which do not reach out beyond their own communities or countries to entice and bring travellers in from the outside. This would seem like a good partnership opportunity for the museum.

Today, the myth that “real” cultures existed only in the past and have not changed is also reinforced by the tourist industry. As indigenous peoples increasingly take control of the marketing of their culture, they have learned to use this misconception to their advantage. In fact, by staging special performances for travellers and producing distinctive objects for sale, indigenous peoples have also developed stereotypes about ‘the other’, and have set boundaries on the ‘consumption’ of their culture. So, even if the museum formulates partnerships with indigenous peoples for the purpose of (ethno)cultural tourism, it needs to realize that the commercial industry has already skewed the scene, and in this way, “authenticity” still may only be an illusion. Nevertheless, in time, even indigenous peoples grow to accept their “made for tourists” performances and products as an integral part of their cultures, as contemporary “traditions” become assimilated into their own lifeways.

By way of an example from the Pacific Northwest Coast indigenous peoples of Canada, a Coast Salish First Nations, Skw̓wú7mesh Úxwumixw (Squamish Nation) elder (now deceased) had, for many years, entertained children while he was dressed in beaded buckskin and wearing a feather headdress and performing in front of a tipi. It is certain that his audiences must have believed this scene to be an “authentic” representation of both the local indigenous population and by extension, of all “Indians” in North America. For sure, it definitely served to perpetuate the image of “Indianness” which Hollywood has ingrained into the worldwide consciousness. The Coast Salish culture, however, is vastly different from this illustration. These peoples did not wear either buckskin clothing or feather headdresses, nor did they live in tipis. In fact, they wore clothing made from cedar bark, hats made from cedar bark and cedar root, and lived in large wooden plank houses. Buckskin clothing and feather headdresses were worn by the indigenous peoples of the great Plains who also lived in tipis. While this kind of “inter-cultural” “borrowing” or “appropriation” amongst the indigenous populations in this part of the world is common practice, it confuses and distorts the message that the Coast Salish really do want to advance, especially in these times of cultural resurgence, that is, to educate non-indigenous populations and visitors about their culture.

In the end, it will be the indigenous peoples themselves who ultimately need to take charge of disseminating whatever information they decide about their culture, and museums should endeavour to become a partner in this enterprise. This would be a complementary and fitting corollary to the activities already undertaken by museums. After all, if a meaningful, factual, respectful, and non-intrusive (ethno)cultural tourism is to succeed, museums should be involved at some level, especially since they are in a position not only to promote and support such ventures run by indigenous peoples themselves, but also to contribute an ethical dimension to the endeavour.

The list of references

- Ames M. *Cannibal Tours and Glass Boxes: The Anthropology of Museums*. Vancouver: University of British Columbia Press, 1992.
- Anderson G. ed. *Reinventing the Museum: Historical and Contemporary Perspectives on the Paradigm Shift*. Lanham: Altamira Press, 2004.
- Clifford J., Marcus G. E. eds. *Writing Cultures: The Poetics and Politics of Ethnography*. Berkeley: University of California Press, 1986.
- Karp I., Lavine S. D. eds. *Exhibiting Cultures: The Poetics and politics of Museum Display*. Washington D. C.: Smithsonian Institution Press, 1991.

O. E. Mishakova

ETHNOCULTURAL HERITAGE, MUSEUMS AND TOURISM IN THE SAMPLE OF SOCIO-ECONOMICAL STRATEGY THE DEVELOPMENT OF THE REPUBLIC OF BURYATIA

At present the development and integration of museums, heritage and tourism is discussed more actively. Under the globalization conditions the problems of ethnocultural heritage actualization by the museum means and its presentation and interpretation through the tourism are modern.

The people lose their own roots because of the modern development of the society. The traditional spiritual culture including its addition to the material world objects is the means of the national self identification and person's education. The intangible nature of non-material heritage should be constantly restored by the human society to be passed from generation to generation avoiding the constitutionally organized forms, making it vulnerable for changes with the threat of complete disappearance [1, p. 1]. In this sense the revival and understanding of the non-material heritage are extremely important as well as the preservation of the traditional culture should be in the natural environment. Thus, according to the materials of the International Convention of the General conference United Nations on the protection of the non-material cultural heritage according to the international legal acts on the person's rights and mutual respect demands between the communities, groups and individuals [2, p. 124].

It is necessary to understand that the stable development of civilization can be exclusively under the conditions of the preservation of cultural diversity. And the heritage connected with ethnic culture is one of the recognized its development resources.

The socially recognized material and spiritual values preserved by the society to keep the social and ethnic identities, passing them to the future generations are considered to be historically cultural heritage. The information potential of the phenomena, events, material objects, morally ethic norms, scientific, philosophical and religious imaginations the person needs for his development. In this sense the tasks of the modern museums and modern type museum institutions as "institutional phenomenon" of the mankind are modeling and reconstruction of the bow space, information and cultural field in which there exist the objects of spiritual and material culture.

Thus, the tourism improves the object heritage popularization, including "intangible" and (to be more exact in the subject form ("intangible") strengthening the authority of the certain territory not only in their country but also overseas, increasing the population life level [3, p. 501]. But tourism should not only contribute into the presentation of heritage the objects of which are in the circle of excursion tourist service, (that is, it is used as the resource, in which the notion "resource" means "material profit"), as well as the contribution into their preservation.

There can't be any efficient use of the similar resource with some additional object load. The losses of values can't be filled and be invertible. The processes of the natural getting old of the heritage objects are speeded by the climatic conditions, elementary disasters, atmosphere pollution. Uncontrolled urbanization, traffic, not appropriate new construction in the historical environment, incorrect building exploitation model, vandalism and other aggressive actions, false restoration damaging the original monument and its authentic [4, p. 503].

The basic aim of the socio-economical development of the Republic of Buryatia in the corresponding Strategy adopted in the period up to 2027 is the stable economical growth providence adopted in the period till 2027, also at the cost of the ecology-technological development. The main idea of the development is the use of geography position, ecological potential and ethnocultural heritage of the Republic. In the frameworks of the Strategy of the efficient cultural policy and stable territory development, as well as the growth of the regional competition ability based on the optimal use of the culturally historical resources of Buryatia, making of the tourist recreation economical zone with the use of the whole ecological and nationally cultural uniqueness of the Republic. It is planned to level the space misbalances and improve the life quality standards. The priority is closely connected with the salvation of the most severe social problems: decrease of the unemployment and poverty level, life length increase, social welfare availability [5].

The Republic of Buryatia is included into the Siberian federal district located in the southern part of the East Siberia, in the eastern direction of Lake Baikal, which contains 25% of the fresh water resource of the Earth. The lake is the Site of the world natural heritage UNESCO. The Republic borders on Mongolia, the Republic of Tyva, Irkutsk and Trans-Baikal regions. Ulan-Ude is the capital of the Republic. The square of Buryatia is 351 thousand square km, which can be compared with the square of Germany. The population of Buryatia is 974 thousand people.

No doubt, Buryatia has advantages in the sphere of ethnocultural potential and tourism development. The Republic occupies a favorable geography situation. There are big federal roads and railway highways such as "Trans-Siberian" (Trans-Siberian highway), BAH (The Baikal Amur Highway) connecting the west and the east of Russia.

There are eight tourist sites on the territory of Buryatia. The construction started on the shore of the Lake Baikal in the special economical area "Baikal Harbor". All the season round world level health resort with the highly developed infrastructure, the biggest ski mountain health resort in the East of Russia, the biggest centre of SPA therapy and Tibetan medicine are to be started. The place can be used for holding international festivals and competitions.

The development of the cultural tourism is planned in the site "The ethnic ring of Buryatia", medical health and sport complexes — in Tunka valley and in the health resort of Kurumkan. In the site of Enhaluk the family and corporate rest, fishing, hunting and other kinds of sport are to be developed. The South Baikal area will become a high mountain health resort. Barguzin valley and Northern Baikal are the sites of eco-tourism and family rest. Every year more than 2 million come to the Republic. The number of charge services offered to the tourists can be more than 60 billion rubles. More than 50 thousand new vacancies are to be created in the tourist business [6].

Buryatia, the centre of Buddhism in Russia, the place of the Ivolga datsan where there is imperishable body of Hambolama Itigelov. Moreover, in the Republic there are 10 national cultural centers. The ethnic variety (more than 100 national and ethnic groups) reflecting the thousand year history of the population and region exploration. The faith tolerance and peaceful religion co-existence, harmonic interaction and mutual penetration of cultures, common traditions, customs of

hospitality make favorable influence on the tourism development. It was noted by the Metropolitan Kiril during his visit to Buryatia in September 2004: "Buryatia is a remarkable example of international relations not only for Russia, but also for the many countries of the world..." [7].

At present tourism is one of the priority branches of the economy of the Republic of Buryatia which can be viewed as the factor of economical growth not only for Buryatia, but also for Russia, since according to the All the world tourism organization forecast, by 2020 the country will have been included into the 20 biggest countries visited by tourists [8, p. 32].

Every year the stream of tourist into the country, including foreigners to the Republic grows up every year. The tourists travelling to Mongolia, China or Far East grow up in number. The Republic is visited by the tourists from 60 countries of the world. The tourism structure on the purposes of the trips proves the purely recreational character of visiting. Almost the half of all the tourist visits includes business tourism.

The ethnocultural heritage becomes the basic of the narrow specialized excursion tourist program practically available for any museum under the condition of interaction with tourism. For Buryatia specialized tours (ethno and historically cultural, including nostalgia, religious, archeological, ecological and scientifically technical, as well as mixed, for example, naturally cultural and others) connected with the grand scale historical events on the territory of the Republic and its geographical borders, as the parts of Trance-Baikal influencing the Eurasia continent civilization development. It is connected with formation of the plate graves (kerexurses from the deer stones), as well as Scythian Siberian culture; nephrite way existence along which the nephrite things were brought from the East to the West, the first nomadic state Hanna, legendary tribe merkites escaping from Trance-Baikal from the warriors of Temudzhin (Chingiskhan); the empire of Mongols and the famous country Bargudzhin-Tokum, into which many Mongol, Turkish and Tungus speaking tribes, the first ostrogs founded by the Russian Cossacks; one of the greatest trade ways of the mankind — "Tea way", transmigration of the old believers (semeiskie) in the XVIII century; the place of penal servitude and exile in the XIX century, Siberian Cossacks; mixing of the world religions (Christianity, Buddhism and Islam); nature reserves and national parks, limited combination of the mountains, forests, steppes and semi-desserts; rich culture of the modern peoples living in Buryatia, and the objects of tangible and intangible values of the All World Heritage UNESCO, (that is, Lake Baikal, as well as the cultural space and oral art of the semeiskie).

The special category for specialized tourist service stands for the ethnocultural peculiarities of the native peoples. And as for Buryatia, including the native small peoples of the North, the Evenks and Soyots preserved the century long nature use traditions in the close contact with the nature.

Besides, the forms of the living traditional culture reflecting the cultural skills and traditions of the certain people's life space improvement who live on the definite territory. In this case, the semeiskie ("old believers" or "old ritual keepers") who found the second motherland in Siberia. In Buryatia there live more than 18 thousand semeiskie, the centre of compact living is Tarbagatai. This ancient village differs from the others by the long, several kilometer long streets, where the houses are decorated with the carved nalichniks and carvings. It is not possible to see the internal yard over the high gates, and there are tall "cranes" near the wells making idea about the peculiarity and originality of the semeiskie's culture. The depth of their cultural heritage has roots in the medieval Russia and deeper if possible, as for the culture of the semeiskie, the scientists find the ideas originated with the Slavic gentiles. Till the present they preserved the Golden foundation of the folk daily life Russian culture.

As for the art of Transbaikalie semeiskies, the song skills and peculiar technique of song performance are highly valued. The many voice type is the uniting strait of semeiskie songs. The many voice long song performing principles carefully kept during many centuries give a special original coloring to the culture of the semeiskie. The semeiskie not only preserved the unique singing, but also a great number of the texts for the Russian long, round, joke songs, as well as the songs of the prison and penal servitude. Having existed for decades, the special school in the village of Bolshoi Kunalei of the Tarbagatai district contributed into the preservation of the peculiar school of arts of sing for boys [9, p. 52]. Founded in 1991, the Tarbagatai center of culture of Trancebaikalie carries out the work to study, collect and restore the best folklore samples, cultural heritage propaganda. The museum of the semeiskie's ancient times was opened with the Center, there were formed the foundations of audio and video records, decorative applied art works and there is art folk craft workshop. There is old believers' church in the village to keep the ethnic originality and spiritually-moral ideals.

Thus, speaking about the specialized trip attraction, connected with the purposeful acquaintance or studies of all the above-mentioned things, as a rule, in many cases, along with the memorials, sightseeings and specially demanded and available objects of ethnocultural heritage, values and rarities in the museums and museum complexes on the territory of the capital of Buryatia, Ulan-Ude and in the districts of the Republic.

In the districts of Buryatia there are such examples, when the local enterprisers had limited combination of their business with the tourist excursion work (for example, "Atsagat-tour" to Zaigraevskiy district offering acquaintance with the culture of the Buryat people — the Ivanovs' farmer's family or "Visiting Semeiskie" in the village of Tarbagatai — enterpriser L. F. Plastinina) with their own initiative on the development and inclusion of the museums and complex show of the heritage objects with the use of animation programs into their sphere of interests. There is also observed the use of ethnocultural object heritage for the private guest houses in the villages on the shore of Lake Baikal, including opening of the private museums. It helps to preserve the unique identity of the historically cultural space of the territory, awakes the self consciousness of the people, originality feeling, increases patriotism and participation in the small motherland history.

The list of references

1. Convention from October 17 2003 “About the preservation of the intangible cultural heritage” [Electronic resource]. Access regime: spravka-jurist.com/base/part-mx/tx_rss00y.htm. (the date of address 02.09.2010).
2. *Kaulen M. E.* The museum registration of the heritage objects: from the object to the tradition // The Russian province culture: XX–XXI centuries: materially vs Rossiiskoi nauchno-prakticheskoi konf., May 23–26 2000 Kaluga. Kaluga, 2000. P. 124.
3. *Mishakova O. E.* Cultural tourism as a component of politics and heritage management in the concept of the stable development // Kul'tura kak resurs sotsialno ekonomicheskogo razvitiya: materials of the scientific conference, July 1–2 2010 in Ulan-Ude – Lake Baikal: Baikal meetings – VII // Scientific editor N. B. Dashieva, I. S. Tsyrempilova. Ulan-Ude: Publishing editor's complex of the ESSACA, 2010. P. 500–506.
4. The same. P. 503.
5. Official portal of the state authority structures of the Republic of Buryatia [Electronic resource]. Access regime: www.egov-buryatia.ru (the date of address 02.09.2010).
6. About socio-economical development of the Republic of Buryatia and the work of state authorities in the legal sphere / Analiticheskiy vestnik Soveta Federatsii FS RF № 6 (373) 2009. [Electronic resource]. Access regime: www.budgetrf.ru (the date of address 02.09.2010).
7. Official portal of the state authority structures of the Republic of Buryatia [Electronic resource]. Access regime: www.egov-buryatia.ru (the date of address 02.09.2010).
8. *Maksanova L.* Tourist is our most wanted guest // Mir Baikala. 2005. № 6. P. 32–33.
9. *Tregub. I. S., Tregub N. I.* What echoes in our heart? (To the problem of studying the Russian traditional culture) // Muzei dlya vseh: Sbornik trudov obzhestvennoi tvorcheskoi laboratorii “Muzeinaya pedagogika” kafedry muzeinogo dela / Compiled by I. M. Kosova. M.: APRIKT. P. 52.

D. A. Miyagashev

“CITY OF XIONGNU” — AN INTERACTIVE PLATFORM IN TERRITORY OF THE ETHNOGRAPHIC MUSEUM OF PEOPLE OF TRANSBAIKAL AREA: TO A PROBLEM OF PRESERVATION XIONGNU FORTIFIED SETTLEMENT IN IVOLGA

The Archeological complex of an Ethnographic museum of the people of Transbaikalian area has been created in 1970-th years under direction of academician A. P. Okladnikov. An outstanding scientist actively watched promotion of works, left on places of works and has personally approved the general plan of works [1, p. 15]. One of problems of the Archeological complex was preservation of a historical and cultural heritage of Buryatia. Active development of a virgin soil, construction — was extremely negatively reflected by all this in safety of archeological sites and became one of preconditions of creation of the Archeological complex. Now days the situation has not changed. In conditions of globalization and active development of free spaces the archeological heritage remains is extremely vulnerable and suffers from actions of the person. Therefore preservation and their protection get greater value.

Numerous monuments of archeology testify to high population of territory of Buryatia since ancient times. Their variety confirms reasons of researchers that ancient Buryatia was are included in different ethnic-and cultural genetic processes of Northern Asia. The most ancient finds dated by an epoch of a paleolith, testify to origin of original art of the Stone Age. During an epoch of a bronze age this territory became a place of collision of traditions of the West and the East, and during an epoch of iron these traditions have harmoniously intertwined, having given rise to culture Xiongnu. Researches of archeologists have revealed in culture of Xiongnu a combination of East Asian and western features [2, p. 57; 3, p. 35]. In territory of Buryatia are concentrated settlements and the burial monuments both the ordinary population of Xiongnu, and notable people. The archeology of Xiongnu totals already more than hundred years, but many questions connected with an origin, both cultures, and people till now remain actual. In this connection it is interesting Ivovga archeological complex which consists of a site of ancient fortified settlement, small site of ancient settlement and burial ground. This site for a long time was investigated by archeological expedition of the St.-Petersburg University under direction of A. V. Davydova [4; 5]. A. V. Davydova's researches had been obtained new data about facilities of Xiongnu. So agriculture, pigs and dog breeding has been revealed. Besides were valuable the data on building traditions of Xiongnu. In dwellings of ground type was found the unique heating system “kan”, widely widespread at people of the Far East [6; 7; 8; 9]. New data had a wide resonance in a scientific society.

In connection with planned works on an artificial irrigation of a valley of the river of Selenga where the monument is located, there was a question on its safety. The ministry of culture Buryat ASSR made a decision to reconstruct and to museify of some objects of Ivovga site of ancient settlement. The basic attention at archeological excavations has been given to reception of initial data for reconstruction and museification. Works on museification of a site were having been spent in 1987–1989 by S. S. Minyaev's expedition [10]. But they have not been completed.

Since 2008 under the request of administration Ivolginskiy district on a site has begun works the Baikalian archeological expedition of Institute of Mongol, Buddhist and Tibet studies of the Siberian Branch of the Russian Academy of Science and Buryat State University under direction of Dashibalov B. B. [11]. To the beginning of works a site has been strongly subject to human influence — from northern part the dump of dust rose, on territory of a site of ancient settlement in northern part there passes line of electrothity. The territory of a site has been cleared by joint efforts of Xiongnu’s Fund and the Baikalian expedition.

One of problems of the Baikalian expedition is museification of a site. According to this purpose has been smoothed out and fixed the trench in a southern part of defensive shaft and moats. Precise borders of a site of ancient settlement are certain [11, p. 8, 9]. Since 2010 in this work has joined the Ethnographic museum of people of Transbaikial area. We prepared the project of creation of an interactive platform “City of Xiongnu” on territory of a museum. For involving an archeological monument in sphere of tourism creation of a mini-site of ancient settlement where the kind of a site of ancient settlement with all features of a defensive line will be recreated, a daily life of the ordinary population, industrial and economic activities is supposed. Researches of the last years had been revealed design features of a defensive line — shaft consist of the stamped loam received at digging of moats, the maximal depth of moats reaches two meters, as additional strengthening the wooden paling served [4, p. 20]. The basic kind of dwellings of a site of ancient settlement was a dugout of column type, in each such premise was available heating “kan”, laid out of granite plates. Of 50 investigated dwellings only two buildings were type — presumably the house of the governor and smithy a workshop [4, p. 40]. In addition to real objects there can be added interactive training platforms of soldiers. The visitors of museum can take part in life of city, make for themselves some souvenirs.

One of the key purposes of this project is attempt of the organization of children’s leisure in conditions approached to the historical validity, acquaintance to traditional forms of education and preparation of ancient soldiers. Historically recreated conditions will be interesting to all age groups, is focused on various layers of the population, both a studying youth, and professional historians and regional specialists.

Realization of this project promotes involving of the archeological site in sphere of tourism, its popularization, to preservation of a historical and cultural heritage of region, but also, will provide access of the population.

The list of references

1. *Tivnenko A. V.* Akademikan A. P. Okladnicov’s memorial collection in Ethnographic museum of people of Transbaikial area. Ulan-Ude, 1984. (In Russian)
2. *Dashibalov B. B.* Beginning: since ancient khori-mongols till buryats. Ulan-Ude, 2003. (In Russian)
3. *Dashibalov B. B.* On mongol-turk border zone. — Ulan-Ude, 2005. (In Russian)
4. *Davydova A.* Ivolga archaeological complex. Part 1. Ivolga fortress. St-Petersburg, 1995.
5. *Davydova A.* Ivolga archaeological complex. Part 2. Ivolga cemetery. St-Petersburg, 1996.
6. *Djarylgasina R. Sh.* The dwelling of Koreans // The types of traditional village dwelling of the people of South-Eastern, Eastern and Central Asia. Moscow, 1979. (In Russian)
7. *Brodyansky D. L.* Krounovo-Xiongnu parallel // Ancient Transbaikial area and its communication. Novosibirsk, 1985. (In Russian)
8. *Artemjeva N. G.* House building of jurgens of Cis-sea area (XII–XIII century) (Russia). Vladivostok, 1998. (In Russian)
9. *Miyagashev D. A.* To the question of genesis of heating system “kan” // Materials of RAESC-43. Irkutsk, 2004. (In Russian)
10. *Minyaev S. S.* Report of excavation on Ivolginskoe site of ancient settlement in 1987. St. Petersburg, 1988. (In Russian)
11. *Dashibalov B. B.* Report of excavation of Baikalian expedition in Ivolginskoe site of ancient settlement in 2008. Ulan-Ude, 2009. (In Russian)
12. *Miyagashev D. A.* Works on Ivolginskoe site of ancient settlement in 2008–2009 // Materials of ISC-XLVIII. Novosibirsk, 2010. (In Russian)

N. D. Nagaitseva

MUSEUM ANIMATION AS A RESOURCE FOR DEVELOPMENT OF A MODERN MUSEUM

The development of tourism in our country every year is gaining momentum. Expanded and differentiated market, tourism and tourist services in an effort to satisfy all tastes and demands of clients in accordance with their lifestyle, age, habits and income. In the world take place a lot of interesting, varied and exciting events, which help people to get acquainted with the culture and art of other countries, make new contacts, or just expand their horizons.

Opening of Russia's cultural heritage to the world community and formation of a communication medium for museum professionals of different regions, in turn, should contribute to the growth of cultural tourism in Russia. Today, cultural tourism is one of the most profitable areas of the world economy. For cultural tourism infrastructure is a means and not an object of tourist interest. As for the choice between the monuments, architectural sites and museums, the Museum is clearly preferable for the tourist. The difference from the monuments, museums are able to independently deliver a significant piece of information about themselves and about the surrounding cultural landscape.

The introduction of new technologies into practice, developing programs and projects with cultural heritage in cultural tourism will contribute to the full and harmonious development of personality in society. The sum of all funds, including animation, the possibility of combining open wide the possibility of solving problems of cultural policy, one of the sites is the development of the tourism industry. Many experts have tried to give interpretations of "animation". According to one of the leading specialists in the field of socio-cultural animation Tarasova L. V. "It is the most complex and controversial concept" [3]. For modern science and practice of socio-cultural sphere thinking "animation" is of paramount importance. Find mechanisms for the formation of social and cultural leadership in the animator, the formation of cultural and artistic traditions are the basis for the development of animation activity, which should be powerful and beneficial force in modern society.

Since the mid 90's XX in Russia the concept of "socio-cultural animation" firmly established in the turn over of Russian science. The interest in animation in Russia was associated with the search for new approaches to organizing cultural and educational work that existed in the Soviet Union and turned out to have its disintegration ideologically obsolete. In this regard, cultural and educational institutions to transform their work in cultural and leisure on the basis of fee-based population. It has become widely expanded leisure services designed to meet the leisure needs of its population in the leisure and entertainment, while the educational component was virtually forced out of their work. Large-scale socio-economic changes 90 years. provoked and the formation of a new efficient system of social services and social education in Russia. Use of culture and the arts as a mechanism for updating the spiritual and moral foundations of personality, upbringing, initiation of human values has become a critical task of workers in the field of leisure. In this vein, have been developing technologies of social and cultural rehabilitation, all capturing more and more the sphere of social work with the public. Tarasov said that "socio-cultural animation in this system is also considered one of the methods to help people through culture and art [4, 10]. Organizing a mass theatrical performances, street festivals can be seen as examples of animation technology in social work as a form of street social work (street work). Outdoor work is of great importance in the implementation of projects to enhance local communities when it is not just a certain population groups, or in a particular institution, and at street venues are open to all, while having great public interest. For example, the Association of European animators in 2003–2007 in the refugee camps of Bosnia and Herzegovina, Italy and other European countries implemented projects using animation technologies [4, 68]. Today, we see that the sociocultural animation can be viewed as a special type of work aimed at the actualization of the spiritual and creative potential of individuals and voluntary associations animators exercised by means of culture and art to self-organization of the population (children, youth and adults). Sociocultural animation, according to experts, greatly alleviate the social problems in Russian society, focusing on a number of important functions:

- function of adaptation, which was designed to provide socialization, preparing them for the many changes taking place in society, improving the "social environment", preventing stress and psychological crises, switching energy individuals with their own problems to take part in public life;
- reciological function, which fills his spare time interesting and useful activities, supporting individual rest and recuperation with the help of special socio-cultural institutions (which include museums) and specialized personnel, animators, taking care of the entertainment, gaming activities on the individual;
- an educational function in which the animation was acting as a parallel school, continuation school — animation in some cases to require initial training, the deepening of cultural interests, balancing between two cultural models, one of which is associated with elite culture, and the other — from folk culture;
- corrective function, which allows animation to compensate for certain weaknesses in society and educational or cultural nature, less social imbalance or prevent possible conflicts, thereby ensuring the regulation of public life;
- critical function, in which the animation has set society and state issues, forcing to apply to a major public-state operation, to analyze weaknesses in management at different levels.

Defining the entertainment and recreation — as the most important functions of animation activity, researchers believe that sociocultural animation is not limited to these functions, and sets itself educational purposes, helping it develop civil society and its spiritual healing, solving social problems and social development.

Today sociocultural animation is carried out mostly by amateurs, although in modern Russian science sociocultural animation was thinking as a special kind of professional sociocultural activity (Conceptually designated by N. Yaroshenko as "socio-cultural animation") [5, 36], requiring knowledge of technologies, great skills and talent. Various forms of cultural and leisure activities help to build confidence relation with the audience as a condition for further individual, group and community outreach, which animators can use technology sociocultural, social and vocational rehabilitation, psychotherapy and educational technology.

Sociocultural animation was able to develop only because of the population's free time, which was not engaged in any professional work, no worries about the household. It should be mentioned that sociocultural animation leisure differs

significantly from the objectives and psychological qualities of the cultural and entertainment or recreational activities, and has its duality.

Leisure can contribute to the progress of culture, or vice versa, lead to regress. It can stimulate an individual to public activity or vice versa to social isolation. It can promote the development of an individual's life or on the contrary to destroy his interest in public issues. Researchers identified four basic and inalienable properties of leisure: liberation, unselfish, individual and hedonistic [4, 59]. All this determines that the leisure of sociocultural animation is a special psychological characteristic of human activity, in which an individual community of people turns to spiritual values of life. Presented in the form of involving the personally meaningful and self-motivated activities such as sports, active art classes, creative communication, creative communication and collaboration, animation simultaneously becomes effective treatment of social ills.

One of the central figures in the socio-cultural animation is a sociocultural animator. E. B. Mambekov cites a number of typologies of socio-cultural animators who can see their features and functions. We dwell on the typology, which in our view, clearly delineated the areas of animation activity.

- Cultural animators, who sets themselves a goal to ensure contact between the product of culture, art and audience. They are distributors of “cultural products”.

- Social animators whose content of activity is close in to the activities of social workers who are engaged in social centers, clubs, rehabilitation centers. Animators perform here the functions of prevention, rehabilitation in groups with different focus of interests.

- Socio educational or socio cultural animators. Into this category include animators of youth houses and houses of culture, museums, libraries, sports animators, animators of Municipal Services Committee for Youth, Sport and Recreation, animators of cultural centers.

The role of the animator of any type is to create conditions that could really give a person tremendous energy and lead to social success, and as for the main activity for self actualization should do a person himself. Summarizing, we can make that determination of the essence of socio-cultural animation, helps to determine what role it might play in the work of any cultural institutions, including the museum with the audience. In this process, the animator not only develops himself, but also stimulates communication. Because it allows participants to submit to one another in all its complexity and in the process of communication to reflect on important questions of life, to express subtle emotions and thoughts, promote self-realization of personality, introducing the possibility of an individual to choose interesting work and most fully manifest oneself in it. Modern Russian Museum in changes in the educational and cultural — educational policy is an open society and assumes the new role of the cultural center and becomes an instrument of social adaptation. It is very important today because the museum exists for the visitor, only with the visitor it can carry out its tasks, and how it builds relationship with him (visitor), it depends for its vitality. Animation software is a new form of work in a museum, but has already gained the attention of visitors. Such projects can involve visitors in the active force, to make visiting the museum more interesting and exciting.

In modern Russian conditions there is a need for new quality leisure time, because forms of leisure, previous — removed from life, but new — not replaced. It is no coincidence therefore, widespread emergence of informal associations and various entertainment establish with questionable reputations. The development of mass forms of communication and exchange of tourism with the use of animation technologies could significantly help in solving this problem.

Currently around the world are actively developing a completely new direction — animation, as a kind of service, intended to improve the quality of customer service in the entertainment industry which includes companies whose primary activity relates to human needs in entertainment. The emergence of the concepts of “animation”, “socio-cultural animation”, “socio-cultural animation”, “turanimation”, “hotel”, “recreational Animation”, “museum animation” due to the variety of forms and programs of leisure-time animation activities, implemented with the recreational purposes, may be conducted as a tourist enterprises — for tourists and visitors, as and leisure, cultural and educational institutions — for local residents. This diversity affects not only the development of the tourism industry, but also on leisure activities of people in modern life.

The rapidly growing segment of the tourism industry presents new challenges for the organizers of cultural and leisure activities, in terms of enterprise functioning of tourism and hospitality. They intended to sell these services in the structure of the tourism product by creating the preconditions innovative approach to the design of entertainment programs on the basis of recreational features not only the companies but of all technology, including animation, as an innovative manufacturing process organizational and technical system, which is tourism.

Interesting and exciting programs that take into account the age and psychological peculiarities, traditions and many other factors that will make tourism in our country is really massive and involve all social strata. To implement the program of tourism in contemporary literature substantiates, that some of them.

- Restructuring of thought leaders of cultural, educational, recreational, tourist enterprises (associations) and organizations.

- Branch order on the implementation of maintenance programs for tourism enterprises (associations).

- Training of specialists, animators (master trainers) to develop scenarios of animation programs, their willingness to directing.

- Training of animators (senior and just master trainers), employees of departments receiving and excursions services, departments of tourism and transport travel.
- Development of model scenarios, and cycles of recreational activities.
- Active involvement of various groups and strata of the population in the creation of tourism infrastructure.
- Creation of a tourist Bank model scenarios, and cycles of recreational activities for the programming of tourist recreation and exchanges in the field, taking into account regional particularities, as well as standard maintenance plans tours and master plans of organizational-technical measures for the implementation of the tours.

In the country there is an urgent need for systematic education and rehabilitation of the population on all types and modes of organization of leisure, taking into account the characteristics and needs of people of different social and ethnic groups.

In the 2000's, the term "animation", animation program, "an animated Management", defining the role of tourist animation in tourism, the role of the animator in tourist activity, as most urgent in the current situation presented in the writings of Priezzheva E. M., Garanin N. I., Kurylo L. B.

Socio-cultural animation all the more firmly occupies its own niche in society. As pointed out by E. M. Priezzheva [3] socio-cultural animation in various (tourism, museum, hotel) areas is multifaceted, with the diversity of needs, interests and needs. Animation can be presented to the consumer in different forms and types — animation activities, animated theatrical action, animated expositions, animations in theme parks, sports animation, animations, and hospitality to represent a special kind of activity that requires the preparation of highly qualified animators.

As noted Zuev S. E. in his paper "New social technologies in the field of culture (Culturological in professiogram modern manager), that today" there is no doubt the rapid transformation of the museum — on long-standing tradition of the place of elite collectors and research — the center of the formation of leisure and work with a variety of free time social groups" [2, 47].

Sociocultural animation * in the Russian reality, as a mechanism of "animation", "inspiration" of public relations as an effective way to revive spiritual and artistic traditions can be used as a way out of the socio-cultural crisis in the country. Communication Approach and museum communication model, allows to formulate specific directions, forms, methods of ensuring effective interaction with the museum audience. Armed with their work all aspects of sociocultural animation, you can be sure that without destroying the traditional forms of enlightenment of the museum and given the changing demands and needs of the audience, the innovation process will complement them with new methods-the-art museum technology and modern stage of the demand for the museum socium.

Ethnographic Museum of the peoples of Transbaikalia (Russia, the Republic of Buryatia, Ulan-Ude) — the only republic in the open air museum park type — refers to the so-called museums — Skansen, in whose territory moved from the areas of their traditional existence and restored historical and architectural monuments. The museum is one of the most effective social institutions, preserve the cultural heritage of the past peoples of the region. It should be noted that the museum has a great potential for creating various displays and exhibitions, for a variety of complexity and scope of activities. Currently, the museum is characterized by actively seeking ways of renewal and democratization of the forms of work with visitors. There are new, more affordable ways to feed the perception of the museum material, developed innovative programs for cultural and educational activities. The museum began to pay more attention to people with disabilities and work with family visitors. This is confirmed by a number of projects "Transbaikalia in miniature", "River of Time", etc.

The implementation of interactive projects, animation and social projects and programs, in our view, a perspective direction of the museum. Testing of the projects showed that the projects have contributed to the introduction, first of all forms of media coverage of the audience (both involved up to 450 participants of the project). Animation technology is a great resource for the museum in modern terms, the transition of museums in the status of the AUC (autonomous cultural institutions), and changing perceptions about the museum and the visitor will foster a new relationship of the museum and the museum audience.

The list of references

1. Huseynov T. N., Guseinov A. M.-R. Implementation of museum programs and projects at the base of the Ethnographic Museum of peoples of Transbaikalia (Ulan-Ude) // Culture as a resource for socio-economic development. Proceedings of the International Conference 1–2 July 2010. Ulan-Ude. Lake Baikal: Baikal meeting – VII / scientific. Ed.
2. Dashieva N. B., Tsyrempilova I. S. Ulan-Ude: Polygram. Complex ESACA, 2010. 707 p.
3. Zuev S. E. New social technologies in the field of culture (Culturological in professiogram modern manager) // Museum and the new technologies // On the way to the Museum of the XXI century / Ed. and scientific. Ed. N. A. Nikishin. Moscow: Progress-Tradition, 1999. 216 p.
4. Priezzhev E. M. Animated management: a teaching aid. Moscow: Soviet Sport, 2007. 357 p.
5. Tarasov L. V. Sociocultural Animation: origins, tradition, modernity. M.: CZA "inspiration", 2008. 108 p.
6. Yaroshenko N. N. Socio-cultural animation. M.: MGUKI, 2000. 110 p.

---

* In modern Russian science "socio-cultural animation" is defined as spiritual and social phenomenon as self-organizing socio-educational movement aimed at the spiritual improvement of society. Then, as the socio-cultural animation "is considered as a special kind of social and cultural activities of community groups and individuals, based on modern technology (pedagogical, psychological, cultural, social, etc.)

DEVELOPMENT OF THE REGIONAL EXCURSION AND TOURISM SERVICE SYSTEM IN OMSK AND OMSKAYA OBLAST AT MODERN TIME

Initiation of the program of measures serving as the progress accelerator from the point of view of the authors of the article seems to be by far the most important thing for the development of the excursion and tourist activities in Omsk oblast. The program suggested by the authors is aimed at the solution of acute problems; it takes into consideration peculiarities of the region. Implementation of the program on the eve of Omsk 300th anniversary might in some ways specify the region development in prospect including the excursion and tourist sphere.

1. Building the regional legal base for tourism development. To realize the existing potential of Omsk oblast as an excursion and tourist center it's necessary to enhance the legal regulation system of the sphere. It is the tendency of this field that is one of the obstacles to the development of domestic tourism [1].

2. Forming the unified management tourism system in the region. Nowadays ministry of youth problems, physical culture and sport of Omsk oblast manages tourism in the region. Ministry of education is in charge of children and teenagers tourism as optional education. Ministry of culture deals with monuments of culture and history usage and protection, work of museums. Travel agents, search and rescue service provide safety and rescue of tourists [2]. Setting up a tourist or tourist resources department or an agency under the ministry of economics meets the demand of intersectional coordination in the field and might be a promising trend of realization Concept of Tourism Development in Omsk oblast.

3. Creating regional tourism infrastructure. No matter what kind of tourism is meant, the region hosting tourists should have a well-developed tourism infrastructure which is far from being the case in Omsk oblast, especially as far as accommodation and transport systems are concerned. 32 hotels of various classes and degrees of comfort, 20 tourist and recreation centers, 12 preventive clinics are not enough to attract tourists [3]. Lack of comfortable coaches and road networks in Omsk oblast also has a negative impact on the excursion and tourist activities.

4. Advertising tourism in the region [4]. It is necessary to boost our city advertising in the international information networks, tourist fairs, exhibitions, markets. Interested and potential consumers are to be informed about the tourist service, possibilities of the region. For example, such villages as Linyovo and Okunyovo which are unique tourist attractions of Omsk region are hardly known outside the region.

5. Developing the excursion and tourist activities resource base. It means continuous financing of the program in accordance with the approved concept, consistency of the prearranged measures. Along with financing based on the federal and regional budget, there are also non-budget funds — investment projects [5, 6]. In Omsk oblast there should be pursued a unified investment policy covering projects on restoration of historic and cultural monuments, renewal of building the airport in Fyodorovka and many other things. All of these measures and tourism are intertwined.

6. Forming the favorable tourism image of the territory. This task concentrates all the above ones, it is in a way realization of the previous tasks. The main strategic decision when forming the policy of boosting tourism in the region is developing the idea on the basis of which the unique image of Omsk oblast will be created. To start with, several tourist attractions with special Siberian exotic features for both visiting and domestic tourism should be created. This technique is believed to help not dissipate energy but to promote efficiency. When creating and developing tourist products, their compatibility with the entire image of the region should be taken into account. The basis of the tourism development program in Omsk oblast should be such projects as “Omsk — the center of Transsib”, “Okunevo — the universe energy center”, “Minor cities of Omsk oblast” and others.

7. Creating new places of interest of cultural and historic value. The government of Omsk oblast initiated the project of regenerating Omsk fortress, turning ancient buildings into museums. For example, the historic building of Western Siberian geographic society in Museynaya Street, 3 may become a “Siberian nature and ecology research museum”. Museum of Omsk fortress will probably be located in the building of the former guardhouse — the role of our region in the formation of the Russian statehood might be reproduced there. Batyushkin's mansion on the Irtysh embankment is to become A. V. Colchak's museum. General-governor's palace should not only restore the historic image but reflect the governors' role in the history of the region.

8. Developing various kinds of tourism. To attract sightseers and tourists it's necessary to make use of different kinds and forms of tourism [7]. Having natural, economic, cultural and ethnographic potential, Omsk oblast has prerequisites for developing various kinds of tourism ranging from cognitive to exotic ones (hunting, fishing, etc.) [8]. The most promising tourism trends in Omsk region are cultural-cognitive tourism as well as business, religious and educational tourism. The present situation doesn't allow to make use of all the resources at our disposal but there exist prospects for their usage.

9. Personnel training. The main problem from the point of human resources is professional training of specialists in the field of tourism. Several higher educational establishments in Omsk major in training tourism specialists. Among them Omsk State University named after F. M. Dostoyevsky, Omsk State Institute of Service, Railway Engineering University, Siberian Academy of Physical Culture, Linguistic University “InYaz — Omsk” [9]. The quality of service in the field of tourism in many ways depends on qualification and experience of the staff [10]. Knowledge and skills of the personnel is gained not only in the process of their professional activity but also due to in-service training.

10. Designing excursion and tourist products. Modern concept of excursion and tourist centers development is based on forming the unified tourism zones and related to them tourist routes centers system. Tourism zone is a territory which accumulates tourist attractions and other objects and services. It is a set, not just a sum of sights isolated from the necessary infrastructure. Creation of topical tourism zones is considered to be most advanced. On the territory where sights are accumulated, excursion or tourists display objects (museums, theaters, entertainment and sport centers), there are also tourist service objects. Clustering sights in certain zones together may attract more tourists to each of them and facilitate their continuous stay. Taking into consideration peculiar importance of the Omsk fortress territory for the city Omsk as a cultural and historic centre of the region, it seems to be necessary to give the territory a special excursion and tourism zone status [11]. It is imperative that inventory of cultural heritage on the territory be made taking into consideration modern buildings at a short distance from monuments. In future modern buildings should fit into architectural-historic surroundings by available means (using facade decoration technique, changing roof covering construction, etc).

11. Planned routes might be of use for excursion and tourist projects and increasing the demand in the field. Forming these routes, though, presupposes progressive infrastructure and qualified touring service.

12. Omsk is full of potentialities for becoming the center for cultural-cognitive and eventful tourism. The events attracting a lot of people held in the region like International Siberian Marathon, Military Technique and Equipment Exhibition, Days of Kazakhstan and Tibet Culture, European Ballroom Dancing Contests, Rhythmic Gymnastics Competitions, scientific conferences should become an important factor of developing excursion and tourist service. Regional and local events such as "Russian soul", flowers and fruit-growing exhibitions "Flora", Days of the City and others. When preparing to celebrate the 300th anniversary of Omsk, a number of mass international and all-Russian events which are to confirm and strengthen the status of our city as a major Siberian cultural center will be held [12]. Several other occasions are being planned, among them — Days of Omsk Oblast Culture in some foreign countries and in Moscow (in 2016), International Festival of ethnic music "Voice of Motherland" (the 1st one in 2010), International Festival of Modern Art "Unknown Siberia: Myth and Reality", International Project "Steamship of Art: the Irtysh — the Ob". Hopefully, these innovations will favor the development of Omsk as both a cultural-historic and spiritual dominant and the megapolis attracting tourism investments.

13. Planned restoration and reconstruction of excursion and tourist attractions. A considerable number of historic monuments need urgent restoration or conservation. According to the program of preserving cultural-historic image of the city it is supposed to reconstruct Omsk fortress, to build the monument to Ivan Bukholts in Lenin Street (shopping street) and near the river station, to renovate the Monument to Heroes of the Revolution. Architects also have interesting projects to commemorate such famous people as N. Rerikh, A. Tupolyev, G. Potanin, M. Vrubel, S. Korolyev and others whose lives have been in some ways connected with Omsk. Monuments to F. M. Dostoyevsky, M. A. Vrubel have already been mounted, the building for the Organ Hall has been constructed, F. M. Dostoyevsky Museum has been restored, the monument of architecture and culture Uspenski Cathedral has been rebuilt.

Thus Omsk region has a considerable potential for tourism development having natural grandeur and beauty as well as historic and cultural monuments, ethnography and archaeology resources. The reasons for the inadequate level of domestic tourism in Omsk oblast comprising its excursion constituent are as follows: underdevelopment of the regional legal system, lack of regional favorable investment conditions in tourism, poor quality of service in all tourism sectors because of the deficiency of personnel training, etc. All these factors specify the need for the systematic research of a wide range of excursion and tourist activities organization problems. It appears to be reasonable for the authors to adopt the elaborated program of measures raising the efficiency of excursion and tourist service, the program taking into account regional peculiarities and the above mentioned suggestions. No matter how insignificant the role of excursion and tourist activities in Omsk oblast is at present, there are all natural and social conditions for its development.

The list of references

1. Barsykin Y. A., Abramova T. V. Special-purpose programs as an instrument for tourism development in Russia // Tourism: law and economics. 2004. № 3(6). P. 9.
2. Ranninen I. A. On the concept development... P. 11–12.
3. Yevchuk T. V., Korsakova I. Y. Research of the hotel business clients in Omsk // Omsk region tourism. Development and management tourism problems in Siberia / Ed. by N. A. Lyovochkina. Omsk: Obrasovaniye Inform, 2006. Vol. 2. P. 68.
4. Khairova S. M. Marketing of the city and tourism development / Problems and priorities in the organization of international relations in science, culture, education and tourism in the Omsk Priirtyshye: Theses of III regional conference. Omsk: OmGU, 2002. P. 117.
5. Barsykin Y. A., Abramova T. V. Special-purpose programs as an instrument for tourism development in Russia // Tourism: law and economics. 2004. № 3(6). P. 12.
6. Ranninen I. A. Tourism role and meaning in the development of international relations / Problems and priorities in the organization of international relations in science, culture, education and tourism in the Omsk Priirtyshye: Theses of III regional conference. Omsk: OmGU, 2002. P. 114.
7. Phalkovich P. S. Tourists resources of the Omsk Priirtyshye and the concept of receiving overseas tourists in the region / Problems and priorities in the organization of international relations in science, culture, education and tourism in the Omsk Priirtyshye: Theses of III regional conference. Omsk: OmGU, 2002. P. 120.
8. Alliluyev V. V. On the tourism development in Omsk oblast... P. 131.

9. Garafautdinova N. Y., Landik O. N. Training specialists in tourism business in Omsk market // Tourism in Omsk region. Omsk: OmGMA, 2005. P. 27.
10. Lyovochkina N. A. Human resources in the tourism industry of Omsk oblast // Tourism in Omsk region. Development and management tourism problems in Siberia / Ed. by N. A. Lyovochkina. Omsk: Obrazovaniye Inform, 2006. Vol. 2. P. 28.
11. Radul V. "We have the real chance to...". P. 40–41.
12. Radul V. "We have the real chance to...". P. 38.

E. V. Semenov

INTERACTION MUSEUMS IN ULAN-UDE AND PUBLIC NON-PROFIT ORGANIZATIONS IN THE DEVELOPMENT OF TOURISM (EXAMPLE NGO NATIONAL CULTURAL AUTONOMY OF THE POLES, ULAN-UDE "NADZHEYA")

Modern museums increasingly focused on work with community non-profit organizations. Museums of the Republic of Buryatia, and especially the city of Ulan-Ude not left behind. Particularly active in this direction is the cooperation between the museums of the republic and national-cultural autonomy of the Poles, Ulan-Ude "Nadzheya".

History of Poles in Siberia has roughly 400 years. In Buryatia the first Poles are beginning to appear as criminal and political exiles in the second half of XVIII century. A significant increase in the Polish diaspora in the West Transbaikalia occurs at the turn of XIX–XX centuries. In Siberia, after the construction of the Trans-Siberian railway, start arriving Polish specialists. Local NGO "National Cultural Autonomy of the Poles, Ulan-Ude" "Nadzheya" (hereinafter referred to NCAP "Nadzheya") was established in March 1993 and the 15-year period of its existence has accumulated rich experience in cooperating with the city museums. As part of its NCAP "Nadzheya" identified several priority areas on which realizes its activity [1, p. 153–158]. It is a priority of cultural and educational, which sold two educational project: the Sunday school of the Polish language, history and culture and the Summer School of Polish language and culture on Lake Baikal "Closer to the Motherland".

Another important activity of the NCAP "Nadzheya" is a study on the history of Poles in the territory of Trans-Baikal.

Within these two areas has numerous cultural projects.

Since its creation NCAP "Nadzheya" began to take an active part in cultural life of Buryatia and its capital. In March 1997, the passage of the Republican exhibition of national and cultural associations of the members of NCAP "Nadzheya" provided items showing the history and culture of the Poles living in the territory of the Republic of Buryatia.

In 2001, under the first held in Republic of Buryatia Days of Polish Culture at the Museum of History of Buryatia after M. N. Hangalov organized an exhibition "The Polish mark in the history of Buryatia", which presented items from the museum, reflecting the history of Poles staying in the territory of modern Buryatia.

Together with FSEI "East Siberian State Academy of Culture and the Arts" was begun to develop a project to copy drawings of the Polish political exile of the first half of the XIX century. Leopold Nemirovsky. A few words about the identity of L. Nemirovsky and his creative activities related to the Eastern Siberia and Transbaikalia. He was born in 1818. In 1836, entered into a secret patriotic organization, the Commonwealth of the Polish people. After the organization was disclosed by the tsarist police L. Nemirovsky by the court was exiled to hard labor in Siberia for 20 years. The punishment he served in Salt Plant in the Ussole.

After the amnesty, and transfer to the settlement exile moved to Irkutsk and engaged in educational activities to teach children drawing, the governor-general, local high-ranking officials and wealthy merchants. In 1844 Nemirovsky was invited to accompany the senatorial committee, surveyed the territory of Siberia and the North, as an artist. In 1846, the artist visited independently Transbaikalia. As a result, he created a series of drawings depicting the vicinity of Lake Baikal, as well as the nature of Transbaikalia and Tunka Valley. To have survived, only 24 drawings, which are stored in the National Museum of Poland (Warsaw).

In early 2008, through the development of the project "Polish trace in history and culture of Buryatia" collective faculty of museums and tourism and the leadership of the East Siberian State Academy of Culture and Arts had begun talks with the National Museum of Poland for copies of pictures L. Nemirovsky for exhibiting them in the national and city museums. Unfortunately, at that time was unable to positively resolve the issue.

At the end of 2008 through the efforts of the Chairman of the Board NCAP "Nadzheya" M. I. Ivanov and financial support of the organization "Polish Community" ("Wspólnota Polska") The National Museum of Poland, produced copies of drawings and gave them a gift NCAP "Nadzheya".

In September the same year in the context of the commemoration of 15 anniversary of the NCAP "Nadzheya" an exhibition of pictures L. Nemirovsky. Site for the exhibition served as a Museum of History of Ulan-Ude. Major work on the dismantling of the exhibition and the preparation of presentations done teaching staff of the department of museum technology of the faculty of Museum and tourism of the East Siberian State Academy of Culture and Arts O. E. Mishakova, N. D. Nagaitseva and E. V. Semenov. Great assistance was rendered 3-year student specialization "historical museums".

To date, the territory of Buryatia took 3 exhibitions of the drawings, including a “Kyakhta **museum** of local lore of academician V.A. Obruchev”.

In June 2009, the Museum of history of Buryatia after M. N. Hangalov exhibited traveling exhibition “Polish researchers in Siberia”. The exhibition was prepared by the Polish Academy of Sciences specifically for exhibition in Russia [2]. The exhibition also presents artifacts from private collections and museum funds related to the life and work of Polish researchers on the territory of Trans-Baikal. Including unknown autograph Y.D. Talko-Grintsevich. It should be noted that the Y.D. Talko-Grintsevich was one of the founders of Kyakhta Museum and was an active member Troitskosavsk-Kiakhta Department of Amur Branch of the Russian Geographic Society.

In September the same year the exhibition was housed in Kiakhta museum in the jubilee celebrations NCAP “Nadzheya” dedicated to 180 anniversary of the second governor Kiakhta A. Despot Zenovich and 15 years of Sunday school autonomy Poles.

History of the Polish presence in Siberia are closely connected with the history of the Catholic Church. Vera helped the Polish exiles survive harsh conditions of prison and exile. In 1909 in Ulan-Ude (until 1934 Verkhneudinsk) was built and consecrated by the Catholic church. The autonomy of the Poles “Nadzheya” and the Roman Catholic parish of the Sacred Heart of Jesus in June 2009, prepared and conducted a number of events on this date. These include publication of a book authorship Semenov E.V. “The Roman Catholic Church Transbaikalia (1839–1930): A Short History”, a concert of organ music and solemn service with an invitation to a large number of guests.

The last project implemented on the basis of the Museum of History of Buryatia after M. N. Hangalov was the exhibition “The Catholic church in Siberia: the 100th anniversary of the Upper Udinsk church”. The exhibition was organized by the efforts of the Museum of History of Buryatia after M. N. Hangalov, NCAP “Nadzheya” and the Roman Catholic parish of the Sacred Heart of Jesus and is dedicated to 100th anniversary of the consecration of the Catholic church in the city of Ulan-Ude.

In the last decade is an increase in the flow of Polish tourists in Siberia, including the Trans-Baikal. Poles have come to learn the history and culture of the peoples of the Republic of Buryatia, and to visit Lake Baikal. Moreover, Polish tourists tend to visit places associated with the history of the Polish people, especially in the mines and former convicts graves of Polish exiles. In the Republic of Buryatia, there are several places occupy a special place in Polish martyrdom. The most important of these is a memorial cross on the site of mass grave participants Circum Baikal Uprising in July 1866, at the mouth of the river Mishikhka, where it flows into the lake.

July 12, 1866 during the decisive battle insurgents with government forces at the site killed 15 Poles. Over the mass grave of their comrades was raised a Catholic cross, which existed prior to the first half of the twentieth century. Center for Protection of Monuments of the Republic of Buryatia, conducted field research in the early 1970's. recorded only an approximate location of the mass grave. Cross had already been lost.

Founded in 1993, NCAP “Nadzheya” since the foundation began work on search and perpetuate the place of burial. With financial support from the Polish side, through the organization, the “Council for Protection of Monuments of struggle and martyrdom of the Polish people” (“Rada Ochrony Pamięci Walk i Męczeństwa Narodu Polskiego”) drafted a memorial cross and carried out to install it.

In October 2001, was opened memorial are identical. Since then, it was decided to establish a Memorial Day, celebrated annually in mid-July. Members of the NCAP “Nadzheya, staff of the Consulate General of Poland in Irkutsk and Polish tourists who come to the memorial, which is committed Catholic liturgy, laid flowers and remember the deceased.

Another place of memory is a cemetery in the village Tunka, which were buried Polish Catholic priests, the uprising 1863–1864 years in Poland, Lithuania and Belarus. In the period from 1865 to the end of 1870. in this small village on the orders of the authorities been collected Catholic priests, the uprising [3].

At the end of XIX century in Tunka in the settlement was Jozef Pilsudski, who had found the priests who remained in exile in Tunka [4, p. 169–170]. In the early 1930's. Tunka visited the Polish researcher M. Lepetsky, who had seen the remains of the fallen tombstones and crosses. Currently Autonomy of Poles, in conjunction with the Consulate General and the Administration of the Tunkinsky district of the Republic of Buryatia is working on establishing a memorial at the site of the former cemetery.

The department of museum technology and protection of heritage FSEI HPE VSGAKI was developed cultural and educational program, “The Polish trace in history and culture of Buryatia” [5, p. 30–34]. The program guides are trained professionals who specialize in the history of Poles in the Trans-Baikal. Additional language training and student internships in Poland will allow them to serve the Polish group in their native language.

Who visited September 6, 2010 with a one-day visit to the Republic of Buryatia leader of Polish parliament B. Borusewicz at a meeting with the leader of the People's Hural M. Gershevich noted that one of the major tourist destinations of the Poles in Buryatia is visiting graves of Polish rebels [6, p. 6]. The development of this direction will also contribute to further work on the identification and promotion of monuments and places associated with the history of the host of the Poles in western Transbaikalia.

In summary, it should be noted that at the present stage in the Republic of Buryatia, there is active collaboration of national and cultural associations and museums. With the development of special economic zone of tourist-recreational shooting gallery “Baikal” are expected to increase tourist flow in Buryatia. My place in it can take and Polish tourists

wishing to visit both places connected with the history of the Polish people and the territory of which have original and interesting culture. The great advantage in developing this area is more active, more than 15 years in the Republic of Buryatia National-Cultural Autonomy of Poles in Ulan-Ude "Nadzheya".

The list of references

1. *Ivanova M. I., Semenov E. V.* INGO National Cultural Autonomy of the Poles, Ulan-Ude "Nadzheya" in multi-ethnic area of the Republic of Buryatia // *Modern Trends Polonijnych movement in Russia. Mater. Internat. scientific-practical. Conf.* 19 Sept. 2008, Ulan-Ude. Ulan-Ude, 2008. 271 pp.
2. *Polscy badacze Syberii.* Warszawa, 2007. 80 p.
3. *Matraś S.* Podróż do Syberii po moskiewskich etapach w 186 i 1863 roku. Opracował i wstępem opatrzył E. Niebelski. Lublin: Wydawnictwo Werset, 2008. 412 c.
4. *Nebelski E.* Tunka. The Catholic clergy in exile in Eastern Siberia after the Polish uprising of 1863 // *Actual questions of history links the participants of the January Uprising of the Polish 1863–1864. Mater. Internat. scientific. conf.* (Irkutsk, 26–30 September 2007) / Ed. B. S. Shostakovich. Irkutsk: Megaprint, 2007. 235 pp.
5. *Mishakova O. E.* Experience in studying the history of the host of the Poles in Siberia and the realization of cultural and educational programs "The Polish trace in history and culture of Buryatia" in the framework of complex scientific topics the department museum technologies FSEI HPE VSGAKI // *Polish trace in history and culture of Siberia: Mater. Internat. scientific-practical. conf. "Polonijnye chteniya-2006"*, December 7, 2006 At 2 parts. Part 1. Ulan-Ude, 2006. 85 pp.
6. *Balchinova I.* People's Hural of Buryatia and the Senate of Poland: a perspective of cooperation // *Informopolis.* September 8, 2010. № 36.

O. A. Shaglanova

ETHNOGRAPHIC MUSEUM OF PEOPLE OF TRANSBAIKAL AREA AS MODEL OF PRESERVATION OF ETHNOCULTURAL HERITAGE OF INDIGENOUS PEOPLES AND ETHNIC GROUPS OF THE BAIKAL REGION

Opening up of environment and cultural memory of peoples form context of ethnic culture and permit us to speak about a phenomenon of local ethnic culture. Ethnic identity as the steadiest form social integration of mankind, plays the leading part in formation of cultural values of peoples during their historical development, provide a succession of traditional cultural experience.

In 1973 at support of the government of Republic Buryatiya and leading scientists-ethnographers and archeologists the Ethnographic museum of people of Transbaikalia has been opened. For the first decades of the vigorous activity the museum, expressing aspirations of a society to preservation of immovable monuments of traditional culture of people of Transbaikalia, has made museification of several tens immovable objects which could not function on a place of the existence under an impact of socialist national policy of modernization. As researchers of that period marked "prompt rates of industrial development of Republic inevitably conduct to disappearance of many monuments of folk architecture, culture and a life. It is especially appreciable in the areas adjoining to national major projects, as for example, pulp and paper industry in Celenginsk, hydro-electric power station in Gusinoozersk, a Baikal-Amur trunk-railway, etc." [6, p. 4]. The Ethnographic museum of peoples of Transbaikal area is registered as subject of cultural heritage of federal status on the basis of the decree of President of Russian Federation (20.02.1995, № 176). According to this decree at the territory of the museum are situated 23 monuments of cultural heritage, which have formed ethnic complexes.

These monuments of ethnic groups, being museified, formed the independent complexes which reflect a cultural heritage of indigenous peoples and other ethnic groups of Baikal region. Before reconstructions of these objects at the territory of museum, environment of residing of ethnic groups were considered so these monuments were placed on sites of museum as much as possible approached to natural conditions [5, p. 8]. Complexes consist of traditional barns, granary and stable with household equipments, which has showed to the general public primary occupation of indigenous peoples and assist visually to trace the development of new lines of economic development after their contact with Russian culture.

In an interior of apartment houses of ethnic complexes have been reproduced the most typical features, which reflecting ethnic and cultural character of people of Transbaikalia. Almost all of the expositions which have displayed into immovable monuments, chronologically and stylistically correspond to that epoch and recreate of a complete artistic image.

The indigenous peoples of Transbaikal area are Evenks, Soyots and Buryats, the ethnic history of whom is closely bound up. Their lifestyle illustrated different ways of elasticity to their environment in order to preserve traditional value and they had generated the original ethnocultural landscape connected with a nature.

Today the Buryat people inhabit a vast territory named Pribaikalia stretching from the town Nizhneudinsk in the West of Lake Baikal up to the Upper Amur in the East. Traditionally the territory is divided into two areas: Predbaikalia or the Fore Baikal territory, expending westwards of Lake Baikal, and Zabaikalia or the Transbaikial territory, expending eastwards of the lake. Accordingly the Buryats are divided into two major ethnographic groups: the West Buryats and the East Buryats [4, p. 37]. The East Buryat complex represents a winter farmstead with the adjoining outhouses, two felt yurtas (nomads' tents) and objects of worship such as a buddhist chapel and a lama's dwelling. The West Buryat complex gives a good idea of the past life of the Buryat residing now in the Irkutsk region. They got acquainted with Russian people earlier than the East Buryats and therefore adopted many elements of their material culture and handicrafts.

One of the young complexes created in territory of the museum is cultural space of Soyot people. Soyots are offsprings of the ancient population Samodiens and live in the Eastern Sayan mountain of Oka district of Buryatia. In 2000 this people were listed as less numerous indigenous people of Russian Federation. The number of Soyots is about 2772 (on January 2009). Later, in 2006 Soyots inserted in the list of Numerically Small Indigenous people of the North, Siberia and the Far East of Russian Federation. The Oka district was marked in the list of the territory inhabited by Numerically Small Indigenous people of the North, Siberia and the Far East too. Soyot's traditional activities are livestock breeding, hunting, fishing and gathering. Traditional inhabitation of Soyots is *ursa*, which has conical form covered by larch in outside. Depends on seasons it may be covered by bark of larch, Siberian pine tree or birch tree as well as deer, elk and yak pelts. Pre-modern time well-off Soyots covered their house by bear pelts. The Oka district is the place difficult of access and recreated Soyot complex for visual information on culture is substantial contribution to preserve the unique cultural heritage of very small group of indigenous people of Siberia.

Original ethnic culture of Evenks (Tungus) were presented by typical nomads camp of hunters, fishermen and reindeer breeders. The conic-shaped chooms are covered with deer skins and birch or larch bark. This northern people opened up the taiga and tundra and number of them is 2300 in Buryatia. The peculiarity of their social and economic structure is connected with nomadic life [1, p. 12]. One of the interesting objects in the complex is Shaman's choom. This construction is showed religious ideology of Evenks, where shaman spirits played important role.

After resettlement of Russian Cossacks to Transbaikial area in the middle of 17 century the substance of cultural environment had been changed. They were sent here to safeguard the south-eastern borders of the Russian empire and for their services were paid by the government. Also they occupied themselves with cattle-breeding, mostly horse-breeding. The lack of farming caused immense expenses on provision delivery so many peasants were sent to cultivate of land and grow crops for the Cossacks. The complex exposition represents the stanitsa ataman's house, the peasant's house and the barns with stable.

Also Russian Old Believers (*semeyskie*) immigrated to the lake of Baikal in the middle of 18 century and lived in large isolated groups in some districts of Buryatia. Their main goal was to preserve the old faith, traditions and rituals, costumes, songs and dances of their unique culture. Bright colors of original culture of them were endowed to ethnic and cultural surrounding of Transbaikial space. The different economic and cultural traditions between Russians and indigenous peoples were harmonized and formed mosaic of ethnic and cultural traditions in this area.

The especial attention has been given a museification of monuments for creation of an archeological complex which essentially expands chronological frameworks of the museum assembly. On territory of the museum the monuments of archeology belonging different cultural layers, including epoch of a paleolith, a neolith, bronze and early iron centuries have been transferred. Besides at the archeological complex the Xiongnu dwelling is reconstructed. In plans of activity of the museum on museification of archeological monuments were to carry a prince's barrow of Xiongnu № 54, which were excavated by well-known archeologist P.B. Kononov in one of the districts of Buryatiya. However after many years of expectation of transportation and accommodation in territory of the museum the given monument, unfortunately, has been lost. In the museum practice in our country and abroad it is known, that "not museification object right after excavation, as a rule, it is lost; besides museum use — a unique opportunity of its inclusion in modern culture" [2, p. 390]. Now one of items of development of the archeological complex of our museum is the reconstruction of this unique monument of archeology for transfer of the information on it to the broad audience of visitors and preservations of cultural memory of the lost monument.

Thus, in territory of the Ethnographic museum of people of Transbaikalia during the different periods following complexes have been created: archeological, Soyots, Evenks, the East Buryat and West Buryat, Russian Cosacks, Old believer (*semeiskies*), urban complex.

Apartment houses and constructions on ethnographic complexes illustrate traditional methods of construction (for example, eight-wall felt yurta, the house-communication, conic-shaped choom etc.), and a variety of materials (a larch, a bark, deer and bear skins etc.). Also these objects showed elements of decoration of a facade (ornaments, a groove), which contain the deep symbolic reflecting of traditional representations of peoples.

Museum collections collected during forwarding researches from the end of 1960th years of 20 centuries reflect a rich cultural heritage of ethnic groups and indigenous peoples of Transbaikalia and contain subjects which enclose valuable information on bases of outlook and religious representations of peoples. So, the collection of "semeiskies" distaffs decorated by a carving and a painting reflect the solar cult in outlook of Russian, and especially at "semeiskies" [3, p. 22]. The social status of women in traditional societies is precisely enough reflected in ensembles of suits of ethnic groups.

Except for preservation of museum collections and transfer of the information fixed in them to modern inhabitants, the museum uses new approaches in the museum communications, promoting revival of museum expositions and ethnic com-

plexes. One of popular museum products is creation of the animation scripts reflecting various ethnic aspects of culture. So, for example, ritual of kindling of fireplace and sacrifice to master of fireplace; showing a cooking Evenk's traditional food, reproduction of rituals of divination, playing in ethnic children's games. At the Buryat complex demonstration of the Buryat female adornment and explanation their Buryat appellations and symbols were prepared. Recently created of a temporal exposition "The yurt of Buryat epic's performer" has discovered an ancient folklore heritage of the Buryat ethnos for all guests of the museum. Similar museum scripts are directed on preservation of the important elements of national culture through a language basis in the modern social environment.

Also interested museum product is development of the script of Buryat traditional wedding in an interior yurt with kindling of fireplace and sacrifice to the master of the family's center. This measure aimed on preservation and strengthening of Institute of family and marriage. This project were initiated by the Center of preservation of family and marriage and carried out at support of research and educational activity of the museum.

Owing to museification of monuments of traditional culture of indigenous peoples and using the fixed approach, "at which the furniture and conditions with all time stratifications are preserved" [2, p. 390] the museum conducts research and educational work with various strata of society, forming the tolerant attitude to the other cultures and supporting interest of new generation to ethnic history and cultural values, showing centuries-old wisdom and simplicity of a life of the ethnos, transferred through museum collections.

The list of references

1. Gurka T. V., Chimbeev N. D. The Evenk exhibit. Ulan-Ude, 2003.
2. Kamenetskij I. S., Kaulen M. E. Muzeifikatsiya of monuments // The Russian museum encyclopedia. Moscow, 2001. c. 390.
3. Okhrimenko G. I. Ethnographic expedition to "Semeiskie" of Transbaikalia // Material culture and art of people of Transbaikalia. Ulan-Ude, 1982. P. 15–25.
4. Rakshaeva L. G. Ethnographic museum of Transbaikalia peoples. Guidebook of Buryat complex. Ulan-Ude, 2008.
5. Tivanenko A. V. The ethnographic museum of Transbaikalia peoples. Ulan-Ude: Buriyat publishing house, 1984.
6. Khomosov S. R., Savelyeva R. G. Ethnographic museum is the preserve of peoples of Transbaikalia // Material culture and art of people of Transbaikalia. Ulan-Ude, 1982. P. 3–14.

T. K. Shcheglova

ORAL HISTORY AND MUSEOLOGY: WAYS AND FORMS OF COOPERATION

The concept *oral history* as well as *museology* is still debatable. Some people define both of them as separate sciences, others view them as theory and methodology of work, including research one. Yet, this way or other, they are interrelated through a number of factors and traits. Firstly, it is through a more pronounced methodological and theoretical emphasis on history-oriented research. Secondly, the formation and development of these historical disciplines have been closely connected with the emerge of sound-recording and computer technologies, of ICT (Information and Communications Technology) and of some computer programs since the second half of the 20th century. These factors resulted in advanced principles of exposition in Museology, brought museums back to research and to interdisciplinary cooperation. At the same time, the development of Oral History offered new methods of historical past and cultural heritage study. Moreover, it created new historical sources with high demonstrational and emotional potential. All this gave us an opportunity to modernize museum work both in the sphere of investigation and in the way historical and cultural artifact can be presented.

In the multitude of contemporary definitions of Oral History, we can, nevertheless, single out some of its fundamental functions and substantive components. This discipline has its own method of research — an interview, which helps to record an individual's personal knowledge of the epoch. This discipline has its own historical source — photo-, video- and transcribed "materials of historical interview". Their peculiar feature is first-hand information, embodied in sound or video picture, which reflects the experience of an individual who personally participated in historical events and processes, who expresses his personal evaluations and ideas. For example, according to the definition of *Indiana University Center for the Study of History and Memory*, oral historical sources draw the information of the bygone events directly from their participants. Oral History is based on the memory which is a subjective means for fixation of some past events. The intrinsic parts of memory are a person's psyche and his ability to reappraise the past. Oral History determines how personal experience and impressions can influence the past and how the past influences the present. Documenting and archiving of oral historical sources are the integral tasks of Oral History as these sources are expected to be used in future expositional and research activity.

Interaction with Oral History offers great vistas for Museology. It is obvious from the meaning ascribed to the present perceptions of this discipline. One of them is "...structure and methods in the integrated processes of collection and exposure as well as some other communicative use of such pieces of dynamic cultural heritage that can serve to acquire and distribute the knowledge as well as to render emotions.

Within the context of this short article we have an opportunity to describe some ways of interaction between Oral History and Museology. First of all, there exists a necessity to expand the concept of “museum objects” to “historical and cultural heritage”, as the latter should include not only real tangible exhibits but also the artifacts of spiritual heritage, based on collective and individual historical memory. The social significance of museums should not be limited and centered around material subjects alone as it used to be when the first museums emerged. But, in the 20th century our notion of information has changed as well as the ways of its fixation, presentation and storage. For instance, museum expositions of the recent days can be far more interesting if accompanied by the stories told by the eyewitnesses. Consequently, the idea of heritage should be changed as well. We argue that artifacts include not only the ones we can physically observe, but also those which make up spiritual, mental, ethnic, and confessional meaning of these artifacts, preserved in the memory of an individual or of the whole society, narrated or demonstrated by them.

Memory, recording, storage and presentation are the paramount missions of the museums. Traditionally, the museum fills the niche with memorial-material artifacts and documents, such as photos, diaries, notes, letters and other things. It is less popular to include oral or visual information into exposition though it has a great emotional impact. It is true that while preparing of thematic expositions museologists deal with *old coons*, with experts on local history who help to model and reconstruct historical and cultural processes. But such work was carried out and is carried out without scientific and methodic registration of the discourse or interview materials, without their documentation and archivation and besides without their audio or video recording.

The present stage of Museology development is characterized by the search for active innovative approaches both at the stage of collecting the materials and at the stage of their popularization and demonstration, including the preparation of expositions. Investigative, collecting, searching and cognitive energy efforts are now shifting more often from the material sphere into spiritual one. One of the evident problems of modern museums is the existence of huge funds with hundred thousand exhibits and only an insignificant part of them is accessible to the visitors through permanent and temporary exhibitions. Foreign museologists who highly appreciate the contents of Russian museum funds nevertheless increasingly criticize their colleagues for their archaistic ways in presentation of historical and cultural heritage, for the transformation of museums into warehouses where things are inaccessible not only to public at large but to researches as well. The ways of working with the visitors also cause censures from museum workers. Under the existing forms of presentation of historical and cultural heritage a visitor is excluded from the process of the penetration into the past. He is a passive on-looker. Moreover, only the organs of vision are mostly involved in the process of cognition.

Today museologists are after the new principles of preparing their exposition, new ways of presenting the heritage. They are in search for the new forms and methods of interaction between a visitor and an exposition, for the new ways of determining how an exposition can affect the public. Among these innovations we can observe new forms of presenting intellectual achievements of mankind, which are based on scientific and technological ideas and which are the major part of spiritual heritage. In domestic Museology the Polytechnic Museum (Moscow) became the first to reconsider the principles of preparing their expositions, transforming passive forms into active ones. *The Eksperimentary* — the Museum of Recreational Science in the Russian city Irkutsk (east of the Urals) is another example. Most of its exhibits, which explain the laws of Physics are created by the museum people from expedient means. A visitor there is allowed not only to touch them but also to bring them into action. The use of visual anthropology and oral history means in this museum might have strengthened the effect of the exposition. For example, it might have been audio-video interviews on the history of the development of the local community of physicists, their stories about their life and activity. Modern technologies make it possible to organize individual excursions without the participation of a guide. Oral information enriches any material exhibit. Sometimes without commentaries or explanations it is impossible to grasp or to adequately evaluate the way this or that object finds its realization in history and culture. Thus for all the accompanying notes many objects remain *stumm* for the visitors. In such cases audio-video interviews in the exposition might have been of great use.

Oral information considerably complements written documents especially widely used to demonstrate the events of modern history. Museum expositions on the history of the 20-th century cannot surprise visitors with “exotic exhibits” such as the tooth of a mammoth, burial place of ancient people, a dagger of the Scythian soldier, etc. The 20-th century is presented in the museum by the objects of the unified factory material culture, by the pieces of everyday life and of technical achievements. Oral historic sources allow the museums to create a wider, deeper and more panoramic picture of historical processes or events. One of such examples is a *theme museum* on the repression history “ALZHIR” — Akmola Camp for the Wives of Traitors of the Motherland (in the Republic of Kazakhstan), where material exhibits are adequately combined with the eye-witnesses’ stories. Another example is a *historical event museum*, such as the Museum of History *the Battle of Solonovka* in the Volchikhinsky District (Altai Krai). Material and verbal collections are also presented in *distinguished personality museums*. This is, for example, *The Museum of Vasily Shukshin* (a famous Russian writer) in the village of Srostki, or *The Anatoly Sobolev Museum* in the village of Smolenskoye, the *Museum of the Astronaut Titov* in Polkovnikovo village in Altai Krai. Whatever the specialization of the museum, historical and cultural artifacts of oral origin — verbal and visual recordings of reminiscences, tales, family stories — acquire a paramount importance for its activity, for building up its displays. At the present stage museum workers are searching for the ways of including that heritage into museum funds, expositions and temporary exhibitions.

We think it reasonable to create archives of oral history sources, or the so-called “oral archives”, attached to the state museums or to public memorial rooms, offices, and centers at educational and cultural institutions. In all the cases it is necessary to meet a number of scientific and methodic requirements developed by Oral History. The first requirement concerns the proper scientific recording of the interview with the further documentation and archiving of the materials. The indispensable condition for public museums is subsequent transfer of the “oral archives” to municipal and central archives for their storage, or establishing funds of oral sources attached to the state museums with their obligatory registration there. This requirement is determined by the uniqueness of the “human documents”. The demand for them will keep increasing with years, decades, and centuries.

Due to their specific character oral historical sources render “the flavor of the age”, the human’s feelings and perceptions of that period, “a live breath of history”. Sources created on the basis of interview or discourse materials are marked by “human touch” thus displaying not only the mode-of-life or living conditions of the epoch but the human being of the epoch as well. Therefore they are of interest to those who seek for objective and complete recollection of the past and to those who visit museums to visualize the past events and the man of the past. The oral historical sources make it possible for the museums to change the character of their activity: instead of stockpiling the antiquities alone they can grow into multifunctional institutions.

So, the initiation of oral archives in the museums means a prospective development of museum business. Modern museum evolution from the presentation of cultural artifacts to the presentation of historic and cultural heritage of the mankind requires the renewal of the methods of collection, storage and popularization of material and spiritual values as a single entity fully reflecting the epoch. Thus, the exposition of material culture may be accompanied with sound or video, background sounding of the age, with slide-show, songs or eye-witnesses’ stories. For an oral historian it is important that any epoch, historical process, event or phenomenon should be reflected not only in the artifacts or material sources, but also in sounds, in the form of personal stories about these artifacts. In Russia the method of oral history has become widespread, for example, in the museums of the Ministry of Culture, in the Memorial Museum of Astronautics, in the Zhukovsky Museum and in some other museums.

In conclusion, we may suggest a few ways of oral history integration into museum business. It appears interesting to combine material and family archives, photo expositions on the dispossession of kulaks history with audio and video collections of tales, songs, poetry and other oral verbal and visual documents collected and created by the experts with the help of the participants of those events. The attachment of visual or audio materials to photos, personal things or archive files contributes to the emotional charge of the exposition. The same principle can be used when launching exhibitions or permanent expositions on the virgin land history accompanied by photos and audio materials with songs, recollections, funny stories or tales about every-day life of the explorers of the virgin lands, or with discourses on the social atmosphere, on the controversial moments of that time. The same principles can be the basis for the exhibitions devoted to the history of extinct settlements or to the response of the regional community to the attempted coup of GCChP (State Committee for the State Emergency) in 1991. Life stories revealing historical events from the inside render the true spirit of history and arouse a wide range of emotions (respect, approval, censure, etc.) Psychological and pedagogical aspects, particularly, the impact of the museums on their visitors, become essential for the development of scientific forms of popularization, *i.e.* of exhibitions and expositions.

Archives of oral historical sources in museums can be focused on the interviews with participants and eyewitnesses of the events that pose interest both for the population of the country on the whole and for definite regional communities. For example, a great deal of historic events that affected the whole Russia had a special effect in Altai Krai: The Rogov movement in Prichyumyshye during the Civil War, the Dobyinskoye revolt (a revolt under the command of Dobytin) during the collectivization period in Pricharyshye, the Yefremov movement in agriculture similar to the one initiated by Stakhanov who intensified the labor productivity in the 20s. Any Russian historical event had its own distinction in Altai and deserves to be represented in museum expositions or dramatized accompanied with audio- or video files.

The cooperation of museologists and historians specializing in Oral History may result in the creation of the fund of oral sources related to the Soviet public organizations (Young Communist League and Pioneers). It should be noted that the Soviet epoch rooted in the past is ousted from the contemporary sign system of the society rather rapidly. Mottos, monumental art, sculptures, special way of decorating parks and streets and other signals of Soviet time vanish quickly. Mottos in new placards are symbols of new post — Soviet Russia. Few more years will pass and the collection of objects pertaining to Soviet epoch will be as topical as peasant accessories collection related to the Soviet period today. Indeed, the Soviet rhetoric connected with kolkhoz (collective farm), pioneers and voluntary police is becoming obsolete. The available press on the events isn’t reliable as it fails to describe life truly either in its happiest or gloomiest days, it tends to embellish or conceal the facts. Politically committed assessments of the printed materials do not allow the museums to present Soviet history in an adequate way. For example, to create the atmosphere of a communal flat, of a collective farm, or of a Young Pioneer Unit is impossible without verbal or visual evidence.

The history of science, of scientific research and inventions in the sphere of Humanities, Natural Sciences and Technology can be an independent area of museums regional work. It can also be related to the history of archeological, historical, and ethnographical researches in Altai. The collaboration with famous Russian ethnographers, who once investigated Altai Krai might serve as an example. Altaian population is extremely diverse. Numerous historical and cul-

tural groups once dwelled here. This fact always attracted leading ethnographers from Moscow, Leningrad, Novosibirsk, Omsk and Tomsk. They initiated a number of expeditions to Altai in the 1950s–1990s. The results of their research served as the basis for their articles, books and monographs on the culture and history of Altai peoples that were published in reputable scientific journals. Yet, it is impossible to get a complete impression of the routes, settlements and ethnographic groups investigated by the scholars, using the references to their field data alone. Oral History gives a chance to interview these distinguished ethnographers, such as V. A. Lipinskaya (Moscow), E. F. Fursova, G. V. Lyubimova (Novosibirsk), T. B. Smirnova, M. A. Zhigunova, T. N. Zolotova (Omsk) and others. The museums may house stands with maps showing the investigated routes and accompanied by photos and audio- video interviews. Such expositions will allow the visitor to have a personal three-dimensional insight into a definite theme in the past.

Thus, Oral History opens new vistas for the museum in the sphere of search and collection, exposition and presentation, as well as of scientific activity. At the same time Oral History creates the background to solve theoretical, conceptual as well as methodological problems of Museology and of other Humanities.

O. N. Shelegina

THE ROLE OF MUSEUMS IN THE SOCIOCULTURAL ADAPTATION OF PEOPLE IN THE GLOBALIZATION EPOCH

In the modern context of the world development the International Council of Museums (ICOM) UNESCO assigns great significance to the role of the museums which are unique socio-cultural crossroads of the past, present and future for the formation of social harmony, for the transmission of spiritual values, and for the adaptation of the population to global transformations.

The 32nd Annual International Committee for Museology Symposium — ICOFOM/ICOM UNESCO (PRC, Changsha, 2008) “Museums, Museology and Global Communication” — outlined the universal tendencies in the development of museum business, determined the spheres for further museological investigations. The most topical of them are: to explore museums as intermediaries in disseminating information; to study the world wide dialogue of museum associations; to follow the impact of social and economic changes on the development of museum business, the impact of computer science on this business; as well as to see the way symbolism of virtual space relates to the new interpretation of reality. Another group of problems deals with the study and representation of cultural diversity and regional identity in the museum [1]. The Changsha declaration states: “Museums and museology in the conditions of globalization are necessary for the international cultural and social development. They should make life of the local community diverse, should carry on a socially-oriented dialogue using new technologies”. Thus the Symposium determined the museum aspects of local and global correlation emphasizing the role of museums, the necessity of their adaptation to socio-cultural realities [2, p. 33–34].

The Annual ICOFOM SIB Symposium “Museums for the Society in the 21st Century” (Taiwan, Tajpej, 2009) was devoted to universal and domestic strategies, to the status and role of museums within the cultural policy in the context of globalization when it becomes necessary to preserve and actively disseminate national historical and cultural heritage in general and traditional life-supporting culture of the ethnos in particular [3]. The National Museum of Taiwan demonstrated the forms of cultural heritage adaptation to the perceptual potential of contemporary man. Rural tourism was presented as an example of personal adaptation to exotic natural environment, to the life-supporting culture of indigenous population.

As is known the General Assembly of the United Nations Organization declared 2010 the *International Year for the Rapprochement of Cultures*. At the end of the 20th century the phenomenon labeled as *ethnic paradox* of the present time swept all continents with the societies of various types and levels of development — from traditional to postindustrial. It was characterized by two tendencies: the first one was connected with globalization, with the progressive unification of material and spiritual culture, the second one with the development of personal individualism, with complex ethnocultural fragmentation and activation of ethnic identity in the people of different countries. In a new millennium when a person chooses a certain vital strategy of adaptive behavior there are things that acquire a paramount importance: a pragmatic meaning of traditional culture, the revival of interest in one's own roots, in ethnicity, in religious beliefs, in life-supporting systems and culture of peoples' activities as well as the increase of the general scope of knowledge to be transmitted from generation to generation through education and culture [4]. It stimulates museums to adapt their basic activity to meet the challenges of the moment. To ensure the effective actualization of their mission, to create the environment for the adequate socio-cultural adaptation of the population to global world the museums are expected not only to store and present historical, cultural and natural heritage, but also in accordance with the social demands to become the means of intercultural communication contributing to molding all types of tolerance — in religion, in aspiration to comprehend and accept the world of other people.

A complex culture reconstruction of ethnoeses' life-support is necessary in a parity of traditions and innovations, of the local experience of definite people and global historical processes. Adaptation processes are universal and basic things for the development of subsistence culture. These processes are dynamic result of the interaction of the adaptation subjects

with the environment (both natural, and social). The latter is aimed at adequate for itself mode of life, mental priorities, and ethnic constants. Socio-cultural adaptation is viewed as an inheritance, as a relevant use of customs, standard of behavior, knowledge and traditions once developed and further on functioning within the framework of corresponding social institutions, realized in personal and public life. A positive psycho-emotional mood of the population supported by the idea of favorable prospects of personal development is essential for the evolution of society in a globalized world. The person is constantly identifying himself with the big and small social groups and communities, it imparts the process of his adaptation with vital colors, and his activity in a certain cultural environment becomes more productive.

At present Foreign and Russian experience turns to various types and forms of the so-called *integrated* museums which are of interest from theoretical as well as practical and scientific points of view. These museums are centered round cultural and educational, socially or individually differentiated activity and widely employ mass media in it. For example, the *Zhangjiajie National Forest Park* (PRC) included in the UNESCO List of World Natural Heritage familiarizes its visitors with a traditional Chinese village epitomizing the people's cultural pattern of life. The *Atameken Etno-Memorial Complex* in the city of Astana is a peculiar many-sided map of Kazakhstan with historical, cultural, and natural objects (models of unique architectural, memorial, social and cultural buildings). The *National village*, a unique Museum and Cultural complex opened in 2007 in Orenburg allows its founders to demonstrate the diversity, wealth and special coloring in the national traditions of multinational Orenburg Oblast which is home to more than a hundred nationalities. The idea to create this outdoor historical and ethnographic museum is aimed at consolidating tolerance between various ethnic communities, living in Orenburzhie, through the acquaintance with their culture and through their inclusion in it. The *National village* territory houses ten national *yards* reminding of the history and culture of the most populated ethnic communities of the place: the Russians, Tatars, Kazakhs, Ukrainians, Bashkirs, Mordvins, Armenians, Germans, Chuvashes and Byelorussians. In every *yard* there is a historical and ethnographic museum, a library and an ethnic cuisine café. Each of the constructions in the *yard* features national peculiarities in architecture and is embellished with traditional ornaments. Dozens of thousands of people have visited *The National village* since the time it was opened. Public and national holidays held in the *Village*, contribute to the dialogue between the cultures, facilitate the socio-cultural adaptation of people to the life in a multiethnic frontier region, consolidate the stability, interregional and international relations in one of the largest regions of the Russian Federation.

The population of the Siberian region has a great adaptation experience in various natural and climatic zones, in evolutionary and bifurcational conditions. Its historical-cultural and natural heritage is Russia's major strategic and geopolitical resource. In the present-day situation when we observe strained relations between the regions, Siberian experience might be rather valuable as a great number of migrants (various in ethnocultural background) go on well with each other for a long historical period. A productive exchange in cultural values always played an important role in the processes of adaptation, while multiethnic environment contributed to Siberians' acquisition of tolerance. Ecological museums play an important role in ethnic identification and socio-cultural adaptation of people in contemporary multiethnic society. The mission of these museums is to explore the ethnocultural space, to seek for the innovative forms in the interpretation of ethnographic sources. Local enthusiasts are involved in this activity to preserve existing traditions, to creatively reappraise them, to forecast the future. Museums are engaged in training specialists for the complex preservation of the local heritage. Siberian ecomuseums *The Torum-Maa*, *The Museum of Man and Nature*, *The Tyulbersky Small Town*, located in the places of compact residing of Siberian indigenous peoples, are able to preserve the ethnic touch and to integrate it into the modern environment, while proclaimed "state and regional revival programs" and some accepted means of museum science fail to do this [5].

Outdoor Museums, Culture Preserves which document ethnogenesis of the people, their way of life and culture by means of acquisition, storage, investigation and popularization of ethnographic collections take up privileged positions in the formation and translation of regional identity. The Tobolsk Museum of History and Architecture, *The Shushenskoe Museum of History and Culture*, *The Museum of Nature, History and Culture Tomskaya Pisanitsa*, *The History and Architecture Outdoor Museum of SB RAS Institute of Archeology and Ethnography* rank among the largest and the most famous museums in Siberia. These museums launch pilot projects in adapting the methods borrowed from other cultural institution (clubs, theatres, etc) to new social and cultural environment taking into consideration sex and age, ethnic and confessional peculiarities [6, p. 587–588].

The activity of the Ethnographic Culture Reserve of the Peoples of Transbaikalye (the settlement of Verkhnyaya Beryozovka in the proximity of Ulan-Ude, Buryatiya) presents a special interest. The Reserve was initiated by Academician Alexey P. Okladnikov together with archeologists, ethnographers and buddhologists of Buryatiya and was opened in 1973. The scientific program of the Museum and its structure reveal a complex process of the formation and coexistence of the indigenous ethnic groups (Buryats and Evenks) with the Russian population, their national identity. The territory of 37 hectares houses six complexes: each of them is a unique combination of natural factors with corresponding thematic and chronological aspects. The complexes encompass archeological, historical and ethnographic (Evenks, Transbaikalian Buryats, Russian old-timers, old-believers-*semeiskie*), as well as urban expositions. The Museum numbers 25 wooden constructions for cult and civilian purposes displaced from the places of their origin, about 12 thousand traditional items, and also ethnographic drawings and photos. The expositions restore the dwellings and utility structures with their typical interior and equipment (furniture, utensils, instruments of labor, clothes, etc) which help the people visualize the peculiar material and grasp very special spiritual traits of different ethnic groups. Taking into consideration

these ethnic peculiarities the Reserve holds definite agricultural holidays in its territory, e.g. Buryat sheep shearing, Russian grain crop harvesting, Evenk ceremony of bear hunting. An annual schedule of the events is worked out now, special emphasis being made on the rotating participation of each historical-ethnographic complex in this activity. Yet, every complex is supposed to arrange *Fun Fair* and *Good Neighbors* Holidays all the year round. The basic priority of the Reserve is the simulation of national ceremonies, the organization of the folklore holidays, the spectacular theatrics, everything that plays an important role in the inter-generation transfer of traditions [5, p. 40–43].

To solve the problems connected with the definition of regional or ethnic identity the person museums can use a modern discourse of science, culture, and education as an adaptable mechanism. It presupposes the creation of theoretical models that reflect complex socio-cultural processes and also the introduction of the results of historical, ethnographical and ethno-social researches in museum activity. It also means that the educational and extra-curricular activities should be directed at molding a personality, capable of reflection and transgenerational translations of life-supporting culture models optimal for the given region. Advanced scientific achievements combined with the museum practice (expositions, excursions, lectures of comparative, problem-solving, virtual type) are to develop in people knowledge and abilities which might allow them to successfully adapt to new social and information environment, to be sensitive to personal and public interests.

Thus, the Museum of History and Culture of the Peoples of Siberia and Far East in the SB RAS Institute of Archeology and Ethnography piloted the structure pattern of subsistence culture in Siberian population, which was worked out within the Fundamental Research Program of the RAS Presidium *Adaptation of Peoples and Cultures to the Environment Changes, to Social and Anthropogenic Transformations*. The comparatively-oriented historical and ethnographical exposition presented the subsistence culture of Siberian population through its economic complexes, their character being determined by the peculiarities of landscape and climate. Among other things, the exposition displayed the major components of material culture (dwelling, clothes, utensils) that met the vital demands of nomadic cattlemen comprised of Kazakhs, Southern Altaians, and Buryats. Representative and attractive exhibits of the exposition specify the life-supporting culture of Khanty, Mancis, Ketis, Nenets, Selkyps, who are engaged in fishing, commercial hunting, and reindeer breeding. Typical as well as unique subjects of material and spiritual culture are exhibited in the complex of Russian old-residents in Siberia whose life was connected with agriculture [6, p. 63–66]. On the whole, the multidimensional scientific expositional model of subsistence culture of Siberian people in the late 19th — early 20th centuries reflects their wise use of natural and climatic features of the region, the processes of their flexible ecological and socio-cultural adaptation.

The SB RAS Institute of History in conformity with RAS Presidium Program *Historical-cultural Heritage and Spiritual Values of Russia* successfully carries out an integrated project *Subsistence Culture of Russian Population in Siberia: Traditional, Innovative, Informational aspects*. This is a joint research of historians, ethnographers, and museologists. Taking into account the foreign experience the scholars work out the criterion scores system of subsistence development in global scope and also the techniques of historical and ethnographic reconstructions of the traditional culture by means of appropriate combination of visual, virtual, interactive approaches. The joint project with Multimedia Center of Novosibirsk State University helps to launch the program to create an electronic images base of traditional subsistence culture, which are now stored in Siberian museums and archives, in the European museums of Russia, in foreign museums, or were published in the corresponding catalogs. Comparative method, computer modeling, electronic museology (i.e. Internet-orientated data base) will reveal the historical dynamism in adaptation of traditional ethnic subsistence culture to changing conditions, will promote the preservation of national historical-cultural heritage and its adequate presentation in modern communication systems [7, p. 4–11].

The participants of the International Research and Practice Conference *From History to Modern Times*, of the museum training workshop *Museums in Global Context: Process and Priorities* organized by the Assembly of Nations of Kazakhstan and by the International Fund of Human Collaboration of the Commonwealth countries (Astana, 28–29 May 2010) emphasized the international and adaptive role of the museums and also mentioned the increase of their significance as socio-cultural institutions designed to evaluate and use the national historic heritage as a strategic resource. Museums as institutions of social memory make a noticeable contribution to education and patriotic upbringing, to identity formation of local communities, of the whole regions, and of the entire states. The result of study and generalization of museums' experience, museology achievements, constructive proposals to advance the museums activity level and to provide museums with research and methodic facilities allowed the training workshop participants consider it particularly expedient:

- to create the Museums Association of the CIS countries for preservation, study, and presentation of the national historic and cultural heritage corresponding to the challenges of globalization, for collaboration of academic science, culture, and education; for the increase of the professional level of museum personnel; for the expansion of their international cooperation;
- in the correlative context of traditions and innovations, of the local experience of definite people and global context of historical processes it is necessary for the museums to carry out a complex reconstruction of ethnic cultural subsistence, to reflect the processes of adaptation as well as ethnic and cultural correlation; to enrich the research funds of the museums with the publication of collections catalogs, including Internet-oriented introduce in scientific sphere of fund museum materials by vintage catalogs publications; to strive for the creation of integrated regional museums;
- to expand and upgrade the launching of advanced museum technologies, including information and multimedia programs; to promote social researches in the museums.

The international project *Demographic Field of Asia: History, Modern Times, Future Hypotheses* considers it rather promising to develop and put into practice *Museum Meridian* project initiated by Siberian Committee for Museology and by SB RAS Scientific Council of Museums. This project embraces the territories of Siberia, Kazakhstan, Mongolia, China, India and plans to create virtual expositions on culture subsistence, on social and cultural adaptation of the population within the context of complicated demographic, ethnic, cultural and geopolitical processes in the territory of Asia. The conception and the model of integrated regional museums might come as an innovative one both from the theoretical and practical point of view. Such museums might naturally combine global and local, traditional and modern in ethnic culture. They might also employ information and interactive technologies and facilitate to disseminate ethno-historical experience taking into account the realities of the 21st century, and the general idea of social harmonization.

The list of references

1. ICOFOM Study Series-IIS 38. 32 Annual International Symposium. Museums, Museology and Global Communication. China, Changsha, 2008.
2. Truevtseva O. N., Shelegina O. N. Siberian Academic and Higher Education Institutes Museums: Integration into International Museum Community (based on International Symposium Museology, Museums in the Changing World (Barnaul – Novosibirsk – Changsha, PRC, September, 2008) // Academic and institutes of higher education museums: the role and place in educational process: Proceedings of All-Russian scientific conference with the international participation. Tomsk, 7–10 December 2008 / Managing editor E. I. Chernyak. Tomsk: Tomsk University Publishing House, 2009
3. Proceedings of International Symposium Museums for the Society in the 21 Century. Taipei, 2009.
4. Shelegina O. N. Adaptation Processes in Cultural Subsistence of the Population // Philosophy of Education. 2009. № 1. P. 132–137.
5. Kimeeva V. M. Ecomuseums of Pritomye in Post-industrial Society: Genesis, Architectonics, Functions. Tomsk, 2008.
6. Zhigunova M. A., Shelegina O. N. Ethnographic Museums of Siberia // Siberian Encyclopedia of History. Vol. 3. Novosibirsk, 2009.
7. Nagaitseva N. D., Guseinova T. N. Museum Pedagogic: Museum Holidays. Technique of Preparation and Organization. Manual. Part 1. Ulan-Ude, 2005.
8. Salnikova I. V. The Culture Subsistence in Autochthonic Population of Siberia (on the example of ethnographic collections of Siberian and Far East People History and Culture Museum) // Mechanisms and practices of adaptation in traditional and developing societies: experience of Asian Russia development?: Proceedings of All-Russia Theoretical and Practical Conference. Novosibirsk, 2008.
9. Shelegina O. N. On the project The Culture of Life Support of Russian Siberian population: traditional, Innovative, Information aspects: Scientific Study / CB RAS Institute of History. Novosibirsk, 2009.

A. G. Stepankaya

ETHNOCULTURAL TRADITIONS AS THE BASIS OF THE RENEWAL OF NATIONS

The deepest source of creative and personal potential of a person is her/his membership in a particular ethnic community. When an ethnos is on the rise, the belonging to its historical destiny, values and ideals creates an inspirational mood, stimulates a constructive and reformative energy and vice versa. Modern researchers have identified three historical paradigms of the relation to cultural heritage: “the absence of the past”, “memory-continuity” and “cultural dialogue”. The basis of these paradigms is built by the idea of the cultural significance of memory. The real outside world affects the person’s consciousness and forms an individual mental space. The things, we can see and comprehend, change in the human consciousness because of personal characteristics, the attitude of the recipient, stereotypes and traditions.

Art space is a complex structure, which includes ethnographic, historical and mythological “subspaces”. Art space is formed under the direct influence of nature and ethnographic environment, historical reasons, mythological perception and religious culture. The individual art space, that a person acquires in her/his childhood, or mentality plays a big role in the formation of common art space and creating of masterpieces. This is a stable feature of every creator; it persists throughout life and gets nurtured due to the contacts with other territories, countries and cultures. The dialogue is inevitable, but the dialogue, not the dissolving of nations in a faceless ocean of civilization and techniques.

Cultural and spiritual integration form the vector of a stable development of Russian and regional culture. The globalization process, which involves almost all modern civilizations, often leads to the extinction of unique native cultures, which are closely related to one specific place. The specific location is a genetic origin, which gives life to many unique cultures.

Ethnocultural traditions perform the function of reconstruction and development of spiritual and moral connections between generations, between ethnic groups, the function of preserving the national identity, including art.

In the XX century the phenomenon of interaction appeared not only in different kinds of art, but also on different levels of thinking, for example artistic and rational thinking. At the turn of XX–XXI centuries we can see the tendency of the extension of art field and the enhance of the role of the author's view. In this sense, art is an example of the unity of ethnographic, historical and artistic space that best fits the criteria of artistic merit.

An example of bringing traditions to modernity, of renewal and cultural integration is the art work of Altai artist G. I. Choros-Gurkin. What makes his work unique? Obviously, it's the author's ideological concept. 2010 we celebrate 140 years since the birth of the first professional Altai painter, but his work is still perceived as an organic art school. Gurkin's worldview reflects the national vision with its spirituality, a particular perception of space and time. Life and existence. Closure and boundless openness. Fleeting moments and eternity. There are no objects outside space in his works. The artist is not interested in "self-closure" of things. Perception of reality through the space is typical for nomadic culture. This fact led to the formation of the artistic concepts of space in traditional cultures. The study of Gurkin's art work lets us to determine his art space as a historical phenomenon, characterized by stable (archetypes, canons, symbols) and variable (the transformation of the prototype) components. Visions of space are formed in traditional cultures, observed by ethnographers and art historians. The basis of these visions includes the impressions by the perception of the world, and at the same time landscape is aesthetized [2, p. 14]. The author's worldview appears to be the most important hidden side of art work. Without studying the author's ideological concepts it's often impossible to understand the peculiarities of the artistic language, the author's idea, pictured in his works. An important component of Gurkin's worldview is a worship of nature, a profound experience of its beauty, its symbolization. One of symbolic Altai images is cedar. The artist wrote sincerely and lyrically, referring to the Altai mountains: "You're like a mighty green cedar, which grows far from the crowded towns and villages, you do not like the hustle and bustle. What colours shall I choose to describe you, my fine Altai? And how to outline you? I will compare you with a mighty green cedar!" [5, p. 2] The house of the artist, now a modest museum, is situated in the Altai Republic in the valley of the river Anos. His mansion in Anos has not taken its rightful place among the famous mansions of Russian culture. Meanwhile, it still has a present image of the artist, who promoted the idea of a union between environment and lifestyle. The location, layout, complex of buildings, the history of this estate confirm a deep connection of Gurkin's worldview with artistic perception of space. House is the heritage of the individual. A person sees herself/himself in the unity with nature and not just as a part of the natural space, but also as "a part of the historical and socio-political world" [1]. By building his house Gurkin accounted landscape, topography and vegetation. A high willow with a whimsical volume crown, a contemporary of Gurkin, meets the guests at the gate. Winding roads, climbs and descents increase the artistic space and time: the same picture looks different from different perspectives. The present realities confirm the futility of human attempts to overtop nature. The idea, generated because of the loss of integrity in perceiving the world, collapsed. "The dramatic result of the opposition of man and nature is recognized today as a real catastrophe" [3, p. 118]. Gurkin's art work serves the idea of a holistic vision of the world. Diaries and other written documents reflect his ability to feel the cosmic scale of nature. The artistic perception of space is a source of Gurkin's harmonic landscape compositions. The pictorial-plastic compositions were suggested by the real space location ("Lake of the mountain spirits", 1910, "Khan Altay", 1907). Gurkin's written texts like his paintings reveal his aesthetic credo, based on the personal natural ability to see a real nature. To picture it Gurkin used the traditions of the studio of Russian landscape painter Shishkin at the Russian Academy of Arts. "The school did not come into contradiction with the nature of the artist" [4, p. 18]. Art works can be called "spatial memory" of cities, regions and country. A new idea in the socio-cultural dynamics is the synthesis of tradition and innovation, not just the technological modernization. The idea, that tradition is not just a stable framework of the nation, but the basis for its renewal, is finally recognized.

The list of references

1. *Kirichenko E. A.* Architectural heritage / Ed. A. V. Ryabushin. M., 1996.
2. *Nikulshina E. L.* Value of tradition and innovation in the national culture in the era of globalization / Cultural memory: current problems and the connection times. Math. International Scient. Conference. Voronezh. 2001. P. 224.
3. *Sabitov A. R.* Spatial patterns in the architecture of Kazakhstan / Almaty, 2007.
4. *Tolstoy L. N.* Collected Works. M., 1983.
5. *Chirkov V. F.* Real space and art: the problem of matching // Traditional and relevance in the art of Siberia: Sat. Mater. Scientific-practical. Conf. November 15–16, 2005. Krasnoyarsk, 2006.

HISTORY OF SIBERIAN MUSEUMS IN THE RESEARCHES OF RUSSIAN SCIENTISTS

The topicality of studying museums' history is primarily defined by the considerable importance of museums in the life of state, society and an individual. Not once did we write about museums' social meaningfulness (especially their historic and cultural recourses) which they exhibit in their various activities. The assertion about significance to study history of museums may be directly applied to the museums of natural history.

Material on the history of Siberian museums may be put into practice in all social functions of museums and their historic and cultural heritage. As for museums' cultural and educational work with visitors the priority is paid to educational, aesthetic, vision and communicative functions.

In recent decades (more than half a century) studying of Siberian museums' history — municipal, departmental and social — has assumed a purposeful type. The founder of this is considered to be a Moscow museologist and historian A. M. Razgon who wrote some serious big articles on the history of Russian, including Siberian, museums. In 2001 Moscow scientists of Russian Institute of Culturology published a solid work — a two-volume edition of "Russian Museum Encyclopedia" in which there were given short historical essays on the museums of Russia including Siberian museums. The major work on compiling and scientific editing of the collected materials was made by the staff of the department of museum encyclopedia of the above mentioned Institute A. A. Sundneva (head of the department), E. A. Vorontsova, T. N. Kandaurova, M. E. Kaulen, D. A. Ravikovitch, N. V. Ratoziy, M. N. Timofeichuk, I. V. Chuvilova, T. Y. Yureneva. Russian scientific society greatly appreciated this work.

In Siberia the research work on the museum history is being done very successfully by Barnaul scientists under the supervision of O. N. Truevtseva who published a number of monographs and tutorials; Novosibirsk scientists who prepared the book "Museums of scientific centers and Institutes of Siberian department of RAS". A solid contribution into this work was made by G. M. Zaporozhchenko, O. N. Shelegina and N. M. Scherbina.

There should be mentioned Omsk culturological scientific center where museum stuff are being taught under the supervision of G. M. Patrusheva, V. G. Ryizhenko and N. A. Tomilov. Since 1986 they have published a many-volume scientific series "Culture of Peoples of the World in ethnographic collections of Russian Museums". They also published several essays on the history of the museums of Eniseisk, Novosibirsk, Omsk and Tumen. Another direction of their work is connected with the research of the issues of periodization in the history of Siberian museums and reflection of the above mentioned historic and museum directions in Siberian scientific publications.

The number of published monographs, articles and brochures on the history of museums and museum activity in Siberia has considerably grown since the middle of the 20th century up till now. Here is the list (which is far from being full) of those scientists and researches of local lore who greatly contributed to the study of Siberian museums' history: T. A. Astashkina, E. R. Ahunova, L. V. Barantseva, V. B. Bogomolov, L. I. Bozhenko, P. Y. Bukshpan, P. P. Vibe, Z. K. Glusskaya, B. F. Grishaev, E. I. Ermakova, S. G. Zhambalova, M. A. Zhigunova, I. V. Zaharova, L. Y. Kitova, B. A. Konikov, M. A. Korusenko, L. P. Kravtsova, A. Y. Mainicheva, Y. A. Makarov, V. G. Mongush, E. G. Morozova, T. N. Nazartseva, G. V. Naidakova, A. P. Okladnikov, I. V. Oktyabrskaya, D. A. Ravikovich, N. Y. Savelyev, I. V. Salnikova, A. V. Smelyakova, E. Y. Smirnova, A. P. Sorokin, I. V. Spirina, T. V. Stanyukevich, V. V. Tikhonov, R. F. Tugutov, L. V. Shestakova and others.

The increase of scientific works on the museum history in recent years is promoted by Russian magazine "Culturological researches in Siberia" published in Omsk since 1999. In its particles "Museum and Museology", "Jubilee Events" and others there were published about 50 articles on all museum aspects. Among them there are many articles about the history of museums by the following authors: E. R. Ahunova (Omsk), O. G. Baikova (Novosibirsk), E. B. Bidyuk (Nerchinsk), V. S. Vainerman (Omsk), P. V. Vinogradov (Yakutsk), A. O. Dyrtyk-ool (Kyzyl), M. A. Zhigunova, Y. P. Zarodova, I. V. Zakharova (Omsk), L. L. Karnaukhova (Krasnoyarsk), B. A. Konikov (Omsk), L. V. Korneva (Khabarovsk), A. Y. Litvintsev (Nerchinsk), L. A. Lupinas, E. V. Melnikova, T. P. Mordkovich, T. M. Nazartseva, G. M. Patrusheva, O. V. Petrenko (Omsk), E. A. Popravke (Vladivostok), V. G. Rizhenko, A. V. Smelyakova, G. I. Sorokoletova (Omsk), Y. S. Khudyakov (Novosibirsk), N. A. Tomilov, V. S. Tomilova (Omsk), I. A. Chuparina (Ivanovo), T. V. Chuhno (Leninsk-Kuznetskiy), P. V. Sheveleva (Omsk), O. N. Shelegina (Novosibirsk) and others.

The main topics and directions in studying history of Siberian museums deal with the history of their creation, periodization of their history, characterization of all their activities in evolution — collecting, fund forming, scientific and research, publishing, expositional and excursion work with visitors (educational sphere); participation of museums in regional, all-Russia and international organizations, etc; studying of the problems of teaching museum stuff in higher educational institutions; museological aspects — characteristics and detailed description of concrete museums; social functions of museums; prominent museologists of Siberia — studying of their biography and their contribution into creation and development of museums, and other issues. All these directions and topics require further scientific research, though the achieved scientific results, especially of those of the late 20th century and the beginning of the 21st century, are of considerable importance.

It is important for the recent researches to study not only the history of a separate museum but a group of them and even wider — history of museology in Siberia in different historical periods. Mainly these are fundamental works of A. M. Razgon and O. N. Truevtseva together with works of L. I. Bozhenko, E. G. Morozova, N. A. Tomilov, O. N. Shelegina and others.

Another type of research devoted to studying history of museums is publications of different documents, firstly the ones from the funds of state archives. There are many such publications in the issues of Siberian museums (annuals, reports, transactions, etc.). However, solid monographs are also published. For example, Omsk Regional Museum of Art began publishing the volume of documents "The Alive Past". The author-compiler of the first volume is a scientific associate of the museum O. N. Krepkaya. This book is quite important and urgent.

There have grown a number of bibliographic indices of literature about museums and the development of museology in Siberia. The greatest contribution into museology was made by O. Truevtseva. Bibliographic indices are also traced in fundamental essays on the history of various museums, in dissertation papers on museology, different articles.

The staff of the Omsk State Museum of Local lore collected and published bibliographic indices in connection with 130th anniversary of the museum which included 3545 works for the period of 1878–2008. This prominent work was fulfilled under the leadership of P. P. Vibe (the manager of the museum), Doctor of History), with the help of the compiler A. A. Kildusheva, Candidate of Science and her helpers I. N. Chernova and N. U. Tkachenko.

Another important scientific direction of research work in Siberian museology is personal, i. e. articles about prominent museum workers and museologists. Such articles are numerous in museum publications — magazines, transactions, reports, etc., as well as in publications of different educational and scientific institutions. For example, magazine "Cultural research in Siberia" published articles about museum personalities — P. P. Vibe, I. G. Devyatjarov, I. V. Zaharov, T. M. Islamova, B. A. Konikov, V. I. Matuyshenko, T. M. Nazartseva, G. M. Patrusheva, A. M. Reshetov, V. G. Rizhenko, N. A. Tomilov, E. E. Shulepova.

Another urgent problem of modern times is the status of museums in Russia as scientific-research institutions. In some constituent territories of Russian Federation there prevails the opinion that museums' scientific-research activity is not just far from being major, but that museums must not participate in such activity at all. It is a great delusion, but in quarantine of market economy it may provoke negative phenomena in museum activity. We shouldn't return to the 1930s and 1950s when in definition of some museums there lacked its understanding as a scientific institution, and its activities were mainly aimed at collecting, kipping and exhibiting museum objects. It is necessary to adhere to understanding a museum as a scientific center (the idea of A. M. Razgon suggested in the 1960s) or in its wider meaning as a scientific-research and educational institution.

The necessity to make scientific researches is primarily connected with the necessity to study valuable heritage presented in museum objects. A museum object is understood as an "...excepted from its surrounding and inserted in museum collection object of history, culture and nature which is an origin source of knowledge and diverse (emotional, vision and educational) impact".

The most important tasks of world museology today are studying valuable collections of Russian museums and world museums, their introduction into scientific and information sphere by means of publishing catalogs and using contemporary information systems, research of museums' history and their experience.

Today we have a group of scientists-historians and museologists who are highly qualified and professional. They are prepared for working with museum collections and are able to create works on the history of museums and museum activity.

Today we should speak about indispensable necessity to realize the offers of some scientists and educational institutions of Omsk (Omsk State University, Omsk subsidiary of Institute of Archeology and Ethnography of SD RAS, Siberian subsidiary of Russian Institute of Culturology, RAS) to prepare for publication books or series of books on the history of Siberian museums.

This huge region counts several hundreds of museums, and it will take many years to describe their history. But the nearest perspective is to write a history of the oldest museums of Siberia (including the museums of Far East).

To accomplish this work it is necessary to create a strong alliance of museums and scientific institutions based on cooperation and mutual scientific-research work. Now it looks quite real for Omsk scientist to write a series of books on the history of some museums of Western Siberia. But this work will require the support of Omsk scientific institutions, museums and administration of constituent territories of Russian Federation.

Speaking about periodization in studying the history of Siberian museums we should consider it to be a near perspective. But on the account of some publications we would suggest the following scheme of defining basic periods in the history of Siberian museums.

We believe that the first period of publications on the history of Siberian museums is referred to the second quarter of the 19th century up to the end the second decade of the 20th century. This first stage is characterized by a small number of publications and lack of their systemic organization.

The beginning of the second stage dates back to the 1880s and it finishes in 1917. It is characterized by the increase of publications about museums of Siberia — their formation and development.

To our mind, this stage covers the period from the end of the second decade of the 19th century to the end of the 50s of the 20th century. Due to a rapid building of museums and considerable development of museum activity in the Soviet period there increased a number of publications about Siberian museums and their history. The exposition of museum history is gradually becoming analytical and its interpretation is made on scientific-materialistic vision with a glance of state interest.

The third period chronologically lasts from the 1960s up till now. It is this period that fundamental works on the history of Siberian museums are being published. They are both of analytical and synthesized character. There appears considerable number of researches of purposeful character. There were formed museological scientific centers in Siberia which began to study and reconstruct the history of museums in the region.

This period may be divided into two stages. The first covers the period from the 1960s to the 1980s. Among the first solid works there should be mentioned works of A. Razgon and some other scientists.

The second one starts in the second half of the 1980s and lasts up till now. It is characterized by publishing monographs on the history of museology in Siberia and appearing of scientific centers in Barnaul, Novosibirsk, Omsk and some other cities of Siberia. A third period is in store and it may be marked by new series of works on the history of leading Siberian museums.

N. V. Truevtsev

ICOFOM HISTORY AS A GLANCE IN FUTURE

Modern museums are of big difference from their precursors. Cabinets of curiosities are changed by up-to-date museum complexes with multipurpose facilities, which present real centers of science, art and culture.

Today the development of museums is impossible without deep knowledge of the basic foundation of Museum Work in different countries, and study of international experience in museums activity.

The development of international contacts between museums is to a large degree provided by nongovernmental organizations, trade unions, united by common goals and objectives, aimed at keeping cultural heritage. Such unions, which won universal recognition and authority, are presented by International Council of Museums (ICOM) and one of its organization departments the Committee of Museology (ICOFOM).

The appearance of these organizations was preceded by a long history of international museum movement. The first International Museum Organization in the world, so called "Museum Association" was created in Yorkshire Museum (Yorkshire, England) on the 20th day of June, 1889. It united collective and individual members from different countries. As this organization gained influence and authority, National Museum Associations came to appear in other parts of the World.

The world heritage was uncorrectably damaged during World War I. After the end of the war an international organization League of Nations was created to maintain the peace and cooperation between nations. International, national and local heritage played a very important role in peacemaking process. Therefore, International Commission of cultural cooperation under the League of Nations founded an International Museum Bureau, a new International Museum Organization.

International Museum Bureau was engaged in promotion of scientific learning, coordination of research study, provided comprehensive support of Museum Work, studied the question of militarization in the World and its possible danger to the safety of museum collections. The leading international museum edition was "Muzeon", the magazine published by the Bureau more than 20 years.

In 1939 Europe was put in a new international conflict. The International Museum Bureau used its practical experience for keeping national cultural heritage of all the country-members of the war.

After World War II and creation of UNESCO, International Museum Bureau was included into the structure of this organization and got a new name — International Council of Museums (ICOM). Museums of different countries got protection availability in term of extreme cases, wars and disasters, an opportunity to search the ways of improvement of their activity together, and more open access to monuments of history and culture. After 62 years of existence ICOM became a mass authoritative international organization, uniting individual members and collective committees of five continents.

International Museum Community was officially registered in May 1977, when the decision about establishment of International Committee of Museology (ICOFOM) was taken during 34th session of Consultative Committee of International Council of Museums (ICOM).

The necessity of setting museological terms for providing mutual understanding between museum professionals in different countries was pointed out in the resolution No.7 of the XII General Assembly ICOM, that took place in Moscow on the 28th Day of May, 1977. ICOM called its national and international committees to accumulate theoretical and practical knowledge for unification of museum terminology and creation of a dictionary of museum terms.

This obvious for today decision was a result of a long-term discussion between adherents of traditional narrow understanding of museum as a curator of values and representatives of a general approach to museum as an instrument of keeping heritage and serving the society in the changing world.

Jan Jelinek, the president of ICOM (1971–1977) played a very important role in establishment of modern Museology. It was he who headed ICOFOM from the moment of its establishment. Being the president of ICOM, Jan Jelinek in the resolution No.4 of the General Assembly (1971) consolidated the address to governmental organizations to recognize

Museology as a branch of science on the academic level and recommendations to museum society about expansion and publication of scientific research in the field of Museology.

Taking into consideration the fact, that centers of museum workers training use in their programs just museographic techniques the XI General Assembly (1974) advised them to use interdisciplinary approach in teaching Museology.

The following publications of ICOFOM were of a great importance for Museology as a science: "Facilities and Limitations of Scientific Researches Typical for Museums of Poland" (1978), "Social and Ecological Aspects of Museum Work" (1979), "Museology: Science or Practice of Museum Work" (1980), "Interdisciplinary in Museology" (1981), "Methodology of Museology and Professional Training" (1983), "Museum-Territory-Society: New Tendencies, New Practice" (1983).

The last four publications were edited by Vinosh Sofka, the head of ICOFOM from 1983 till the end of 1980th. He made a considerable contribution in the establishment of Museology. The recognition of Museology as an independent branch of science, both in University and Museum Societies, was mostly granted due to organization of comprehensive discussion of topical questions concerning the development of museums in the changing world. Besides, taking into consideration the interdisciplinary character of Museology, other Committees of ICOM and experts in different fields of social knowledge were involved into organization and participation in international symposiums.

We can judge about the content of the work by the themes of symposiums and colloquiums: "Collecting Today for the Future" (1984), "Originals and Duplicates in Museums" (1987), "Museology and Identity" (1987), "Museology and Museums" (1987), "Museology and Developing Countries" (1988), "Is Prognostication an Instrument of Museology?" (1989), "Museums and Keeping Heritage" (1990), "The Language of Exhibitions" (1991).

It is important to point out that the content of scientific discussions was transmitted to museum experts through the publication of the materials edited by Vinosh Sofka.

But it was not the only way of the museologists to address to museum practitioners. The fact about creation of an International Museological Summer School in Brno, on the basis of the University Massarika in 1987 under the aegis of ICOM is still left without any adequate valuation. A famous museologist Z. Z. Stranskiy was the first principal. Since 1988 Vinosh Sofka was the school head.

Unlike other educational institutions, practicing short-term training of museum workers, the curriculum of the school in Brno provided comprehensive museological training, based on the innovative approach to museum practice. Considering the fact that most of the students had rather wide and abundant experience of practical work, teachers of the school did not intended only the acquaintance with modern methods of museum work, but, first of all, the formation of museological thinking, oriented to understanding the practice from the point of view of civilized challenges of modern life. Moreover, the considerable part of knowledge was taken in the course of discussions and colloquiums, during which students exchanged not only the methods of museum work, but existing in different countries approaches to keeping and reproduction of historic and cultural heritage.

The social importance of the school was that its graduates became bearers and propagandists of a new museological ideology, oriented to the general humanitarian values and social needs. International Museological Summer School in Brno existed till 1999. However, its ideas and principles appeared to be not only asked-for, but were realized in many other countries, specifically, in Russia.

A great contribution to the development of museum cooperation was made by Doctor Hildegard Viereggs, the president of ICOFOM (2001–2007), who currently holds a post of professor of the department of Museology in the University of Philosophy (Munich). She is the author and the head of successful research projects: "School and Museum", "Social Museum", "Keeping of Historical Buildings and Monuments and Education", the editor of such magazines as "Museology and Philosophy", "Museology and Incomprehensible Heritage", the coordinator of annual magazine of the Committee of Museology "ICOM study series".

Great experience of international cooperation in the field of Museology still has no reflection in the research study. There is a lack of not only monographs, but also individual articles, devoted to the problems of the history of collaboration, social techniques of cooperation of museological scientists, museum experts.

Mainly, it is determined by disconnection of archival sources and absence of their scientific and technical processing. The only official center of keeping the documentation of ICOM is ICOM Museum information centre in Paris. However, there are only public documents of annual meetings of ICOFOM.

Vinosh Sofka was the first representative of committee, who try to collect Committee's archive. 30-years-old operational experience of the ICOFOM development, and also an operational experience of other committees, undoubtedly, deserves the deep scientific analysis.

Studying and discussion history, can positively affect forward planning of activity of the non-governmental organisations involved in process of preservation of a cultural heritage.

ROLE OF MUSEUMS IN INTEGRATION OF SIBERIAN ABORIGINES CULTURE INTO MULTICULTURAL ENVIRONMENT

The United Nation Organization declared the year of 2010 an International year of harmonization of cultures, thus underlining the necessity and meaningfulness of formation of civic unity and strengthening of ethnocultural diversity.

Today humankind is entering into a principally new post-industrial era which is characterized by appearance of the culture of harmony or harmonious civilization. This culture is a major index of humankind's steady development and provides all nations and peoples with prosperity.

Harmonious interethnic relations in multinational states are a very important factor of humanization of society. And the basis of these relations is the information about every nation. To organize a harmonious life in a modern society it is necessary to know the history, national peculiarities of culture, national traditions and their cultural heritage.

Just some decades ago little was known about native aboriginal people. Much has changed since then. Today all world society, governments and non-governmental organizations as well as individual representatives work for the sake aborigines and fight for their rights. The UNO, European Union, non-governmental international organizations have recently exerted every effort trying to take into account aboriginal people's interests and preserve their culture, to create the conditions for people to live in respect to each other.

The UNO declared the year of 1993 International year of aboriginal people of the world. In a two-year period the whole decade (1995–2004) was devoted to them. In 2005 General Assembly of UNO proclaimed the period from 2005 to 2014 the II-nd International decade of aboriginal people. The main aim of the proclaimed decades was the urgent necessity to attract the attention of the world to 300 million inhabitants of our planet living in more than 70 countries. These people, including peoples of Arctic, South America, Asia, Africa and Australia need taking care of and are to be viewed as smaller, aboriginal peoples [1, p. 8].

In Siberia the list of aboriginal smaller peoples includes 40 peoples, 244 thousand so far, living in 28 constituent territories [2]. Vulnerability of traditional style of life of every Siberian aboriginal clan makes topical the governmental systemic activity on preserving their cultural heritage and traditional life in natural environment [3].

In February 2009 there was passed the Conception of steady development of aboriginal smaller peoples of North, Siberia and Far East of Russian Federation. It is a governmental project on protecting the rights of smaller peoples of North. The conception is based on profound knowledge of the current situation in the sphere of traditional nature management, education, public health, ethnic-cultural and social-demographic development of aboriginal peoples. For the first time the Conception provides not only governmental support of these peoples but mobilization of their inner recourses by means of strengthening of their socio-economic potential and preserving their natural environment and traditional style of life and economic activity. To successfully achieve this purpose it is necessary to solve the following issues: to develop and modernize traditional activities; to provide self-organization; to widen possible accesses to education; to decrease children's death-rate and, all in all, to improve the quality of life and to preserve cultural heritage.

It is museums that are exhorted to care about preserving of cultural heritage of North aboriginal peoples. As opposed to libraries and archives, museums store the whole spectrum of historical and cultural monuments: movable and unmovable, tangible and intangible, and natural. Museums are closely connected with preserving and reproduction of historic-cultural heritage of people. It is museums that form objective conception about ethnos and its culture, about the problems in relationship and reciprocal influence of these peoples, their history, traditions, national and psychological peculiarities and forms of their display. Museum collections are not only valuable informational source which discloses interrelation of peoples' culture but has a powerful emotional potential in influencing visitors. Museums make the information not only more understandable for different groups of population but influential from the point of view of its ability to form value orientation, tolerance and respect of ethnic cultures of other peoples.

Museums of Siberia have a long-term experience in preserving and presenting of ethnic cultural heritage. However, modern processes of world's development makes museums revise major directions of their activity and bring them in balance with modern time challenges.

Krasnoyarsk Regional Museum of Local Lore accumulated great experience on presentation of culture of Siberian smaller aboriginal peoples.

In 2001 this museum opened a new complex exposition to its visitors. Considerable space of this exposition is occupied by the topic "Ethnos of Siberia" showing material and spiritual culture of 9 aboriginal ethnos: Enets, Nenets, Nganasan, Cet, Selcups, Dolgan, Evenk, Yakut and Khakass having lived on the territory of the region in the XVIIth and the beginning of the XXth centuries. The exposition underlines originality and peculiarity of cultural traditions of every people [4, p. 26–27].

The culture of Shoresets, Evenks, Neneets, Nganasans and Tofalars is presented in the collection of ethnography of Siberian aboriginal peoples which was replenished by Novosibirsk State Museum of Local Lore in the 20–30s of the 20-th century.

Evenkiyskiy Regional Museum of Local Lore is famous for its collections of ancient decorations for deer, musical instruments, shaman amulets, calendars of the Evenk and Yakuts. Taimyr Regional Museum of Local Lore possess a unique

ethnographic collection of clothes, household objects and items of religious worship of Nganasan — a smaller people living in Dolgan-Tenets autonomous district. Ethnographic collection of the Yamal Regional Museum counts more than 8 thousand museum objects which are collected in 5 sections: dwelling, household items, national clothes, children's toys and sacred things [5, p. 284]. Culture of the Kumandin people is presented in the funds of the Biysk Museum of Local Lore named after V. Bianki (Altai Krai). In 1997 the museum opened the exposition devoted to the culture and mode of life of the Kumandin people [6]. The museum staff showed not only traditional culture of the people but exposed the problems of modern life and the state of old old-timers. However, the absence of free exposition space and exhibition halls makes it hardly possible for museums to preserve this unique collection for longer period of time. And, finally, the exposition was closed.

The collections on the history and culture of the Kumandins is also presented in the Krasnogorsk regional museum. And the national Museum of the Republic of Altai became the main organizer of a number of festivals devoted to the revival of culture and traditions of this aboriginal people: all-Russian scientific conference, ethnographic holiday in village Shunarak, exhibition of ethnographic heritage of Kumandins.

Smaller people of north-western Siberia — Selkups — live in Tomsk and Tumen districts, Yamalo-Nenetsk and Khanty-Mansiisk autonomous districts, Krasnoyarsk Krai. The fullest ethnographic collection about the culture and traditions of these people was gathered by a journalist and specialist in local history V. V. Rudolf in the 70s–90s of the 20th century [7, p. 56–57]. This unique collection became the basis of the museum fund of Krasnoselkupsk regional museum of local lore [7, p. 58].

Annually aboriginal peoples of Parabelskiy, Verhneketskiy, Kargasokskiy and other districts of Tomsk province meet in the village of Parabel at the international ethnic festival “Legends of the North” which is organized by district museums. The festival is held on Oskino lake, a sacred place of smaller peoples. The participants of the festival are the representatives of all smaller aboriginal people living on the territory of Tomsk region. It should be noted that more than a half of the participants are young people and children, many of them start to identify their belonging to the culture of aboriginal people only on this festival., they start to learn their native language and speak it.

Along with all-Russian programs many regions of Siberian federal district are realizing their regional target programs aimed at guaranteeing ethnic cultural and socio-economic development of smaller aboriginal peoples of the North.

Financial support of regional programs made it possible to modernize museum expositions and exhibitions, create new museum complexes including natural heritage of Siberian smaller peoples. Modern conception of museum development is based the realization of integrated approach to heritage, preserving of its tangible and intangible components. Natural environment and landscape are inseparable constituent elements of preserved heritage.

The most interesting projects of a new millennium were realized in Yamalo-Nenets and Khanty-Mansiisk districts, Tumen, Irkutsk and Kemerovo regions, Altai Krai and the Republic of Altai.

The culture of Yamal old-timers is closely connected with nature, tundra and deer. That's why the main aim of the museum is to show a unique ability of this people to live in severe conditions of Siberia in harmony with natural environment and to be self-sufficient and independent.

Park-museum “Zhivun” is a subsidiary department of Shuryshkar regional Museum of History and Local Lore. It is situated in the village of Muzhi which is a historically reliable environment of the Khants. Here there were reconstructed the following objects: corn chandler's shop (labaz), a summer house, a tent (of skins or bark), there were also presented hunting tools, transportation means, ritual objects of the Khants. The museum organizes folk festivals “Vorna Hutl”, “Lun Kutup Hutl”, summer ethnographic children's camps, national holidays devoted to reindeer breeders, fishermen and others which attract many tourists.

There are 6 more centers of national culture working on the territory.

Unique samples of ethnic culture of Nenets, Khanti, Mansi and Selkup are collected in the museums of Khanty-Mansiisk Autonomous District.

Ethnographic culture preserve “Torum Maa” was founded in 1987 by the initiative of famous Ugor poets and writers Yvan Shestalov and Eremey Aipin. The museum is situated in the open air, in the unique and wonderful natural surrounding. Dwellings, construction for manufacturing and religious service situated on the museum territory show the visitors the former wealth and peculiarity of spiritual culture and mode of life of Ugor peoples who knew the secret of harmonious coexistence with severe climate and wild nature. It is very important to state the fact that the representatives of Khant peoples are the members of the museum staff, and this fact considerably enriches national coloring of the presented information. Traditional bears' public merrymaking and wedding rites are also held on the territory of the museum.

The ecomuseum of Lyantor presents its visitors mode of life of Pimskie Khants. The museum appeared on the territory of ancient patrimonial setting of the Vostokins. The culture of these people is unique because of its dialect, peculiarities of their mode of life and lifestyle.

Historic-cultural and ecological center Megion includes the regional Museum of Local Lore in Megion and museum-tourist complex “Yugra”. Almost all the exhibits of the museum are brought directly from nomad camps of Khant of reindeer breeders. The museum looks like a Khant nomad camp which goes on living its life alongside with the village.

The exposition of the Museum Mah-Sir (museum of the clan of Beaver) tells about principles of harmonious coexistence of North aboriginal peoples with natural environment. Museum exhibits reconstruct historic and natural environment of the Beaver clan of Agan Khants.

Work of ethnographers and archeologists of Universities and museums of Kemerovo district deserve praising. In Kemerovo State University there was organized educational-scientific center of ethnical and ecological researches of Pritomie which is successfully functioning. Regional target program was continued in 2008–2010 and was called “Socio-economic development of nations and nationalities in Kemerovo district for the period of 2008–2010”. Ethnographic ecomuseums have become genuine keepers of tangible and intangible natural heritage of peoples of Siberia.

Regional state social program “Economic and social development of aboriginal smaller peoples in Irkutsk Region up to 2011” favored the continuation of elaboration and realization of the conception of an integrated museum and ecomuseums in Irkutsk region.

Irkutsk architectural-ethnographic museum “Taltsy” presents material and spiritual culture of Evenks and Tofalars. Tofalars are the least numerous from Siberian aboriginal peoples. Overall number of inhabitants is about 500 people. The museum shows a reconstructed Tofalar nomad camp with all the attributes of traditional aboriginal life.

Most vividly the ideas of modern museology were embodied in practical activity of the museum “Angarskaya village”.

Thus, museums of Siberia have accumulated considerable experience on preserving, reproducing and presenting of cultural heritage of aboriginal smaller peoples of Siberia. However, unfortunately, culture of some smaller peoples did not find reflection in museum expositions and exhibitions. On the one hand, it is determined by the deficiency of financing for expedition researches. Formation of collections requires considerable financing as well. On the other hand, even more financing is required for ecomuseums. Many museums cannot present to their visitors their rich collections because of scarce spaces. There are no professional ethnologists in the museum staff. Spiritual cultural wealth of aboriginal people has not found proper reflection in multimedia means, scientific and popular publications.

It is quite obvious that these issues can hardly be solved in the near future. However, it is quite important that they have been lightened and are in the way of being solved.

The list of references

1. Aboriginal peoples and international cooperation. Library of aboriginal peoples of North: № 11. M., 2005.
2. Unified enumeration of aboriginal smaller peoples of Russian federation affirmed by the decree of RF Government, April 17, 2006. № 536.
3. RF Constitution (Art. 69, 71, 72).
4. *Yaroshevskaya V.M.* Krasnoyarsk regional Museum of Local Lore on the boundary of two centuries. Krasnoyarsk, 2002.
5. Myths and legends of Yamal Nenets. Tumen, 2001.

S. S. Zharnikova

THE EXISTENCE OF ORTHODOX CULTURE AND PRESERVATION OF ITS HERITAGE IN THE EXAMPLE OF THE PRY-BAIKAL DISTRICT DAILY LIFE OF THE ORTHODOX MALE MONASTERIES IN THE REPUBLIC OF BURYATIA

The spiritual of culture, as a part of intangible heritage, especially, religion or religious beliefs are the most important components of any ethnos defining its world perception, as the religious consciousness influences the different borders of social structure and human personality, penetrates many sides of life, puts on a print almost on all the forms of the life activity.

The orthodox monasteries and monkhood are a component part of the Russian religious tradition, including the people living on the territory of Buryatia, poly-ethnic (multi-national), multi-confessional, but at the same time the tolerant Republic. The orthodox tradition started to get to Siberia since the time of the region's development in the beginning of the XVII century and uniting it to the territory of Russian Empire. On the one hand, the monastery significantly influenced the life and traditions of the native people, since it broadcasted the orthodox world view, spiritual, moral, ethic values. On the other hand, the daily culture of the local population influenced the organization of the secular life of the orthodox monastery, one way or other the components of the material (economical and daily life) and morally ethic ethnos culture.

At present there are significant understandings of the value settings and ideals, century long traditions and there is a world view reorientation of the personality and society consciousness. Buryatia is a peculiar “bridge” between the East and West and it has close cultural relations with the peoples of Central, Eastern and Southern Asia. The existence of the unique Lake Baikal, poly-ethnic and multi-confessional populations combined by the difference types of cultural influences define the unrepeatable image of the modern historically cultural space of the Republic.

According to the most researches, religion is the necessary component of the spiritual culture of the society. Its main function is to help the person to overcome the historically changeable, transition relative aspects of his daily life to raise the person to something absolute and constant. Therefore, the modern society faces the most important task of preservation and revival of the religious culture. The republic of Buryatia was not exclusion in this culturally phenomenon.

Orthodox monasteries are one of the unique historically cultural Buryatia heritage objects which have been spiritual and enlightening centers of the region throughout the whole history. They also played an important role in the economical development of the region and have rich history and famous for their missionary work.

In the pre-revolutionary period there were three orthodox monasteries in Trance-Baikal which have been opened till the present. They are Selenginsk, Troitsk, Posolsk Spaso-Preobrazhensk, Selenginsk Spaso-Preobrazhensk which were active in the beginning of the XX century. And today the female Sreten monasteries in the village of Baturino and in Pry-Baikal region have been destroyed. Inviting the peasants to their lands, the monasteries assisted in the distribution of the traditional agricultural culture of the Russian people who passed their labor crafts to the native Buryats and Evenks. [1, p. 32–34].

In the beginning Troitsk-Selenginsk and Posol'sk monasteries had good privileges of the government and Synod. Soon after the foundation, they were given ancestral lands, barrowed lands and fishing sites. Founded in 1681 by the order of Fyodor Alekseevich, with the blessing of sacred Moscow Patriarch Ioakim, the Troitsk-Selenginsk monastery is the biggest of them. The decision was considered in the Cathedral in the same year. And the first problem viewed was the foundation of the Archbishop in the Enisei, separately from the Tobolsk Metropolitan opened in 1621.

The confirmers and first constructors of the Troitsk residence were igumen Fedosiy and ire-monarch Makariy with ten monarchs, who were also the founders of another residence of the Posol'sk-Preobrazhensk monastery by the Baikal. It is interesting to know the names of the missionaries who began to call people to the orthodox belief and many “un-faithful” were baptized. They are igumen Fedosiy, igumen Makariy, arhimandrite Missail, ire-monarch Serafim Slaughtered, skhi-monarch Iona, skhi-monarch Tihon, monarch Iosaf and two ire-monarchs Iosifs. The foundation place of the Troitsk-Selenginsk monastery was chosen to be the left bank of the Selenga river. The monastery represented the whole architecture complex — peculiar type of the Siberian “standing” ostrog fortress. “The distance from the governing city Irkutsk is 242 miles, and from the Baikal sea — 90 miles” [2, p. 5].

The monastery complex included four churches. The first Troitsk church is named after the Alive Troitsa. Originally it was built as a wooden building (1763) and till XIX it was called Petro-Pavlovskaya, “but when in 1785 there was built a wooden church made sacred in the name of the Holly Trinity, the former –wooden one — in honor of the saint apostles Peter and Paul” [2, p. 5]. “The wooden Troitsk Church was divided into two halves, and on the main or front half was given the one throne cold church made holy in the name of the Holy Trinity, and the other half — it was warm, had two sites, one — in the name of the Saint Nikolai Miracle Worker, and on the other one — in the name of Annunciation of Holy Virgin Mary. The internal furnishing of the both church parts was distinguished for its special taste. The utter iconostas ornamented with the skilful carving, was “covered with gold”, the altar painted in cranberry colors... Within iconostas — the new equipment in red olive, and the frames were guilt on the icons” [2, p. 5]. In one of the places, “in 1847 the internal walls were painted green. The artist painted light blue on the dome with the floating clouds of “the same colors” [3, p. 84].

The second wooden church was built in the name of the saint true faith apostles Peter and Paul. It could be seen from the inscription on the wooden cross that it was originally made holy in the name of the Holy Trinity by Igumen Fedosiy in 1684, but it burnt down because of the fire. In its place the new church was built and made holy in 1797, renamed into Nikolskaya. It had carved iconostas, completely covered by gold. From the western part, in front of the church entrance there was built papert as the feast in the place of the bell tower. The pomarskaya tent was fixed to the altar from which there was laid the covered gallery along the wall. In the beginning of 40-s of the XIX century the church was in a rather good condition except the galleries with the porch [2, p. 5].

Third church was built in 1710 in the name of all the saints — All the saint church situated near the western gates and made holy in 1713. The church as placed inside the yard, and then the main gates were replaced to the opposite (western) side. It was the most beautiful church of all the monastery temples. They have utter iconostas and “covered by gold in some decent places” [2, p. 6]. From the northern and western outer sides it has fixed constructions as papert. In 1835 there was built there was built the new architecture over gate stone church — Mihailovskaya “over the Holly gates from the southern part of the monastery and “to be made holly” in the name of Saint Arhistatig Mikhail. In May 1849 it was sanctified by archbishop Nil. The church has a thorough carpenter's work iconostas painted in red and light blue olive colors, yellow kronas and whites. By the order of the keeper Daniil Savilov there were gathered monastery icons of XVII–XVIII centuries in that place”. Along the both sides of the church there were installed monastic cells on the upper floors, two of them of each floor. [2, p. 6].

The keeper's monastic cells, made of stone, with wooden attic, built in 1841, stone kitchen and wooden houses for the cellar and storehouse. The roof on the monastic cells is painted in red colors in fish oil, and the outer walls are plastered, the internal were painted in the different cranberry colors. The brothers' monastic cells placed in the two departments with the brothers' food and storehouse, barn for bread, workshop-cottage.

The keepers' monastic cells, made of stone with the wooden attic, built in 1841, with the stone kitchen and wooden houses for barn and storehouse. The roof on the monastic cells is painted in red in fish oil, and the outer walls are plastered, the internal are painted in different cranberry colors. The brothers' monastic cells were placed in the two departments, with the brothers' food room and storehouse, bread barn, house workshop.

All the buildings of the monastery are wooden constructions of the different times, placed along the northern monastery fence. In the southern side there are different services: cattle yard, pigsty for cows, stable, monastery house carriage,

cellar, bathhouse and smithy. There were two wells in the yard, one of them in the form of chapel. Similar well was in the south-eastern corner of the monastery. The fence around the monastery is wooden, with towers in the corners, the construction of which started in 1831. In the northern part of the fence there is the fence with the wooden tower (1847) — with the rest of wooden architecture of the former monastery fence. Beyond the monastery fence, opposite the sacred gates the wooden hotel was built. It was protected by the wooden fence from outside. It had a monastery kitchen garden. And the other kitchen garden was on the opposite side of the Pyanaya river beyond the northern monastery fence [2, p. 6].

Since Troitsk Selenginsk monastery is the biggest economical center in Trance-Baikal region, it was given ancestral land palaces and fishing sites.

The monastery had the following possessions: Lake Kotokel 150 miles from the monastery with all the rivers which flowed into it. And according to the contract concluded the monastery had profit 500 rubles a year; the mill built on the river Pyanaya “in two transportations”, 2 miles from the Troitsk Selenginsk monastery and was given the tribute keeping for 300 rubles (1847), hay mowing placed in the island of the Selenga river called Konniy. There were 30 tithes of hay mow land, in favorable years, the hay given to the monastery included 800 haycocks, the distance from the monastery up the Selenga river till the Konni Island was 11 miles.

However, the monastery had no farming land. By the 40-s of the XIX century, in the vestry of the Troitsk Selenginsk monastery there were preserved some relics about its history. They are ancient throne crosses, as well as one Silver cross with many parts of the saint earthy remains and one Potir, as it is a very ancient work and several ancient edition Gospels. One of the chasubles is remarkable that it came from the tsar Fyodor Alekseevich’s wife. According to the story, the chasuble was given to Fedosiy, first igumen of the Troitsk Selenginsk monastery, when the latter was sent to Siberia. In the library there are letters written in ancient handwriting and Bible books [2, p. 7].

One of the people who came to Troitsk monastery was the Sanctifier Innokentiy I New orthodox Miracle Worker of Irkutsk. During his trip he visited the borders of China. In XIX, Mihail I, Irkutsk Bishop, Mihail II, Irkutsk arch-bishop, Innokentiy III Irkutsk Bishop, and Holy Arch-bishop Nil who was a successful leader of the Irkut pasture from the eparchial arhirei paid visit to the monastery. Nobody of the famous secular people was honored to be remembered by the monastery for their visits.

The Troitsk Selenginsk monastery was in charge of the archimandrite who used the basic rules in his governance. The chronicles of the church and monastery property and other documents were in the appropriate order in the library monastery and archive.

The Troitsk Selenginsk monastery is not only the biggest economical, but also enlightening center. The original aim of the metropolitan in Troitsk Selenginsk monastery was exclusive missionary. In the different time the persons involved into preaching were offered different projects to train missionaries and organization of the missionary work considering the peculiarities of the life of the local population. However, the priest successfully combined their spiritual tasks with the economical ones.

On the whole there were three missions in the Trance-Baikal region in the pre-revolutionary period. They are: Daur (1861), anti-divisive (1821–1842), Trance-Baikal (1861). The mission tasks were formed in the process of the church ministry and state service. The first one was recognized by the other beliefs to be included into the orthodox Christian belief, the second one — settlement of the Christian daily life and preservation of the society interests of the state, conditioned by their regular position. The missionary work was closely connected with the conversion of the local population into orthodox belief. First of all, the enlightening work, carried out in the environment of the Siberian people, was to be done, and in the second part of the XVIII century — some old believers were exiled to Trance-Baikal in 1755. The four trends of the enlightening work of the orthodox church were defined by the researcher O. E. Naumova: making and strengthening of the system not separately from the spiritual education of the eparchy (opening of the spiritual schools, seminaries), foundation of the church for enlightening of the local population (missionary schools with the monasteries and orthodox missions to teach the native people, getting them accustomed to the orthodox belief); assistance for the spiritual spread of knowledge among the population (forms of distribution: church preaches, church moral commandments, church libraries, religious literature), translation of the church literature into the languages of Siberian peoples, and grammar making of the languages connected with them [4, p. 56]. The monastery does the three trend work: preaches; translation work; basic literal teachings.

The Holy Troitsk monastery was the first monastery beyond the Baikal and throughout the whole pre-revolutionary history it was the center for the missionary work of the Orthodox Church. The priests in the XVIII–XIX centuries were in charge of the three missions. The monastery was involved into spiritual enlightening among the monastery peasants, as well as the native people or immigrants.

The Troitsk monastery stopped its work as cultural object in the beginning of the XX century, and all the buildings of the monastery complex were given to the children’s house in 1921 and were used for accommodation and economical purposes. In 1932–1936 there was East Siberian sanatorium for young pioneers, and then in 1938 — psycho colony, and later similar special institution for the adults [5, p. 179].

Today the Holy Troitsk monastery is being revived. There are 30 people in the monastery, including 5 monarchs, 20 workers and 2 ire-deacons. The daily life of the monarchs is similar. The day in the monastery starts very early, at 5.30 a.m. After the morning exercises, the brothers of the monastery go to the monarch rule at 6 a.m. The prayer time is from

7.00 till 10.00–11.00. Then there is a long break, and then everybody goes to have a meal. The every day meal consists of different sorts of food, everything depends on the day of the week. For example, Monday, Wednesday, Friday are the days for fast. On these days the monarchs are not allowed to have “cow food” — meat and dairy products. On Wednesday and Thursday the forbidden products are allowed in the food room. After lunch there is secret time and it is approximately till 14.00. In this interval every brother does what he wants. Some of them mend the clothes, the others read spiritual literature. At 14.00 the monarchs go to work. There is a lot of work in the monastery and the monarchs chop wood, take care of the animals; make buildings and constructions and do other things. The monarchs work till 18.00. Then there comes a short break, after that — lunch, after which there starts the spiritual ministry in church. Then there comes supper and after a short time rest there is preparation for evening time according to the monarch’s rule. The evening service begins at 20.00 and ends at 21.00.

Sunday school for adults and children is with the monastery in the different settlements. The three schools for adults are in the villages of Talovka, Tataurovo, Mostovka, two children’s schools in the villages of Tataurovo and Ilyinka. In the Sunday schools they study the orthodox basics taught by the monastery monarchs, with the blessing of the monastery keeper father Aleksei. There is also a library on the territory of the monastery. The monastery is actively involved into economical work, has a cattle yard and kitchen garden. The monarchs make curd, sour cream, creams and other products themselves, and have the food for meals. The monastery has its own laundry, carpenters’ workshop, where the brothers make window frames, doors, and others, fitter’s workshop. Besides, there are pilgrims living in a special hotel. Only church festivals are celebrated here.

The Keeper Savvatiy takes care of the Troitsk Selenginsk monastery and helps to solve many problems. The monastery like other secular organizations has its own problems, first of all, connected with finances. The first and foremost task is to restore the two temples — Nikolskiy and Mihailovo Archangel. Sponsor assistance and state support are the basic financial source for wide scale restore of the monastery.

Throughout the centuries the Russian monarchs were the centers for enlightening and education. The return of the orthodox monasteries and inclusion them into the active life of the country made it possible to stop the process of active destruction of the orthodox monasteries, which almost didn’t happen. Today many monasteries are revived, the orthodox monasteries are the monuments of history and culture, pointing out, studying and protection of which is a part of the common national idea of the revival of the historically cultural heritage in Russia, as well as in Buryatia.

I’d like to note that the attitude to the monuments of history and culture was different in the different times. Thus, in the period of the Soviet power many objects of historically cultural heritage were destroyed. Today the society realized the necessity of preservation of the orthodox heritage. The modern process of monument restoration testifies about it.

The list of references

1. *Buraeva O. V.* The role of the orthodox monasteries in the economical development of Trance-Baikal region // *Ruskaya pravoslavnaya tserkov’ v Sibiri: istoriya i sovremennost’*. Materials of the congress, devoted to 350-years of the foundation. village of Posolskoye and Posolsk Spaso-Preobrazheskiy monastery. 2003. Ulan-Ude, Publisher’s Buryat Scientific Center SO RAN. January 24–26. P. 32–34.
2. The National Archive of the Republic of Buryatia (NARB). F 262 “Troitsk Selenginsk monastery”. Op 1. D. 255.
3. *Sannikova M. I.* Translation of Mongolian books by the orthodox missionaries in the Trance-Baikal region (1 half of the XIX century) // *Chetvyortye Makushinskiye chteniya*. Novosibirsk, 1997. P. 84–88.
4. *Naumova O. E.* Irkutsk Eparchy XVIII – first half of the XIX century. Irkutsk, 1996. 205 p.
5. *Zapekina L. I.* The Troitsk Selenginsk monastery as the cultural heritage object // *Efremovskiye chteniya – I. Materials of the regional scientific conference*. Ulan-Ude: Publisher’s The Buryat Scientific Center (BSC) SO RAN, 2004. 184 p.

ГУМАНИСТИЧЕСКИЙ СМЫСЛ И СОЦИАЛЬНОЕ НАЗНАЧЕНИЕ МУЗЕЯ

Для музея человек выше вещи. Для современного общества массового потребления, для фабрично-заводской цивилизации и культуры вещь выше человека. Музей есть учреждение, сохраняющее культ предков. В наше время музей представляет собой особый вид культа предков, который, изгнанный из современного социума и протестантских конфессий, восстанавливается в музеях. Некоторые кладбища превращены в музеи, часть могил сохраняется на территории музеев, посмертные маски, письма, фотографии, вещи ушедших уже из жизни людей сохраняют в музеях память о них.

Гуманистический смысл музея еще и в том, что наш век, ценящий лишь полезное, сохраняет и хранит в музее бесполезное. Эти ветхие, бесполезные для нас вещи, являются памятниками ушедшим поколениям. Они поддерживают в ныне живущих людях чувство и понятие родства, без которых человек перестает быть существом нравственным.

Для всякой гуманистической теории, в данном случае, теории назначения музея, важно уважение к другому человеку, к его праву быть независимо от того, угодно это кому-то или неужгодно. Потомки должны уважать это право. В этом уважении к человеку проявляется уважение к народу, потому что народ — это я и ты, предок, современник и потомок. Это я, мой сосед, родители, деды, которые умерли, это наши дети и внуки, которые будут.

В музейных экспозициях сохраняются вещи, которые создают образ предков в пересечениях с судьбами современников. Имеет ли смерть смысл? Значительная часть человеческой культуры состоит в том, чтобы приносить смысл в то, что вне человека не имеет смысла. Но, будучи людьми, мы задаем вопросы: зачем я живу, какой это имеет смысл? Зачем я умираю? Кто услышит высказанное мною? Или смысла нет? И можно ли жить, не решив этого вопроса?

Разные люди по-разному мыслят. Все мы включены в процессы, которые определяют принадлежность человека к другим единицам мировой системы, и поэтому, наверное, мы далеко не всегда ищем смысл. Но, как люди, мы не можем не искать смыслы. И в этом нам помогает музей, сохраняющий преемственность поколений.

Наша жизнь многофункциональна, мы во всех поколениях подчинены многим законам, и эти законы далеко не всегда друг с другом совпадают, они конфликтуют: хочу и могу, люблю и должен, не хочу — не буду, не хочу — но заставлю себя. Эта сложность жизни образует ту особую черту, которой занимается нравственность. И искусство пристрастно нравственности. Оно не совпадает с ней, но имеет с ней очень важную общую черту: нравственность всегда выбор, поэтому есть эксперимент. Там, где нет эксперимента, там нет выбора. Вот почему искусство многогранно, а художественные музеи консервируют эту нравственную многогранность.

В предметах искусства, хранящихся в музее, выражается жизнь, хотя авторы этих произведений жили давным-давно. Произведения искусства продолжают переделывать нас в лучшую сторону. Искусство обладает такой важной гуманной особенностью: в то время когда жизнь отнимает какие-то возможности, отрубает дороги, искусство реализует возможности, открывает дороги, поэтому мы можем утверждать, что искусство дополняет нашу жизнь. Оно дает нам другое знание — знание, которого мы не получаем за его пределами. Однозначное знание (знание науки) имеет дело с искусственными моделями жизни, а искусство дает противоречивое знание, более адекватное жизни. И в этом видится еще один гуманистический аспект художественного музея.

Культура всегда связана с прошлым опытом, всегда подразумевает некоторую непрерывность нравственно-интеллектуальной, духовной жизни человека, общества и человечества. И в этом смысле, когда мы говорим о современной культуре, мы, может быть сами того не подозревая, говорим и об огромном пути, который эта культура прошла, а музей зафиксировал и сохранил ее артефакты. Это большой путь, он насчитывает тысячелетия, перешагивает через границы исторических эпох, через границы национальных культур. В общем, мы погружены в одну культуру — культуру человечества. Но есть и более узкие, частные сферы. Есть память человека, она включает в себя память детства, память о жизни наших родителей, семейная память, память города, память народа — все это образует разные этажи, разные сферы культуры. Среди них — сфера быта. Культурных артефактов предметов быта в музейных экспозициях, пожалуй, больше всего. Они представлены в исторических музеях, краеведческих и других.

Знакомясь с вещами, которые собраны в музеях, мы судим о времени, когда они были в обиходе. Они сохраняют еще тот запах, модные тогда линии, сочетания цветов. В результате мы получаем элементарные знания, без которых нельзя понимать ни книги той поры, ни поступки людей и в конечном счете нельзя понимать и историю. Не в этом ли гуманистический смысл и назначение музея?

Артефакты, находящиеся в музейных экспозициях, помогают дешифровать особенности смысловых универсумов различных социальных организаций. Принимая этот тезис, извлечем из массы вещей нашего обихода праздничные открытки. Открытка как художественно оформленная почтовая карточка для письма-поздравления первоначально существовала в виде открытого (без конверта) сообщения. Позже появилась форма открытки в конверте, но название сохранилось. Русское слово «открытка» в отличие от английского «postcard», фиксирующего функцию,

обнаруживает гуманистический смысл — дар отправителя адресату. Кроме того, суффикс «к» создает уменьшительный, с оттенком доверительности, эффект. Любопытно, что первыми русскими открытками стали четыре карточки, выпущенные издательством Общины св. Евгения Красного Креста по акварелям художника Н. Н. Каразина к Пасхе 1897 года. Как и в других странах, в России печатались открытки, связанные с основными жизненными интересами людей: с общественно-патриотической тематикой, искусством. Печатались также открытки религиозного характера, посвященные, в основном, Рождеству. В 20–40-е годы советской истории праздничные открытки еще не являлись распространенным атрибутом межличностных коммуникаций, лишь в послевоенное время государство начинает издавать массовыми тиражами открытки к основным советским праздникам, а к 70-м годам почтовая открытка или дарение открытки становится популярной практикой всех праздничных дней.

Как свидетельствуют музейные экспозиции, новейшая метаморфоза в жизни открыток происходит с появлением электронной почты. Если следовать принципам технологического детерминизма, то развитие мира праздничных открыток связано, прежде всего, с совершенствованием техники полиграфии и дизайна. Но вполне обоснованна и другая точка зрения, вскрывающая культурные предпосылки разрастания празднично-открыточных коммуникаций. Открытки говорят языком не только вербальных знаков, но и языком цвета и рисунка, что соответствует духу эпохи визуальных эффектов. Отныне гиперболизация визуального находит выражение в повышенном распространении в доме человека не только нарисованных образов, но и иконически-документальных картин людей и явлений, которые демонстрируются государством и обществом.

Тенденция визуализации воплощается в массовом увлечении открытками. Открытки родились из стремления подчеркнуть, эстетизировать жизненный накал праздника при помощи ярких образов. Рассматривая хранящиеся в музеях открытки, мы убеждаемся, что они, став посредником коммуникации, испытали на себе и адресатах все новации, которые произошли в информационно-коммуникативном пространстве культуры. Например, по изменениям формы открыток можно наблюдать конвергенцию, воплощенную в принцип гипертекстуальности. В данном случае под гипертекстуальностью понимается такая организация текста, которая допускает интерактивное, нелинейное движение по содержанию текста, исходя из ассоциаций не автора, а читателя. Манифестация гипертекстуальности связана в нашем понимании с развитием электронных документов. Однако, как свидетельствуют выставленные в музейных витринах открытки, линейность слова была поколеблена уже в эпоху перехода от книг формы свитка к книгам в форме кодекса. Компьютер довел эту форму до больших объемов информации. В результате сегодня открытка часто не имеет четко выраженных «лицевой» и «обратной» сторон, как правило, она вся красочно оформлена, текст и рисунки на тему праздника есть на всех страницах. Кроме того, открытка включает варианты перехода от одной части к другой, как правило, это «окна», открывая которые видимое содержание обогащается новой репликой или картинкой. Таким образом открытка пытается следовать новому канону — канону интерактивности, она приобретает свои windows, включая читателя открытки в игру.

Изменение формата отечественных открыток в последние два десятилетия может быть также интересным индикатором социальной дифференциации, произошедшей в России. Идея равенства и стирания граней между различными социальными группами, присущая советской идеологии, потеряла свою актуальность, а вместе с тем выравнивание и стандартизация исчезли не только из сферы социальных взаимодействий, но и из мира открытки. Эпоха поэтизации достижений и карьеры спровоцировала появление открыток-гигантов: полуметровые в своем размахе, тисненные «золотом», они воплощают подобострастие в надписях типа «любимому шефу». Придерживаясь гипотезы — привычные вещи нашей повседневности несут информацию об основных концептах культуры — ответим на вопрос, как изменяется статус и способ использования открытки с течением времени. Общество потребления изменило само бытование открытки.

Изначально вхождение открытки в практику социальной жизни было связано с письменной коммуникацией. Отправитель поздравления писал текст, который дополняла соответствующая случаю жизни иллюстрация. Открытка имела статус одной из разновидностей письменных принадлежностей. Если вспомнить, где мы приобретали открытки в недавнем прошлом, то такими местами были книжные магазины, киоски «Союзпечать», почтовые отделения. Произошедшие культурные трансформации сместили смысловые акценты в той социальной роли, которую играет открытка. Появились новые русские открытки, не дающие шансов их отправителю для эпистолярного самовыражения. Можно купить поздравление, где все слова уже написаны. В таком качестве открытка приобрела статус сувенира — окончательно оформленного памятного предмета, ориентированного на потребителя информации. Открытка всегда была синтезом художественного и индустриального, однако в современном коммерциализированном мире можно наблюдать акселерацию товарности. Неудивительно, что сегодня открытка в качестве товара — не первый, наверное, третьей необходимости — имеет свою нишу в супермаркете.

Безусловно, в скором времени музеи обогатятся экземплярами уникальных, неповторимых открыток. В настоящее время немассовой разновидностью открыток являются также эксклюзивные поздравления ручной работы, создаваемые художниками. Их не встретишь в супермаркете, как все единичное, такие изделия имеют свой канал распространения через художественные салоны.

Выявляя гуманистические смыслы, мы сравниваем праздничные надписи и рисунки на открытках советского прошлого и российского настоящего и понимаем, что ушло и что появилось в жизни и отразилось в открытках. Особенность наших новых открыток — отчетливая персонификация и дарящего, и принимающего открытку. По поводу дней рождения советская открытка обращалась к виновнику торжества максимально обобщенно: «По-

здравляем!», «Поздравляю!», «С Днем рождения». Нынешние открытки своими обращениями демонстрируют многообразие статусно-ролевых отношений, в которые включен человек. Если человек выбирает послание к торжеству, ориентируясь на возраст и пол адресата, в этом случае с открыток звучит: «С 30-летием!» (при этом количество лет разнообразно, включая неюбилейные — 24, 37 и т. д); «Олегу», «Артему», «Галине» (именные открытки, как и именные полотенца сегодня), «Сокласснице», «Хорошему парню». Гамма родственных чувств представлена так: «Любимой теще», «Дорогой дочке», «Самому лучшему мужу».

Музей сохраняет уходящую сегодня в забвение символику агитмассового искусства. К таким не тиражированным сегодня символам относится изображение земного шара на плакатах и открытках в честь 8 марта. Международный женский день имеет в настоящее время гендерную романтическую окраску, тогда как в этом празднике звучал социально-политический пафос всемирного единства трудящихся женщин.

Определяя деятельность музеев по сохранению, классификации и интерпретации артефактов, музеологи, как правило, исходят из принципа развития, согласно которому в истории постоянно происходит переход от одного события к другому, от одного состояния к другому. Такая методологическая посылка объясняет причины вытеснения одних вещей другими в обиходе людей. Новое время, а XX век особенно, большинством ученых признается наиболее динамичным временем. Поэтому рассмотренные нами праздничные открытки на его протяжении успевают менять смыслы. Опыт XX века потребовал изучения в истории мутаций, качественных скачков и катастрофических провалов. Справедливости ради следует сказать, хотя это кажется парадоксальным, что одним из первых оппонентов эволюционизма был Гегель, отвергавший идею развития как развития во времени более высоких форм и низших. Можно соглашаться с его мнением, что логическая последовательность не совпадает с временной. В истории мыслитель допускает даже повторение, понимая его скачкообразно. Вместо механического повторения по кругу у него имеет место механизм спирали, свидетельствующий, что повторение не самом деле является кажущимся. В реальной истории то, что кажется повторением, предстает в то же время чем-то совершенно новым. В нашем случае музейный артефакт исследуется на основании того, что его данное состояние достигнуто благодаря уже прошедшему и одновременно является переходным к другим более поздним состояниям.

Сложнее изучать произведения искусства, попадающие в музеи. И дело здесь не только в том, что каждое произведение искусства сохраняет следы предшествующей эволюции и одновременно обещает будущее развитие. Искусствоведы всегда имеют в виду, что произведение искусства вообще обладает вневременной экзистенцией. Эта гуманистическая посылка также определяет смысл и назначение музея.

Чем более разрушительными являются перемены, тем активнее возрождается архаика, чем сильнее желание изменить жизнь и существовать по-новому, тем активнее воспроизводится повторяющаяся модель возвращения в прошлое. Рубеж XIX–XX веков и рубеж XX–XXI веков эту логику подтверждают. Перебирая музейные экспонаты, представляющие средневековую русскую культуру, мы должны учитывать, что эта культура является подчеркнута дуальной, исключая промежуточные, нейтральные сферы. В этом заключается ее несходство с другими культурами, в которых нейтральные сферы не только имеют место, но оказываются определяющими. Их наличие предохраняет такие культуры от разрушительных процессов. Другое дело, русская культура, в которой новые процессы воспринимались не как продолжение и развитие, скажем, нейтральных сфер, а как полное отрицание традиционного, что способствует периодическому возрождению в истории апокалиптических настроений.

Подобное понимание логики функционирования русской культуры связано с тем, что изменение и вообще ее развитие происходит по формуле радикального разрыва, отталкивания от предыдущего этапа, резкой его переоценки. Осужденное прошлое не должно иметь продолжения, оно подлежит полному отрицанию и, соответственно, уничтожению. Такое отношение к развитию как тотальной переоценке всех ценностей иллюстрирует нередко ассоциирующуюся с русской культурой идея конца. В соответствии с некоторыми представлениями, существуют культуры, ориентированные на конец культуры, либо — на начало (китайская). Существует соблазн русскую культуру представить культурой, ориентированной на конец, как это выражено в творчестве ведущих русских философов В. С. Соловьева и В. В. Розанова. Эти мыслители выводили русскую культуру не столько из бинарного принципа, присущего ее функционированию, а из ментальной природы русского мессианского типа личности, отличающегося от прометеевского, то есть западного типа личности. Если прометеевский человек стремится видеть мир иным, чем он есть, стараясь внести в него больший порядок, то русский человек является максималистом, он не желает мириться с реальностью, стремясь изменить ее в самой основе. И если западная и восточная культуры, есть культуры середины, с присущим ей духом постепенных реформ, то русская — культура конца. Отсюда ориентация русского человека на кризисы, катастрофы и, соответственно, быстрые переходы. И если многие народы избегают революций, русский к ним стремится. Душевный строй русских, как неоднократно обращал на это внимание Н. А. Бердяев, определяется не умеренностью, а стремлением к крайностям, к концу, что, например, проявилось в разрушительных ритуалах русской революции, уничтожившей множество архитектурных сооружений и предметов культурного наследия.

Однако, в то же время нельзя этот вывод приписывать культуре в целом, поскольку существовали люди, которые сохраняли ее. Не удивительно, что по поводу одних и тех же явлений в русской культуре существуют различные точки зрения.

Рассмотренная нами логика функционирования русской культуры в истории имеет архаический образец — космологический миф, смысл которого заключается в систематическом умирании космоса, наступлении хаоса, а затем в рождении нового космоса.

Тем не менее, хотя фиксируемая логика приводит к перманентным разрывам, самоуничтожения этой культуры не происходит, поскольку каждый раз резкое отличие от непосредственно предшествующего периода истории сопровождается восстановлением в правах форм функционирования, имевших место в удаленных исторических эпохах. И если при таком функционировании не приходится констатировать преемственности, а как очевидно, именно ее соблюдение и обеспечивало бы логику развития, то отсутствие такой преемственности компенсируется восстановлением в правах неких архаических формул, актуализируемых в атмосфере отрицания прошлого. В ситуации, когда преемственность нарушается, а утвердивший себя не предшествующем этапе поздний образец распадается, именно они оказываются в основе того, что можно было бы назвать нормами и предписаниями — культурой в ее новом варианте. Это обстоятельство приводит к тому, что новый период истории оказывается не таким уж и новым. Новым он оказывается скорее в плане хронологическом или вербальном. По своему же глубинному смыслу он предстает повторением того, что некогда в русской истории уже имело место. Наступление в русской истории новой эпохи на глубинном уровне предстает воспроизведением старой эпохи, артефакты которой и фиксирует музей. И в этом обнаруживается гуманистический смысл музея и его социальное значение.

В. В. Бармин

МУЗЕИ КАК ЦЕНТРЫ СОХРАНЕНИЯ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ РОССИЙСКИХ НЕМЦЕВ В СИБИРИ

История российских немцев, которые были депортированы в середине XX века с территории Поволжья, тесно связана с историей Алтайского края. Однако немцы проживали здесь и раньше, не только создавая очаги собственной национальной культуры, но и вносили свой вклад в развитие региона Сибири.

В последние десятилетия государство предпринимает очевидные и действенные шаги по сохранению культуры российских немцев, как в части принятия законодательных актов и создания нормативно-правовой базы, так и в части содействия самому техническому процессу сбора и сохранения материальных и духовных культурных ценностей, их популяризации.

Вопрос сохранения культуры российских немцев является одним из факторов сохранения российской культуры, которая формировалась и развивалась под воздействием исторических и социальных процессов в тесном взаимодействии культур соседствующих малых народов. В условиях ассимиляции культур актуальна проблема изучения наследия российских немцев, но не менее актуальна тесно связанная с ней проблема форм и методов его сохранения.

Главными и наиболее действенными социокультурными институтами, учреждениями, занимающимися собиранием, хранением и выставкой памятников искусства, образцов техники, научных коллекций, предметов, представляющих исторический интерес, являются музеи. «Музей есть выражение памяти общей для всех людей, как собора всех живущих, памяти, неотделимой от разума, воли и действия...» [1, с. 7]. Они одновременно являются образовательно-воспитательными и научно-исследовательскими площадками для специалистов, занимающихся вопросами культуры российских немцев. Основной задачей именно музеев является сохранение культурного наследия человечества в целом и отдельных народов в частности. Это не может не представлять интереса для структур, занимающихся организацией и разработкой туристических маршрутов, связанных с популяризацией истории, культуры малых народов, населяющих Россию.

Необходимо отметить работу в деле сохранения культурного наследия, которую проводят негосударственные, общественные организации. Именно они, как правило, являясь представителями народа-носителя культуры, инициируют организацию туристического движения. Развитие туризма в любом регионе подразумевает развитие и организацию определенных структур. Музеи, призванные не только хранить историко-культурные материалы, но и транслировать их своим посетителям, чаще всего являются первыми в списке посещаемых туристами мест и становятся частью такой структуры.

Тем не менее, приходится констатировать, что музеи на территории Западной Сибири, где наличествуют экспонаты, посвященные тематике российских немцев, относительно немногочисленны. Большая часть музеев сосредоточена в Омской области и Алтайском крае. Публикации о музеях российских немцев единичны, а это более десяти музеев, которые сегодня являются центрами культурно-образовательной и культурно-просветительской работы, патриотического и эстетического воспитания населения, главным образом, молодежи. Почти все музеи или музейные уголки освещают более чем столетнюю историю пребывания немцев на территории Западной Сибири, но далеко не всегда становятся частью туристического комплекса.

Причины такого положения кроются в исторически сложившихся условиях, которые долгое время не только не способствовали, но, более того, делали невозможной какую-либо системную работу в означенном направлении. Обстановка, сложившаяся вокруг российских немцев со второй половины 30-х годов XX века, поставила их на многие годы вне закона. Она привела к тому, что этот народ, как и целый ряд других, «выпал» из поля зрения советской

этнографии, как нетипичный, «не укладывавшийся в рамки структур республик и местных автономий...» [2, с. 83]. Исследователь Л. В. Малиновский, рассматривая сложившуюся ситуацию, отмечает, что она усугублялась многолетним отсутствием национальных кадров этнографов, которые были истреблены в 30-е годы или забросили эти исследования. В итоге, констатирует автор статьи, материалами культурного наследия российских немцев никто системно не занимается, «...кроме местных районных музеев и отдельных сельских (колхозных и школьных) музеев...» Они рассеиваются по многим мелким хранилищам и попадают в руки специалистов, «которые не могут оценить их значение и своеобразие...» [2, с. 82]. Статья, цитаты из которой мы здесь приводим, написана в 1994 году и, разумеется, за истекшие полтора десятка лет в какой-то части ситуация изменилась к лучшему. Вместе с тем, приходится констатировать, что во многом обеспокоенность Л. В. Малиновского вполне оправдана и сегодня.

Музеи на территории Западной Сибири, чьи экспозиции посвящены истории и культуре российских немцев, условно можно территориально определить следующим образом:

- музеи Азовского немецкого национального района в Омской области;
- музеи Немецкого национального района в Алтайском крае;
- частные коллекции, отдельные экспозиции в государственных музеях;
- музейные уголки в школах и домах культуры.

В Музеях и музейных уголках Немецкого национального района (райцентр с. Гальштадт) в Алтайском крае накоплен значительный материал, свидетельствующий о существовании материальной и духовной культуры российских немцев.

На сегодняшнем этапе районный музей только начинает формироваться и проходит стадию оформления документации, однако уже выделено специальное помещение, сделан ремонт и завезена мебель.

К сожалению, приходится констатировать, что сельские и колхозные музеи Немецкого национального района в Алтайском крае еще не стали предметом специального изучения исследователей и, естественно, слабо используются как туристические объекты.

Необходимо отметить особый интерес преподавателей и студентов АлтГПА к истории и культуре российских немцев. Этнографические экспедиции, организованные этнологическим центром при Барнаульском государственном педагогическом университете (теперь Алтайская государственная педагогическая академия АлтГПА), позволили собрать богатый этнографический материал, на основе которого организована выставка, посвященная истории и культуре российских немцев в историко-краеведческом Музее исторического факультета академии. Посещают его, в основном, студенты и преподаватели академии.

Третий, нами определенный, музейный комплекс, посвященный истории и культуре российских немцев, составляют отдельные выставки в государственных музеях, частные коллекции, музейные уголки в школах и домах культуры. Их экспозиции содержат ответы на вопросы широкой аудитории: откуда взялись немцы на территории Западной Сибири, что это за народ, в чем своеобразие его истории, культуры. Материалы и этого комплекса слабо используются с целью расширения кругозора туристов.

Большой потенциал для данной работы имеет Алтайский государственный краеведческий музей, в создании которого велика заслуга Фридриха Вильгельмовича Геблера, одного из представителей народа российских немцев. Огромен его вклад в дело создания духовной культуры немцев России, Алтайского края, региона Западной Сибири, велико значение его деятельности для мировой науки. Отдавая дань уважения врачу, ученому, основателю музея, Алтайский государственный краеведческий музей с 2001 г. проводит научные Геблеровские чтения. Целью чтений является изучение специфики исторического развития Алтайского края, представление музейных коллекций», — так отмечено во вступительной статье О. В. Падалкиной, директора Алтайского государственного краеведческого музея, в библиографическом указателе [3]. «Ф. В. Геблер — врач, исследователь Алтая, издан научно-методический сборник «Краеведческие записки», посвященный Ф. В. Геблеру. В нем представлена статья Т. Фиккер «Доктор Август Геблер, врач и исследователь Алтая. Родительский дом и молодость в Германии», где приводятся воспоминания сестры Фредерики, а также письма самого Ф. В. Геблера. Опубликованы его «Замечания о Катунских горах» и другие материалы. «Администрацией города Барнаула при поддержке Франка Майке, в то время генерального консула Германского Генерального консульства в г. Новосибирске, был открыт памятный знак в исторической зоне Нагорного кладбища, где похоронен Ф. В. Геблер». В музейных изданиях опубликованы научные статьи Ф. В. Геблера середины XIX в. — «Известие о Барнаульском музее» (1829 г.), «Замечания о Катунских горах, составляющих высочайший хребет в Русском Алтае (1836 г.)» «Сегодня собрание Алтайского государственного краеведческого музея, отражающее жизнь и деятельность Фридриха Вильгельмовича Геблера, включает... 47 книг». В 1976 г. Нина Иннокентьевна Геблер, праправнучка исследователя Алтая, передала в дар музею портрет Ф. В. Геблера работы М. И. Мягкова, академика живописи. «В последние годы собрание пополнилось фотографиями потомков Ф. В. Геблера, переданными И. А. Семеновской (Москва)». Именем сибирского ученого названа улица в краевом центре, площадь в городе Цойленроде на его родине [3, с. 8–9].

Этими мероприятиями Алтайского государственного краеведческого музея работа по сохранению культурного наследия немцев России не ограничивается. В выставочных залах музея достаточно часто представляются коллекции, которые включают экспозиции, раскрывающие особенности расселения, быта, вероисповедания российских немцев. Так в статье И. В. Поповой «Век двадцатый, век уходящий...» рассказывается об одноименной

выставке, организованной в стенах краевого музея в конце 1999 года. Она состоит из трех разделов: Истоки, Минувшее, Вечное. «Она включила более 700 экспонатов из музейного собрания: предметы крестьянского ремесла, книги иконы, собрание наград, фотографии, открытки, игрушки, бытовую технику и др.». «Своеобразный портрет уходящего века представляет фотоколлаж — «Эпоха в лицах», включающий наиболее типичные лица различных социальных групп. Среди них: крестьяне-переселенцы, осваивавшие Алтай в начале века, и барнаульский купец, крупный промышленник Ворсин, педагог и общественный деятель В. К. Штильке...» [4, с. 87].

Фонды Государственного художественного музея Алтайского края в городе Барнауле содержат материалы о наследии российских немцев: А. Р. Эберлинга, Е. В. Гольдингер, А. Фризена и др. «Начало нового тысячелетия ознаменовано стремлением к единому музейному пространству, осознанием необходимости музеев для духовного развития», — констатирует И. К. Галкина «Одним из итогов введения нашей коллекции в культурное пространство России стало участие музея в международных проектах. Впервые был издан фундаментальный альбом «Шедевры русского искусства. Золотая карта России» [5, с. 7]. куда в числе нескольких лучших музейных собраний были включены произведения нашей коллекции. Презентация альбома прошла в Государственной Третьяковской галерее, Германии (Франкфуртская книжная ярмарка).

Определенная работа по сбору, сохранению и пропаганде художественного наследия немцев проводится в Новосибирской картинной галерее. 25 сентября 2003 года там состоялась «Выставка: Третья Новосибирская международная Биеннале графики», часть экспозиции была представлена в залах Государственного краеведческого музея. Программа открытия включала презентации проекта «Немецкая современная графика» В Биеннале участвовало 33 страны. Были представлены работы А. П. Фризена, он продемонстрировал «основные тенденции развития современной графики, творческое освоение архитипических систем» [6, с. 131].

Таким образом, представленный в данной статье материал позволяет сделать вывод, что вопрос использования музеев в качестве туристических центров, как основных хранилищ культурного наследия Российских немцев Западной Сибири представляется весьма актуальным.

Музеи в этом отношении способны определить и реализовать наиболее результативные направления работы. Более того, расширение экспозиционной деятельности музеев, имеющих соответствующие фонды и материалы, активизация поисковой и научно-исследовательской деятельности этих учреждений, способны привлечь внимание общественности к проблемам российских немцев. Это тем более важно, что до настоящего времени музеи российских немцев в большинстве случаев были созданы самими носителями культуры, но музеи как центры по сохранению культурного наследия российских немцев в регионе Западной Сибири на сегодняшний день не могут в полной мере выполнять свои функции. Необходимо более полно использовать фонды музеев истории российских немцев на территории Западной Сибири для включения их в туристические структуры в регионе.

Библиографический список

1. *Труевцева О. Н.* Музеи Сибири во второй половине XX века. Томск, 2000.
2. *Малиновский Л. В.* Культурное наследие немцев Алтая — ценности и значение // *Этнография Алтая* (Научно-методические материалы). Барнаул, 1994.
3. Фридрих Вильгельмович Геблер: биобиблиогр. указ. // *Алт. краев. универс. науч. б-ка им. В. Я. Шишкова; Алт. гос. краевед. музей; сост. Н. В. Воробьева и др. / Отв. ред. В. С. Олейник. Барнаул: ООО «Агентство рекламных технологий», 2008.*
4. *Попова И. В.* Век двадцатый. Век уходящий... (Новые музейные выставки) // *Краеведческие записки. Вып. 4.* Барнаул, 2001.
5. *Галкина И. К.* Художественный музей в начале нового тысячелетия // *Снитковские чтения: Сборник / Науч. ред. Л. Г. Красноцветова-Тоцкая. Барнаул, 2005.*
6. *Степанская Т. М.* Выставка: Третья Новосибирская международная Биеннале графики // *Культурное наследие Сибири: Сборник статей республиканской науч.-практ. конф. / Составитель Т. М. Степанская. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2004. Вып. 5.*

Л. В. Белькова

ФОРМИРОВАНИЕ ЭТНОКУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА В СОВРЕМЕННОМ СОЦИУМЕ

Трансформации социальных устоев общества обусловили повышение интереса к вопросам этнокультурного образования в передовых кругах педагогической общественности современной России. Этот интерес возник не на пустом месте: идеологический кризис и социокультурная ситуация начала 90-х годов прошлого века способствовали повышению внимания к духовному наследию, традиционным народным культурам, национальным языкам, национальному самосознанию и межнациональным взаимоотношениям.

Реформы в сфере образования позволили запустить механизм реализации инновационных процессов, одним из достижений которого является внедрение в учебные планы ряда общеобразовательных школ программ по изучению традиционной народной культуры. Изменения свидетельствовали не просто о моде на фольклор, но о произошедшем в сознании общества понимании ценности традиционных культур.

В процессе преподавания школьных дисциплин гуманитарного, эстетического и художественного циклов обозначилась необходимость естественного погружения ребенка в сложный мир этнокультуры, формирования духовно — нравственного, художественно — эстетического, творческого потенциала представителей подрастающего поколения новой России. В данной ситуации возникла потребность обращения к феномену традиционной народной культуры, уникальному явлению, имеющему синкретическую природу, вобравшему в себя наиболее жизнеспособные образцы духовного и материального наследия этноса, сконцентрировавшего в себе нравственные, социальные, психологические, педагогические, художественно — эстетические и общечеловеческие идеалы, нормы и ценности.

За последнее десятилетие традиционная народная культура довольно широко вошла в систему образования. В «Концепции национальной государственной политики Российской Федерации» (Указ Президента РФ от 15 июня 1996 года № 909) определены основные задачи национальной политики государства в духовной сфере. В Концепции отмечается, что формирование и распространение идей духовного единства и межнационального согласия, знаний об истории и культуре населяющих Россию народов, сохранение их исторического наследия, развитие национальной самобытности, обеспечение оптимальных условий для сохранения и развития их языков, укрепление и совершенствование общеобразовательной школы, как инструмента развития культуры и языка каждого народа наряду с воспитанием уважения к культуре и языкам других народов и мировым культурным ценностям, учет взаимосвязи национальных обычаев, традиций и обрядов с религией являются важными составляющими процесса воспитания.

Однако в современных условиях ученые и практики недооценивают роль этнокультурного образования в воспитании детей и подростков.

Неоднозначная политика реформаторов системы образования последних лет проводится с целью улучшения качества образовательных услуг и повышения эффективности образовательного процесса, но духовное и нравственное развитие и воспитание, как и прежде, остается на «галерке». Одним из наиболее неблагоприятных и отрицательных факторов здесь является систематическое недофинансирование воспитательных образовательных программ и проектов, а также деятельности учреждений дополнительного образования детей, которые по ФЗ № 131 теперь находятся на муниципальном бюджете и вынуждены «выживать», вместо того, чтобы вовлекать в свои программы как можно большее число детей и подростков. Известно, какие интересы и потребности формируют у общества средства массовой информации и Интернет. Яркий глянец журналов и газет, пропаганда поп — культуры, красивой и привлекательной жизни шоу — бизнеса, формирует, негативное, потребительское отношение к миру культуры и искусства. Ни для кого не секрет, что сегодня более востребованными являются творческие объединения эстрадного направления, студии фитнеса, бального танца, школы моделей и т. п. Общество погружается в «культуру реальной виртуальности» сформированную электронными средствами массовой информации, смешавшую в едином цифровом пространстве все формы культурного наследия, наше настоящее и будущее. Не каждый родитель может понять (в силу его воспитанности и отношения к миру) и осознать значимость именно духовно — нравственного развития ребенка, его воспитания, ведь в общеобразовательной школе главное — это учеба и хорошие оценки.

Неоспоримым является факт приоритетов материальных запросов общества над духовными потребностями на фоне разрушения духовного богатства. Усугубляется положение отсутствием интереса у административных и руководящих работников образовательных учреждений к созданию оптимальных условий для развития этнокультурной среды в окружающем социуме; нехваткой знаний и специальных навыков у школьных учителей гуманитарного цикла и специалистов дошкольных образовательных учреждений при изучении тем фольклорно — этнографического содержания; некомпетентностью педагогов дополнительного образования — преподавателей спецкурсов, руководителей творческих объединений, занимающихся воспитательной деятельностью; отсутствием оснащенности образовательного процесса, его несоответствием современным требованиям.

Сложившуюся ситуацию обусловили ряд объективных факторов. Собираение, изучение, сохранение и пропаганда духовного и материального наследия чаще всего организуется и проводится усилиями отдельных энтузиастов. Если говорить о предметах материального наследия, как о средствах, которые помогут воссоздать этнокультурное пространство определенной локальной традиции, разработать и организовать воспроизводство ремесел и их технологий, то по этому направлению накоплен богатый иллюстративный и справочный материал, издается достаточное количество монографий.

В Алтайском крае эта работа успешно выполняется учеными высших учебных заведений, сотрудниками государственных и муниципальных музеев.

В Алтайской государственной педагогической академии (АлтГПА) собирание этнографических и вещественных исторических материалов ведется с середины 1970-х гг. к. и. н., доцентом А.Д. Сергеевым. С 1990-х гг. интенсивное этнографическое обследование Алтайского края осуществляется под руководством д. и. н., проф.

Т. К. Щегловой. Систематически изучаются крестьянские поселенческие комплексы, жилые и хозяйственные постройки, одежда, семейный и производственный быт, верования и народное искусство. Главное внимание уделяется культуре славянского и, прежде всего, русского народа. В настоящее время фонды историко-краеведческого музея АлтГПА содержат более 35 тыс. ед. хр.

В Государственном художественном музее Алтайского края успешно работает отдел «Русская традиционная культура». Энтузиастами — мастерами, возрождающими традиционные народные ремесла являются: В. В. Гычев, Г. Ф. Мингалева, Л. В. Живова, педагоги О. С. Щербакова, М. Н. Сигарева, Е. Н. Эйхольц и др.

Сбор вещественных материалов по этнокультурному наследию народов Алтая в значительной степени осуществляется во время экспедиций. Организация и проведение экспедиций и исследований в области нематериального наследия, духовной культуры невозможно без использования специальных технических средств (видеокамеры, аудиоаппаратуры). Приобретение дорогостоящего оборудования остается серьезной проблемой для исследовательских и творческих коллективов. Следствием такого положения дел стало уменьшение числа экспедиций, а в некоторых случаях просто невозможность их осуществления. Важным обстоятельством, препятствующим освоению этнокультурного пространства региона, является недоступность результатов исследований, которые проводились экспедициями профессиональных коллективов, Центров народного творчества и досуга, учебными заведениями, музеями и другими организациями в советское время.

Конечно, на это есть объективные причины — данная информация является эксклюзивной, и, если сам исследователь или организация не желает распространять результаты своего труда, то материалы научных экспедиций так и остаются невостребованными. При этом сохранение и воспроизводство духовного наследия народа, приобщение к этой деятельности детей и представителей молодого поколения, остается просто словами «на бумаге». Каждый учитель музыки должен использовать в своей педагогической практике аутентичное звучание образцов певческого и инструментального исполнительства, тем более — воспроизводить манеру пения локальной традиции, основываясь на подлинниках.

Выявленные нами противоречия в образовательной и культурной политике России последних лет, порожденные социокультурными реалиями, позволяют сформулировать следующую проблему: разрозненность и межведомственная разобщенность представителей образования, науки и культуры, занимающихся вопросами сохранения и воспроизводства материального и духовного наследия, порождают непонимание и недооценку важности этого направления культурологического образования местными властями и государством.

Решение обозначенной проблемы мы видим в создании образовательных структур, которые будут способны создать условия для формирования этнокультурного пространства в социуме, смогут обеспечить взаимодействие между педагогами практиками, учеными, представителями культуры и искусства, станут связующим звеном в объединении усилий учреждений образования, культуры, социальных институтов в вопросах этнокультурного воспитания и образования подрастающего поколения.

Интересен опыт деятельности Муниципального образовательного учреждения дополнительного образования детей «Детская школа искусств «Традиция» с. Власиха Индустриального района г. Барнаула. Данное учреждение функционирует в системе дополнительного образования детей и реализует дополнительные образовательные программы этнокультурной направленности. Содержание образовательного процесса, его цели и задачи подчинены основной идее этнокультурного образования — создание условий, максимально приближенных к этнокультурной среде. Педагогический коллектив школы реализует поставленные цели и задачи на основе формирования единой этнокультурной образовательной среды. Администрацией и педагогическим коллективом школы выбрана такая образовательная политика, фундаментом которой является гибкая, адаптивная система действий, основанная на принципах этнопедагогике, культуросообразности и здоровьесбережения. Основу образовательной практики учреждения составляет единство социокультурной, образовательной (учебной, воспитательной, научно — исследовательской) и организационно — методической сфер педагогической деятельности, что предполагает выработку общей образовательной платформы — содержательной культурологической основы совместной деятельности всех участников педагогического процесса.

Организация деятельности МОУ ДОД ДШИ «Традиция» осуществляется посредством реализации дополнительных образовательных программ с использованием приемов и методов этнопедагогике, здоровьесберегающих технологий.

В структуру школы входят несколько лабораторий, каждая из которых выполняет свою функцию в этнокультурном пространстве школы: лаборатория этнопедагогике; лаборатория «реконструкции» фольклорных традиций; лаборатории теории и истории музыки; лаборатория реставрации материальной культуры.

Лаборатория этнопедагогике реализует следующие учебные дисциплины: народоведение, основы православной культуры, народное творчество, история народных промыслов и ремесел. В рамках лаборатории работает историко — патриотическое объединение «Мастерская русского кулачного боя» и реализуются образовательные программы учебных курсов по развитию речи для детей младшего и старшего дошкольного возраста «У нас во горнице», по развитию логического мышления для детей старшего дошкольного возраста «Почемучка».

Лаборатория «реконструкции» фольклорных традиций (музыкальных, инструментальных, танцевальных и т. д.) специализируется на преподавании следующих практических учебных курсов: ансамблевое пение, фоль-

клорный танец, программы по основам ансамблевого пения для детей младшего и старшего дошкольного возраста «Ладушки». В связи со специфичностью развития музыкальных способностей детей средствами музыкального фольклора, ряд курсов ведется в индивидуальной форме обучения. Например, это интегрированный курс по вокалу и «расшифровке», «Освоение местных певческих традиций» и учебный курс «Инструменты устной народной традиции». В рамках данного курса реализуются парциальные программы освоения разных видов инструментов устной народной традиции — простейших шумовых, ударных, духовых, струнных, гармоники-хромки.

Достижению оптимального уровня обучения в творческих фольклорных коллективах и высокой результативности способствует деятельность лаборатории теории и истории музыки. Образовательные программы учебных курсов включают обучение музыкальной грамоте, сольфеджио, теории музыки, индивидуальному курсу «общее фортепиано».

Обучение детей и подростков различным видам декоративно — прикладного творчества и традиционных народных ремесел осуществляется в лаборатории реставрации материальной культуры. Спектр видов деятельности в данном направлении чрезвычайно велик — от изучения и изготовления народной игрушки (тряпичной, деревянной, глиняной), освоения традиционных видов крестьянской росписи (Урало-Сибирской, Мезенской, Пермской, Ракульской, и др.), традиционного ткачества и плетения опоясков до изготовления традиционной народной одежды и атрибутов.

Необходимые умения и навыки прививаются обучающимся в рамках реализации парциальных образовательных программ следующих учебных курсов: маленькие мастера, мастерские декоративно-прикладного творчества, основы дизайна и посредством индивидуальных занятий по освоению основ различных ремесел.

С целью достижения высоких показателей деятельности в социокультурном направлении в МОУ ДОД ДШИ «Традиция» действует структурное подразделение — лаборатория социокультурной деятельности. Педагогический коллектив лаборатории считает необходимым расширение образовательного пространства в области социокультурной деятельности учреждения.

Немаловажную роль в получении результата играет вовлечение родителей в деятельность школы. Они являются помощниками в проведении мероприятий, оказывают материальную помощь в проведении фольклорно — этнографических экспедиций, изготовлении костюмов для выступления коллективов.

Навыки научно-исследовательской работы учащиеся получают в фольклорно-этнографических экспедициях. Развитием данного направления деятельности школы и организацией экспедиций занимается лаборатория этнографии и краеведения. Организация научно-исследовательской деятельности является приоритетным направлением работы всего коллектива, так как при этом содержание учебных дисциплин в учреждении наполняется расшифрованными материалами по фольклору, этнографии и краеведению. Огромную роль в обучении и воспитании играет наглядность, поэтому с целью формирования музейного этнокультурного пространства в школе создан и действует Детский этнографический музей-мастерская «Лад».

Детский этнографический музей-мастерская «Лад» МОУ ДОД ДШИ «Традиция» официально начал свою работу 14 сентября 2003 года. В апреле 2009 года школа заявила ходатайство об изменении статуса музея на Детский этнографический музей-мастерскую «Лад» МОУ ДОД ДШИ «Традиция». Необходимость изменения названия обусловлена тем, что основным показателем качества содержания и организации образовательного процесса в учреждении дополнительного образования детей является создание и реализация гибкой, целостной системы программ, способных быстро и эффективно реагировать на изменяющиеся потребности личности и социума. Основой работы коллектива школы по этому направлению стала организация деятельности по расширению и преобразованию экспозиционного пространства существующего музея, развитию и становлению его как образовательной структуры, в рамках которой осуществляется экспедиционная и исследовательская практика, целенаправленная научно-фондовая работа, экспозиционно-выставочная, маркетинговая и экскурсионно-просветительская деятельность.

Синкретическая природа фольклора и необходимость в ненавязчивом, систематичном, осознанном приобщении к миру материальной культуры родного народа, обусловила необходимость организации занятий мастерских декоративно-прикладного творчества и ремеслами.

Фонды музея составляют 1345 экспонатов. В книге учета посетителей за 2004–2009 гг. насчитывается 12486 человек.

В основу образовательной деятельности музея положена реализация принципа интерактивности, который предполагает приобретение опыта личного контакта с реальностью истории и культуры через предметный мир. Посетители рассматриваются не как объект, который нужно обучать и воспитывать, а как равноправный участник коммуникативного процесса, диалога, осуществляемого в музейной среде.

Отличительной чертой нашего музея-мастерской является предоставленная учащимся возможность освоения на его экспозиционном пространстве образовательных программ комплексного, многопрофильного и многоуровневого объединения школы. Параллельно осваиваются парциальные программы мастерских декоративно — прикладного творчества: «Традиционные крестьянские росписи», «Игрушка-тарарушка», «Гонимая мастерская», «Традиционный народный костюм старожилов и переселенцев Сибири», «Традиции плетения и ткачества», «Эстетика традиционного быта русского крестьянства», «Кружевоплетение на коклюшках», так же отдельные темы и разделы учебных курсов «Народоведение», «Народное творчество», «Ансамблевое пение» и др.

Основным источником информации для существования и развития музейной коммуникации Детского этнографического музея — мастерской «Лад» МОУ ДОД ДШИ «Традиция» является целенаправленная, систематическая экспедиционная и исследовательская практика обучающихся и педагогов школы, работа с фольклорно — этнографическим материалом (расшифровка, обработка, описание, и т. п.), аутентичные образцы песенного и инструментального исполнительства, научно-исследовательские труды, исторические и архивные материалы, воссозданные предметы материального наследия и реконструированные традиции (обычаи, обряды и праздники).

Главные направления поисковой работы посвящены изучению культуры и быта русского населения Алтайского края и Юга Западной Сибири (старожилов и переселенцев), этнографического краеведения села, города и края.

С целью подведения итогов поисковой и научно-исследовательской деятельности в школе организуется и проводится ежегодная научно — практическая конференция «Создание условий для формирования и развития этнокультурной среды в образовательном учреждении». На детской секции конференции учащиеся школы представляют результаты исследовательских работ. Кроме этого, обучающиеся школы активно участвуют в научно-практических конференциях районного, городского, краевого и Российского уровней. Работы учащихся являются призерами краевой программы для одаренных и талантливых детей «Шаг в будущее», Детский этнографический музей-мастерская «Лад» МОУ ДОД ДШИ «Традиция» является базой для проведения семинаров — практикумов, музеологических школ, в том числе и международных.

Г. Д. Булгаева

К ВОПРОСУ О ПЕРЕМЕЩЕНИИ ИКОНОСТАСНЫХ КОМПЛЕКСОВ

Устойчивость различных явлений проверяется временем. Наиболее ярко это отражено в традициях. Процесс передвижения, как единичных предметов искусства, так и целых ансамблей — иконостасов в определенной степени можно назвать традиционным. Прежде всего, такие явления напрямую зависели от причин, которые со временем могли меняться, но результат оставался тем же. В современной науке больше внимания обращается на изучение и роль небольших городов и деревень как хранителей святынь прошедших столетий. Провинция и в самом деле с течением времени представляется собирательницей предметов и памятников регионального, а порой и общего государственного значения. Книги, иконы, церковная утварь и другие святыни стекались туда различными путями. Они передавались в дар и как благословение, приносились с переездом архиереев на новую кафедру, заказывались благотворителями и т. д. Кроме того, периферия при любой возможности старалась воспринять и принять все то, что передавалось из центра. Столичные же города охотно отдавали и продавали предметы, утратившие былую красоту и назначение, как малозначимые и не находящие применения. Такой процесс в истории изобразительного искусства России прослеживается как в светской, так и в церковной сфере влияния.

Кроме отдельных икон, в провинциальные церкви попадали иконостасы высококачественного исполнения. На протяжении XVIII–XIX вв. по возможности сельские церкви приобретали за небольшую сумму иконостасы, утратившие за древностью былое великолепие и не соответствовавшие вкусу современных правителей. Так, в церкви с. Васильевское Шуйского уезда за небольшую плату по распоряжению Екатерины II в 1775 г. появляется иконостас Успенского Владимирского собора, принадлежавший кисти Андрея Рублева. К этому времени, он дважды понавлялся в XVII в. и 1703 г. Образы XV в. сменил новый иконостас, выдержанный в пышных формах елизаветинского барокко [7, с. 39]. Подобный процесс, но уже в XIX в. прослеживается в Сибири.

В 1807–1811 гг. в Тобольском подгорном селе Бегишево с благословения Высокопреосвященнейшего Амвросия Архиепископа Тобольского и Сибирского строится каменная церковь вместо сгоревшей. Староста храма Павел Долгушин первоначально испрашивает разрешения священноначалия на приобретение для вновь построенного храма, в градотобольской Христорождественской церкви незадействованного иконостаса. Однако это прошение отклоняется по причине несоответствия параметров иконостаса размерам интерьера Бегишевской церкви, а также несвоевременной выплаты уговоренной суммы. Вышеуказанный иконостас по договору переносится в Воскресенскую Березовскую церковь [1]. Спустя некоторое время на имя Владыки Амвросия вновь приходит прошение от старосты Павла Долгушина. В нем излагается просьба о покупке иконостаса, находящегося без употребления в Богоявленской градотобольской церкви. На что последовала резолюция о безвозмездной передаче св. образов в Крестовоздвиженскую церковь, так как этот иконостас был так же безденежно передан Богоявленской градотобольской церкви из Абалака. Кроме того, чуть ранее Архиепией благословляет ключарю Тобольского Софийского собора и ризницы иерею Василию Кузнецову «убрать святыми иконами», новостроящуюся церковь в с. Бегишево.

Судя по времени Абалакский иконостас был исполнен во второй половине XVIII века. Эталон для выполнения резьбы и святых образов в г. Тобольске традиционно, служил иконостас кафедрального Софийского Успенского собора, поставленный там по благословию митрополита Тобольского и Сибирского Филофея (Лещинского). Так в 1756 году изограф Козьма Черепанов, писавший иконы в Введенскую градотобольскую церковь, следил и за рисунком, который был взят из иконостаса Софийского собора [3, л. 7]. А несколько лет спустя в 1768 г.

Тобольский ямщик Иоанн Черепанов подрядился к градотобольской Архангельской церкви у бывшего при оной церкви старосты церковного Тобольского ямщика Козьмы Черепанова «...сделать резной иконостас... против данного о его Черепанова рисунку...» [3]. Таким образом, не исключено, что иконостас, попавший в храм с. Бегишево, носил в себе отчетливые барочные формы.

Подобный процесс происходит и на территории Юга западной Сибири. Наиболее интересна судьба иконостаса Петропавловского предела из Бийской Успенской церкви, известная нам по архивным данным. В соответствии с надписью, находящейся на обороте одной из икон указанного иконостаса видно, что «сей иконостав был луцкого полку писанный в Москве 1721 года» [5, л. 50]. В Бийск его жертвует один из высокопоставленных военных начальников. Соответственно, можно предположить, о том, что перед нами походный иконостас. В описи указанного собора за 1828 год говорится: «У окна подле решетки поставлены бывшие в пределе Петра и Павла царские двери под зеленою краскою...». Указанный придел освящен в 1789 году [5, л. 47]. Таким образом, иконостас московских мастеров попадает на Алтай. Однако на этом перемещения иконостаса не заканчиваются. В 1855 году Начальник Алтайской Духовной Миссии протоиерей Степан Ландышев обращается с просьбой о передаче ему из Бийской Успенской церкви двух старых иконостасов, «бывших в г. Бийске при походных Полковых церквях, составленных потом в Николаевском и Петропавловском приделах» [5, л. 47]. Ходатайство священника Ландышева Барнаульским Духовным Правлением было удовлетворено по следующей причине. «Так как по удостоверению священноцерковнослужителей Бийской Успенской Церкви, хранящиеся в их ризнице без употребления, два иконостаса, для их церкви не нужны; то передать их в ведение Алтайской Миссии с исключением из описи Бийской Успенской Церкви и в распоряжении Миссионеру Протоиерею Ландышеву Сентября 12 дня 1855 года» [6, л. 128]. Вероятно, иконостасы оказались не востребованными после проведения ремонтных работ в приделах Бийской церкви [5, л. 50].

На указанный период в ведомстве Алтайской Духовной Миссии существовало пять станов с походными церквями: в Улалинском, с престолом в честь Всемилоуспешного Спаса, Маютинском — во имя Божией Матери Одигитрии, Чемальском — во имя Иоанна Предтечи, Ченоануйском — в честь Живоначальной Троицы и Макарьевском с храмом во имя Преподобного Макария Великого. При этом походные церкви размещались в отдельно построенных домах и имели все необходимое для совершения богослужения [2]. Можно предположить, что иконостасы из Бийской церкви были размещены в вышеуказанных станах за исключением Улалинского. Так как для церкви последнего, иконостас был заказан при основателе Миссии — Макарии (Глухарева) в более раннее время.

В итоге иконостас московских мастеров XVIII века появляется в российской глубинке спустя пол столетия после написания, являя собой образец для подражания. Спустя более сто лет, так же можно проследить процесс переноса иконостасов, но в обратном направлении. Так, во вновь открывшемся в 1943 году, тобольском Покровском кафедральном соборе, размещается иконостас принадлежащий Спасской церкви одноименного подгорного села.

Случаи перемещения иконостасов из столицы в провинцию не были единичными. В соответствии с архивными данными и по результатам различных научных исследований выявляется тенденция переносов иконостасов и святых образов, обусловленная на протяжении нескольких столетий, различными причинами. Данный процесс и уникален, и в то же время, характерен для нескольких столетий русской культуры. Обусловленный практической значимостью, он способствует взаимопроникновению культуры центральных и периферийных городов, а так же сохранению памятников искусства.

Библиографический список

1. ГУГО Гос. архив г. Тобольска Ф. 156 0.6 Д. 1533
2. ГУТО Гос. архив г. Тобольска Ф.144 0. 1 Д. 44а
3. ГУТО Гос. архив г. Тобольска Ф.156 0.3 Д. 644
4. ГУТО Гос. архив г. Тобольска Ф. 156 0.1 Д. 247
5. ЦХАФ АК Ф26 О1 Д. 1131
6. ЦХАФ АК Ф26 О1 Д. 1088
7. Лазарев В. Н. Андрей Рублев и его школа. М., 1987.

С. С. Жарникова

БЫТОВАНИЕ И СОХРАНЕНИЕ НАСЛЕДИЯ ПРАВОСЛАВНОЙ КУЛЬТУРЫ НА ПРИМЕРЕ ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ ПРАВОСЛАВНЫХ МУЖСКИХ МОНАСТЫРЕЙ ПРИБАЙКАЛЬСКОГО РАЙОНА РЕСПУБЛИКИ БУРЯТИЯ

Духовная культура, как составляющая нематериального наследия, а особенно, религия, или религиозные верования являются важнейшими составляющими жизни любого этноса, определяющие его миропонимание, т.к. религиозное сознание воздействует на самые разные грани общественного устройства и человеческой личности, пронизывает многие стороны жизненного уклада, накладывает отпечаток едва ли не на все формы жизнедеятельности людей.

Православные монастыри и монашество неотъемлемая часть религиозной традиции русских, в том числе проживающих на территории Бурятии, которая является полиэтнической (многонациональной), многоконфессиональной, но вместе с тем толерантной республикой. Православная традиция начала проникать в Сибирь с момента освоения этого края в начале XVII в. и присоединения обширной территории к Российской империи. С одной стороны, монастырь существенно влиял на жизнь и традиции коренных жителей, поскольку транслировал православное мировоззрение, духовные, нравственные, этические ценности. С другой стороны, повседневная культура местного населения влияла на организацию мирской жизни православного монастыря, так или иначе происходило взаимопроникновение элементов материальной (хозяйственной, бытовой) и нравственно-этической культуры этноса.

В настоящее время в духовной жизни российского общества происходит существенное переосмысление ценностных установок и идеалов, сложившихся веками традиций, осуществляется мировоззренческая переориентация личностного и общественного сознания. Бурятия является своеобразным «мостом» между Востоком и Западом, имеет тесные культурные связи с народами Центральной, Восточной и Южной Азии. Наличие уникального озера Байкал, полиэтнический и многоконфессиональный состав населения, сочетание различных типов культурных влияний определяют неповторимый облик современного историко-культурного пространства Республики.

По мнению большинства исследователей, религия является необходимым составляющим элементом духовной культуры общества. Ее главная функция состоит в том, чтобы помочь человеку преодолеть исторически изменчивые, переходящие относительные аспекты его бытия и возвысить человека до чего-то абсолютного и неизменного. В связи с этим, перед современным обществом стоит важнейшая задача в сохранении и возрождении религиозной культуры. Республика Бурятия не стала исключением в этом историко-культурном явлении.

Одними из уникальных объектов историко-культурного наследия Бурятии являются православные монастыри, которые на протяжении всей истории были духовными и просветительскими центрами региона, сыграли значительную роль в хозяйственном освоении края, имеют богатую историю и знамениты своей миссионерской деятельностью.

В дореволюционный период истории в Забайкалье действовали три православных монастыря, они же осуществляют свою деятельность и в настоящее время. Это — Селенгинский Троицкий монастырь, Посольский Спасо-Преображенский, Селенгинский Спасо-Преображенский, действовавший в начале XX в., сегодня разрушенный и женский Сретенский монастырь в селе Батурино Прибайкальского района. Призывая на свои земли крестьян монастыри, способствовали распространению традиционной земледельческой культуры русских, которые передали свои трудовые навыки местному населению — бурятам и эвенкам [1, л. 32–34].

Троицко-Селенгинский и Посольский монастыри пользовались в начале большими привилегиями правительства и Синода. Вскоре после основания им отделили вотчины, заимки и рыбные угодия. Самый крупный в Забайкалье Троицко-Селенгинский монастырь основан в 1681 г. по указу царя Федора Алексеевича и с благословения святейшего Патриарха московского Иоакима. Это решение было рассмотрено на Соборе того же года, где первым рассматривался вопрос о создании «особой архиепископии в Енисейске, отдельно от Тобольской митрополии, открытой в 1621 г.

Учредителями и первостроителями Троицкой обители были Темникова-Сретенского монастыря игумен Феодосий и иеромонах Макарий с десятью монахами, они же являлись и основателями другой обители Посольского Спасо-Преображенского монастыря на Байкале. Интересно знать имена исполнителей царской воли — тех миссионеров, которые начали призывать к православной вере и многих «неверных» крестили. Это: игумен Феодосий, игумен Макарий, архимандрит Миссаил, иеромонах Серафим Убиенный, схимонах Зосима, схимонах Иона, схимонах Тихон, монах Иоасаф и два иеромонаха Иосифа. Местом для основания Троицко-Селенгинского монастыря был выбран левый берег р. Селенги. Монастырь представлял собой целый архитектурный комплекс — своеобразный тип Сибирского «стоячего» острога-крепости. «Расстояние от губернского города Иркутска в 242 версты, а от Байкал-моря на 90 верст» [2, л. 5].

В монастырский комплекс входило четыре церкви. Первая Троицкая церковь во имя Живоначальной Троицы. Первоначально она была построена деревянной (1763 г.) и до XIX в. существовала под «именем» Петро-Павловской, «но когда в 1785 г. построена была каменная, то она освящена во имя Святой Троицы, прежняя деревянная — в честь святых апостолов Петра и Павла» [2, л. 5]. «Каменная Троицкая церковь разделана на две половины, из коих главной или передней половине устроена холодная церковь с одним престолом, который освящен во имя Святой Троицы, а в другой половине теплая, с двумя приделами, одного — во имя Святителя Николая Чудотворца, а другого — во имя Благовещения Пресвятой Богородицы. Внутреннее убранство обеих частей церкви отличалось большим вкусом. Сплошной иконостас, орнаментированный искусной резьбой, был «вызолочен золотом», алтарь расписан клеевыми красками... В пределах иконостас — нового устройства, окрашен красной масляной краской, а рамы на иконах вызолочены» [2, л. 5]. В одном из пределов «в 1847 г. внутренние стены окрасили зеленой краской, а на своде художник изобразил светлое небо с плывущими облаками «теми же красками» [3, л. 84].

Вторая деревянная церковь была построена во имя святых Православных апостолов Петра и Павла. Из надписи на деревянном кресте было видно, что она первоначально была освящена во имя Святой Троицы Игуменом Феодосием в 1684 г., но от случившегося пожара сгорела. На ее месте была построена новая церковь и освящена в 1797 г., с переименованием ее в настоящие название — Никольская. Иконостас в ней резной, сплошной вызо-

лоченный. С западной стороны, перед входом в церковь, пристроена паперть в виде трапезы, над которой была колокольня. При алтаре была приделана палатка пономарская, от которой вдоль северной стены протянута крытая галерея. Эта церковь в начале 40-х годов XIX в. находилась в довольно приличном состоянии, кроме галереи с крыльцом [2, л. 5 об].

Третья церковь была построена в 1710 г. во имя всех святых — Всесвятская церковь, находилась она рядом с западными воротами и освящена в 1713 г. Располагалась церковь внутри ограды, после того как перенесены были главные ворота на другую (западную) сторону. Это была самая красивая церковь из всех храмов монастыря. Иконостас в ней сплошной «и по приличным местам вызолочен» [2, л. 6]. С наружной северной и западной стороны к ней пристроена крытая галерея в виде паперти. В 1835 г. над главным выездом была построена надвратная каменная, церковь новой архитектуры — Михайловская «над Святыми воротами с южной стороны монастыря и «предположена к освящению» во имя Святого Архистатига Михаила. В мае 1849 г. она была освящена архиепископом Нилом. В церкви иконостас сплошной столярной работы, окрашенный красной и светло-голубой масляными красками, желтым кроном и белилами. По распоряжению настоятеля Даниила Савилова сюда собрали монастырские иконы XVII–XVIII вв. По обоим сторонам сей церкви были устроены кельи в нижних и верхних этажах по две на каждом [2, л. 6].

К жилым зданиям монастыря принадлежали настоятельские кельи, каменные с деревянным мезонином, построенные в 1841 г., с каменной кухней и с деревянными зданиями для погреба и кладовой. Крыша на кельях выкрашена красной краской на рыбьем жиру, а наружные стены оштукатурены, внутренние же выкрашены разными клеевыми красками. Братские кельи, располагавшиеся в двух отделениях и при них трапезная братская и кладовая, амбар для хлеба, мастерская изба.

Все здания монастыря деревянной постройки разных времен и расположены вдоль северной монастырской ограды. На южной стороне расположены разные службы: скотный двор, хлева для коров, конюшня, каретник при монастырской избе, погреб, баня, кузница. Внутри ограды находились два колодца, один из них в виде часовни. Такой же колодец находился в юго-восточном углу монастыря. Ограда вокруг монастыря каменная, с башнями по углам, которая начинала строиться в 1831 г. С северной стороны ограда с деревянной башней (1847 г.) — остатком деревянного зодчества от прежней деревянной ограды монастырской. За оградой монастыря, напротив самых святых ворот, была выстроена деревянная гостиница. С улицы она была огорожена дощатым забором. При ней находился монастырский огород, другой огород находился на берегу р. Пьяной за северной монастырской оградой. [2, л. 6 об].

Поскольку Троицко-Селенгинский монастырь являлся крупнейшим хозяйственным центром в Забайкалье, ему отвели вотчины замки и рыбные угодья.

Монастырю принадлежали: озеро Котокель, находившееся от монастыря на 150 верст, со всеми впадающими в него реками, и по заключенному контракту оно приносило монастырю 500 руб. в год.; мельница, построенная на р. Пьяной «о двух поставах», находилась в 2-х верстах от Троицкого-Селенгинского монастыря, и была отдана в оброчное содержание за 300 руб. (1847 г.); сенные покосы, находящиеся на острове р. Селенги, называемого Конный. На острове находилась 30 десятин сенокосной земли, в хорошие годы давали сена монастырю до 800 копен; расстояние от монастыря вверх по р. Селенге до Конного острова 11 верст.

Однако хлебопахотных земель монастырь не имел. К 40-м гг. XIX в. в ризнице Троицко-Селенгинского монастыря сохранились реликвии ранней его истории. Это старинные напрестольные кресты, а так же один древний Серебряный крест со многими частями Святых мощей и один Потир, так же довольно древнее изделие и несколько Евангелий старинного издания. Из риз замечательна одна, якобы от царицы, супруги царя Федора Алексеевича. Придание гласит, что эта риза была вручена Феодосию, первому игумену Троицко-Селенгинского монастыря при отправке его в Сибирь. В библиотеке находились письма на древнем почерке и библейской книги [2, л. 7].

Из тех людей, которые приезжали в Троицкую обитель, наиболее значительным человеком является Святитель Иннокентий I Новопровославленный Чудотворец Иркутский. Он заезжал в монастырь во время своей поездки к границам Китая. В XIX в. из епархиальных архиереев удостоили своим вниманием и посещением Михаил I Иркутский Епископ, Михаил II архиепископ Иркутский, Иннокентий III Епископ Иркутский и Провославленный Архиепископ Нил, в дальнейшем благополучно управляющий Иркутской паствой. Из знаменитых светских лиц не известно никого, кто бы оставил о себе память в Троицко-Селенгинском монастыре своим посещением.

Троицко-Селенгинский монастырь состоял под управлением архимандрита, который руководствовался общими правилами в своем управлении. Описи церковного и монастырского имущества и других документов находились в надлежащем виде и порядке, находились при монастыре в библиотеке и архиве.

Троицко-Селенгинский монастырь являлся не только крупнейшим хозяйственным, но просветительским центром. Первоначально цель митрополии в Троицко-Селенгинском монастыре была исключительно миссионерская. В разное время, лицами, занимающимися проповеднической деятельностью, предлагались различные проекты по подготовке миссионеров и организации самой миссионерской работы с учетом особенностей жизни местного населения. Однако со временем священники весьма успешно совмещали духовные задачи с хозяйственными.

Всего в дореволюционный период в Забайкалье действовали три миссии. Это: Даурская (1861 г.), противораскольническая (1821–1842 гг.), Забайкальская (1861 г.). Задачи миссии сложились по ходу дела в служении церкви

и государству. Первая — в призвании иноверцев всех вер к православной христианской вере, вторая — устройство быта христиан и соблюдение прочих интересов государства, обусловленные их обычным положением. Миссионерская работа была тесным образом связана с обращением местного населения в православную веру. Прежде всего, предусматривалась просветительская деятельность, которая велась среди коренных сибиряков, а во второй половине XVIII в. — среди старообрядцев, которые были сосланы в Забайкалье в 1755 г. Исследователь О. Е. Наумова определила четыре направления в просветительской работе православной церкви, это: создание и укрепление системы непосредственно духовного образования епархии (открытие духовных школ, семинарий); создание церковных школ для просвещения местного населения (миссионерские школы при монастырях и православных миссиях для обучения коренного населения, приобщение их к православной вере); содействие духовенства распространению знаний среди населения (формы распространения: церковные проповеди, заповеди христианской морали, церковные библиотеки, литература религиозного характера), перевод церковной литературы на языки сибирских народов и связанное с ним составление грамматик этих языков [4, л. 56]. Монастырь вел работу по трем направлениям: проповеди; переводческая деятельность; обучение начальной грамоте.

Свято-Троицкая обитель являлась первой обителью за Байкалом и на протяжении всей дореволюционной истории оставалась центром миссионерской работы православной церкви. Его настоятели в XVIII–XIX вв. возглавляли три духовных миссии. Монастырь занимался духовным просвещением, как среди монастырских крестьян, так и среди местного населения и переселенцев.

Троицко-Селенгинский монастырь прекратил свое существование в качестве культового объекта в начале XX в., а все сооружения монастырского комплекса в 1921 г. были переданы детскому дому и стали использоваться в жилых и хозяйственных целях. В 1932–1936 гг. здесь размещался Восточно-Сибирский санаторий юных пионеров, затем до 1938 г. — детская психоклония, в дальнейшем подобное специальное учреждение для взрослых [5, л. 179].

Сегодня Свято-Троицкая обитель возрождается. В монастыре насчитывается 30 человек, из них 5 монахов, 20 трудников, 2 иеродиакон. Повседневная жизнь монахов однообразна. День в монастыре начинается очень рано в 5 часов 30 минут. После утренних процедур братия монастыря с 6 часов утра отправляются на монашеское правило. Молятся с 7.00 до 10.00–11.00. Затем небольшой перерыв, после которого все отправляются трапезничать. Дневной рацион состоит из разных продуктов, все зависит от дня недели. Например, понедельник, среда, пятница — это постные дни. В эти дни монахам не позволяют употреблять пищу «коровную еду» — мясомолочные продукты. В среду и четверг в трапезной разрешены «запрещенные» продукты. После обеда наступает келейное время, оно длится примерно до 14.00. В этом промежутке каждый из братии занимается, чем хочет. Кто-то чинит одежду, кто-то читает духовную литературу. В 14.00 послушники отправляются на работу. Работы в монастыре много, монахи и послушники колют дрова, ухаживают за животными, строят здания и сооружения и т. п. Работают монахи до 18.00. Небольшой перерыв; затем полдник, после которого ровно через час все следуют на вечернюю службу в церковь. Затем ужин и после небольшого отдыха подготовка к вечернему монашескому правилу. Вечерняя служба начинается в 20.00 и заканчивается в 21.00.

При монастыре действует Воскресная школа для взрослых и детей, находящиеся в разных населенных пунктах. Три школы для взрослых находятся в селах Таловка, Татаурово, Мостовка; две детских школы в селах Татаурово и Ильинка. В Воскресных школах изучают азы православия, которые преподают монахи монастыря, с благословения наместника обители о. Алексея. Также на территории монастыря действует библиотека. Монастырь активно ведет хозяйственную деятельность, есть скотный двор, огород. Монахи сами делают творог, сметану, сливки и др. продукты, которые сами употребляют в пищу. В монастыре имеется своя прачечная, столярная мастерская, где братия изготавливают оконные рамы, дверные блоки и др.; слесарная мастерская. Кроме того в Троицко-Селенгинском монастыре постоянно бывают поломники, которые живут в специально построенной гостинице. Праздники здесь отмечается, но только церковные.

Троицко-Селенгинскую обитель в своей отечественной заботе держит Владыка Савватий, он помогает решить многие вопросы. У монастыря, как и у других мирских организациях, есть свои проблемы, связанные, прежде всего с финансовыми вопросами. Первоочередной задачей является реставрация двух храмов — Никольского и Михайло-Архангельского. Основным финансовым источником для полномасштабного воссоздания этой обители должна стать спонсорская помощь и государственная поддержка.

Русские монастыри на протяжении веков были центрами просвещения и воспитания. Возвращение православных обителей и включение их в активную жизнь страны позволило приостановить процесс активного разрушения православных монастырей, которому они почти все подверглись. Сейчас многие монастыри возрождаются, православные обители являются памятниками истории и культуры, выявление, изучение и охрана которых — это составная часть общенациональной идеи возрождения историко-культурного наследия, как в России, так и в Бурятии.

Хотелось бы отметить, что отношение к памятникам истории и культуры в разное время было неоднозначным. Так в годы советской власти многие объекты историко-культурного наследия были разрушены. Сегодня общество осознало необходимость сохранения православного наследия, об этом свидетельствует современный процесс восстановления памятников истории и культуры.

Библиографический список

1. Бураева О. В. Роль православных монастырей в хозяйственном освоении Забайкалья // Русская православная церковь в Сибири: история и современность. Материалы конгресса, посвященные 350-летию основания с. Посольское и Посольского Спасо-Преображенскому монастырю. 2003. Улан-Удэ: Изд. Бур. Научный центр СО РАН. 24–26 января. С. 32–34.
2. НАРБ (Национальный архив республики Бурятия) Ф 262 «Троицко-Селенгинский монастырь». Оп 1. Д. 255.
3. Санникова М. И. Перевод монгольских книг православными миссионерами в Забайкалье (1 половина XIX) // Четвертые Макушинские чтения. Новосибирск, 1997. С. 84–88.
4. Наумова О. Е. Иркутская Епархия XVIII – первая половина XIX в. Иркутск, 1996. 205 с.
5. Запекина Л. И. Троицко-Селенгинский монастырь как объект культурного наследия // Ефремовские чтения-I. Материалы региональной научно-практической конференции. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2004. 184 с.

Е. А. Ковешникова

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ КУЛЬТУРНО-ПОЗНАВАТЕЛЬНОГО ТУРИЗМА В КУЗБАССЕ

Развитие культурного туризма является одним из приоритетных направлений развития экономики в современном мире. В XXI веке культурный туризм способствует коммуникативным процессам, интеграции в региональное социокультурное пространство и мировое сообщество, интеллектуальному и нравственному совершенствованию личности, утверждению принципов толерантности, правильному пониманию и принятию многообразия культур. [1]. В рамках межкультурных проектов ЮНЕСКО и Всемирной Туристской организации реализуются проекты, направленные на укрепление миролюбивой политики и утверждение общечеловеческих ценностей.

Культурный, интеллектуальный или познавательный туризм в наибольшей степени соответствует основным направлениям деятельности этих авторитетных международных организаций. В научных исследованиях термин «культурно-познавательный» или «познавательный» туризм все чаще стал заменяться термином «культурный» туризм [3]. Основой познавательного туризма является историко-культурный потенциал страны, региона. Идентичность путей исторической эволюции сферы культуры и туризма, предопределила общность новых методов подхода к их дальнейшему развитию, который базируется на использовании потенциала культурного наследия этнокультур стран и локальных территорий.

Данный вид туризма не всегда и не везде может быть массовым. Объекты культурного наследия имеют, зачастую, ограниченные возможности в доступе туристских потоков. С целью регулирования туристских потоков специалисты регулярно проводят мониторинги по спросу и предложениям на туристические маршруты к объектам национального культурного наследия.

В практику постепенно входят различные виды культурно-познавательного туризма. Например: исторический, событийный, археологический, этнографический, этнический, религиозный, антропологический, экологический и другие разновидности туризма.

В ряде стран культурный туризм — это огромный сектор экономики, который решает проблемы разного уровня: от занятости местного населения до поддержки реставрационных и восстановительных работ на памятниках и других объектах историко-культурного наследия. Культурный туризм способствует развитию уникальных предприятий — ремесленных мастерских и возрождению художественных народных промыслов. В мире наметилась тенденция поглощения культурным туризмом всех других видов туризма. Поэтому один из наиболее реальных путей развития индустрии туризма — увеличивать не интенсивность туристического потока, а повышать качество туристических услуг, развивать инфраструктуру, совершенствовать методику в познавательных целях. Именно в этом направлении следует прикладывать наибольшие усилия и расширять границы межкультурного диалога на основе модели музейно-туристической коммуникации [4]. Культурная глобализация привела к необходимости поиска новых путей решения вопросов сохранения национальной самобытности, национальной культуры, в том числе проблем сохранения и нематериального культурного наследия.

В России колоссальный природный и историко-культурный потенциал используется только на 20–30% [5]. Несмотря на рост музейной сети, который наметился с конца 90-х гг. XX в., основная масса населения все же, оказалась не заинтересована в развитии такого вида туризма как культурный. Как оказалось, эта проблема уходит корнями в недалекое прошлое, и связана с началом развития туризма в Кемеровской области. Развитие туризма в Кемеровской области тормозило отсутствие подготовленных к показу историко-культурных памятников.

Но сегодня имеется возможность на богатой ресурсной базе сформировать качественный туристский продукт, основанный на сочетании различных видов туризма, что позволит повысить финансовую эффективность работы отрасли и смежных с ней отраслей [6].

Кемеровская область богата памятниками исторического прошлого. Ученые открыли на территории области около 700 памятников археологии, свыше 300 истории, более 160 архитектуры и монументального искусства, свыше 400 других, общее количество памятников составляет свыше 1600 различного значения.

Неуклонно растет количество музеев в регионе (краеведческие, изобразительных искусств, ведомственные, музеи-заповедники и др.).

По количеству музеев Кузбасс входит в первую десятку регионов Российской Федерации, где их более 70. Таким образом, в Кемеровской области сосредоточено большое количество музеев, в их число, входят крупные музеи заповедники. Самый уникальный — это музей-заповедник под открытым небом «Томская Писаница», расположенный в д. Писаная (Яшкинского района). Он внесен в перечень особо охраняемых историко-культурных объектов ЮНЕСКО. Это место проведения народных праздников и семейного отдыха, научных семинаров и конференций международного уровня. Музей под открытым небом в городе Мариинске — это уникальные ансамблевые постройки на улицах: каменные и деревянные здания, конца XIX – нач. XX вв. в стиле «Сибирского барокко» с элементами модерна. Декоративная резьба, выполненная местными мастерами, является уникальной, возрождение и сохранение народных промыслов, коммуникативный подход в сохранение этой технологии станет основой для культурного туризма. Здесь проложены туристические маршруты по этническим зонам и памятникам историко-культурного наследия.

В Кузбассе, в настоящее время, реализуются два крупных инвестиционных проекта: туристический комплекс «Шерегеш» в Горной Шории и туристического комплекса «Танай» в Промышленновском районе. Как отмечают специалисты, придание проекту комплекса «Шерегеш» статуса особой экономической зоны открывает дополнительные возможности по привлечению инвестиций, а также развитию партнерских отношений и взаимовыгодному межрегиональному сотрудничеству. Неслучайно Сибирской Швейцарией называют Горную Шорию за ее природные богатства и красоту. Здесь активно развивается спортивный (горнолыжный, пешеходный, водный, конный) и культурный туризм. Большим преимуществом проекта является то, что с начала строительства Горная Шория — это действующий спортивно-туристский горнолыжный комплекс известный не только в Сибири, России, но и за рубежом. Зона отдыха на юге региона способна принимать более 100 тысяч человек в год. В перспективе предполагается дальнейшее освоение Таштагольского района в направлении культурного туризма. Там будет развиваться гостиничный комплекс, будут строиться не только спортивные сооружения: горнолыжные трассы, подъемники, стадионы, но и культурные центры. А, следовательно, это даст возможность развивать культурно-познавательный туризм. Говоря о развитии туризма в России, необходимо учитывать в первую очередь, что современный турист — как зарубежный, так и российский — в придачу к экзотике, ожидает найти в местах отдыха и хорошую современную инфраструктуру, достойный уровень сервиса, квалифицированный туристический персонал. Здесь красивый ландшафт и природа, горы и пещеры. Обладая уникальными ресурсами рекреационного потенциала, Горная Шория способна стать районом туризма и отдыха Всероссийского и Мирового уровня [7].

В перспективных планах администрации области множество других актуальных и оригинальных проектов создания экскурсионно-туристических маршрутов и превращения Кузбасса в туристическую зону. Ведь кузнецкая земля богата не только углем, но и уникальной флорой (до 40 видов растений можно встретить только здесь, они занесены в Красную книгу), и фауной, полезными ископаемыми, памятниками истории и культуры. И все это природное и культурное достояние необходимо планомерно осваивать, вкладывать средства и силы в развитие культурного и других видов туризма в крае, презентуя мировому сообществу красоту и историческое наследие одного из самых уникальных регионов России [2, 7].

До недавних пор, одним из слабых звеньев Кузбасса в цепочке «инфраструктура – туристы – прибыль» были дороги, но сегодня ситуация стремительно меняется. Строительство автомобильной дороги Горно-Алтайск – Турочак – Таштагол, дает более мобильную транспортную связь и возможность открытия новых туристических маршрутов, связывающих Кемерово с Республикой Алтай, Республикой Тыва, Монголией и Китаем.

«Танай» — один из немногих в Кузбассе туристических комплексов с первого же дня начал работать на въездной туризм, привлекая в регион дополнительные денежные ресурсы.

Предпринимаются, по сути, первые шаги для развития инфраструктуры.

В перспективе разработка новых экскурсионно-туристических маршрутов и туристических зон по всей территории Кузбасса, основой которых станет культурно-познавательный туризм. И это только начало.

Библиографический список

1. Декларация терпимости ЮНЕСКО, 1995 г. М., 1996. С. 9–10.
2. Кабушкин Н. И. Менеджмент туризма. М., 2004. С. 17.
3. Миронова Т. Н. Сохранение культурного и природного наследия. М., 2005. С. 18–24.
4. Ильина Е. Н. Туроперейтинг: организация деятельности. М., 2000. 220 с.
5. Горяева О. А. Развитие внутреннего туризма в Кемеровской области в 1940–1980-е гг. // Вестник Куз ГТУ. 2006. № 6.
6. Туризм в Кузбассе / Земля Кузнецкая. Кемерово, 2006.
7. Музееведение и историко-культурное наследие: Сб. статей. Вып. 1. Кемерово, 2006. 225 с.

ФУНКЦИИ МУЗЕЯ В ОСНОВЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ МУЗЕЯ И ОБЩЕСТВА

Глобальные перемены, происходящие во всех областях общественной жизни России в последние десятилетия, оказали значительное влияние на развитие сферы культуры. Процессы трансформации мировоззрения, переоценки ценностей и поиска новых ориентиров обострили проблему отношения общества к культурному наследию.

Музей не остался в стороне от происходящих изменений, но сегодня все труднее применять к нему сформировавшийся традиционный консервативный подход, рассматривающий его в изоляции от других областей социокультурной деятельности, и от общественного мнения и поддержки, являющихся необходимым условием сохранения историко-культурного наследия, воспроизводства творческого потенциала и развития культурной жизни региона. Интенсивные процессы интеграции, урбанизации и миграции отрывают многих людей от их «малой родины», от традиционного уклада и культурных, этнических корней. Восстановление культурных традиций и связи с прошлым, наследованием ими культурных традиций предшествующих поколений, передача культурного опыта последующим поколениям немыслимы без активного участия музеев. Музей, — это один из важнейших институтов социокультурной сферы, основанный на принципах сохранения и репрезентации культурных ценностей. Благодаря своей природе, и влиянию коммуникационных представлений, музей сегодня, может быть представлен, как информационно-коммуникативная система, с сосредоточенными в нем уникальными ресурсами, который несет «знаковый» смысл, и является стабилизирующим фактором в жизни общества, выполняя свои исконные обязанности сохранения и актуализации достижений материальной и духовной культуры конкретного региона. Однако, именно это качество музея, и может восприниматься как деструктивным, т. е. рассматриваться в основном, как склад архаичных вещей. Поэтому, неслучайно, сущность бытия музея в обществе, породившая неоднозначные отношения и некоторые проблемы взаимодействия, усиленные динамикой современных преобразований, и вызвала значительный научный интерес к исследуемой проблеме.

Становление новой коммуникативной культурно-образовательной модели в нашем обществе привело к нарушению сложившейся ранее системы взаимодействий музея и общества. Изменение динамики интереса к музеям нашли отражение в государственных статистических материалах мониторинга, они свидетельствуют о трансформации музейной сети региона, и недостаточности финансирования музеев. Эти процессы происходят одновременно с попытками совершенствования музейной практики, в активизации поиска и установления музеями более эффективных контактов с музейной аудиторией, различными социальными группами общества. Сложившаяся ситуация потребовала осмысления проблемы взаимодействия музея и общества с учетом изменяющегося современного социокультурного средового пространства.

Актуальность проблемы отношений и взаимодействий человека со своим социальным и культурным наследием с целью обеспечения эффективности этих контактов обусловила характер исследования, и представление о музее как особой системе, которая сформировалась в соответствии с потребностями социокультурной среды, что является следствием и необходимым условием общественного развития. Взаимодействие музея и общества выстраивается в контексте единого социокультурного пространства на основе многофункциональности музея на различных уровнях, и направленно на обеспечение непрерывности трансляции ценностей.

Вследствие чего весьма актуальным является изучение взаимодействия музея и общества в социо-культурном аспекте. Таким образом, необходимо рассмотреть, целый спектр вопросов. Например, правомерность применения культурологического и системного подходов к изучению проблемы исследования; анализ исторического аспекта взаимоотношений музея и общества. Следует дать психолого-педагогическую характеристику основных групп общества и их отношение к музею, изучить сам музейный коллектив как своеобразную общественную группу; проанализировать специфику и структуру музея в качестве объекта общественного восприятия. Требуется, всестороннее рассмотрение системы функций музея, являющихся основой взаимодействия музея и общества, и типологическая характеристика сфер взаимодействия музея и общества; определение прогрессивных технологий и оптимальных путей культурной коммуникации в музейной деятельности на базе современной модели взаимодействий музея и общества. Анализ практической деятельности отечественных и зарубежных музеев показал недостаточное исследование проблемы взаимоотношений музея и посетителей. Поэтому объектом нашего исследования стал музей, как социокультурное явление, как информационно-коммуникативная система социума, связанная на многих уровнях со своей средой, и конкретным обществом в качестве одной из составляющих социокультурного средового пространства. Необходимо также рассмотреть процессы и взаимоотношения, формирующиеся при взаимодействии человека и общества с музеем.

Решение обозначенных проблем диктует необходимость исследования и анализа различных видов источников:

Это неопубликованные материалы, хранящиеся в архивах департамента по культуре администрации г. Кемерово и музеев области. Такого рода источники носят в основном статистический и делопроизводственный характер.

Результаты социологических опросов (анкетирование), проводимые мониторинги среди музейных работников.

Путеводители, каталоги, справочники, информация в периодических изданиях, отражающие отдельные направления взаимодействия музея и общества.

Значительный массив теоретических и исторических исследований, характеризующие различные аспекты взаимодействия музея и общества, издания методического характера, выпускаемые крупными музеями и научно-исследовательскими учреждениями, законодательные источники и инструктивная документация, характеризующие отношения музея и общества на различных этапах общественного развития.

Основной базой исследования являются музеи Сибири, различных типов, профилей. Сравнительный анализ ряда региональных музеев Кузбасса, на основе системного подхода дал возможность рассмотреть многообразные аспекты предмета исследования и проанализировать общие характерные процессы. Проведен сравнительный анализ научной литературы об опыте работы и современных тенденциях зарубежных музеев Европы, США, Канады, Великобритании, Австралии.

Взаимодействие — это коммуникативная система двусторонних связей, в результате которых изменения с одной стороны неизбежно приводят к некоторым изменениям в другой. Таким образом, проблема взаимодействия музея и общества может быть представлена как проблема культурно-исторических связей двух явлений, решение которой может быть только в диалоге.

Учитывая все многообразие понятий и определений музея, а также специфику их типов и профилей, рассмотрим музей в аспекте его взаимодействий с обществом, как многофункциональное социальное явление. В понимании музея акцентируются те черты, которые придают музеям всего мира сходство и позволяют отличать от других институтов, однако большинство исследователей выявляет специфику отдельного вида современного музея определенного типа, профиля, подчинения и т. п. Музей выступает как информационно-коммуникативная система, выстраивающая отношения индивидуума с его предметным культурным наследием.

Таким образом, необходимо характеризовать различные историко-культурные формы музея в их отношениях с обществом как целостной, саморазвивающейся системой, связанной с человеческой деятельностью в различных ее проявлениях.

Общество представлено в качестве социального компонента социокультурной среды, окружающей систему музея. В основном специалисты обращают внимание только на взаимоотношения музея с некоторой частью музейной аудитории. Более целостный взгляд на проблему может дать рассмотрение всей совокупности отношений.

В подходе к пониманию культуры можно согласиться с утверждением, что культура — это функция общества, способ человеческого существования и деятельности.

Внешняя среда — необходимое пространство и фон, на котором и при непосредственном участии которого развивается функционирование системы, совокупность различных «макро- и микро» условий жизнедеятельности и поведения. Функционирование музея невозможно ограничить социальной либо культурной средой как внешним для данной системы образованием, с которым музей связан сетью коммуникаций. Поэтому необходимо использовать понятие «социокультурное», как по отношению к среде, так и другим понятиям, соотношенным с бытием в этой среде, которое рассматривается как целостность и единение, исходный синтез социального и культурного. Непрерывно оказывая влияния на систему, изменения в социокультурной среде побуждают музей перестраиваться, воспринимать или нейтрализовать эти воздействия, служат постоянным источником развития. Система взаимодействия музея и общества в рамках социокультурной проблематики в целом пока не рассматривалась детально, хотя история этой проблемы уходит корнями в эпоху формирования и развития публичных музеев в России. К этому же времени относятся и первые попытки понимания места и роли музея в жизни общества и в культуре. В работах Н. Ф. Федорова [1] на рубеже XIX–XX веков впервые дается целостное философское осмысление музея и поднимается вопрос о его нравственном и жизненно необходимом значении в существовании общества и культуры. В двадцатые годы XX века к вопросу о предназначении музея обращаются П. А. Флоренский [2] и А. В. Бакушинский [3], по-разному трактуя вопросы существования и функционирования музея в культуре.

После двадцатых годов традиция философского осмысления феномена музея в нашей стране прерывается на длительное время и возобновляется только в последнее десятилетие, например, предприняты попытки целостного осмысления художественного музея и его взаимоотношений с помощью эстетического подхода. В ряде работ, которые проводили культурологический анализ социальных функций музейного института как регулятора определенных отношений, складывающихся в сфере художественной жизни, подчеркивалась роль музея.

В середине семидесятых годов ряд исследователей предприняли попытку представить музей как целостное образование в сфере культуры, выявить общекультурные функции музея и определить его миссию в обществе. Эта точка зрения дала толчок развитию ряда культурологических разработок в области музейного дела. Исследователи М. Б. Гнедовский, В. Ю. Дукельский, Т. П. Калугина, В. Пшеничная, и другие, используя в качестве универсального эвристического принципа теорию коммуникации, рассматривают музей и различные аспекты его деятельности в контексте культурной коммуникации, пытаясь перевести эту теорию на методологический уровень музееведения. В. Ю. Дукельский, в частности, коммуникационный подход направляет в русло «музейного историзма», понимания музея как особой системы накопления, освоения и воспроизведения исторических знаний.

Проблема взаимодействия музея и общества находит отражение и в вопросах, касающихся функций музея, роли музеев в целом, и значения отдельных видов музеев в обществе в процессе их исторического развития. А. Б. Закс, Е. В. Ванслово, Д. А. Равикович, А. М. Разгон. Идут активные дискуссии о социальных функциях музея в восьмидесятых и продолжаются сейчас.

Следует отметить также работы музейно-социологического характера, в основном связанные с практикой работы художественных музеев, и изучения музейного посетителя как «потребителя искусства», основанных на ряде социологических исследований. Недостаток изучения посетителей музеев разных профилей восполнили ряд проведенных расширенных исследований аудитории краеведческих музеев, например, НИИ культуры «Музей и посетитель». Это и комплексное исследование музеев-заповедников, отдельно изучались отношения населения ряда крупных городов к музею. За последние десятилетия подобных крупных социологических исследований не проводилось, хотя аудитория музеев, согласно выборочно проведенному мониторингу, претерпела изменения.

Наиболее изучен большой образовательно-воспитательный потенциал музея, который рассматривался преимущественно в рамках культурно-просветительной деятельности, имея психолого-педагогическую направленность. Практическая сторона проявилась в разработке конкретных методик по образовательно-воспитательной деятельности для музеев различных типов и профилей в работах З. А. Бонами, Е. Г. Ванслово, Е. Н. Крайнер, Л. М. Шляхтина, М. Ю. Юхневич и ряде других. Появились труды, связанные с деятельностью общественных музеев, музеев-заповедников, эко-музеев, музеев разных профилей А. У. Зеленко, М. А. Казарина, И. М. Коссова, А. З. Крейн, В. Г. Лурье и другие, рассматривающие проблему места музея в системе функционирования культурного наследия. Ученые в своих работах уделили внимание и роли музея в формировании территориальных рекреационных систем туризма в условиях новой социально-экономической системе отношений, как фактору культурного и экономического развития региона.

Наиболее известными являются труды Ж. Базена, А. Уиттлин, К. Хадсона, и др. исторически обосновывающие идею «общественного служения» музея. Исторические аспекты формирования музеев и музейной аудитории рассматривают также английские и американские историки в области досуга П. Бейли, Х. Каннингхем, Дж. Олти. На Западе исследования разнообразных аспектов взаимосвязи музея и общества, никогда не прерывались, начиная с работ Дж. Коттона. С этого времени получили широкое распространение исследования посетителей; музей рассматривался в дуалистической системе культуры, массовой и высокой, регулярно пересматривались проблемы управления музеями и музейной политики. Популярна традиция восприятия музея как средства внешкольного образования и воспитания человека на протяжении всей его жизни. Как и в отечественной научной литературе, здесь уделяется серьезное внимание проблемам художественного музея и его аудитории, эстетической роли музея в образовании общества Д. Камерон, Д. Кэрол, Дж. Кулидж, и др.

Одним из оформившихся международных направлений в изучении контактов музея, его влияния на аудиторию, является теория музейной коммуникации, видными представителями которой стали Д. Камерон [4, 5], Д. Портер, Ю. Ромедер, З. Странский [6], и др. Применение теории коммуникации к изучению музейных проблем пересекается с семиотическим подходом в исследовании некоторых сторон деятельности музея. Например, знаковой природы музейной коммуникации, исходящей из знаковой природы предмета, экспозиции как текста, и проблем восприятия и понимания В. Глузинский, З. Странский, Э. Хупер-Гринхилл.

Существуют специфические исследования, посвященные проблемам эффективности деятельности музеев, сочетающие методы социологии и маркетинга при изучении общественного мнения и выработке стратегий работы с различными категориями музейной аудитории Д. Кэрол, Р. Лумис, Ф. Маклин, Раньярд и т. д.

В последние годы появились научные труды, представляющие музей в русле широкого культурологического подхода, рассматривающие его в ряду других общественных институтов в определенном социально-экономическом контексте например, Ч. Банн, М. Саггит, Д. Хор, как средство обеспечения понимания, диалога народов и культур, и даже как необходимое условие реализации гражданина современного общества Т. Беннетт.

Существуют попытки и критического рассмотрения музейного феномена и культурного наследия в целом в контексте постиндустриальной цивилизации.

Немало исследований посвящено государственной и частной поддержке музеев, вопросам финансирования и музейного маркетинга, и др.

Достаточно важным для данной темы является выделение в зарубежном музееведении таких направлений, как музейный профессионализм, музейная профессия как род общественного служения, профессиональная этика по отношению к музейным коллекциям и к посетителям, которым в отечественных исследованиях уделяется недостаточно внимания.

Комплексный характер проблемы взаимоотношений и взаимовлияний музея и общества требует разработки и использования особых методов, которые позволяли бы более полно исследовать проблему. Очерченные в работе проблемы предопределили необходимость сделать акцент на функциональном направлении, нацеливающим на изучение системы музея во взаимодействиях со средой и другими системами. Большое значение имели исследования философов и культурологов Баллера [7], М. М. Бахтина [8], В. С. Библера, И. С. Гуревича, М. С. Кагана, Г. С. Кнабе, Д. С. Лихачева, Э. В. Соколова, А. Тоффлера, А. И. Флиера. В данных работах культура рассматривается, как диалогическое явление, как система взаимодействий.

Значительную роль в изучении музея как важнейшего явления культуры сыграло обращение к теории информации и концепции культурной коммуникации, с включением специфики музейной коммуникации в исследованиях таких ученых: З. А. Бонами [9], М. Б. Гнедовский [10], В. Ю. Дукельский [11; 12], Т. П. Калугина [13; 14], Э. Роджерс, Д. Камерон, З. Странский, Э. Хупер-Гринхилл и др.

При исследовании всего многообразия контактов музея и общества в разнопрофильных музеях, составляющих базу исследования, был проведен сравнительный анализ их практической работы и музейной документации. Определение основных функциональных связей и сфер взаимодействия музея и общества потребовало обращения к методам системного анализа и системного моделирования. Последовательное применение системного подхода в исследовании позволило развить мало разработанные направления теории в отечественном музееведении, и дало возможность отойти от формальных управленческих представлений о музее-учреждении. И помогло по-новому представить музей как открытую систему социума. Общетеоретические музейные концепции в последнее время разрабатывались через эстетическую, институциональную проблематику, теорию информации и коммуникации, но в основном бессистемно. В ходе исследования, нами рассматриваются функции музея, на нескольких уровнях через коммуникацию и системно, так как именно они определяются в качестве основы взаимодействия музея и общества. В результате обосновывается система функций музея, позволяющая более точно отразить связи и отношения музея и социума.

При изучении взаимодействия музея с его средой конкретизируется ситуация формирования отношений вокруг особого феномена культуры, в качестве которого выступает музей как специфический транслятор и генератор социокультурного опыта. На базе этих отношений выстраивается типологическая характеристика основных уровней взаимодействия и основных социальных групп общества, попадающих в ту или иную сферу взаимодействия с музеем.

Уделяя внимание характеристике музейного коллектива как специфической общности, представляющей музей в рамках более широкого социального контекста, на основе анализа функционирования музеев, выявлены основные тенденции развития путей и форм взаимодействия музея и общества. Определены наиболее эффективные формы и методы деятельности музеев, оптимальные пути коммуникации.

Музей — специфическая организация, существующая для сохранения, интерпретации предметов прошлого и представления их каждому последующему поколению общества. Это определение требует, однако, уточнения. Рассматриваемое в свете постмодернистской парадигмы явление в каждом конкретном случае может быть относительным. Что свидетельствует о происходящей сегодня в мире интеграции естественнонаучного и гуманитарного знания, проникновения математической теории в изучение вопросов социокультурной сферы. На сегодняшний день существует различные подходы к интерпретации любого явления на протяжении исторических этапов его развития, постижению действительности: аксиологический, антропоцентрический, деятельностный, дискурсивный, институциональный, информационно-кибернетический, семиотический, системный, структурный, функциональный, эвристический, а также их сочетания.

В русле единой постмодернистской системы, общего, синхронного пространства знания, они находят общие точки соприкосновения и могут быть интегрированы при рассмотрении того или иного явления, создавая некоторую модель действительности, но не равнозначную явлению, и предполагающую одновременно наличие других моделей. Интегрированность и комплексность, являются важными свойствами музея, поскольку ему приходится сочетать в себе разнонаправленные характеристики: прежде всего хранение, и в то же время использование своих ресурсов, которые не относятся к возобновляемым. Так как музеи являются одним из феноменов культуры, то теоретические исследования в области музееведения должны опираться прежде всего на культурологический подход, то есть рассматриваться в контексте культуры. И только потом, к объекту исследования могут быть применены те или иные специфические инструменты иных сложившихся систем познания, либо собственные концепции, обладающие эвристическим потенциалом. Традиционным в отечественном музееведении является подход, предложенный А. М. Разгоном. При изучении конкретных вопросов музейного дела исследователь предлагал использовать методы профильных наук, исторической науки в целом и ее специальных и вспомогательных дисциплин, а при необходимости, применять методы некоторых других общественных и естественных наук. Такой подход плодотворно применялся и применяется до сих пор в отечественном музееведении, используются и положения марксистской эстетики.

В трудах ученых встречаются элементы других подходов, поскольку невозможно увязать все факты окружающей действительности в единую систему, общую для всех. В отечественном музееведении, с середины восьмидесятых годов, методологические установки стали более дифференцированными и начинают перекликаться с взглядами зарубежных музеологов. Анализируя, научный подход к музею в контексте развития духовной культуры в целом, и с учетом социально-экономического развития общества, специалисты все активнее начинают применять элементы различных подходов — статистического, управленческого, информационного, системного. В девяностых годах, в музейном деле все большую роль начинает играть, разрабатываемая на основе теории информации теория культурной, т. е. музейной коммуникации, предложенная ранее Д. Камероном, и развитая, Э. Хупер-Гринхилл, М. Б. Гнедовский, В. Ю. Дукельский, Т. П. Калугина и др. В некоторых исследованиях значительную роль начинает играть семиотический подход, в работах З. А. Бонами, Э. Хупер-Гринхилл, и др. А также, сочетания — аксиологического, институционального, социологического и других подходов — В. Ю. Дукельский, Л. Я. Петрунина; Т. Беннетт, К. Хадсон и др.

Данная ситуация характеризует мировоззренческие поиски современного общества и науки отражает все более прочное и неоднозначное взаимодействие общества с жизнью музея. Одним из наиболее перспективных

подходов, позволяющих рассмотреть явление более целостно и в полноте конкретных форм его существования, функционирования, развития, является системный подход. Этот междисциплинарный, общенаучный подход, который получил широкое распространение с шестидесятых годов. Общесистемное исследование культуры, в единстве и многообразии ее аспектов, было представлено отечественным культурологом М. Каганом в книге «Философия культуры». Музей, как один из феноменов культуры, являющийся сложной открытой системой со специфическими функциями, особой структурой, собственным потенциалом саморазвития, также может быть исследован в русле системного подхода. В целом методология системного подхода требует трехстороннего рассмотрения объекта: функционального, предметного и исторического. В основе системного исследования лежат общие методологические предпосылки, дающие возможность синхронного рассмотрения объекта: принципы динамики развития и историзма, восхождения от абстрактного к конкретному, исследования целого ранее, чем анализа его частей. Отметим, что музей, как системный объект, не может быть рассмотрен только в виде набора элементов, таких как, материально-техническая база, здание, оборудование, фонды и экспозиции, и прочих. А, тем более видов деятельности, например, сбор и хранение, учет, консервация и другие. Взятые по отдельности, они не в состоянии выразить специфику музея, как образования, которое не может сводиться только к совокупности его структуры и составных частей, но способно идентифицировать себя как целое, различать себя и себе подобное в окружающем мире.

Это же явление мы наблюдаем в постоянных сравнениях музея с тематическим парком, театром, библиотекой, хранилищем, магазином и т. п. Музейная атмосфера постоянно сравнивается с атмосферой храма, кабинета ученого, праздника, театра и прочим.

Взаимодействия музея и общества происходят на различных уровнях и зависят от широты понимания и содержания, вкладываемого в эти понятия.

По степени четкости понимания можно выделить две группы: «музеи как таковые» и «учреждения музейного типа» (зоопарки, ботанические сады, тематические парки), которые сегодня все чаще относят к музеям.

Общество — также относительное понятие, оно состоит из разных сообществ: этнических, половозрастных, профессиональных, малых, социокультурных групп и личностей. Выделим следующие пары по степени широты понимания «музейности» и «социальности»: музей и учреждения музейного типа (сфера культурного и природного наследия), личности и общество (этнический и межэтнический уровень). Общество, может определяться как совокупность исторически сложившихся форм совместной деятельности людей, а тем более как в небиологический способ связи людей в их совместной жизни и деятельности, который не представляется без существования взаимосвязей внутри него, синхронных, социальных коммуникаций, поддерживающих его системность и целостность. Однако основным фактором, скрепляющим общество и дающим возможность его развития, является социальная память, во многом заменившая генетические механизмы наследования человеческого опыта. По мнению виднейшего специалиста в области информатизации и социальной коммуникации А.В. Соколова, «ретроспективной» частью социальной памяти являются результаты духовной жизни прошлых поколений — культурное наследие, духовное наследие, овеществленное в виде памятников культуры [15, л. 3]. Культурное, включая и природное, осознаваемое как таковое сквозь призму определенной культуры наследие может быть запечатлено в различных формах.

Музей, не единственная из форм сохранения и актуализации социокультурной памяти. От других форм такого рода памяти музей отличается собранием вещественных доказательств, объектов природы и культуры, способных длительно сохраняться, свидетельств о давнем или совсем недавнем прошлом, которое мы переживаем как современность.

Сложившееся в отечественном музееведении определение музея подчеркивает этот системообразующий фактор: «музей — исторически обусловленный, многофункциональный институт социальной информации, предназначенный для сохранения культурно-исторических и естественнонаучных ценностей, накопления и распространения информации посредством музейных предметов» [16, л. 18], особую специализацию музея.

Новые системные качества появляются у «хранилища», коллекции, организации тогда, когда сам объект «назвал» себя «музеем», причисляя к ряду подобных и дифференцируясь от всего того, что не есть музей. Каждая социокультурная система в рамках более крупной (этнокультурной) системы, какой предстает перед нами локальное общество определенного периода, является, «организованной совокупностью социокультурных функций, специальностей и специализаций, социально-функциональных и профессиональных групп людей, осуществляющих эту деятельность». Помимо различных систем культурного наследия, специализирующихся в сфере нематериальной социальной памяти (язык, традиции, фольклор, технологические умения и др.), существуют и близкие музею по специализации и особенностям выполняемых функций институты, имеющие общие генетические корни. Их взаимное отграничение и самоиндефикация произошли в результате исторического развития, роста, дифференциации и специализации систем, и до сегодняшнего дня их можно обнаружить в синтетическом виде. В отличие от музеев, специализирующихся на артефактах, предметах природы и документах, архивы и библиотеки имеют дело с письменными и печатными источниками, а также документами на других носителях: кино-, фоно-, фото- и другими документами. Близок музею и институт охраны памятников, складывавшийся на протяжении последнего времени почти параллельно с развитием музеев, однако его спецификой являются недвижимые памятники, понимаемые сегодня достаточно широко: от отдельного монумента, посвященного историческому лицу или событию,

до исторического города и заповедника (национального парка), мемориальной зоны, включая и кладбища. Их деятельность бывает практически нераздельной, особенно если территория музея включает в себя памятники или сам музей является памятником. Понимание необходимости охраны природы как естественной среды обитания человека, подвергаемой в современном мире нещадной эксплуатации, привело к включению в сферу общественной памяти понятия «природное наследие». Объектами культурной трансляции становятся водопады и озера, парки и леса, ландшафты и отдельные объекты (деревья, камни и прочее). Музеефикация природных объектов, позволяющая относить их к сфере компетенции музейного дела, гораздо сложнее камерной, музейной, так как памятники остаются связанными с природой, ее непрерывным движением и самовозобновлением, и менее поддаются контролю человека. В некоторых странах, как, например, в США, к учреждениям музейного типа давно причисляют зоопарки, аквариумы-террариумы, океанариумы, ботанические сады.

Совсем недавно к музейным учреждениям в ряде случаев стали относить тематические парки, исторические аттракционы, хотя они обладают иными целями и сферой их деятельности является общественный досуг. В отличие от пункта дефиниции музея ИКОМ о музее как некоммерческом учреждении, они планируют экономическую выгоду. В качестве «обслуживающей» системы социальной памяти музей находится в тесной взаимосвязи с «духовно-производственными» институтами, осуществляющими познание и генерацию смыслов и их первоначальный ввод в социальную память. Социо-культурные институты образования, науки, религии, искусства послужили в качестве источников формирования музейной специфики, передали некоторые свои функции музею, поставили и поставляют профессионалов, осуществляющих музейную деятельность, иногда просто нераздельны с музеями. как, например, Кунсткамера — музей и научно-исследовательский институт антропологии и этнографии РАН; художественные галереи и музеи при Союзах художников; многочисленные музеи при образовательных учреждениях, от музея школы — до вузовского музея мирового уровня, как в случае учебного музея Горного института или Академии художеств в Санкт-Петербурге.

Полноценное понимание феномена музея возможно только в контексте целого — среды, или более крупного системного пространства, где музей выступает одной из подсистем как и адекватное понимание отдельного предмета определенной коллекции невозможно без обращения к данной целостной совокупности.

Музей значительно отличается от социальных институтов, конституирующих собственно общественные отношения, таких как брак, мораль, право и проч. Однако аналитическое расщепление этих двух феноменов — культуры и общества — не всегда служит надежным эвристическим средством. Существует множество точек зрения на взаимосвязи общества и культуры, определяющих эти связи как иерархические: система-элемент, либо одномодульные система-система. Общество и культуру нельзя разделить, так как это два плана «органически единого и генетически одновременно возникающего целого, разложимого лишь средствами логического анализа».

Музей имеет дело со специфическим явлением — «музейным предметом», которое можно отнести к более широкому кругу явлений — «культурному наследию», или, как характеризует последнее профессор А. В. Соколов, — к «ретроспективной части социальной памяти». В музее общество и культура объединяют свои усилия, образуя культурные способы опредмечивания общественных отношений. Музей, и в этом мы присоединяемся к точке зрения М. Кагана, как учреждение является представителем социально организационной культуры, формой объективации человеческой деятельности, связанной с вещью, — природно-материальным и одновременно культурным объектом, являющимся источником социальной памяти, способным длительно сохраняться и передаваться, формой, созданной специально для трансляции социокультурного опыта.

Всесторонние взаимодействия общества и культуры в музее можно назвать социокультурными, и именно эти отношения необходимо акцентировать как системные для музея. Однако музей — это сложная система, действия в которой не протекают по замкнутому циклу, а постоянно изменяются, делая систему развивающейся.

Происходит планомерный рост и реорганизация коллекций, структуры музея, видоизменение его функций, строительство новых помещений под экспозиции, появление новых. Вовлеченных в музейную деятельность людей и т. п. Подобная способность системы объясняется тем, что данный ее тип обладает «свободой выбора» своих действий, которая определяет меру следования сложившейся программе поведения и меру ее изменения под воздействием различных внешних факторов и логики саморазвития, единой для всех систем. При огромном количестве внешних факторов, характеризующих ситуацию выбора того или иного пути развития системы, большую роль играет приспособляемость и пластичность поведения (адаптационные возможности) социального компонента с его ориентацией на устойчивость системы. Музей в процессе системного генеза, переходит из исходного, хаотичного состояния, содержащего в себе неопределенность, в новое состояние с определенной структурой и ограничением степеней неопределенности, в состояние самоорганизующейся системы (исторический аспект) [17].

Критериями самоорганизации системы, являются процессы самоотражения и достижения диалога между элементами системы. Появление различного рода самоописаний и формирование комплекса саморегуляции, управления, самоуправления и др. Данное исследование требует применения особого аспекта системного подхода — системно-коммуникационного, нацеливающего на изучение системы музея во взаимодействии со средой, с другими системами, на анализ той «необходимости», которая налагается внешними факторами.

Позиция радикального функционализма, признает за функцией основу существования любой системы. Функция предстает перед нами как первичное, движущее начало системы, сила ее саморазвития. Путем познания функций могут быть исследованы структуры и компоненты. Если функция, при всей ее вариативности, усилении

или ослаблении, остается определенной константой, определяющей систему, то в неравновесной системе (при определенных исторических или социальных колебаниях), структуры могут дезорганизовываться, заменяться другими, «эквивалентными относительно данной функции». Поэтому для объяснения существования современного музея как определенной исторической системы и его связей со средой достаточно важным предстает вопрос об основах его самоорганизации — о музейных функциях [18].

Рассмотрев базовые теоретические и методологические аспекты исследования, мы пытались логически обосновать применение принципов системного подхода к изучению музея в его взаимодействиях с обществом. Таким образом, Музей представляет собой открытую развивающуюся систему. В музее общество и культура объединяют свои усилия, образуя культурные способы опредмечивания общественных отношений.

Взаимодействия музея и общества могут строиться на различных уровнях, но только как отношения двух, хотя и неравнозначных, систем в рамках единой социо-культурной среды.

Следовательно, системный подход является приемлимым эвристическим средством изучения основной проблемы функционирования музея и его всестороннего взаимоотношения с обществом.

Библиографический список

1. Федоров Н. Ф. Музей, его смысл и назначение. М., 1992. 60 с.; Музейное дело и охрана памятников: Экспресс-информ / ГБЛ. Вып. 3–4.
2. Флоренский П. А. Храмовое действо как синтез искусств // Советский музей. № 4. 1989. С. 65–69.
3. Бакушинский А. В. Исследования и статьи. Избранные искусствоведческие труды. М.: Сов. художник, 1981. 240 с.
4. Камерон Д. Музеи — современному человеку // Курьер ЮНЕСКО. М.: Прогресс, 1970. № 10. С. 22–27, 32.
5. Камерон Д. Ф. Музей: храм или форум // Музейное дело. Музей — культура — общество: Сб. науч. тр. Вып. 21. М., 1992. С. 259–275.
6. Странский З. Музей, искусство и перспектива развития человечества // Музейное дело. Музей — культура — общество: Сб. науч. тр. Вып. 21. М., 1992. С. 247–258.
7. Баллер Э. Л. Социальный прогресс и культурное наследие / Отв. ред. Н. С. Злобин. М.: Наука, 1987. 158 с.
8. Бахтин М. М. К методологии гуманитарных наук // М. М. Бахтин. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. 423 с.
9. Бонами З. А. Основы музейной коммуникации (Из опыта литературных музеев) // Формы и методы научно-просветительной работы музеев. М., 1986. С. 50–52.
10. Гнедовский М. Б. Музейная коммуникация и музейный сценарий // Музей и современность. М., 1986. С. 127–133.
11. Дукельский В. Ю. Музей и культурно-историческая среда // Музееведение. Проблемы культурной коммуникации в музейной деятельности. М., 1989. С. 107–116.
12. Дукельский В. Ю. Формирование основ историзма в музейном деле России, сер. XIX – XX вв.: Дис. ... канд. ист. наук в форме науч. доклада. М., 1994. 29 с.
13. Калугина Т. П. Общественное сознание и художественный музей // Музееведение. Музеи мира. М., 1991. С. 304–326.
14. Калугина Т. П. Истоки культурно-коммуникативной функции экспозиции художественного музея // Музееведение. Проблемы культурной коммуникации в музейной деятельности. М., 1989. С. 68–83.
15. Соколов А. В. Введение в теорию социальной коммуникации. СПб.: СПб ГУП, 1996. 320 с.
16. Музей и зритель: Сб. ст. / Материалы научно-практической конференции художественных музеев РСФСР. Архангельск: б. и., 1990. 81 с.
17. Музей и коммуникация. Концепция развития Самарского областного историко-краеведческого музея им. П. В. Алабина / Авт. коллектив под ред. Н. А. Никишина и В. Н. Сорокина. М.; Самара: СОИКМ, 1998. 140 с.
18. Музей и общество. М., 1991. 24 с.; Музейное дело и охрана памятников: Экспресс-информ. Вып. 3/4.

А. М. Кулемзин

ЧТО ТАКОЕ МУЗЕЙ: ВЗГЛЯД ИЗ СИБИРИ

В современном обсуждении определения музея Гарри Эдсон отмечает, что существующие определения имеют один существенный недостаток — основная суть музея чаще всего представляется через аспекты вторичной значимости. Он утверждает, что детерминация музея должна учитывать фундаментальный характер музея. Бернис Л. Мерфи предложил выработать более простую (не осложненную) детерминацию музея, которая могла бы продемонстрировать высшую степень его интеллектуальной целостности, и подходящую различным группам по всему миру.

Музей, так же, как и любой другой социальный институт подвергается определенному изменению в ходе исторического развития общества. За более 2000 лет истории развития музея, значительно изменилась суть понимания определения музея и его назначения. Но его основная социальная значимость и роль не изменились, остались прежними — сохранить главные ценности и достижения человечества и донести их из прошлого в будущее.

В настоящее время (современная) литература дает много определений понятия музея. Они были оправданы в их время до второй половины 20 столетия, когда отношение к наследию культурной, исторической и окружающей среды человечества значительно изменилось под влиянием интеграционного процесса в мире и в каждой отдельной стране. Наряду с этим, влияние музея на общество, инициированное и уполномоченное Международным Советом Музеев, увеличилось и развилось. Текущая ситуация потребовала универсальное, подходящее для каждого общества понятие «музей».

В последние годы это было повсеместно принято работать с определением, данным в 1974 XI Конференциями ИКОМ. Согласно данной дефиниции музей определен как постоянное, некоммерческое учреждение, социальное по происхождению, которое работает для продвижения человечества и его развития. Музей должен быть общественным и должен быть вовлечен в работу приобретения, сохранения и исследования, популяризации, выставки материальных искусственных экспонатов, которые характеризуют человека и его среду, чтобы служить процессу самопознания и обучения. Нельзя не признать, что данное определение не соответствует современному пониманию сущности музея. Кроме того, является слишком длинным и довольно нелогичным с точки зрения формирования определения. Такая дефиниция больше походит на классическое европейское определение музея Искусств.

Давайте исследуем данную дефиницию, чтобы узнать, удовлетворяет ли она современному пониманию музея, разнообразию его типов и социальных функций.

Может ли какой-либо музей быть назван «учреждением»? — Очевидно, нет, так как есть музеи, которые являются не только социальными учреждениями, но также и предприятиями. Есть частные музеи, которые не являются ни учреждениями, ни предприятиями, но своего рода собственностью их владельцев, хотя без соответствующей юридической регистрации. Однако, они выполняют определенно функции музея, который доказывает, что музей не учреждение, а определенная организационная структура. Музей сам по себе — система. Более точно — музей — социальное учреждение реализации некоторых специфических определенных и переменных функций.

Можно ли назвать какой-либо музей «некоммерческим»? Благодаря современному расширению социальных функций музея, музей часто и часто превращается в форму времяпрепровождения, предлагая множество услуг посетителям, что в свою очередь, приводит к широкому использованию маркетинга в его работе. Музей получает выгодную структуру, которая делает его независимым от государственной поддержки, финансирования государства и государственного управления. Это — положительная тенденция, поскольку она позволяет музею функционировать независимо, влиять на общественное формирование сознания.

Служит ли какой-либо музей обществу? Есть ли доступные для общественности музеи? Заслуживающих абсолютного доверия — нет. В настоящее время есть много частных и корпоративных музеев «закрытого» типа, которые служат не обществу в целом, но некоторым более узким кругам людей. И в Средневековье и в новые времена были замечательные музеи дворца, которые были доступны только для их владельцев и благородных гостей владельцев.

Действительно ли выставка — единственный способ демонстрации свойств музея? Не только музейную экспозицию можно назвать «выставкой». Например, во многих музейных резервах нет выставок. Презентация реализуется там на основе сохраненных памятников или природных явлений (водопады, пещеры, реликтовые леса, скалы, живописные пейзажи). Современные виртуальные музеи осуществляют презентации определенными, не — выставочными методами.

Рассматривает ли какой-либо музей только «материальные экспонаты»? — В последние годы нематериальное культурное наследие часто включалось в культурное наследие и стало объектом выставки.

Служит ли какой-либо музей, обучению людей, удовлетворению их культурных потребностей? — Нет. Есть музеи, основная цель которых — прибыль, капиталовложение в предметах искусства, стоимость которых постоянно растет на аукционах. Есть также музеи, функции которых являются политическими и идеологическими.

В обсуждаемой дефиниции музея не хватает одной основной особенности музея — сохранение культурного наследия человечества и его передача будущим, грядущим поколениям.

Таким образом, принимая во внимание вышеизложенное можно сформулировать следующую дефиницию музея: музей — социальное учреждение созданное для сохранения, презентации и передачи исторического, культурного и естественного (природного) наследия.

Данное определение может быть подкреплено детальным описанием типов музея, их функций, методов работы и музейных экспонатов.

Библиографический список

1. Переоценка определения понятия музей // Информац. бюллетень ИКОМ России № 4/2044. М., 2004. С. 5.
2. Бернис Л. Мерфи. От справки для специалистов к социальной роли // Информационный бюллетень ИКОМ России № 4/2044. М., 2004. С. 5.
3. Кодекс профессиональной этики музейного работника. Международное право и охрана культурного наследия. Афины, 1997. С. 133.

НАУЧНЫЙ СОВЕТ ПО МУЗЕЯМ СО РАН: ОПЫТ МУЗЕЙНОГО МЕНЕДЖМЕНТА

В современный период, характеризующийся процессами глобализации и информатизации, возрастает значение институционализированных форм координации и интеграции деятельности музеев разных уровней, музейного менеджмента. Опыт работы Научного совета по музеям СО РАН показывает эффективность программной организации музейного дела, что соответствует мировому опыту и представляет интерес для дальнейшего развития новационных направлений отечественного музееведения.

На основе результатов успешной реализации Программы развития музейного дела в Сибирском отделении на 2002–2007 гг., а также Программы научно-экспозиционной и образовательной деятельности музеев СО РАН к 50 летию Отделения [1, 2] была разработана Программа развития в Сибирском отделении Российской академии наук хранения и изучения музейных предметов и музейных коллекций, публичного представления музейного фонда Отделения в 2008–2012 гг. (далее Программа) Целями данной программы являются: сохранение научного и культурного наследия России, Сибирского отделения РАН, обеспечение его доступности для граждан, пропаганда нравственных ценностей, традиций патриотизма и гуманизма в обществе; пополнение и введение в научно-информационный оборот музейных предметов и коллекций как объектов историко-культурного и научного наследия государственного значения; внедрение современных методик и технологий хранения и изучения музейных предметов и музейных коллекций, публичного представления музейного фонда Отделения; распространение знаний о научном видении мира, достижениях современной науки среди различных социальных категорий общества; содействие росту международного авторитета СО РАН.

В 2009 г. Научный совет по музеям организовывал и координировал, осуществлял конкурсное финансирование по следующим блокам программы: издательская, научно-образовательная деятельность, интеграция музеев, информационные технологии, создание Музея Сибири.

С учетом итогов паспортизации академических музеев, осуществленной в 2008 г. и давшей значительный материал для анализа и принятия управленческих решений, под эгидой Научного совета по музеям СО РАН и Комитета музеологии Сибири (ИКОФОМСиб) издана коллективная монография «Музеи научных центров и институтов Сибирского отделения Российской академии наук (очерки формирования и развития)» [3]. В ней впервые в отечественной и зарубежной науке представлена история формирования и развития музеев СО РАН как структурных подразделений научных центров и институтов Сибирского отделения Российской академии наук с 1958 по 2008 гг., выявлены основные тенденции в академическом музееведении Сибири, отражена координирующая деятельность Научного совета по музеям СО РАН, интеграция музеев СО РАН в региональное социокультурное пространство и мировое музейное сообщество. Сделаны имеющие научную новизну выводы, о том, что в СО РАН с середины XX до начала XXI века сформировалась и функционирует многопрофильная, территориально распределенная музейная сеть из 38 музеев и музейных объектов, являющаяся одним из наиболее активно и динамично развивающихся сегментов музейной сети РАН. Музеи СО РАН стали своеобразным информационным мостом между фундаментальной наукой и массовой аудиторией в стране и за рубежом. Для дальнейшего плодотворного развития музейного дела в Сибирском отделении при поддержке Президиума СО РАН определяющее значение имеют: формализация коллекций, хранящихся в академических институтах; популяризация музеями достижений фундаментальных исследований; содействие повышению престижа науки в обществе; взаимодействие с региональными социокультурными и образовательными структурами; создание и представление электронных музейных ресурсов; интеграция музейных подразделений институтов в российское и мировое научное пространство посредством их участия в реализации научно-исследовательских грантов, музееведческих исследований, проведении конференций, выставок различных уровней совместно с Музейным советом РАН, Комитетом музеологии Сибири ИКОМ.

В 2009 году принято новое Положение Научного совета по музеям СО РАН, соответствующее современным научно-организационным и социокультурным условиям его функционирования, существенно обновлен состав Совета. 07.04.2009 было проведено заседание Совета, на котором был обсужден ряд вопросов организационного характера: утверждено Положение «О конкурсном распределении средств из фонда Президиума СО РАН «Поддержка музеев» в соответствии с актуальными номинациями; распределены обязанности членов НС по музеям СО РАН, принят План работы НС по музеям на 2009 г. и др.

Научным советом по музеям СО РАН совместно с Комитетом музеологии Сибири, Музеем Бурятского научного центра в сентябре 2009 г. проведена Всероссийская научно-практическая конференция «Интеграция музеев Сибири в региональное социокультурное пространство и мировое музейное сообщество». Заседания прошли в городах Улан-Удэ и Новосибирске. Впервые использовалась форма видео-конференции, организованной по инициативе Выставочного центра СО РАН (директор О. А. Лужецкая, отв. Е. С. Годунова). Сопредседателями видео-конференции являлись председатель Научного совета по музеям, чл.-корр. РАН В. А. Ламин и председатель БНЦ СО РАН, чл.-корр. РАН Б. В. Базаров¹. Всего в конференции приняли участие 55 специалистов академических музейных организаций, музеев вузов и школ из городов Барнаула, Бердска, Москвы, Новосибирска, Томска, Улан-

Удэ, а также поселков Листвянка Иркутской области и Соусканиха Алтайского края, представители администрации Советского района г. Новосибирска. Работа конференции была организована в рамках трех секций: история формирования фондовых собраний академических и вузовских музеев, научно-исследовательская, образовательная, международная деятельность академических музеев, современные музейные технологии: проблемы и перспективы. По результатам конференции издан сборник ее материалов, приняты решения: о выделении в качестве приоритетного направления интеграционной деятельности создание «Музея Сибири»; активизации сотрудничества Научного совета по музеям СО РАН с Музейным советом РАН и Советом по историко-краеведческим музеям Министерства культуры России; формировании совместно с Комитетом музеологии Сибири проекта «Музейный меридиан», способствующего укреплению международных связей сибирских музеев; с учетом опыта работы кафедры музеологии и экскурсионно-туристической деятельности Томского государственного университета начать разработку и апробацию концепции региональных музейных энциклопедий, что позволит провести полный мониторинг состояния музейной сети в регионе [4, 5].

В ноябре 2009 г. на ежегодном симпозиуме Комитета музеологии Сибири «Музеи для общества 21 века» (Тайвань, г. Тайпей), обсуждавшем статус музеев в рамках культурной политики, — общемировые и внутригосударственные стратегии, мультимедийные и цифровые технологии, туризм и культурные изменения в глобальной перспективе, — были представлены доклады о роли международного сотрудничества в сохранении и представлении культурного наследия, результатах и перспективах работы Научного совета по музеям СО РАН (В. А. Ламин, О. Н. Шелегина), в материалах симпозиума также опубликованы статьи о взаимодействии Музея Бурятского научного центра и образовательных учреждений (Буреава С. В.), актуальных формах музейной коммуникации в Музее истории и культуры народов Сибири и Дальнего Востока (Сальникова И. В.), а также опыте решения проблем, связанных с культурным наследием и туризмом в других музеях, вузах, административных организациях Сибирского региона [2, 6, 7].

В сфере внедрения информационных технологий в музейную практику Научным советом совместно с Институтом вычислительной техники, Институтом систем информатики им. А. П. Ершова СО РАН, Мультимедиацентром НГУ ведутся работы по исторической фактографии, «электронному музееведению», развитию и пополнению «Электронного фотоархива СО РАН», решению задач по созданию самостоятельного программного продукта Системы Управления Малым Музеем (СУММ), формированию виртуального пространства музеев Сибири. В апреле 2009 года Новосибирским государственным университетом, Институтом вычислительной техники СО РАН, Институтом истории СО РАН при поддержке Объединенного ученого совета по нанотехнологиям и информатике СО РАН, Научного совета по музеям СО РАН, Комитета музеологии Сибири был проведен научно-методологический семинар «Публикация научно-образовательных музеев и коллекций в сети интернет». Принято решение о создании Портала музеев СО РАН, специалистами Мультимедиацентра НГУ уже запущена пилотная версия системы с правом удаленного доступа для Музея угля Кемеровского НЦ СО РАН. НС по музеям поддерживает информатизацию, инициированную музеями СО РАН, в частности в Музее БНЦ СО РАН установлены программа учета музейных предметов HIDA 4, программа сортировки и упорядочения фотоизображений DubDetector, программа учета произведений печати ИРБИС и т. д. Музей включился в работу по созданию электронного фотоархива Музея БНЦ, пополнение ЭФА СО РАН. 2009 году был переведен на обновленный ресурс интернет-сайт Зоологического музея ИСЭЖ, который был расширен и уточнен. В настоящее время он разрабатывается, но исчерпывающую информацию о фондах музея уже возможно получить по адресам: <http://szmn.eco.nsc.ru/> и <http://szmn.sbras.ru/>.

Благодаря целенаправленному взаимодействию Президиума СО РАН, Научного совета по музеям, руководства академических институтов было достигнуто эффективное функционирование музейной сети СО РАН. По направлению «Создание новых музеев и модернизация музейных объектов» наиболее значимыми являются: новые экспозиционные залы «Средневековье» и «Ранний железный век» Музея истории и культуры народов Сибири и Дальнего Востока, с использованием интерактивных информационных технологий — цифровых альбомов, информационного киоска, интернет-версии экспозиции. Проект выполнен по гранту Фонда «Династия» Дм. Зимина «Научный музей 21 века» («Естественные науки и археологический источник», площадь экспозиции 315 м²). Сотрудники сектора исторического музееведения создают первую постоянную экспозицию музея «Становление и развитие Омского центра археологических и этнографических исследований», посвященной 35-летию ОмГУ и открытию Музея Народов Сибири Омского филиала Института археологии и этнографии СО РАН.

В Музее БНЦ СО РАН выполнен ряд совместных и самостоятельных экспозиционных проектов. Совместно с Музеем истории Бурятии им. М. Н. Хангалова и Краеведческим музеем г. Кяхта выполнен экспозиционный проект «Гунны: Тайны исчезнувшей империи». Музеем БНЦ предоставлен 71 предмет хуннского времени. Проведена реэкспозиция и презентация выставки «Тайна восточной книги». Экспонировались фотовыставка «Дороги странствий: по материалам экспедиционных исследований БНЦ СО РАН», «Пещеры Байкальской Сибири» — выставка объединила палеонтологические, геологические, археологические и этнографические материалы, создана выставка новых поступлений «Этнографическая коллекция Музея БНЦ СО РАН», подготовлена серия выставок к юбилеям ветеранов БНЦ СО РАН, известных ученых в стране и за рубежом.

НС по музеям СО РАН как приоритетное направление рассматривает введение в научный оборот музейных собраний. Материалы из археологических памятников эпохи неолита, бронзы и железного века из собраний Му-

зея БНЦ СО РАН были предоставлены для исследовательской работы сотрудникам Красноярского краеведческого музея, ИАиЭ СО РАН, ИМБТ СО РАН. В Музее Омского филиала ИАЭТ создается тематико-поисковый указатель по Научному архиву Музея археологии и этнографии Омского государственного университета, подготовлена рукопись каталога «Археологические памятники степного и южного лесостепного Прииртышья в коллекциях Музея археологии и этнографии ОмГУ этнографических и археологических собраниях российских музеев». Продолжалось археографическое исследование новых поступлений (постановка на учет и первичное описание) и работа по подготовке к печати 3-го тома «Описания рукописей XVI–XX вв. из Собрания ИИ СО РАН».

Научный совет по музеям СО РАН традиционно поддерживает музеи СО РАН и в части экспедиционной работы и текущего комплектования — одного из основных направлений деятельности музеев. Музеем Института геологии алмазов и благородных металлов в ходе выполнения экспедиционных работ в Центральной Якутии и в бассейне р. Колымы продолжено изучение ряда опорных четвертичных обнажений, собрана коллекция костных остатков животных мамонтовой фауны. Наиболее ценным экспонатом является нижняя челюсть пещерного льва. Пополнились новыми коллекциями все отделы Музея БНЦ СО РАН: археологический, геологический, палеонтологический, биологический. Источники поступления — результаты полевых изысканий научных сотрудников институтов БНЦ и коллекции частных лиц. Сотрудники Музея БНЦ СО РАН провели археографические исследования в Хоринском, Тарбагатайском, Мухоршибирском и Бичурском районах РБ (памятники письменности и фотоматериалы). В отчетном году продолжалась экспедиционная работа Сектора археографии и источниковедения ИИ СО РАН по поиску древних рукописей и старопечатных книг. Проводились археографические полевые исследования на территории Томской, Новосибирской и Кемеровской областей. В 2009 г. Собрание старопечатных книг и рукописей Института истории СО РАН пополнилось 34 ед. хранения. При поддержке Президиума СО РАН и НС по музеям СО РАН ЦСГМ организовал инициативную группу из числа сотрудников Института и волонтеров, которая провела работы по вывозу с Тайметского месторождения в тайге Горной Шории уникального образца самородной меди массой около 700 килограммов. Экспедиция носила характер спасения уникального природного образования. Фондовая коллекция Зоологического музея ИСЭЖ пополнилась двумя слепками скелетов древних ящеров — эстемменозуха (взбирающегося по стволу дерева) и дейнониха.

Научный Совет по музеям СО РАН информирует музеи СО РАН о новых возможностях финансирования, конкурсах и грантах как традиционного типа, так и новой генерации. Музеи СО РАН являются исполнителями не только грантов РГНФ, РФФИ, интеграционных проектов СО РАН, но также фонда «Династия», фонда Д. Потанина и др.

Выполнен значительный объем научно-просветительной и образовательной работы по популяризации истории и современного развития академической науки в Сибири. Важное внимание уделялось созданию и экспонированию выставок разных уровней. Музей БНЦ СО РАН принял участие в международном музейном фестивале «Озерные люди» (Улан-Удэ). Проект-презентация «Звезда кочевника» получил диплом III степени (Бураева С. В., Батурин С. А.); сотрудники Музея принимали участие в конференции-презентации «Инновационные проекты московских музеев» (в рамках Дней Москвы в Бурятии). Активное участие музеи СО РАН принимают в праздновании Дней Российской науки. В Центральном сибирском ботаническом саду СО РАН прошел День открытых дверей. Свыше 500 человек посетило в этот день ЦСБС. Популярностью пользовались оранжереи, с коллекциями тропических и субтропических растений. В Ботаническом музее Сибири ЦСБС демонстрировались новые экспозиции: коллекция лишайников, шишек хвойных растений, лекарственных грибов Сибири, пищевых растений из Китая, интродуцированных в ЦСБС, растительных остатков из захоронения плато Укок. Традиционно насыщена программа Дней российской науки в музее ИГД СО РАН. Школьникам и студентам демонстрируют действующие уникальные стенды, созданные в институте для изучения структуры и свойств горных пород, особенностей взаимодействия технических средств и породных массивов при извлечении полезных ископаемых. ЦСГМ посетило 500 человек среднего и старшего школьного возраста. Президиум ИИ СО РАН и школьная комиссия в рамках Дня российской науки организовали и провели для учащихся и учителей подшефных организаций выезд в Экологический образовательный центр при Байкальском музее ИИ СО РАН в пос. Листвянка. Программа включала в себя лекции для учителей, экскурсии для учащихся и учителей по музею, аквариуму, в батискафе, по дендропарку. Была проведена Олимпиада для учащихся по байкаловедению, которая проходила в два тура. Музей СО РАН организовал встречу учащихся школы № 119 с кандидатом исторических наук, старшим научным сотрудником Института истории СО РАН Н. А. Куперштох, которая занимается исследованиями по истории СО РАН. В музее были организованы также выставки-презентации журнала «Наука из первых рук», научных и научно-популярных изданий Издательства СО РАН, подготовлена презентация «Из истории сибирской науки...» (по фондам Музея СО РАН). Президент России Дмитрий Медведев в ходе рабочей поездки в Иркутск 20 февраля посетил Байкальский музей. Он с энтузиазмом одобрил концепцию развития музея до национального научно-образовательного комплекса СО РАН «Байкальский музей естественной истории». Музей Науки и техники СО РАН за участие в проведении, академических (февраль) и городских (май) «Дней науки» награжден Почетной грамотой главы администрации Советского р-на г. Новосибирска А. А. Гордиенко. Всего музеи Сибирского отделения посетило свыше 200 тыс. человек проведено свыше 1000 экскурсий и лекций. Байкальский музей посетило 5,5 тыс. человек.

Немаловажной составляющей в деятельности НС по музеям СО РАН является его забота об укреплении материально-технической базы музейных объектов. Средства, полученные музеями СО РАН по линии финансирования Президиумом СО РАН, фондовых грантов идут на приобретение новых экспонатов и коллекций, замену изношенного оборудования, создание новых экспозиций и выставок. Омский филиал Института археологии и этнографии СО РАН обновил оборудование для экспозиционного зала Музея и фондохранилища. Геологическим музеем ИГАБМ СО РАН в 2009 году начато формирование объединенного остеологического и литолого-стратиграфического коллектора. Коллектор создается на базе фондовых собраний музея и рассчитан на дальнейшее пополнение за счет новых поступлений, в том числе монографических палеонтологических коллекций. В течение 2009 г в коллектор перемещен остеологический материал мамонтовой фауны (около 6000 экземпляров). Частичное покрытие расходов на создание новой экспозиции осуществлено в Музее угля КемНЦ СО РАН.

В целом, результаты реализации в 2009 г. Научным советом по музеям Программы развития в Сибирском отделении Российской академии наук хранения и изучения музейных предметов и музейных коллекций, публичного представления музейного фонда Отделения в 2008–2012 гг. [8], свидетельствуют об эффективности музейного менеджмента и будут способствовать сохранению культуры и научного наследия в Российской Федерации, Сибирском отделении, повышению их роли в пропаганде достижений фундаментальной науки и гармонизации общества на основе укрепления нравственных и патриотических принципов в общественном сознании, развитии системы культурного и гуманитарного просвещения, международного сотрудничества.

Библиографический список

1. Ламин В. А., Шелегина О. Н. Музеи Сибирского отделения Российской академии наук: формирование и развитие // Актуальные вопросы деятельности академических естественно-научных музеев: Мат-лы Междунар. науч. конф. Новосибирск, 2010. С. 23–31.
2. Lamin V. A., Shelegina O. N. Scientific Council of Museums of Siberian Department of Russian Academy of Science as the Coordinator of Activity // Proceedings of International Symposium «Museums for the Society in the 21 Century». Taipei, 2009. P. 381–389.
3. Музеи научных центров и институтов Сибирского отделения Российской академии наук. Очерки формирования и развития / Отв. ред. В. А. Ламин, О. Н. Труевцева. Новосибирск, 2009. 262 с.
4. Макарова В. Телемост музеев Сибири // Наука в Сибири. 2009. № 37. С. 9.
5. Интеграция музеев Сибири в региональное социокультурное пространство и мировое музейное сообщество. Улан-Удэ: Издательство БНЦ СО РАН, 2009.
6. Salnikova I. V. Museum Exhibition as a Form of Scientific Communication // Proceedings of International Symposium «Museums for the Society in the 21 Century». Taipei, 2009. P. 419–425.
7. Buraeva S. V. The Academic Museum and Education in Buratia Experience of Interaction // Proceedings of International Symposium «Museums for the Society in the 21 Century». Taipei, 2009. P. 315–319.
8. О деятельности Научного совета СО РАН по музеям // Сибирское отделение Российской академии наук в 2009 году. II. Научно-организационная деятельность. Динамика развития отделения. Новосибирск, 2010.

Л. В. Малиновский

ПИОНЕРЫ РОССИЙСКОГО ЧАСОВОГО ДЕЛА

Известно, что российские граждане не отличаются особой аккуратностью и нередко опаздывают. И не только на свидания. В какой-то мере это объясняется отсутствием традиции — русский крестьянин издавна жил и работал по солнышку, «роса долой и мы домой».

В этом наглядно и в сравнении убедился русский писатель и этнограф А. С. Афанасьев-Чужбинский, который в год реформы, 1861, путешествовал по Украине. Увидев уже вспаханные и засеянные поля немецких колонистов и соседние участки украинских хлеборобов, еще пахавших на быках свои размокшие поля, он спросил их, почему они не воспринимают опыт соседей и не переходят на более спорую пахоту на лошадях и с железным плугом. Ответ был таков, о чем наш автор и написал в своих записках о путешествии:

«Дед и отец мой на быках пахали, не нами заведено... У немца свой порядок, у нас — свой. У него часы в доме, он по часам живет» [1, с. 163; 2, с. 45].

Остановимся на этом моменте. Какие такие часы были в доме у немца-колониста, и откуда он их взял? Ведь не мог же он как пушкинский Онегин носить в кармане «недремлющий брегет», который был сделан в Париже и стоил немалых денег петербургскому денди? Своей часовой промышленности в России не было, в лучшем случае отдельные мастера собирали часы из импортных деталей. Так в 1897 г. было привезено в Россию «часового товара» на 3219 тыс. рублей, в том числе из Швейцарии на 2007 тыс. (62 %) [4, с. 302].

В то же время в немецких колониях действительно висели, а кое-где еще и висят, настенные часы своего производства — немецкие ремесленники привезли это ремесло с собой из Шварцвальда, где издавна надомники делали деревянные часы с кукушкой. Такие дешевые часы висели и в доме у Л. Н. Толстого, отнюдь не крестьянина, а русского помещика.

Крестьянские немецкие часы типа больших «ходиков» имеют свою историю и даже в Германии и в Швейцарии давно висят в музеях, а у нас в Сибири — в немецких крестьянских домах. Автору удалось собрать небольшую коллекцию таких часов, которая иллюстрирует процесс их технического развития. Самый старый экземпляр датирован 1807 годом, этим часам исполнилось уже 200 лет. Они отличаются от последующих «ходиков» ремесленного изготовления следующим: а) у них только одна стрелка, соответственно в механизме нет минутного колеса; нет цепочки, вместо нее гиря висит на веревке и в механизме есть соответствующее веревке профильное колесо; в) гиря не выточена на токарном станке, а свернута из латунного листа и залита свинцом; циферблат круглый с рисунком (пейзаж) и с римскими цифрами.

Такие часы были найдены в Исиль-Кульском районе Омской области в 1965 г. и подарены автору бывшим тогда студентом Омского пединститута Яковом Гепнером, прямым потомком Якова Гепнера (Höppner), который в 1787 г. был ходоком при первом переселении меннонитов в Россию. Он встречался с Потемкиным и с Екатериной II в Херсоне, ходоки не застали тогда императрицу в Петербурге и последовали за ней в Херсон [2, с. 19–20; 3]. Молодой Яков назывался, так же как и его предок — в немецких семьях было в обычае называть первенца по имени отца, поэтому наши немецкие деревни кишели Иванами Ивановичами и Петраами Петровичами. Часы эти были, естественно, в запущенном состоянии и потребовали реставрации. При этом обнаружилось, что их ходовые детали были проношены буквально до дыр, которые пришлось запаять мягким оловом, чтобы убедиться в работоспособности механизма. Кроме того, при этом обнаружилось, что винты, утерянные и крепившие циферблат к корпусу, имели нестандартную резьбу, так что реставратору (это был инженер ИЯФ СОАН Юрий Коршунов) пришлось специально вытачивать подходящие к гнездам винты на токарном станке, резьбу невозможно было сделать нашими современными инструментами. Все эти технические детали подтверждают только древнее происхождение этих часов и соответствие обозначенной на циферблате даты подлинному их возрасту.

Кроме того, автору удалось в 1996 г. побывать в часовых музеях в Швенингене (Шварцвальд, германская земля Баден-Вюртемберг) и в Цюрихе (Швейцария) — там выставлены аналогичные часы начала XIX в., но среди них не было часов с одной стрелкой, хотя были и ходившие «от веревки».

Недавно нам удалось получить изданную в Канаде книгу потомка «часовых фабрикантов» Крегера, где он показывает наглядно развитие часового дела в Хортице (немецкая колония на Украине, 18 км от Запорожья), там показаны часы с одной стрелкой, изготовленные в 1837 г. Очевидно, у автора не было более ранних экземпляров или даже воспоминаний о них, сам он затрудняется определить, когда же его предки начали заниматься часовым делом.

Второй экземпляр из нашей коллекции явно относится к более позднему периоду работы немецких ремесленников: это часы с двумя стрелками, гиря выточена на токарном станке, в движение часы приводятся с помощью узкого сыромятного ремешка, с соответствующими изменениями механизма. Мы отнесли бы эти недатированные часы к 1850 г. или около того. В 1972 г., когда мы купили эти часы в с. Орлово нынешнего Немецкого национального района (Алтайский край), нам удалось в соседнем поселке сфотографировать такие же датированные часы 1858 г., но ходившие уже «от цепочки». Крегер же приводит свои образцы с двумя стрелками как изготовленные в 1887 г., переход от одной стрелки к двум произошел явно раньше [5, с. 93, рис. 3].

Показанные на его иллюстрации часы с боем обозначены как фабрикат 1897 г., более точных данных о начале их производства у него нет. В немецких деревнях Сибири висят везде часы с двумя стрелками, но без боя. Кроме того, в книге Крегера имеется изображение и башенных часов с боем той же фирмы, установленных на здании школы в Хортице [5, с. 94].

Возникает вопрос, почему же эти полезные и точные часы, которые могли ходить до 100 лет и более, не нашли сбыта в русской деревне. Причина этого весьма проста — их высокая стоимость. Крегер сам указывает, что часы были недешевы, стоили 50 руб. и это при том, что страховая стоимость лошади в немецких колониях в середине XIX в. была 20 руб. серебром [5, с. 95].

В воспоминаниях одного из ремесленников говорится, что он изготовил двое часов, продав их, купил себе костюм, по-видимому, речь идет о добротном городском костюме.

Чего же стоило изготовление таких часов? Не говоря о материале, мастер работал над такими часами единолично в течение недели, последовательно изготавливая корпус, шестерни, гири и циферблат. Следовательно, за год он мог при непрерывной работе сделать около полусотни часов, но вряд ли мастер мог работать столь интенсивно, тем более что работа эта при ручной нарезке латунных шестерен, при шлифовке и пр. была вредной, при ней образовывалась латунная пыль, которая приводила у работников к легочным заболеваниям (вредные медные окислы, «зелень»).

Понятно, что такие часы были не по карману русскому или украинскому крестьянину того времени, который платил налогов и сборов по 20 руб. в год, а все его хозяйство со скотом и избой стоило примерно 300 руб. Хозяйство же немецкого колониста за вторую половину XIX в. поднялось в своей стоимости от 3 до 25 тыс. руб., прежде всего за счет вздорожания наделной земли, которой у колониста было по норме 60–64 десятины.

Фирма Крегеров существовала, таким образом, примерно с 1800 и до 1925 года, но постепенно приходила в упадок — конкурентов на рынке у нее почти не было, спрос на часы был постоянным, но вот рынок был ограничен пределами немецких колоний. Поэтому в начале XX в. фирма перешла от изготовления часов к изготовлению нефтяных моторов по лицензии германской фирмы Дейц (Deutz), мировая война и разруха погубили эту фирму окончательно. Наш канадский автор пишет, что сам был до эмиграции свидетелем изготовления последних кустарных часов этой фирмы в 1925 г.

Возникает вопрос, почему эта фирма не перешла к промышленному изготовлению тех же ходиков при хотя бы мануфактурном разделении труда? В период расцвета число рабочих фирмы достигало 60 чел., вполне достаточно для первичного разделения труда. Начатки такого разделения были уже налицо: мастера делали механику, а женщины расписывали циферблаты вручную или с помощью декалькомании. Этим, возможно, и объясняется появление на таких часах сюжетов из русской живописи XIX в. По-видимому, узость рынка не позволяла фирме, имевшей уже двухэтажное здание в Хортице перейти на массовое производство. Эта же причина вызвала, возможно, и переход некоторых часовых мастеров к производству сельскохозяйственных машин. Так, в частности, бывший часовщик Петер Лепп уже в 60-е гг. стал в массовом порядке (более 100 шт. в год) выпускать конные молотилки. Интересно, что на его фабрике долгое время токарные станки были с деревянными станинами, а чтобы освоить чугунное литье, ему пришлось позаимствовать опыт у казенных заводов в Луганске, как об этом сообщает в его биографии (1912) известный менонитский историк Д. Эпп.

Проследив, таким образом, на собранном нами материале и по показаниям потомков основателя фирмы историю производства часов в Хортице, мы могли бы здесь поставить точку и сказать, что в 30-е гг. XX века эти крестьянские часы были вытеснены возникшей (кстати, не без участия мастеров из Шварцвальда) часовой промышленностью СССР.

Однако, традиция часового дела продолжает жить в немецких деревнях Сибири. В начале 2008 г. центральное телевидение показало в «Вестях» на первом канале сюжет из с. Неудачино Татарского района Новосибирской области. Там местный умелец Абрам Штеффен изготовил башенные часы, для которых в центре села была построена трехэтажная башня, с этих пор часы своим боем определяют темп жизни села. Журналисты телевидения не удосужились вникнуть в историю часового дела среди наших немцев и вообще не упомянули, что это немецкое (или менонитское) село. Автору статьи приходилось не раз бывать в этом столетнем селе, где была высокая культура быта и земледелия и фамилия тамошнего учителя Штеффена ему хорошо знакома. Кстати, это было очень грамотное село с национальной школой, где деревенские старушки читали не только библию, но и научную литературу, в частности, в одном доме там мы видели книгу 1900 г. с полемикой против Дарвина и Геккеля. Об уровне хозяйства колонистов ясно говорит тот факт, что в 1923 г. при организации сельскохозяйственной выставки в Новосибирске пришлось установку для ее освещения позаимствовать в Неудачине. Такие заимствования происходят и в наши дни: башенные часы в райцентре, г. Татарске, поставил тот же умелец Штеффен из Неудачина. Так что традиции немецких часовщиков, сохраняются несмотря на две мировые войны и на две эмиграции только в XX веке.

Библиографический список

1. Афанасьев-Чужбинский А. С. Поездка в Южную Россию: Соч. Т. 7, СПб., 1882.
2. Малиновский Л. В. Немцы в России и на Алтае. Барнаул, 1995.
3. Крестьянинов В. Ф., Меннониты. М., 1967.
4. Брокгауз и Ефрон. Энциклопедический словарь — справочный одготомник «Россия»: Стереотипное переиздание. Л., 1997. С. 302.
5. Kröker N. J. Erste Mennoniten-Dörfer Russlands. 1789–1943. Vancouver, Canada, 1981. (*Нижненемецкая фамилия Kröger с трудом поддается транслитерации в русском или английском написании, поэтому и у нас сохраняются разночтения при цитировании.*)

О. Э. Мишакова

ЭТНОКУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ, МУЗЕИ И ТУРИЗМ НА ПРИМЕРЕ СТРАТЕГИИ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РЕСПУБЛИКИ БУРЯТИЯ

В настоящее время в мировом сообществе все активнее обсуждается развитие и интеграция музеев, наследия и туризма. В условиях глобализации вопросы актуализации этнокультурного наследия музейными средствами, его презентация и трансляция через туризм своевременны.

Современное развитие общества ведет к тому, что люди утрачивают собственные историко-культурные корни. На данном этапе развития цивилизации именно традиционная духовная культура, в том числе в ее приложении к объектам материального мира выступает как средство национальной самоидентификации и воспитания челове-

ка. Неосязаемая природа нематериального наследия («non-material»), которое должно постоянно воссоздаваться человеческим сообществом для передачи от поколения поколению, минуя институционально-организованные формы, делает его уязвимым к изменениям и угрожает полным исчезновением [1, л. 1]. В этом смысле возрождение и осмысление нематериального наследия чрезвычайно важны, как и то, чтобы сохранение традиционной культуры происходило в естественной среде бытования. Причем согласно материалам Международной Конвенции Генеральной конференции ООН об охране нематериального культурного наследия во внимание принимается только то нематериальное культурное наследие, которое согласуется с существующими международно-правовыми актами по правам человека и требованиями взаимного уважения между сообществами, группами и отдельными лицами [2, л. 124].

Необходимо понимать, что устойчивое развитие цивилизации возможно исключительно в условиях сохранения культурного разнообразия, а наследие, которое связано с этнической культурой является одним из признанных ресурсов данного развития.

К историко-культурному наследию относятся общественно признанные материальные и духовные ценности, сохраняемые обществом для поддержания социальной и этнической идентичности и для передачи последующим поколениям. Это информационный потенциал, запечатленный в явлениях, событиях, материальных объектах, морально-этических нормах, научных, философских и религиозных представлениях, который необходим человечеству для своего развития. В этом значении задачами современных музеев и учреждений музейного типа как «институционального феномена» человечества являются моделирование и реконструкция смыслового пространства, информационного или культурного поля, в котором существовали и продолжают бытовать объекты духовной и материальной культуры. Причем туризм способствует популяризации объектов наследия, в том числе нематериального, а (точнее не овеществленного в предметной форме («intangible»)), укрепляет авторитет определенной территории не только в собственной стране, но и за рубежом, повышает качество жизни населения [3, л. 501]. Но, туризм должен способствовать не только презентации наследия, объекты которого являются сферой интересов экскурсионно-туристского обслуживания, (т. е. используются в качестве ресурса, при этом понятие «ресурс» подразумевает «материальную выгоду»), а также содействовать его сохранению.

Нельзя допускать интенсивное использование подобного ресурса, при котором может произойти излишняя нагрузка на объекты. Утраты ценностей невосполнимы и необратимы. Процессы естественного старения объектов наследия ускоряются неблагоприятными климатическими условиями, стихийными бедствиями, атмосферными загрязнениями, неконтролируемой урбанизацией, движением автотранспорта, неуместным новым строительством в исторической среде, неправильным режимом эксплуатации зданий, вандализмом и другими агрессивными действиями, ошибочной реставрацией, наносящей ущерб подлинности памятника, его аутентичности [4, л. 503].

Основной целью социально-экономического развития Республики Бурятия в соответствующей Стратегии, принятой на период до 2027 г. является обеспечение устойчивого экономического роста, в том числе за счет эколого-технологического развития. Основным смыслом данного развития становится использование географического положения, экологического потенциала и этнокультурного наследия республики.

В рамках Стратегии для эффективности культурной политики и достижения устойчивого развития территории, а также для роста региональной конкурентоспособности упор делается на оптимальное использование культурно-исторических ресурсов Бурятии, создание туристско-рекреационной особой экономической зоны с использованием всей экологической и национально-культурной уникальности республики. За счет этого в немалой степени предполагается выравнивание пространственных дисбалансов и улучшение стандартов качества жизни. Этот приоритет имеет прямое отношение к решению наиболее острых социальных проблем: уменьшения уровня безработицы и бедности, увеличения продолжительности жизни, доступности социальных благ [5].

Республика Бурятия входит в состав Сибирского федерального округа, расположена в южной части Восточной Сибири, восточнее озера Байкал, которое содержит 25% запасов пресной воды всей Земли. Озеро является Участком мирового природного наследия ЮНЕСКО. Республика граничит с Монголией, Республикой Тыва, Иркутской областью и Забайкальским краем. Столицей является город Улан-Удэ. Площадь Бурятии составляет 351 тыс. кв. километров, что сопоставимо с площадью Германии. Численность населения Бурятии составляет 974 тысячи человек.

Бурятия обладает неоспоримыми преимуществами в сфере этнокультурного потенциала и развития туризма. Республика занимает выгодное географическое положение, по ее территории проходят крупные федеральные автодороги и железнодорожные магистрали, такие как «Транссиб» (Транссибирская магистраль), БАМ (Байкало-Амурская магистраль), связывающие запад и восток России.

На территории Бурятии предполагается сформировать восемь туристических зон. Начато строительство на берегу оз. Байкал особой экономической зоны «Байкальская гавань». В ней планируется создать всесезонный курорт мирового уровня с высокоразвитой инфраструктурой, крупнейший на Востоке России горнолыжный курорт, крупный центр SPA-терапии и тибетской медицины. Это место может быть использовано для проведения международных фестивалей и соревнований.

Развитие культурного туризма планируется в зоне «Этнокольцо Бурятии», лечебно-оздоровительного и спортивного комплексов — в Тункинской долине и на курортах Курумкана. В зоне Энхалук будут развиваться семейный и корпоративный отдых, рыбалка, охота, а также активные виды спорта. Зона Южного Байкала станет

горнолыжным курортом, а Баргузинская долина и Северный Байкал — зонами экотуризма и семейного отдыха. Ежегодное количество туристских прибытий в республику составит более 2 млн. туристов в год. Объем платных услуг, оказываемых туристам, может составить более 60 млрд. рублей. В туристском бизнесе будет создано около 50 тыс. новых рабочих мест [6].

Бурятия является центром буддизма России, здесь расположен Иволгинский дацан, где находится нетленное тело Хамбо-Ламы Итигэлова. Вместе с тем в республике действуют 10 национальных культурных центров. Этническое многообразие (здесь проживает более 100 национальностей и этнических групп) отражает тысячелетнюю историю заселения и освоения края. Веротерпимость и мирное сосуществование религий, гармоничное взаимодействие и взаимопроникновение культур, общность традиций, обычаи гостеприимства оказывают благоприятное влияние на развитие туризма. Митрополит Кирилл при посещении Бурятии в сентябре 2004 г. отмечал: «Бурятия — замечательный пример межнациональных отношений не только для России, но и для многих стран мира...» [7].

В настоящее время туризм выступает одной из приоритетных отраслей экономики Республики Бурятия и может рассматриваться как фактор экономического роста не только Бурятии, но и России, поскольку, по прогнозам Всемирной туристской организации, к 2020 г. страна войдет в число 20 крупнейших по въезду туристов стран [8, л. 32].

С каждым годом поток туристов, в том числе иностранных в республику увеличивается. Растет число не только групповых, но и индивидуальных туристов, следующих транзитом через Бурятию в Монголию и Китай, либо на Дальний Восток. Республику посещают туристы из 60 стран мира. Структура туризма по целям поездок свидетельствует о преимущественно рекреационном характере посещений. На долю досуга, рекреации и лечебно-оздоровительного туризма приходится почти половина всех туристских визитов, существенную долю занимают деловой туризм.

В условиях взаимодействия с туризмом этнокультурное наследие становится основой узкоспециализированной экскурсионно-туристской программы, которая возможна практически для каждого музея. Для Бурятии наиболее востребованными и выгодными на рынке туристских услуг могут стать специализированные туры (этно- и историко-культурные, в том числе ностальгические, религиозные, археологические, экологические, научно-технические, а также смешанные, например природно-культурные и др.), что главным образом связано с грандиозными по своим масштабам историческими событиями, которые происходили на территории республики в ее географических границах, как части Забайкалья и повлиявшие на развитие цивилизации всего Евразийского континента. Это связано с формированием культуры плиточных могил (керексуров и оленных камней), а также скифо-сибирской культуры; существованием нефритового пути, по которому изделия из нефрита везли с востока на запад; первым кочевым государством Хунну; легендарным племенем меркитов, бежавших в Забайкалье от воинов Темуджина (Чингисхана); империей монголов и знаменитой страной Баргуджин-Токум, в которую входили многие монголоязычные, тюркоязычные и тунгусоязычные племена; основанием русскими казаками первых острогов; одним из великих торговых путей человечества — «Чайный путь», переселением в середине XVIII в. старообрядцев («семейских»); краем каторги и ссылки в XIX в.; сибирским казачеством; смешением мировых религий (христианства, буддизма и ислама); наличием заповедников, заказников и национальных парков, органичным сочетанием гор, лесов, степей и полупустынь; богатой культурой современных народов, населяющих Бурятию, и наконец, наличием объектов, входящих в список материального и нематериального Всемирного Наследия ЮНЕСКО, (т. е. оз. Байкал, а также культурное пространство и устное творчество семейских).

Особой категорией ресурсов для специализированного туристского обслуживания выступают этнокультурные особенности коренных народов, а применительно к Бурятии в том числе и коренные малочисленные народы Севера — эвенки и сойоты, сохранившие вековые традиции природопользования в тесном общении с природой.

Кроме того, интерес представляют формы живой традиционной культуры, отражающие культурные навыки и традиции обустройства жизненного пространства конкретных людей, проживающих на определенной территории. В данном случае, это семейские («староверы», или «старообрядцы»), которые обрели в Сибири вторую родину. В Бурятии проживает более 18 тысяч семейских, центром компактного проживания является с. Тарбагатай. Это старинное село отличается от других длинными, в несколько километров улицами, дома на которых украшены резными наличниками и карнизами, через высокие ворота невозможно увидеть внутренний двор, а у колодцев высокие «журавли», все это дает представление о своеобразии и самобытности культуры семейских. Глубина их культурного наследия уходит своими корнями в русское средневековье, но возможно и глубже, т.к. в культуре семейских ученые находят представления, берущие свое начало в славянском язычестве. До наших дней они сохранили золотой фонд русской народно-бытовой культуры. Высокую оценку творчества семейских Забайкалья заслуживает песенное мастерство и своеобразная техника исполнения песен. Объединяющий признак семейских песен, это многоголосный склад. Именно принципы многоголосного распева крестьянских протяжных песен, бережно хранимых на протяжении многих веков, придает неповторимый самобытный колорит песенной культуре семейских. Семейские сохранили не только уникальный распев, но и огромное количество текстов русских протяжных, хороводных, шуточных песен, а также песни тюрьмы и каторги. Сохранить своеобразную школу певческого искусства способствовала существовавшая десятки лет в с. Большой Куналей Тарбагатайского района специальная школа по обучению пению мальчиков [9, л.52]. Немаловажную работу по изучению, сбору

и восстановлению лучших образцов фольклора, пропаганде культурного наследия проводит созданный в 1991 г. Тарбагатайский Центр культуры Забайкалья. При Центре создан музей семейской старины, формируются фонды аудио и видеозаписей, изделий декоративно-прикладного искусства, существует художественная мастерская народных ремесел. Для сохранения этнической самобытности и духовно-нравственных идеалов в селе действует старообрядческая церковь.

Таким образом, если говорить о привлекательности специализированных путешествий, связанных с целенаправленным знакомством или изучением всего перечисленного выше, то как правило, во всех этих случаях помимо мемориалов, достопримечательных мест, и особо охраняемых природных территорий, наиболее востребованными и доступными являются объекты этнокультурного наследия, ценности и раритеты, находящиеся в музеях и музейных комплексах, расположенных не только на территории столицы Бурятии г. Улан-Удэ, но и в районах республики.

В районах Бурятии существуют примеры, когда местные предприниматели, органично сочетают свой бизнес с туристско-экскурсионной деятельностью, (например «Ацагат-тур» в Заиграевском районе, предлагающий знакомство с культурой бурятского народа — семья фермеров Ивановых или «В гостях у семейских» в с. Тарбагатай — частный предприниматель Л. Ф. Пластинина) и проявляют частную инициативу по развитию или включению в сферу своих интересов музеев и комплексному показу объектов наследия с использованием анимационных программ. Также наблюдается использование объектов этнокультурного наследия владельцами частных гостевых домов в деревнях и селах на побережье оз. Байкал, в том числе создание частных музеев. Это в свою очередь способствует сохранению уникальной идентичности историко-культурного пространства территории, пробуждает самосознание жителей, чувство самобытности, повышает патриотизм и причастность к истории своей малой родины.

Библиографический список

1. Конвенция от 17 октября 2003 г. «Об охране нематериального культурного наследия» [Электронный ресурс]. Режим доступа: spravka-jurist.com/base/part-mx/tx_rssooy.htm. (Дата обращения 02.09.2010 г.).
2. Каулен М. Е. Музеефикация объектов наследия: от предмета до традиции // Культура российской провинции: век XX — XXI веку: Материалы Всерос. науч.-практ. конф., 23–26 мая 2000 г. г. Калуга. Калуга, 2000. С. 124.
3. Мишакова О. Э. Культурный туризм как составляющая политики и менеджмента наследия в концепции устойчивого развития // Культура как ресурс социально-экономического развития: Материалы Междунар. науч. конф., 1–2 июля 2010 г. г. Улан-Удэ — оз. Байкал : Байкальские встречи — VII / Науч. ред. Н. Б. Дашиева, И. С. Цыремпилова. Улан-Удэ, 2010. С. 500–506.
4. Там же, С. 503.
5. Официальный портал органов государственной власти Республики Бурятия [Электронный ресурс]. Режим доступа : www.egov-buryatia.ru (Дата обращения 02.09.2010 г.).
6. О социально-экономическом развитии Республики Бурятия и работе органов государственной власти в законодательной сфере / Аналитический вестник Совета Федерации ФС РФ № 6 (373) 2009 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа : www.budgetrf.ru (Дата обращения 02.09.2010 г.).
7. Официальный портал органов государственной власти Республики Бурятия [Электронный ресурс]. Режим доступа : www.egov-buryatia.ru (Дата обращения 02.09.2010 г.).
8. Максанова Л. Турист — наш самый желанный гость // Мир Байкала. 2005. № 6. С. 32–33.
9. Трегуб И. С., Трегуб Н. И. Что в сердце нашем отзовется? (К вопросу изучения русской традиционной культуры) // Музей для всех: Сб. тр. общественной творческой лаборатории «Музейная педагогика» кафедры музейного дела / Сост. И. М. Косова. М.: АПРИКТ. С. 52.

Д. А. Миягашев

«ГОРОДИЩА ХУННУ» — ИНТЕРАКТИВНАЯ ПЛОЩАДКА НА ТЕРРИТОРИИ ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО МУЗЕЯ НАРОДОВ ЗАБАЙКАЛЬЯ. К ПРОБЛЕМЕ СОХРАНЕНИЯ ИВОЛГИНСКОГО ГОРДИЩА ХУННУ

Археологический комплекс этнографического музея народов Забайкалья был создан в 1970-е годы под руководством академика А. П. Окладникова. Выдающийся ученый активно следил за продвижением работ, выезжал на места работ и лично утвердил генеральный план работ [1, с. 15]. Одной из задач Археологического комплекса было сохранение историко-культурного наследия Бурятии. Активное освоение целины, строительство — все это крайне негативно отражалось на сохранности археологических памятников и стало одной из предпосылок создания Археологического комплекса. На сегодняшний день ситуация немногим лучше. В условиях глобализации и активного освоения свободных пространств археологическое наследие остается крайне уязвимо и страдает от действий человека. Поэтому сохранение и защита их приобретает большее значение.

Многочисленные памятники археологии свидетельствуют о высокой заселенности территории Бурятии с древних времен. Их разнообразие подтверждает доводы исследователей о том, что древняя Бурятия была включена в разные этно — и культурногенетические процессы Северной Азии. Древнейшие находки, датируемые эпохой палеолита, свидетельствуют о зарождении самобытного искусства каменного века. В эпоху бронзового века эта территория стала местом столкновения традиций запада и востока, а в эпоху железа эти традиции гармонично переплелись, дав начало культуре хунну. Исследования археологов выявили в культуре хунну сочетание восточноазиатских черт и западных [2, с. 57; 3, с. 35]. На территории Бурятии сконцентрированы поселенческие и погребальные памятники как рядового населения хунну, так и знатных людей. Археология хунну насчитывает уже более ста лет, но многие вопросы, связанные с происхождением, как культуры, так и самого народа до сих пор остаются актуальными. В связи с этим интересен Иволгинский археологический комплекс, который состоит из городища, малого городища и могильника. Этот памятник длительное время исследовался археологической экспедицией Санкт-Петербургского университета под руководством А. В. Давыдовой [4; 5]. Исследованиями А. В. Давыдовой были получены новые данные о хозяйстве хунну. Так было выявлено земледелие, свиноводство и собаководство. Кроме того, ценными были сведения о строительных традициях хунну. В жилищах земляночного типа была обнаружена уникальная отопительная система кан, широко распространенная у народов Дальнего Востока [6; 7; 8; 9]. Новые данные имели широкий резонанс в научном обществе.

В 1987–1989 гг. на памятнике проводились работы по музеефикации памятника экспедицией С. С. Миняева [10]. Однако они не были завершены. С 2008 г. по просьбе администрации Иволгинского района на памятнике начала работу Байкальская археологическая экспедиция ИМБТ СО РАН и БГУ под руководством Дашибалова Б. Б. [11]. На момент начала работ памятник был сильно подвержен человеческому воздействию — с северной части подступала свалка мусора, по территории городища в северной части проходит линия ЛЭП. Совместными усилиями Гуннского фонда и Байкальской экспедиции территория городища была очищена от мусора.

Одной из задач Байкальской экспедиции является музеефикация памятника. С этой целью была зачищена и зафиксирована траншея в южной части оборонительных валов и рвов. Определены четкие границы городища [11, с. 8, 9; 12]. С 2010 г. в эту работу включился Этнографический музей народов Забайкалья. Нами подготовлен проект создания интерактивной площадки «Город хунну» на территории музея. Для вовлечения археологического памятника в сферу туризма предполагается создание мини-городища, где будет воссоздан вид городища со всеми особенностями оборонительной линии, повседневная жизнь рядового населения, производственная и хозяйственная деятельность. Исследованиями предыдущих лет были выявлены конструктивные особенности оборонительной линии — валы состоят из утрамбованного суглинка, полученного при рытье рвов, максимальная глубина рвов достигает двух метров, дополнительным укреплением служил деревянный частокол [4, с. 20]. Основным видом жилищ городища были землянки и полуземлянки каркасно-столбового типа, в каждом таком жилом помещении имелся отопительный кан, выложенный из гранитных плит. Из 50 исследованных жилищ лишь два здания были наземного типа — предположительно дом правителя и железорудная мастерская [4, с. 40]. В дополнении к реальным объектам могут быть добавленные интерактивные тренировочные площадки воинов.

Одной из ключевых целей этого проекта является попытка организации детского досуга в условиях приближенных к исторической действительности, знакомство с традиционными формами воспитания и подготовки древних воинов. Исторически воссозданная обстановка будет интересна всем возрастным группам, ориентированная на различные слои населения, как учащейся молодежи, так и профессиональных историков и краеведов.

Реализация этого проекта способствует вовлечению памятника археологии в сферу туризма, его популяризации, сохранению историко-культурного наследия региона, а кроме того, обеспечит доступ населения.

Библиографический список

1. Тивненко А. В. Мемориальная коллекция академика А. П. Окладникова в Этнографическом музее народов Забайкалья. Улан-Удэ, 1984.
2. Дашибалов Б. Б. Истоки: от древних хори-монголов к бурятам. Улан-Удэ, 2003. (На русском языке).
3. Дашибалов Б. Б. На монгол-тюркском пограничье. Улан-Удэ, 2005.
4. Давыдова А. В. Иволгинский археологический комплекс. Часть 1. Городище. СПб., 1995.
5. Давыдова А. В. Иволгинский археологический комплекс. Ч. 2. Могильник. СПб., 1996.
6. Джарылгасинова Р. Ш. Жилище корейцев // Типы традиционного сельского жилища народов Юго-Восточной, Восточной и Средней Азии. М., 1979.
7. Бродянский Д. Л. Кроуновско-хуннские параллели // Древнее Забайкалье и его связи. Новосибирск, 1985. (На русском языке)
8. Артемьева Н. Г. Особенности домостроительства чжурчженей Приморья (XII–XIII столетие). Владивосток, 1998.
9. Миягашев Д. А. К вопросу происхождения отопительной системы «кан» // Мат-лы РАЭСК-43. Иркутск, 2004.
10. Миняев С. С. Отчет о работах на Иволгинском городище в 1987. СПб., 1988.
11. Дашибалов Б. В. Отчет о работах Байкальской экспедиции на Иволгинском городище в 2008. Улан-Удэ, 2009.
12. Миягашев Д. А. Работы на Иволгинском городище в 2008–2009 // Материалах МНСК-XLVIII. Новосибирск, 2010.

МУЗЕЙНАЯ АНИМАЦИЯ КАК РЕСУРС РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОГО МУЗЕЯ

Развитие туризма в нашей стране год от года набирает обороты. Расширяется и дифференцируется рынок туризма и туристских услуг, стремясь удовлетворить любые вкусы и запросы клиентов в соответствии с их образом жизни, возрастом, привычками и доходом. В мире проходит огромное количество интересных, разнообразных и захватывающих событий, который помогает людям познакомиться с культурой и искусством других стран, завязать новые контакты или просто расширить свой кругозор.

Открытие культурного наследия России мировому сообществу и формирования коммуникационной среды для музейных специалистов различных регионов, в свою очередь должно способствовать росту культурного туризма в России. Сегодня культурный туризм один из наиболее доходных сфер мировой экономики. Для культурного туризма инфраструктура является средством, а не объектом туристского интереса. Что же касается выбора между памятниками, архитектурными объектами и музеями, то музеи явно предпочтительнее для туриста. Отличие от памятников архитектуры, музеи способны самостоятельно поставлять значительную часть информации и о себе, и о прилегающем культурном ландшафте.

Внедрение новых технологий в практику, разработки программ и проектов с использованием культурного наследия в сфере культурного туризма будет способствовать всестороннему и гармоничному развитию личности в обществе. Совокупность всех средств, в том числе и анимации, возможность их сочетания открывают широкие возможности решения задач культурной политики, одним из объектов которой является развитие отрасли туризма.

Многие специалисты пытались давать трактовки понятия «анимация». По мнению одного из ведущих специалистов в области социокультурной анимации Тарасова Л.В. «оно наиболее сложное и спорное понятие» [4]. Для современной науки и практики социально-культурной сферы осмысления «анимации» имеет огромное значение. Поиск механизмов формирования социокультурного лидерства у аниматора, формирования культурно-творческих традиций являются основанием для развития анимационной деятельности, которая должна стать влиятельной и благотворной силой для современного общества.

С середины 90-х гг. XX в. в России понятия «социокультурная анимация» прочно вошла в оборот российской науки. Интерес к анимации в России был связан с поиском новых подходов к организации культурно-просветительной работы, существовавшей в СССР и оказавшейся с его распадом идеологически устаревшей. В связи с этим культурно-просветительные учреждения трансформировали свою деятельность в культурно-досуговую на основе платного обслуживания населения. Стала активно развиваться система досуговых услуг, направленных на свободное удовлетворение населением своих потребностей в отдыхе и развлечениях, при этом воспитательная составляющая была практически вытеснена из их работы. Масштабные социально-экономические перемены 90-х гг. провоцировали и процесс формирования новой эффективной системы социального обслуживания населения и социального образования в России. Использование средств культуры и искусств в качестве механизма актуализации духовно-нравственных основ личности, воспитания личности, приобщения к общечеловеческим ценностям стало важнейшей задачей работников в сфере досуга. В этом ключе получают развитие технологии социокультурной реабилитации, все больше и больше завоевывающие сферу социальной работы с населением. Тарасов отмечает, что «социокультурная анимация в этой системе также рассматривается одним из методов оказания помощи населению средствами культуры и искусства» [5, с. 537].

Организацию массовых театрализованных представлений, уличных праздников можно рассматривать как примеры использования анимационных технологий в социальной работе, как одну из форм уличной социальной работы (street work). Уличная работа имеет большое значение в реализации проектов по активизации местных сообществ, когда она ведется не просто с отдельной категорией населения, или в том или ином учреждении, а на уличных площадках открытых для всех, имея при этом большой общественный резонанс. Так, например, Ассоциацией европейских аниматоров в 2003–2007 гг. в лагерях беженцев Боснии и Герцеговины, в Италии и других европейских странах осуществлялись проекты с использованием анимационных технологий. Сегодня, мы видим, что социокультурная анимация может рассматриваться в качестве особого вида работы, направленного на актуализацию духовно-творческого потенциала личности и осуществляемого общественными объединениями аниматоров средствами культуры и искусства с целью самоорганизации населения (детей, молодежи и взрослых). Социокультурная анимация, как утверждают специалисты, значительно смягчила социальные проблемы в российском обществе, сконцентрировавшись на выполнении ряда важнейших функций:

- функцию адаптации, которая имела целью обеспечить социализацию личностей, подготовку их к многочисленным изменениям, которые происходят в обществе, улучшение «социального окружения», предупреждение стрессов и психологических кризисов, переключаящих энергию индивидов с собственных проблем на участие в общественной жизни;

- функцию рекреологическую, заполняющую свободное время интересной и полезной деятельностью, несущей личности отдых и восстановление сил с помощью специальных социокультурных учреждений (к которым

относятся и музеи) и специализированного персонала-аниматоров, берущих на себя заботу о развлечениях, об игровой деятельности индивида;

- функцию воспитательную, при которой анимация выступала как параллельная школа, дополнительная школа, — анимация в ряде случаев способствовала получению начальной подготовки, углублению культурных интересов, балансируя между двумя культурными моделями, одна из которых связана с элитарной культурой, а другая — с народной культурой;

- функцию корректирующую, позволяющую анимации компенсировать в обществе определенные недостатки воспитательного или культурного характера, скрыть социальную неуравновешенность или предупредить возможные конфликты, обеспечивая тем самым регуляцию общественной жизни;

- функцию критическую, в которой анимация ставила перед обществом и государством вопросы, заставляя обратиться к острым проблемам общественно-государственного функционирования, проанализировать недостатки в управлении на разных уровнях.

Определяя развлечение и рекреации — как важнейшие функции анимационной деятельности, исследователи считают, что социокультурная анимация не ограничивается этими функциями, а ставит перед собой воспитательные цели, содействуя этим развитию гражданского общества, его духовному оздоровлению, решению социальных проблем населения и социальному развитию.

Сегодня социокультурная анимация осуществляется по большей части непрофессионалами, хотя в современной российской науке социокультурная анимация получила осмысление, как особый вид профессиональной социально-культурной деятельности (концептуально обозначенной у Н. Н. Ярошенко как «социально-культурная анимация») [6], требующий знания технологий, большого мастерства и таланта. Различные формы культурно-досуговой деятельности помогают установлению доверия с аудиторией как условия для дальнейшей индивидуальной, групповой и общинной работы с населением, в которой аниматоры могут использовать технологии социокультурной, социальной и трудовой реабилитации, психотерапевтические и педагогические технологии.

Социокультурная анимация смогла развиваться только благодаря наличию у населения свободного времени, времени которое не было занято ни профессиональным трудом, ни заботами о домашнем хозяйстве. Следует учитывать, что в социокультурной анимации досуг значительно отличается по целям и психологическим качествам от культурно-развлекательной или рекреативной деятельности, и имеет свою двойственность.

Досуг может способствовать прогрессу культуры, или наоборот, вести ее к регрессу. Он может толкнуть индивида к общественной деятельности или, наоборот, к социальной изоляции. Он может содействовать развитию жизни индивида или напротив, уничтожить его интерес к общественным проблемам. Исследователями определены четыре основные и неотъемлемые свойства досуга — он «освободителен, бескорыстен, гедонистичен, индивидуален» [4, с. 21]. Все это определяет, что досуг в социокультурной анимации, особая психологическая характеристика человеческой деятельности, в процессе которой личность или общность людей обращаются к духовным ценностям бытия. Представленная в виде вовлекающей личностно значимой и самомотивируемой деятельности вроде спорта, активных занятий искусством, творческих коммуникаций, творческого общения и сотрудничества, анимация одновременно становится эффективным средством лечения социальных болезней.

Одной из центральных фигур в социокультурной анимации является социокультурный аниматор. Е. Б. Мамбеков приводит ряд типологий социокультурных аниматоров, которые позволяют увидеть их особенности и функции. Мы же остановимся на типологии, которая на наш взгляд, четко разграничивает сферы анимационной деятельности.

- Культурных аниматоров, которые ставят для себя целью обеспечение контакта между произведением культуры, искусства и аудиторией. Это — распространители «культурных продуктов».

- Социальных аниматоров, близких по содержанию деятельности к работникам социальных служб, которые заняты в социальных центрах, клубах, центрах реадaptации. Аниматоры осуществляют здесь функции профилактики, перевоспитания в группах с различной направленностью интересов.

- Социо-воспитательных или социокультурных аниматоров. В эту категорию относятся аниматоры домов молодежи и домов культуры, музеев, библиотек, спортивных аниматоров, аниматоров муниципальных служб Комитета по делам молодежи, спорта и досуга, аниматоров культурных центров.

Роль аниматора любого типа — в создании условий, способности действительно придать личности огромную энергию и привести к социальному успеху, а всю основную работу по самоактуализации должен проделать сам человек.

Подводя итоги, можно выделить что, определение сущности социокультурной анимации, помогает определить, какую роль она может сыграть в работе любого культурного учреждения, в том числе и музея с аудиторией. В этом процессе аниматор не только развивается сам, но и стимулирует общение. Ведь оно позволяет его участникам представлять друг перед другом во всей своей сложности и в процессе общения задумываться о важнейших вопросах жизни, выражать тончайшие переживания и мысли, содействовать самореализации личности, предоставляя возможности индивиду выбрать интересующую деятельность и наиболее полно проявить себя в ней.

Современный российский музей в условиях изменений в образовательной и культурно — просветительской политике становится открытым обществом и берет на себя новую роль культурного центра и становится инстру-

ментом социальной адаптации. Это очень важно сегодня, ведь музей существует ради посетителя, только с его помощью он может выполнять свои задачи, и от того, как он строит свои отношения с ним, зависит его жизнеспособность. Анимационные программы — это новая форма работы в музее, но уже завоевавшая внимание посетителей. Подобные проекты позволяют вовлечь посетителей в активное действие, сделать посещение музея более интересным и увлекательным.

В современных российских условиях есть глубокая потребность в организации качественно нового досуга, т. к. прежние формы досуга вычеркнуты из жизни, а новыми они не заменены. Неслучайно поэтому повсеместное возникновение неформальных объединений и различных увеселительных заведений с сомнительной репутацией. Развитие массовых форм общения и обменов, туризма с использованием анимационных технологий могло бы существенно помочь в решении данной проблемы.

В настоящее время во всем мире активно развивается совершенно новое направление — анимация, как своеобразная услуга, преследующая цель повышения качества обслуживания клиентов в индустрии развлечений к которой относятся предприятия, чья основная деятельность связана с удовлетворением потребностей человека в развлечениях.

Появление понятий «анимация», «социально-культурная анимация», «социокультурная анимация», «турианимация», «гостиничная», «рекреационная анимация», «музейная анимация» связано с многообразием форм и программ досуговой анимационной деятельности, реализуемые с рекреационными целями, могут проводиться как туристскими предприятиями — для туристов и гостей, так и досуговыми, культурно-просветительными учреждениями — для местных жителей. Это разнообразие сказывается не только на развитие туристической индустрии, но и на организации досуга людей в современной жизни.

Стремительно развивающийся сегмент туристской индустрии предъявляет новые требования к организаторам культурно-досуговых мероприятий, в условиях функционирования предприятий туризма и гостеприимства. Именно они призваны продавать эти услуги в структуре туристского продукта, создавая предпосылки инновационного подхода к проектированию развлекательных программ на основе рекреационной функции не только самих предприятий, но и всех технологий, включая анимацию, как инновационный технологический процесс сложной организационно-технической системы, каковой является туризм.

Интересные и увлекательные программы, учитывающие возрастные и психологические особенности, традиции и многие другие факторы, позволят сделать туризм в нашей стране действительно массовым и вовлечь все социальные слои населения. Для внедрения программного туризма в современной литературе обоснованы условия, вот некоторые из них:

- перестройку мышления руководителей культурно-просветительных, досуговых, туристских предприятий (объединений) и организаций;
- отраслевой заказ на внедрение программ обслуживания туристским предприятиям (объединениям).
- подготовку специалистов-аниматоров (инструкторов-методистов) по разработке сценариев анимационных программ, их готовность к режиссуре;
- переподготовку аниматоров (старших и просто инструкторов-методистов), работников отделов приема и бюро путешествий и экскурсий, отделов туристских и транспортных путешествий.
- разработка типовых сценариев и циклов рекреационных занятий;
- активное вовлечение различных групп и слоев населения в создание туристской инфраструктуры;
- создание туристского банка типовых сценариев и циклов рекреационных занятий для составления программ туристского отдыха и обменов на местах с учетом региональных особенностей, а также типовых планов обслуживания туров и типовых планов организационно-технических мероприятий для реализации туров.

В стране существует острая необходимость системного просвещения и оздоровления населения по всем видам и способам организации досуга с учетом особенностей и потребностей людей различных социальных и этнических групп.

В 2000-е г. понятия «анимация», «анимационная программа», «анимационный менеджмент», определение роли туристской анимации в туризме, роли аниматора в туристской деятельности, как наиболее актуальные в современной ситуации представлены в трудах Приезжевой Е. М., Гаранина Н. И., Курило Л. В.

Социально-культурная анимация все прочнее занимает свою нишу в жизни общества. Как подчеркивает Е. М. Приезжева [3] социально-культурная анимация в различных (туристской, музейной, гостиничной) сферах носит многосторонний характер, соответствующий разнообразию потребностей, интересов и запросов. Анимация может быть представлена потребителю в разных формах и видах — анимационными мероприятиями, анимационными театрализованными действиями, анимационными экспозициями, анимацией в тематических парках, спортивной анимацией, гостиничной анимацией и представлять особый вид деятельности, требующей подготовки высококвалифицированных специалистов-аниматоров.

Как отмечает Зуев С. Э. в своей работе «Новые социальные технологии в сфере культуры: (культурологические основания профессиональной деятельности современного менеджера)» [2], что сегодня «не вызывает сомнений быстрая трансформация музея — по давно устоявшейся традиции места элитарного коллекционирования и исследования — в центр формирования досуга и работы со свободным временем самых разных социальных групп».

Социокультурная анимация в современной российской науке «социокультурная анимация» определяется как духовно-социальное явление, как самоорганизующееся общественно-педагогическое движение, направленное на духовное оздоровление общества. Тогда как «социально-культурная анимация» рассматривается как особый вид социально-культурной деятельности общественных групп и отдельных индивидов, основанный на современных технологиях (педагогических, психологических, культурологических, социальных и др., а в российской действительности, как механизм «оживления», «одухотворения» общественных отношений, как эффективный способ возрождения духовно-творческих традиций может быть использована в качестве одного из выходов из социально-культурного кризиса в стране.

Коммуникационный подход и музейно-коммуникационная модель, позволяет разработать конкретные направления, формы, способы обеспечения эффективного взаимодействия музея с аудиторией. Взяв на вооружение в своей работе все аспекты социокультурной анимации, можно быть уверенным что, не разрушая традиционных форм музейного просветительства и учитывая меняющиеся запросы и потребности аудитории, инновационный процесс дополнит их новыми приемами, отвечающими современному уровню музейных технологий и современному этапу востребованности музея социумом.

Этнографический музей народов Забайкалья (Россия, Республика Бурятия, г. Улан-Удэ) — единственный в республике музей под открытым небом паркового типа — относится к так называемым музеям — скансенам, на территории которых перевезены с мест традиционного бытования и восстановлены историко-архитектурные памятники. Музей является одним из действенных социальных институтов сохранения культурного наследия прошлого народов, населяющих данный регион. Нужно отметить, что музей располагает большим потенциалом для создания различных экспозиций и выставок, для проведения различных по сложности и масштабности мероприятий. Настоящее время для музея характеризуется активным поиском путей обновления и демократизации форм работы с посетителями. Появились новые, более доступные для восприятия приемы подачи музейного материала, разрабатываются инновационные программы культурно-образовательной деятельности. В музее стали больше уделять внимание людям с ограниченными возможностями и работе с семейными посетителями. Это подтверждается реализацией ряда проектов «Забайкалье в миниатюре», «Река времени» и др. [1, с. 623].

Осуществление интерактивных проектов, социально анимационных проектов и программ, на наш взгляд, перспективное направление деятельности музея. Апробация проектов показала, что проекты способствовали внедрению, прежде всего массовой формы охвата аудитории (одновременно задействовано до 450 участников проекта). Анимационные технологии это есть большой ресурс для музея в современных условиях, в условиях перехода музеев в статус АУК (автономных учреждений культуры) и изменению представления посетителя о музее и будут способствовать формированию новых отношений музея и музейной аудитории.

Библиографический список

1. Гусейнова Т.Н., Гусейнова А.М.-Р. Реализация музейных программ и проектов на база Этнографического музея народов Забайкалья (г. Улан-Удэ) // Культура как ресурс социально-экономического развития. Материалы международной конференции 1–2 июля 2010 г. Улан-Удэ – оз. Байкал: Байкальские встречи – VII / Науч. ред.: Н.Б. Дашиева, И.С. Цыремпилова. Улан-Удэ: Изд.-полигр. комплекс ФГОУ ВПО ВСГАКИ, 2010. 707 с.
2. Зуев С. Э. Новые социальные технологии в сфере культуры: Культурологические основания профессиональной деятельности современного менеджера // Музей и новые технологии // На пути к музею XXI века / Сост. и науч. ред. Н.А. Никишин. М.: Прогресс-Традиция, 1999. 216 с.
3. Приезжева Е.М. Анимационный менеджмент : учебно-методическое пособие. М.: Советский спорт, 2007.
4. Тарасов Л.В. Социокультурная анимация: истоки, традиции, современность. М.: ЦСА «Одухотворение», 2008. 108 с.
5. Тарасов Л.В. Теория и методика анимационной деятельности в европейской ассоциации аниматоров (ENOF) // Ярошенко Н.Н. Социально-культурная анимация: учебное пособие. М., 2004. С. 537.
6. Ярошенко Н.Н. Социально-культурная анимация. М.: МГУКИ, 2000. 110 с.

Г.М. Патрушева

РАЗВИТИЕ РЕГИОНАЛЬНОЙ СИСТЕМЫ ТУРИСТСКО-ЭКСКУРСИОННОГО ОБСЛУЖИВАНИЯ В ОМСКЕ И ОМСКОЙ ОБЛАСТИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Для развития туристско-экскурсионной деятельности в Омской области первоочередным и в то же время наиболее перспективным, на наш взгляд, является создание программы мероприятий, которая явилась бы катализатором прогресса в сфере внутреннего туризма. Программа мероприятий, предложенная авторами, направлена на решение наиболее острых проблем и составлена с учетом специфики региона. Особенно актуально осуществление программы в преддверии 300-летия города Омска. Как предстанет регион перед жителями и гостями, во многом определит его развитие на перспективу, в том числе и в туристско-экскурсионной сфере.

1. Создание региональной правовой базы развития туризма, т.к. одной из причин неудовлетворительной реализации утвержденных программ в других регионах России была неразработанность механизма правового регулирования [1]. Несмотря на имеющийся потенциал Омской области как туристско-экскурсионного центра, среда правового регулирования этой сферы до сих пор недостаточно развита. Требуется принятие ряда нормативно-правовых актов, направленных на регламентирование всех сторон туристско-экскурсионной деятельности. Нерешенность данного вопроса является одним из препятствий в развитии внутреннего туризма Омской области.

2. Формирование единой системы управления отраслью туризма на региональном уровне. В настоящее время в Омской области функции регионального органа управления туризмом осуществляет Министерство по делам молодежи, физической культуры и спорта Омской области. Функции по развитию детско-юношеского туризма, как дополнительного образования, выполняет областное Министерство образования. Вопросами по охране и использованию памятников истории и культуры, работой музеев занимается собственно Министерство культуры. Функции по обеспечению безопасности туристов, их спасению выполняют совместно туроператоры, турагенты и поисково-спасательная служба Омской области [2]. Такая разобщенность в управлении туризмом в регионе предопределяет необходимость межотраслевой координации в этой сфере деятельности. Перспективным направлением реализации Концепции развития туризма в Омской области было бы создание при Министерстве экономики отдела или управления по туризму и туристским ресурсам. Данное управление или отдел должно осуществлять плановую функцию и целевую координацию.

3. Создание региональной инфраструктуры туризма. Независимо от характера туризма, принимающий регион должен обладать развитой туристской инфраструктурой. При наличии значительного туристско-рекреационного потенциала ситуация в туристской сфере характеризуется неразвитостью туристской инфраструктуры. Один из важнейших показателей туристских возможностей региона — наличие мест размещения. В области насчитывается 32 объекта гостиничного типа разного класса и разного уровня комфортабельности, 20 баз и домов отдыха, 12 санаториев и профилакториев. Самыми крупными гостиницами города Омска являются «Турист», «Молодежная», «Иртыш» [3]. Такого количества недостаточно для создания туристской привлекательности региона. К сожалению, Омская область недостаточно обеспечена транспортом, в частности, комфортабельными экскурсионными автобусами, дорожной сетью, что негативно отражается на туристско-экскурсионной деятельности. Познавательные ресурсы области не сконцентрированы по территории, как правило, располагаются, разобщено (за исключением г. Омска и г. Тары), что повышает значимость транспортного обеспечения.

4. Реклама туристских возможностей региона. Необходимо усилить работу по продвижению рекламной информации о нашем городе в международных информационных сетях: рекламная информация на различных туристических ярмарках, выставках биржах [4]. Следует информировать заинтересованных и потенциальных потребителей о возможностях региона в представлении туристских услуг. Данное направление деятельности предполагает активизацию работы по изданию каталогов объектов экскурсионного показа и туристических маршрутов, использованию PR-технологий, СМИ, Интернета. К примеру, о деревнях Линево и Окунево, которые являются уникальными туристским предложением Омского региона, мало кто знает за пределами региона.

5. Развитие материальной базы туристско-экскурсионной деятельности. То есть обеспечение непрерывного финансирования программы, согласно утвержденной концепции, в соответствии с последовательностью осуществления запланированных мероприятий. Наряду с финансированием из федерального и регионального бюджетов, важным источником являются внебюджетные средства — инвестиционные проекты [5]. Ведь совершенно очевидно, что поток туристов растет вслед за инвестициями [6]. В Омской области должна быть создана единая инвестиционная политика, в которую могли бы войти проекты по реставрации историко-культурных памятников, возобновлению строительства аэропорта в с. Федоровка и много другое. Все это имеет прямое отношение к туризму.

6. Формирование благоприятного туристского имиджа территории. В данной задаче сконцентрированы все вышеперечисленные, она является своего рода результатом реализации предыдущих задач. Перспективной является деятельность, направленная на обеспечение привлекательности Омской области, как для инвесторов, так и для туристов. Главным стратегическим решением при формировании политики развития туризма в регионе является выработка идеи, на основе которой будет создан уникальный образ Омской области. Для начала в Омской области нужно создать несколько точек притяжения для въездного и внутреннего туризма, сочетающих в себе специфическую сибирскую экзотику. Такая методика позволит не распыляться, а добиться максимальной эффективности. При разработке и создании туристских продуктов должна учитываться их совместимость с единым образом региона. Основой программы развития туризма в Омской области могут стать такие проекты как «Омск — центр Транссиба», «Окунево — энергетический центр земли», « Тайна пяти озер», «Малые города Омской области» и другие.

7. Создание новых достопримечательностей культурно-исторической значимости. Правительство Омской области выступило с проектом регенерации Омской крепости, музеефикации старинных зданий: так, историческое здание Западно-Сибирского географического общества на улице Музейной, 3 может стать «Музеем изучения и исследования Сибири, ее природы и экологии», в здании бывшей гауптвахты, возможно разместится «Музей Омской крепости», где будет отражена роль нашего региона в становлении российской государственно-

сти. Особняк Батюшкина на набережной Иртыша должен стать музеем А. В. Колчака. Генерал-губернаторский дворец должен вернуть себе не только исторический облик, но и в своей экспозиции отразить роль губернаторов в истории края.

8. Развитие различных видов туризма. Для привлечения экскурсантов и туристов следует применять разные виды и формы обслуживания [7]. Исходя из типологии основных видов туризма, можно выявить перспективные направления в Омском регионе. Культурно-познавательный туризм — большую роль в этом виде туризма могут сыграть музеи Омска и Омской области, имеющие большое разнообразие экспозиций и, в большинстве своем, положительную динамику посещаемости. Значительную роль играют факторы развития делового, религиозного и образовательного туризма, которые занимают приоритетное направление в социальных и культурных аспектах развития туристско-экскурсионного обслуживания. Омская область обладает предпосылками для развития разных видов туризма, опираясь на природный, экономический, культурный и этнографический потенциал. Омская область представляет широкие возможности для развития от познавательного до экзотического (охота, рыбалка и др.) туризма [8]. Современная ситуация не позволяет в полной мере использовать имеющиеся ресурсы, но перспективы такого использования существуют.

9. Подготовка персонала. Главный вопрос с точки зрения трудовых ресурсов — профессиональная подготовка специалистов в сфере туризма. Определенный сегмент в этом направлении заполнен существующими в Омском регионе учебными заведениями, которые готовят специалистов в области туризма: Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского, Омский государственный институт сервиса, Омский государственный университет путей сообщения, Сибирская государственная академия физической культуры, Лингвистический университет «Иняз. — Омск» [9]. Качество обслуживания в туристских организациях зависит, во многом, от сознательности, квалификации и опыта служащих данной организации [10]. Знания и навыки персонал приобретает не только в процессе практической деятельности, но и при повышении квалификации.

10. Проектирование новых туристско-экскурсионных продуктов. Современная концепция развития туристско-экскурсионных центров основывается на формировании единой системы туристских зон и связанных с ними полноценных туристских маршрутов. Туристская зона — это территория, на которой сосредоточены объекты показа, привлекающие туристов, и другие объекты и услуги. Это именно комплекс, а не простое сосредоточение достопримечательностей в отрыве от необходимой инфраструктуры. В туристской зоне формируется определенное туристское предложение, включающие такие элементы как: осмотр достопримечательностей, посещение музеев, театров, фестивалей, отдых (активный и просто прогулки), посещение сувенирных магазинов, художественных салонов и галерей, а также питание, размещение, транспорт, услуги гида и т. д. Прогрессивным является создание туристских зон тематического характера. На территории, где располагается достопримечательности, объекты туристского или экскурсионного показа (музеи, театры, зрелищные и спортивные объекты), фокусируются и объекты туристского обслуживания. Группирование достопримечательностей в определенных зонах может привлечь больше туристов в каждую из них и способствовать их более продолжительному пребыванию. В этих местах должны быть созданы дополнительные объекты обслуживания, проводиться работа по совершенствованию экскурсионного обслуживания. Финансирование таких объектов должно вестись не только из городского бюджета, но и с привлечением капитала туристско-экскурсионных фирм, предприятий общественного питания, владельцев различных аттракционов и увеселительных учреждений, расположенных в непосредственной близости от этих объектов. Учитывая чрезвычайную важность территории Омской крепости для города Омска как культурного и исторического центра региона, представляется целесообразным придать указанной территории статус особой туристско-экскурсионной зоны [11]. Необходимо провести инвентаризацию объектов культурного наследия на указанной территории с учетом влияния объектов современной застройки, расположенных в непосредственной близости от памятников, на архитектурно-историческую среду. В дальнейшем объекты современной застройки должны быть вписаны в архитектурно — историческую среду доступными средствами (декорирование и расколеровка фасадов, изменение конструкции кровель и др.).

11. Плановые маршруты позволят разнообразить предложения туристско-экскурсионных предприятий и увеличить спрос со стороны туристов. Однако, формирование таких маршрутов требует прогрессивной инфраструктуры и квалифицированного экскурсионного обслуживания.

12. Город Омск обладает потенциалом стать центром культурно-познавательного и событийного туризма. Массовые мероприятия, проводимые в регионе — Международный сибирский марафон, выставка военной техники и вооружений, Дни культуры Казахстана и Тибета, турниры Европы по бальным танцам, соревнования по художественной гимнастике, научные конференции должны стать важным фактором развития туристско-экскурсионного обслуживания. Большую роль играют мероприятия регионального и местного ранга — «Душа России», праздники цветов и плодоводства «Флора», День города и др. В период подготовки к празднованию 300-летия Омска будет проведен ряд масштабных международных и всероссийских мероприятий, которые будут подтверждать и укреплять статус нашего города как крупного культурного центра Сибири [12]. Предполагается проведение Дней культуры Омской области в нескольких зарубежных странах, а в 2016 году — в Москве. Также при содействии ЮНЕСКО предполагается проводить Международный фестиваль этнической музыки «Голос Родины». Первый пройдет в 2010 году, затем Омск будет принимать этот фестиваль с регулярностью

один раз в три года. Планируется осуществить ряд крупных художественных проектов — международный фестиваль современного искусства «Неизвестная Сибирь: миф и реальность», международный выставочный проект «Пароход искусств. Иртыш – Обь». Это будет проводиться впервые и внесет в культурную жизнь Западной Сибири инновационные мотивы. Все это, как мне кажется, будет способствовать формированию Омска не только как культурно-исторической и духовной доминанты России, но и как инвестиционно привлекательного мегаполиса.

13. Планомерное восстановление и реконструкция объектов туристско-экскурсионного показа. Значительное количество памятников истории и культуры требует срочной реставрации либо консервации. Большинство жилых и общественных зданий исторической застройки нуждается в модернизации или реконструкции. Восстановление утраченных объектов — в числе важнейших мероприятий в русле подготовки к 300-летию Омска. По программе сохранения культурно-исторического облика города предполагается воссоздание Омской крепости, открытие памятника Ивану Бухгольцу, комплексная реставрация зданий-памятников на улице Ленина (Торговые ряды) и Речного вокзала, а также ремонт памятника Борцам революции. У зодчих есть интересные идеи и проекты по увековечению памяти таких знаменитых людей, как Н. Рерих, А. Туполев, Г. Потанин, М. Врубель, С. Королев и других, чьи судьбы в разное время и при разных обстоятельствах пересекались с нашим городом. На сегодняшний день установлены памятники Ф. М. Достоевскому и М. А. Врубелю, реконструировано здание для Органного зала, проведена комплексная реставрация музея им. Ф. М. Достоевского. Восстановлен памятник истории, архитектуры и культуры — кафедральный Собор во имя Успения Пресвятой Богородицы.

Таким образом, потенциал развития туристско-экскурсионного обслуживания в Омском регионе значителен. На данной территории расположен ряд привлекательных природных объектов и памятников историко-культурного наследия. Также возможно использование ресурсов этнографического и археологического характера. Причины недостаточно уровня развития внутреннего туризма Омской области, а вместе с ним и его экскурсионной составляющей, следующие: неразвитость региональной нормативно-правовой базы, отсутствие практики создания регионами благоприятных условий для инвестиций в туристско-экскурсионную сферу, невысокое качество обслуживания во всех секторах туристской индустрии из-за низкого уровня подготовки кадров и др. Все эти факторы обуславливают необходимость системного исследования широкого круга проблем организации туристско-экскурсионной деятельности. Авторы считают целесообразным принятие разработанной программы мероприятий по повышению эффективности туристско-экскурсионного обслуживания, с учетом специфики региона и вышеуказанных предложений. Роль туристско-экскурсионной деятельности в Омской области на сегодняшний день невелика, но имеются все природные и социальные условия для ее развития.

Библиографический список

1. Барзыкин Ю. А., Абрамова Т. В. Целевые программы как инструмент развития туризма в России // Туризм: право и экономика. 2004. № 3 (6). С. 9.
2. Раннинен И. А. К вопросу о разработке концепции... С. 11–12.
3. Евчук Т. В., Корсакова И. Ю. Исследование сегмента бизнес-клиентов гостиничного рынка города Омска // Туризм Омского региона. Проблемы развития и управления туризмом в Сибири: Сб. науч. тр. / Под ред. Н. А. Левочкиной. Омск: Образование-информ, 2006. Вып. 2. С. 68.
4. Хаирова С. М. Маркетинг города и развитие туризма // Проблемы и приоритеты в организации международных связей в сфере науки, культуры, образования и туризма в Омском Прииртышье: Мат-лы III региональной конференции. Омск: Изд-во ОмГУ, 2002. С. 117.
5. Барзыкин Ю. А., Абрамова Т. В. Целевые программы как инструмент развития туризма... С. 12.
6. Раннинен И. А. Роль и значение туризма в развитии международных связей / Проблемы и приоритеты в организации международных связей в сфере науки, культуры, образования и туризма в Омском Прииртышье: материалы III региональной конференции. Омск: Изд-во ОмГУ, 2002. С. 114.
7. Фалькович Н. С. Туристские ресурсы Омского Прииртышья и концепция приема интуристов в крае / Проблемы и приоритеты в организации международных связей в сфере науки, культуры, образования и туризма в Омском Прииртышье: Мат-лы III региональной конференции. Омск: Изд-во ОмГУ, 2002. С. 120.
8. Аллилуев В. В. О развитии туризма в Омской области... С. 131.
9. Гарафутдинова Н. Я., Ландик О. Н. Омский рынок услуг по подготовке специалистов в сфере туристического бизнеса // Туризм Омского региона: Сб. науч. тр. Омск: Изд-во ОмГМА, 2005. С. 27.
10. Левочкина Н. А. Кадровое обеспечение деятельности индустрии туризма Омской области // Туризм Омского региона. Проблемы развития и управления туризмом в Сибири: Сб. науч. тр. / Под ред. Н. А. Левочкиной. Омск: Изд-во Образование информ, 2006. Вып. 2. С. 28.
11. Радул В. В. У нас есть реальная возможность реализовать самые смелые творческие проекты // Ом. наследие. 2007. № 2. С. 40–41.
12. Радул В. В. У нас есть реальная возможность реализовать самые смелые творческие проекты // Ом. наследие. 2007. № 2. С. 38.

СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА И МУЗЕЙНЫЕ ПРОЕКТЫ

Одна из основных задач музейного сообщества создать благоприятную и комфортную среду для любого посетителя, не зависимо от его физических возможностей, возрастных, подготовленности к восприятию музейной информации.

Вашему вниманию предлагается два проекта, в результате которых реализуется задача создания безбарьерного музейного пространства, автор статьи была руководителем проектов.

Первый проект был поддержан некоммерческим фондом В. Потанина, «Меняющийся музей в меняющемся мире». Проект «Музей, поделившийся зрением» был реализован в 2005 г в Новосибирском государственном краеведческом музее. Проект направлен на создание доступной среды для особой группы посетителей — слабовидящих и незрячих посетителей. Партнерами музея были Областная специальная библиотека, которая владеет методикой разработки рельефно-графического пособия, представляющего информацию о музейных предметах в доступном для данной категории посетителей формате. Вторым партнером была группа «Растр», которая представила и смонтировала оборудование, предполагающее безопасное посещение музея, т. е. организация технической системы ориентирования в экспозиционной зоне для удобства пребывания специальных групп посетителей.

Для посетителей с нарушением зрения была разработана аудио-экскурсия, записанная на компакт дисках, изготовлен комплект реплик археологических артефактов для усиления тактильного восприятия, создано рельефно-графическое пособие, включающее запись речевых фонограмм в цифровом формате, тактильные графические изображения, тексты по Брайлю.

Кроме того, необходимо отметить, что большое внимание уделялось созданию и обучению методики работы с посетителями с нарушениями зрения, в этом вопросе большую помощь оказали преподаватели кафедры психологии и дефектологии НГПУ.

Сложным моментом проекта была разработка маршрута посещения музея для монтирования датчиков и слуховых сигналах, которые должны предупреждать об опасностях и ориентировать посетителей. Это особенно важно, поскольку музейное пространство достаточно враждебно к посетителям и нарушением зрения: лестницы, повороты, стеклянные витрины, открытые комплексы, поэтому маршрут посещения разрабатывался тщательно, учитывались все препятствия, включались все необходимые помещения, типа «гардероба, туалетов, кассы».

Методика посещения музея была не однократно опробованна на индивидуальных посетителях и группах из числа волонтеров.

Таким образом, посещение организовано было следующим образом. О приходе организованной группы извещал звонок, выходил экскурсовод и каждому посетителю выдавал плеер, для осуществления самостоятельного прохода в музейную экспозицию. В экспозиции маршрут был разработан с учетом ориентирования в пространстве. Вниманию посетителей предлагалось знакомство с открытой и безопасной частью экспозиции, некоторые стенды дополнялись репликами, сделанными более рельефно для тактильного освоения. После знакомства с тремя залами экспозиции в зоне отдыха взрослым посетителям предлагался рельефно-графический альбом, младшим школьникам беседа «Древние тотемы Сибири» с использованием дополнительных реплик, рельефно-графического пособия, включающего точечный шрифт. Кроме того, для проведения экскурсии вне музея создана передвижная выставка для музеев Новосибирской области, Сибирского региона и других социо-культурных учреждений, выполненная в специальном доступном формате с аудио сопровождением. Для удаленного доступа информация размещена на сайте Государственной научно-технической библиотеки, включая аудио сопровождение, для хранения и удаленного доступа к адаптированным материалам музейных коллекций для людей с ослабленным зрением.

В итоге реализации проекта определенной категории посетителей стала доступно посещение музея, приобщение через его экспозицию к культурно-историческим ценностям. Это означает, что сделан первый шаг к уничтожению барьеров для людей с ограничением зрением, тем самым решается проблема социальной дискриминации.

Второе направление музейной деятельности в области решения проблемы приобщения к музейным ценностям посетителей, на наш взгляд, это вовлечение широкого круга посетителей к музейной информации независимо от уровня их знаний. Это особенно актуально для музеев научного профиля, где существуют определенные трудности в передачи научной информации неподготовленному посетителю. Задача научных музеев в популяризации научных достижений профильных наук, в решении этой задачи на первый план выходит доступность этой информации.

Проект, поддержанный фондом Дм. Зимина «Научный музей 21 века» называется «Сибирские скифы как тема для точных наук», его миссия заключается в том, что бы адаптировать научную информацию для широкого круга посетителей.

Проект реализован в Музее истории и культуры народов Сибири и Дальнего востока Института Археологии и Этнографии СО РАН. Цель проекта — показать роль естественных наук в исследовании гуманитарного артефакта — археологического предмета на примере экспозиции, посвященной культуре сибирских скифов, как итог междисциплинарных исследований. Большое значение придается раскрытию методики исследования.

В современном исследовании археологического источника привлекаются разнообразные комплексные исследования с использованием методов естественных наук. Междисциплинарные исследования особенно ярко проявились в процессе изучения уникальной пазырыкской культуры.

В экспозиции использованы уникальные коллекции, имеющие мировое значение: погребальные сооружения, мумии с татуировками, разнообразная одежда из различных видов ткани, комплекс конской упряжи, предметы вооружения и украшения.

Для большей научной составляющей использованы мультимедийные технологии. Экспозиционные комплексы дополняются цифровыми фото рамками, которые содержат информацию об исследовании артефактов. Всего шесть фото — рамок. Расположены они тематически, например, комплекс, посвященный погребальной конструкции сопровождается фото -рамкой, с информацией о геофизических методах исследования археологических комплексов, дендрохронологических исследованиях, палеоботанических. Комплексы с мумиями дополнены информацией антропологических исследованиях, генетических, медико-биологических, где раскрывается суть этих методов, результаты исследований. Комплекс, посвященный древним тканям, сопровождается информацией об исследованиях древних красителей. Демонстрация уникального женского головного убора дополнена информацией о исследовании парика и способа его изготовления. Комплекс украшений и предметов вооружения из цветных металлов дополнен информацией о технологии сплавов и способах изготовления изделий из бронзы и золота как результата химико-физических исследований.

Необходимо отметить, что информация, содержащиеся в фоторамках адаптирована на непосвященного посетителя, раскрывает суть исследования, его инструментарий и итог. Например, в информации о дендрохронологических исследованиях раскрывается суть науки — дендрохронология — научная дисциплина о датировании годичных колец деревьев, показывается как производится исследования, и результаты исследования: позволили выявить породы древесины, из которых создавались погребальные сооружения и предметы искусства, составить хронологическую шкалу археологических памятников плато Укок, установить границы периода захоронений: конец IV — начало III века до н.э, выяснить, что на плато Укок все памятники, из которых были взяты образцы дерева для исследования, появились за короткий период — 39 лет.

Второй пример, в фоторамке, со сведениями о применении геофизических методов в исследованиях археологического памятника раскрывается само понятие «геофизики» как комплекса методов, изучающих строение земли с использованием физических полей, одним которых является электроразведка, цель которой изучение поверхностных слоев земли с использованием электромагнитного поля, показан инструментарий исследований и небольшой видеосюжет о использовании данного метода на памятнике пазырыкской культуры, важно, что сведения исходят от самих исследователей, поскольку часты включения видеосюжетов с объяснениями специалистов.

Информация насыщенная, но лаконичная, ролик длится не более 3-х минут и содержит блок информации о ряде исследований.

В экспозиции широко используются информационные технологии, кроме вышеперечисленных цифровых фото-рамок посетителю предоставляются сведения о различных методах изучения археологического артефакта в двух вариантах — краткие очерки и более развернутое эссе в информационном киоске, в котором посетитель может самостоятельно выбрать необходимый объем.

По адресу <http://museum.nsu.ru/iaet> можно познакомиться с виртуальной выставкой, «Естественные науки и археологический источник», разработанной Музеем ИАЭТ СО РАН и Мультимедиа центром НГУ, кроме информации, она содержит большой блок фото — материалов, библиографию исследований.

Таким образом, реализация данного проекта позволила адаптировать научную информацию, применить привлекательные для молодежи информационные технологии, обеспечить удаленный доступ, следовательно, дало возможность приобщить к научной информации более широкий круг посетителей.

Е. В. Семенов

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ МУЗЕЕВ УЛАН-УДЭ И ОБЩЕСТВЕННЫХ НЕКОММЕРЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ В РАМКАХ РАЗВИТИЯ ТУРИЗМА (НА ПРИМЕРЕ МОО «НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ АВТОНОМИЯ ПОЛЯКОВ Г. УЛАН-УДЭ «НАДЖЕЯ»)

Современные музеи все больше внимания уделяют работе с общественными некоммерческими организациями. Музеи Республики Бурятия и прежде всего города Улан-Удэ не остались в стороне. Особенно активно в этом направлении идет сотрудничество между музеями республики и Национально-культурной автономией поляков г. Улан-Удэ «Наджая».

История поляков Сибири насчитывает более 400 лет. В Бурятии первые поляки начинают появляться в качестве уголовных и политических ссыльных во второй половине XVIII в. Значительное увеличение численности

польской диаспоры на территории Западного Забайкалья происходит на рубеже XIX–XX вв. когда в Сибирь, после постройки Транссибирской магистрали, начинают прибывать польские специалисты.

Местная общественная организация «Национально-культурная автономия поляков города Улан-Удэ «Надлежа» (далее в тексте НКАП «Надлежа») была создана в марте 1993 г. и за 15-летний период своего существования накопила богатый опыт в области сотрудничества с городскими музеями. В рамках своей деятельности НКАП «Надлежа» определила ряд приоритетных направлений, по которым и осуществляет свою деятельность [1, л. 153–158]. Первоочередной задачей является культурно-образовательная, в рамках которой реализуется два образовательных проекта: воскресная школа польского языка, истории и культуры и летняя школа польского языка и культуры на Байкале «Ближе к Родине».

Вторым важным направлением деятельности НКАП «Надлежа» является исследование вопросов истории поляков на территории Забайкалья.

В рамках этих двух направлений реализуется большое количество культурных проектов.

С самого начала своего создания НКАП «Надлежа» стала принимать активное участие в культурной жизни Бурятии и ее столицы. В марте 1997 г. на проходившую республиканскую выставку национально-культурных объединений члены НКАП «Надлежа» предоставили предметы, свидетельствующие об истории и культуре поляков, проживающих на территории Республики Бурятия.

В 2001 г. в рамках впервые проводимых в Республике Бурятия Дней польской культуры на базе Музея истории Бурятии им. М. Н. Хангалова была организована выставка «Польский след в истории Бурятии», на которой были представлены предметы из фондов музея, отражающие историю пребывания поляков на территории современной Бурятии.

Совместно со ФГОУ ВПО «Восточно-Сибирская государственная академия культуры и искусств» была начата разработка проекта по копированию рисунков польского политического ссыльного первой половины XIX в. Леопольда Немировского.

Следует сказать несколько слов о личности Л. Немировского и его творческой деятельности, связанной с Восточной Сибирью и Забайкальем. Художник родился в 1818 г., в 1836 г. вступил в тайную патриотическую организацию «Содружество польского народа». После того как деятельность организации была раскрыта царской полицией Л. Немировский по суду был сослан в каторжные работы в Сибири сроком на 20 лет. Наказание он отбывал в Усольском солеваренном заводе.

После амнистии и перевода на поселение ссыльный переехал в Иркутск и занялся образовательной деятельностью, обучая рисованию детей генерал-губернатора, местных высокопоставленных чиновников и богатых купцов. В 1844 г. Немировскому было предложено сопровождать сенаторской комиссии, обследовавшей территорию Сибири и Севера, в качестве художника. В 1846 г. художник самостоятельно посетил Забайкалье. В результате им был создан целый цикл рисунков, изображающих окрестности озера Байкал, а также природу Забайкалья и Тункинской долины. До нашего времени сохранилось лишь 24 рисунка, которые хранятся в Национальном музее Польши (Варшава).

В начале 2008 г. в рамках разработки проекта «Польский след в истории и культуре Бурятии» коллективом факультета Музейного дела и туризма и руководством Восточно-Сибирской государственной академии культуры и искусств были начаты переговоры с Национальным музеем Польши о предоставлении копий рисунков Л. Немировского для экспонирования их в республиканских и городских музеях. К сожалению, на тот момент не удалось положительно решить этот вопрос.

В конце 2008 г. благодаря усилиям председателя Правления НКАП «Надлежа» М. И. Ивановой и финансовой поддержке организации «Вспульнота Польска» («Wspólnota Polska») Национальный музей Польши изготовил копии рисунков и передал их в дар НКАП «Надлежа». В сентябре того же года в рамках мероприятий, посвященных 15-летию создания НКАП «Надлежа» была организована выставка рисунков Л. Немировского. Площадкой для размещения выставки послужил Музей истории города Улан-Удэ. Основные работы по монтажированию выставки и подготовке презентации выполнили преподаватели кафедры Музейных технологий факультета Музейного дела и туризма Восточно-Сибирской государственной академии культуры и искусства О. Э. Мишакова, Н. Д. Нагайцева и Е. В. Семенов. Большую помощь оказали студенты 3 курса специализации «исторические музеи».

К настоящему времени на территории Бурятии состоялось 3 выставки этих рисунков, в том числе в Кяхтинском краеведческом музее им. акад. А. Обручева.

В июне 2009 г. в Музее истории Бурятии им. М. Н. Хангалова экспонировалась передвижная выставка «Поляки исследователи Сибири». Выставка была подготовлена Польской академией наук специально для экспонирования в России [2]. На выставке также были представлены предметы из личных коллекций и фондов музея, связанные с жизнью и деятельностью польских исследователей на территории Забайкалья. В том числе неизвестный автограф Ю. Д. Талько-Гринцевича. Следует отметить, что Ю. Д. Талько-Гринцевич явился одним из основателей Кяхтинского краеведческого музея и был активным членом Троицкосавско-Кяхтинского отделения Приамурского отдела Российского географического общества.

В сентябре того же года выставка была размещена в Кяхтинском музее, в рамках юбилейных мероприятий НКАП «Надлежа», посвященных 180-летию второго градоначальника Кяхты А. Деспота Зеновича и 15-летия воскресной школы автономии поляков.

История польского присутствия в Сибири тесным образом связана с историей католической церкви. Вера помогла польским ссыльным переживать тяжелые условия каторги и ссылки. В 1909 г. в г. Улан-Удэ (до 1934 г. Верхнеудинск) был построен и освящен католический храм. Автономия поляков «Наджея» и римско-католический приход Святейшего Сердца Иисуса в июне 2009 г. подготовили и провели ряд мероприятий, посвященных этой дате. В их числе издание книги авторства Семенова Е.В. «Римско-католическая церковь Забайкалья (1839–1930): очерк истории», концерт органной музыки и торжественное богослужение с приглашением большого числа гостей.

Последним проектом, осуществленным на базе Музея истории Бурятии им. М. Н. Хангалова явилась выставка «Католическая церковь в Сибири: к 100-летию Верхнеудинского костела». Выставка была организована усилиями Музея истории Бурятии им. М. Н. Хангалова, НКАП «Наджея» и римско-католического прихода Святейшего Сердца Иисуса и посвящена 100-летию со дня освящения католического храма в г. Улан-Удэ.

В последнее десятилетие происходит увеличение потока польских туристов в Сибирь, в том числе в Забайкалье. Поляки приезжают ознакомиться с историей и культурой народов, населяющих Республику Бурятия, а также посетить озеро Байкал. Кроме того, польские туристы стремятся побывать в местах, связанных с историей польского народа, в особенности в бывших каторжных рудниках и местах захоронения польских ссыльных. В Республике Бурятия существует несколько мест занимающих особое место в польской мартирологии.

Наиболее важным из них является памятный крест на месте группового захоронения участников Кругобайкальского восстания в июле 1866 г. в устье реки Мишиха, при впадении ее в Байкал. 12 июля 1866 г. во время решающей схватки восставших с правительственными войсками в этом месте погибло 15 поляков. Над братской могилой их товарищами был поставлен католический крест, существовавший до первой половины XX в. Центр охраны памятников Республики Бурятия, проводивший полевые исследования в начале 1970-х гг. зафиксировал только приблизительное место нахождения братской могилы. Крест к тому времени уже не сохранился.

Созданная в 1993 г. НКАП «Наджея» с самого основания начала работу по поиску и увековечивания места захоронения. При финансовой поддержке польской стороны, через организацию «Совет охраны памятников борьбы и мученичества польского народа» («Rada Ochrony Pamięci Walk i Męczeństwa Narodu Polskiego») был разработан проект мемориального креста и проведены работы по его установке.

В октябре 2001 г. был торжественно открыт мемориал. С этого времени было решено установить День Памяти, который отмечается ежегодно в середине июля. Члены НКАП «Наджея», сотрудники Генерального консульства Республики Польша в Иркутске и польские туристы приезжают к мемориалу, где совершается католическое богослужение, возлагаются цветы и вспоминают усопших.

Другим местом памяти является кладбище в селе Тунка, на котором были захоронены польские католические священники, участники восстания 1863–1864 гг. в Польше, Литве и Белоруссии. В период с 1865 до конца 1870-х гг. в этом небольшом селе по распоряжению властей были собраны католические священники, участники восстания [3].

В конце XIX в. в Тунке на поселении находился Юзеф Пилсудский, который еще застал священников, оставшихся на поселении в Тунке [4, л. 169–170]. В начале 1930-х гг. Тунку посетил польский исследователь М. Лепецкий, который еще видел остатки надгробий и поваленные кресты. В настоящее время Автономия поляков, совместно с Генеральным консульством и Администрацией Тункинском района Республики Бурятия проводит работы по установлению мемориала на месте бывшего кладбища.

На кафедре музейных технологий и охраны наследия ФГОУ ВПО ВСГАКИ была разработана культурно-познавательная программа «Польский след в истории и культуре Бурятии» [5, л. 30–34]. В рамках программы осуществляется подготовка профессиональных экскурсоводов, специализирующихся на истории поляков в Забайкалье. Дополнительная языковая подготовка и стажировки студентов в Польше позволят им обслуживать польские группы на их родном языке.

Посетивший 6 сентября 2010 г. с однодневным визитом Республику Бурятия спикер польского парламента Б. Борусевич на встрече с руководителем Народного Хурала М. Гершевичем отметил, что одним из главных туристских направлений поляков в Бурятию является посещение захоронений польских повстанцев [6, л. 6]. Развитие указанного направления также будет способствовать дальнейшей работе по выявлению и пропаганде памятников и памятных мест, связанных с историей пребывания поляков в Западном Забайкалье.

Подводя итог вышесказанному, следует отметить, что на современном этапе в Республике Бурятия существует активное сотрудничество национально-культурных объединений и музеев. С развитием особой экономической зоны туристско-рекреационного типа «Байкал» предполагается увеличение туристского потока в Бурятию. Свое место в нем могут занять и польские туристы, желающие посетить как места, связанные с историей польского народа, так и территории, обладающие самобытной и интересной культурой. Большим плюсом в развитии этого направления является активно действующая, более 15 лет, в Республике Бурятия Национально-культурная автономия поляков г. Улан-Удэ «Наджея».

Библиографический список

1. *Иванова М. И., Семенов Е. В.* МОО Национально-культурная автономия поляков г. Улан-Удэ «Наджея» в полиэтническом пространстве Республики Бурятия // Современные тенденции развития полонийного движения в России: Матер. Междунар. науч.-практич. конф., 19 сент. 2008 г. г. Улан-Удэ. Улан-Удэ, 2008. 271 с.

2. Polscy badacze Syberii. Warszawa, 2007. 80 с.
3. *Matraś S.* Podróż do Syberii po moskiewskich etapach w 1863 i 186 roku. Opracował i wstępem opatrzył E. Niebelski. Lublin: Wydawnictwo Werset, 2008. 412 с.
4. *Небэльски Э.* Тунка. Католическое духовенство в ссылке в Восточной Сибири после польского восстания 1863 г. // Актуальные вопросы истории ссылки участников Январского польского восстания 1863–1864 гг.: Матер. Междунар. науч. конф. (Иркутск, 26–30 сентября 2007 г.) / Ред. Б.С. Шостакович. Иркутск: Мега-принт, 2007. 235 с.
5. *Мишакова О.Э.* Опыт изучения истории пребывания поляков в Сибири и реализация культурно-познавательной программы «Польский след в истории и культуре Бурятии» в рамках комплексной научной темы кафедры музейных технологий ФГОУ ВПО ВСГАКИ // Польский след в истории и культуре Сибири: Матер. Междунар. науч.-практич. конф. «Полонийные чтения-2006», 7 декабря 2006 г. В 2 ч. Ч. 1. Улан-Удэ, 2006. 85 с.
6. *Бальчинова И.* Народный Хурал Бурятии и Сенат Польши: есть перспективы сотрудничества // Информполис. № 36. 8 сентября 2010 г.

Л. А. Смирнова

ЧУВАШСКИЕ НАЦИОНАЛЬНЫЕ КОСТЮМЫ КАК ЭТНОКУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ ТАЛЬМЕНСКОГО РАЙОНА

С помощью традиций каждый народ сохраняет свою материальную, духовную культуры, свой характер и психологию в ряду сменяющих друг друга поколений. Люди знали, что если в очаге погас огонь, то можно попросить его у соседа, но если в силу каких-то потрясений прервалась связь времен, если молодые поколения утратили добрые традиции и обычаи, то сразу их не восстановить. Именно поэтому многие столетия преемственность поколений, верность детей обычаям и традициям своих отцов и матерей народ рассматривал как основной закон жизни. Сегодня проблема сохранения и возрождения этнокультурного наследия по-прежнему актуальна. Этнокультура наших предков зародилась под влиянием необходимости противостояния перед природной стихией. Пройден путь от коллективного бессознательного этноса к целостной системе взглядов на личность и ее место в мире. Мифы, легенды, сказки, песни, сказания всегда интересовали и продолжают интересовать как детей, так и взрослых. Именно через них мы проникаем в тайны нашего прошлого. В связи с этим, одной из приоритетных задач сотрудников МУК «Тальменский районный краеведческий музей» является как оказание помощи пришлому населению в сохранении и представлении культурных элементов своего наследия, так и приобщение учащихся и взрослого местного населения к культурам народов — переселенцев, самобытности их традиций, что в свою очередь способствует воспитанию патриотизма, гражданской ответственности перед потомками за сохранение культурного наследия отдельных народов и России в целом.

В настоящее время на территории Тальменского района проживают русские, немцы, чуваши, мордва [1, с. 149–150]. Многие народности внесли вклад в духовную и материальную культуру района. Отдельные элементы культуры переселенцев сохранились до наших дней. В частности, хорошо сохранились предметы одежды у чувашей, приехавших после Великой Отечественной войны.

В музеи района поступили некоторые предметы одежды семей чувашей — Кузьминой Евдокии Кузьминичны и Николаева Виктора Николаевича, Шестерниной Зинаиды Васильевны, Корягиной Галины Анатольевны.

Евдокия Кузьминична родилась в 1925 г. в обыкновенной большой крестьянской семье в Чувашии. Она была единственной дочерью среди пяти братьев в семье своих родителей. Ее мать передала ей свое умение рукодельничать: изготавливать нити из льна, ткать полотно, шить одежду, вышивать, плести кружево. Поэтому перед замужеством у Евдокии Кузьминичны уже было приданое собственноручно приготовлено: вышитые полотенца, рубахи мужские и женские, одеяла самотканые и многое другое. Одна из рубах экспонируется в районном музее.

Шестирина Зинаида Васильевна, проживающая в р.п. Тальменка, подарила музею свадебный костюм своей матери Ирины Ивановны Дмитриевой 1899 года рождения. Платье изготовлено из льна, который сеяла сама Ирина Ивановна, выращивала, обрабатывала и красила. Чтобы достичь разных оттенков нитей при окраске применялся отвар коры дуба разной консистенции. Крашенные нитки при этом после стирки не линяли, сохраняя первоначальный цвет до настоящего времени. Такой эффект достигался с помощью стирки в древесном щелоке. Наряд относится к 1915–1920 гг., готовился как приданное несколько лет.

Корягина Галина Анатольевна — уроженка Чувашии. В 1954 году ее отец привез всю семью для освоения целины в Алтайский край. Галине Анатольевне в это время исполнилось 11 лет. В этом возрасте она уже являлась хранителем семейной реликвии. Свадебный костюм и украшения при переезде были подарены Галине Анатольевне ее тетей. Кроме того, как приданное, ей были переданы два нагрудных украшения «Маниста», изготовленных из натуральной кожи и серебряных монет. К сожалению, одно украшение было украдено односельчанами, а другое, в целях надежного сохранения, отправлено дочери в г. Санкт-Петербург. Но остальные элементы на-

ционального свадебного наряда и другой повседневной одежды хранятся у Галины Анатольевны, которые она с удовольствием предоставляет для экспонирования в музеях Алтайского края.

Таким образом, выше перечисленные переселенцы являются хранителями национальных чувашских костюмов, изготовленных, примерно, в одно и то же время, которые являются значительными объектами этнокультурного наследия Тальменского района.

Все эти костюмы изготовлены из грубого домотканого полотна шириной 38–42 см серого цвета. Рукава прямого покроя. По обшлагам рукавов рубаха украшена вышивкой черно-красного цвета. Вышивка выполнена в технике «простой крест» по счету нитей холста хлопчатобумажными нитками. Вышивка представляет собой мелкие повторяющиеся мотивы. Оканчивается рукав кружевом шириной 5 см ручного плетения. От горловины по центру передней полочки идет щелевидный разрез, который украшен тесьмой шириной 1,5–2 см. То место, где идет соединение полотен, по плечу пришита тесьма длиной 37–40 см и шириной 3 см. По низу рубахи пришито самотканое кружево такой же ширины, как и по низу рукава, но немного другого рисунка. В обоих случаях кружева использован повторяющийся мотив геометрических фигур. С внутренней стороны, так называемая воротниковая зона, оторочена подкладкой шириной 51 см из конопляного полотна более грубого и редкого плетения. Такая подкладка предохраняла верхнюю декоративную ткань от быстрого изнашивания. Все детали женских рубах сшиты ручным швом и конопляными нитками.

Переселенцы из Чувашии рассказали, что для того, чтобы изготавливать повседневную одежду и предметы домашнего обихода, нужно было заготовить домотканый холст из конопли. По качеству плетения и по толщине заготавливали несколько видов холста. Использовали технику плетения в 2 и 4 нити. Для пошива одежды брали холст более тонкий и светлый, а для пошива предметов домашнего обихода использовали грубый и темный холст.

Особо интересна методика изготовления конопляных нитей для того, чтобы ткать холст. Вот как они это делали: сеяли коноплю, в августе убирали первый урожай конопли невызревшей — это для шитья, а в сентябре убирали семенную. Затем вручную молотили, связывали в снопы и мочили в воде две недели. Затем сушили в бане, после чего мяли специальной заостренной палкой и чесали щеткой. Если нитки предназначались для одежды, то чесали до появления мелких и мягких волокон, а если на полотенца, мешки, то крутые и жесткие. Специальное приспособление, которым протягивали конопляные нитки и ткали полотно, называлось на чувашском языке «хещ».

В основе как женской, так и мужской рубахи использовался фасон народной туникообразной рубашки «кепе» [2, с. 514]. Но мужская рубаха напоминает русскую народную рубашку-косоворотку. Она носится поверх брюк и подпоясывается плетеным поясом. Эту бесхитростную, незатейливую мужскую рубаху со стоячим воротником и боковой застежкой на груди любили и носили многие народности.

Рубаха мужская чувашская изготовлена из грубого домотканого конопляного полотна серого цвета. Ширина сотканной полосы 36 см. Рукава прямого покроя. Щелевидный вырез горловины (ворот) сделан по линии сгиба центрального полотна. Разрез ворота расположен по центру передней полочки; обработан «планкой». При застегивании ворота «планки» накладываются одна на другую. Застежка — на правую сторону. Длина рубахи составляет 68 см.

Интересны и женские штанишки. Напоминают они народные чувашские женские штаны с широким шагом — «ейм» [2, с. 515]. Сшиты они из двух полос грубого, домотканого конопляного полотна. Ширина сотканной полосы 36 см. Между ними вшита клиновидная вставка такого же полотна. По поясу пришиты 4 (две спереди, две сзади) плетеные веревочки из конопляных нитей. Все детали штанишек сшиты ручным швом конопляными нитками. Длина штанишек — 52 см.

До сих пор речь шла о повседневной рабочей одежде. Совсем по-другому выглядят отделка и ткань нарядной праздничной одежды. Примером такой одежды являются свадебное платье Евдокии Кузьмичны и рубаха ее мужа Николаева Виктора Николаевича.

Сшито платье по принципу все той же туникообразной рубашки «кепе». Но теперь оно отличается по ткани, и сшито оно машинным швом. Воротник — стоячка. По центру полочки проходит щелевидный разрез, обработанный «планкой». При застегивании ворота «планки» накладываются одна на другую. Застежка на левую сторону. По заниженной талии проходит декоративный шнурок, сплетенный вручную, и в круговую заложены складки. По низу платья проходят шесть защипов. Затем пришито кружево шириной 8 см. Продолжает платье вышивка на ткани техникой «гладь» цветными нитками.

Использован растительный орнамент. Ширина ткани с вышивкой 6 см. После вышивки опять пришито кружево 6 см. По низу рукава заложены два защипа. «Воротниковая зона» так же, как и у рабочей одежды, оторочена самотканой подкладкой шириной 28 см. Длина платья — 122 см.

Свадебная мужская рубаха выполнена по тому же принципу, что и рабочая, только использована белая ткань промышленного производства. И, конечно, рубаха празднично украшена вышивкой однотонными нитками голубого цвета. Вышивка шириной 7 см проходит по низу рубахи и по низу рукавов. По воротнику и по «планке» проходит вышивка шириной 5 см. В вышивке использованы повторяющиеся мотивы растительного орнамента. Длина рубахи — 73 см. Все детали сшиты и обработаны машинным швом.

Обязательной деталью гардероба женщин как рабочей, так и праздничной одежды, являлся фартук. «Рабочий» фартук от «праздничного» отличался текстурой ткани, способом пошива и оформлением.

Праздничный фартук изготовлен из белой ткани. Фасон его относится к плечевым изделиям. Состоит из основного полотна, «грудки» и лямок. Все они соединяются поясом. Обязательным элементом фартука являются карманы. По низу фартука, карманам и «грудки» проходит вышивка цветными нитками. В вышивке использованы мотивы растительного орнамента. Лямки и «грудка» с внутренней стороны оторочены подкладкой из домотканого полотна. Со спины лямки пришиты к поясу крест-накрест.

Интересен чувашский головной убор, который хранится в школьном музее с. Анисимово. Такая головная перевязь у чувашей называлась «сурпан» [3, с. 193–208].

Представляла она собой длинное узкое «полотенце» шириной 16,5 см и длиной 2 м 57 см. На расстоянии 0,5 см от каждого края проходят по две нити красного цвета. Затем еще через 0,5 см проходят две нити красного цвета. Поперек полотенца тоже проходят красные полосы в чередовании: 4 полосы и через 2 см еще 4 полосы. Поперечные полосы обозначают определенное расстояние прикрепления перевязи. К этому головному полотенцу с помощью петелек крепится широкая подшитая тесьма, перекинутая через голову. Все детали головного убора сотканы вручную.

Тесьма использовалась не только для отделки деталей одежды, но и как отдельный элемент. Например, чувашский пояс, основу которого составляет домотканая тесьма. По краям тесьмы пришиты вручную изготовленные кисточки. Кисточки сделаны из разноцветных самотканых нитей, украшены бусинками. И на каждой кисточке несколько нитей объединены металлическими заклепками.

Переселенцы из Чувашии поведали, что на декоративную тесьму подвешивались еще и звонкие колокольчики. Эти колокольчики вешали на детские качели. Они очень звонко звенели и были разного диаметра. Такие колокольчики, датируемые серединой XIX в., доставались им, как правило, от бабушек.

Такие материалы, несомненно, доказывают, что до сих пор большой жизненной силой обладают национальные традиции в одежде чувашей Тальменского района. Не зря этнографы пришли к выводу, что чувашаи лучше всех сохранили свой древний стиль одежды.

Библиографический список

1. Григоричев К. В. Чувашская жилая архитектура на территории Тальменского района // Нижнее Причумышье: Очерки истории и культуры. Тальменка – Барнаул, 1997.
2. Бромлей Ю. В. Народы мира. Историко-этнографический справочник. М., 1988.
3. Проскурина Н. С. Традиционная вышивка в коллекции Тальменского краеведческого музея // Нижнее Причумышье: Очерки истории и культуры. Тальменка – Барнаул, 1997. С. 193–208.

А. Г. Степанская

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ТРАДИЦИИ — ОСНОВА ОБНОВЛЕНИЯ НАЦИЙ

Самым глубинным источником творческого, личностного потенциала человека является его принадлежность к определенной этнической общности. Когда этнос находится на подъеме, причастность его исторической судьбе, ценностям, идеалам создает вдохновляющий настрой, активизирует созидательно-преобразовательную энергию людей и наоборот.

Современные исследователи выделяют три исторические парадигмы отношения к культурному наследию: «отсутствие прошлого», «память-преемственность», «культурный диалог». В основе этих парадигм лежат такие установки, как представления о чрезвычайной культурной значимости памяти.

Распространение реального окружающего мира воздействует на сознание человека, формируя его индивидуальное ментальное пространство. Увиденное и осмысленное претерпевает в человеческом сознании изменения, обусловленные особенностями личности, изначальным настроением воспринимающего, стереотипами, традициями.

Художественное пространство — сложная структура, включающая этнографическое, историческое, мифопоэтическое «подпространства». Художественное пространство формируется под непосредственным влиянием природы, этнографической среды, особенностей исторического развития, мифопоэтического восприятия, религиозной культуры. Большую роль в построении общего художественного пространства, в создании произведений играет индивидуальное художественное пространство личности, которое человек приобретает в детстве, то есть ментальность. Это устойчивая характеристика творца, она сохраняется в течение всей жизни, но в течение жизни она и обогащается общением с другими территориями, с другими странами, культурами. Диалог неизбежен, но именно диалог, а не растворение национального в безликом океане цивилизации и технизации.

Культурная и духовная интеграция являются устойчивым вектором развития российской и региональной культуры. Процессы глобализации, в которые вовлечены практически все современные цивилизации, нередко при-

водят к исчезновению уникальных, самобытных культур, тесно связанных с конкретным местом. Конкретное место — это то генетическое начало, которое дает жизнь многочисленным неповторимым культурам.

Этнокультурные традиции в настоящее время выполняют функцию восстановления и развития духовно-нравственной связи между поколениями, между этносами, функцию сохранения национального своеобразия, в том числе и в художественном творчестве.

В XX в. появился феномен взаимодействия не только разных видов искусств, но и взаимопроникновения разных уровней человеческого мышления, например, художественного и рационального. На рубеже XX–XXI вв. обозначилась тенденция расширения творческого поля художественного процесса и усиления в нем роли авторского мировоззрения. В этом смысле творчество являет собой пример единства этнографического, исторического и художественного пространства, что наиболее полно отвечает критериям художественности.

Примером трансляции традиций в современность, примером обновления традиций, примером интеграции культур служит творчество алтайского художника Г.И. Чорос-Гуркина. В чем уникальность и непреходящая жизненная сила творчества Г.И. Чорос-Гуркина? Очевидно, в авторской мировоззренческой концепции. В 2010 году исполнилось 140 лет со дня рождения первого профессионального алтайского живописца, но и в наши дни творчество Г.И. Гуркина воспринимается органичной школой художественности. Мировоззрение Гуркина отражает национальное народное видение окружающего мира, в котором присутствуют одушевление, одухотворение, особое восприятие пространства и особое переживание времени. Быт и бытие. Замкнутость и беспредельная открытость. Конкретность мига и вечность. В произведениях Гуркина нет предметов вне пространства. Художника не интересует «самозамкнутость» вещи. Восприятие действительности через пространство особенно характерно для культуры кочевников. Это обстоятельство обусловило формирование художественного представления о пространстве в традиционных культурах. Изучение творчества Г.И. Гуркина позволяет определить его художественное пространство как конкретно-исторический феномен, характеризующийся устойчивыми (архетипы, каноны, символы) и изменчивыми (трансформация первообразов) компонентами. В традиционных культурах формируются пространственные представления, зафиксированные этнографами, историками искусства. Основу пространственных представлений составляют пространственные впечатления от восприятия окружающего мира; при этом имеет место эстетизация природного ландшафта [2, с. 14]. Авторское мировоззрение предстает важнейшей скрытой или выпукло выраженной гранью художественной деятельности. Без изучения авторской мировоззренческой концепции зачастую невозможно понять особенности художественного языка, авторскую идею, запечатленную в произведениях. Важной составляющей мировоззрения Гуркина как художника является поклонение природе, глубокое переживание ее красоты и любви к ней, ее символизация. Для Гуркина символическим образом Алтая предстает кедр. Художник искренно, восторженно и лирично писал, обращаясь к Алтаю: «Ты, как могучий зеленый кедр, который растет вдали от многолюдных сел и городов, тебе не по душе суэта и толкотня людская. Какими красками опишу я тебя, мой славный Алтай? И какой линией очерчу твой стан? Уподоблю тебя могучему зеленому кедру!» [5, с. 2]. В Республике Алтай в долине реки Анос сохранилась усадьба художника Гуркина, существующая ныне в виде скромного музея. Г.И. Чорос-Гуркин — явление общероссийского масштаба. Его усадьба в Аносе еще не заняла свое законное место в числе знаменитых усадеб российской культуры. Между тем в ней до сих пор присутствует образ художника, воплотившего в долине реки Анос свое представление о единении условий и образа жизни с окружающим миром. Расположение, планировка, комплекс строений, история усадьбы подтверждают всю глубину связи мировоззрения Гуркина с художественным восприятием пространства. Усадьба — достояние отдельного человека. Здесь человек мыслит себя в единстве с природой и не только частичкой природного космоса, но и «частичкой исторического и социально-политического мира» [1]. В формообразовании усадьбы учтены особенности местности, рельефа и растительности. Высокая ива с прихотливой объемной кроной — современница Гуркина — у самой калитки встречает входящих в аносскую усадьбу. Извилистые дорожки, подъемы и спуски увеличивают художественное пространство и удлиняют художественное время во время движения: с разных точек зрения одна и та же картина выглядит по-иному. Реалии сегодняшнего дня вновь и вновь подтверждают тщетность попыток человека возвыситься над природой. Рельефно обозначился крах этой идеи, порожденной во многом утратой целостности восприятия мира, разрывом тысячелетних связей. «Драматический итог противопоставления человека и природы осознается сегодня как подлинная катастрофа» [3, с. 118]. Творчество Гуркина актуально, так как воплощает идею целостного восприятия мира. Дневниковые записи и другие письменные документы художника отражают его способность ощущать космические масштабы природы. Художественное восприятие пространства — источник целостности и гармонии пейзажных композиций Гуркина. Живописно-пластические решения то открытых, то закрытых пространств диктовались реальным пространством места («Озеро горных духов» 1910 г., «Хан Алтай» 1907 г.). Письменные тексты Гуркина, как и его картины, раскрывают эстетическое кредо художника, основанное на личной природной гедонистической способности к созерцанию реальной природы, для воспроизведения которой Гуркин использовал профессиональную школу, освоенную им в мастерской русского пейзажиста И.И. Шишкина в Российской Академии художеств. «Школа не пришла в противоречие с природой художника» [4, с. 18]. Художественные произведения можно назвать «пространственной памятью» города, края, страны. Новое в социокультурной динамике — это синтез традиции и нововведения, а не только технологическая модернизация. В современном гуманитарном знании все более утверждается мысль, что традиции — это не просто устойчивый каркас нации, а основа ее обновления.

Библиографический список

1. *Кириченко Е. А.* Архитектурное наследство / Ред. А. В. Рябушин. М., 1996.
2. *Никулышина Е. Л.* Соотношение традиций и инноваций в национальной культуре в эпоху глобализации // Культурная память: актуальные проблемы и связь времен. Мат. Международной науч. Конференции. Воронеж. 2001. С. 224.
3. *Сабитов А. Р.* Пространственные модели в архитектуре Казахстана. Алмааты, 2007.
4. *Толстой Л. Н.* Собрание сочинений. М., 1983.
5. *Чирков В. Ф.* Пространство реальное и художественное: проблема соответствий // Традиционное и актуальное в искусстве Сибири: Сб. матер. науч.-практ. конф. 15–16 ноября 2005. Красноярск, 2006.

Т. М. Степанская

ТРАДИЦИИ РУССКОЙ АРХИТЕКТУРНОЙ ШКОЛЫ В ПРОМЫШЛЕННОМ ЗОДЧЕСТВЕ АЛТАЯ

Возникновение в XVIII в. сибирской горной промышленности явилось важным событием в истории России, ускорившим освоение ее восточных территорий.

Заводы являлись очагам культуры и значительного строительства, главными объектами которого были: плотины, производственные здания (плавильные фабрики, кузницы, склады, лаборатории и т. д.), общественные сооружения (церкви, училища, школы, музеи, библиотеки), административные (конторы, архивы), жилые дома для чиновников и офицеров, казармы.

К древнейшим документам сибирского строительства можно отнести планы Колывано-Воскресенского, Барнаульского, Шульбинского заводов 1720–1740-х гг. Их изучение позволяет сделать определенные выводы.

На строительство городов-заводов Алтая оказал влияние опыт возведения сибирских городов-крепостей, впитавший древнерусские традиции и опыт уральского заводостроения; древнерусские традиции проявились в характере и размещении крепостных укреплений, в свободной постановке культового здания на открытой площади, в тяготении к концентрической планировке заводского поселения; на основании уральского опыта (в свою очередь использовавшего опыт Европы) в сибирских заводах сложились предпосылки к возникновению компактной структуры общегородского центра с включением в него территории заводской площади и собственно производственных построек.

Планировка сибирских заводских поселений подчинялась с момента своего формирования экономическому фактору. Ее организующими элементами являлись плотина и заводская площадь, плотина — главная ось композиции планировки города-завода.

Основным строительным материалом в первой половине XVIII в. служило дерево — сосна, пихта, лиственница. Кирпичные здания являлись редким исключением (аптека Барнаульского сереброплавильного завода, 1748 г.). В производственных зданиях преобладали стоечно-каркасные конструкции; жилые, общественные и административные постройки рубились из дерева. Планы и объемное решение производственных зданий определялись технологией процесса (прямоугольные планы — молоты, станы, печи — устанавливались в ряд, высота печей диктовала высоту кровли, потолки обычно отсутствовали).

Во второй половине XVIII в. на Алтае было вновь построено 11, в Нерчинском округе — 7 новых заводов (не считая рудников). Планировочный принцип, заключавшийся в единстве собственно завода и города, продолжал сохраняться в годы становления и развития в русской архитектуре классицизма. Это подтверждают планы горного города Барнаула 1789, 1803, 1835 гг.

Конструктивные решения фундаментов, стен, покрытий, применение наряду с деревом новых материалов — кирпича, естественного камня, металла — все это свидетельствует о непрерывном совершенствовании строительной практики в сибирских заводах XVIII столетия. В лучших образцах промышленного зодчества конца XVIII в. конструктивная форма приобретает эмоциональную выразительность (например, арка в вагоне заводов).

Во второй половине XVIII в. архитектурные стили (барокко и классицизм) наиболее четко проявились в культовых постройках сибирских заводов (Барнаульский Петропавловский собор архитектора Д. П. Макулова; проект церкви-ротонды архитектора Н. А. Львова. Последний не был осуществлен, но важен факт проектирования талантливым столичным архитектором для Сибири, где большие мастера русской архитектуры практически не строили: строили их ученики. Он дополняет краткий список подобных примеров: есть свидетельство, что Джакомо Кваренги разработал очень крупный корпус лавок в два этажа для Иркутска; широко известна постройка В. П. Стасова в Омске — Казачий Никольский собор. Проект церкви для Колывани Н. А. Львова в этом перечне — один из самых оригинальных и совершенных классических произведений).

На протяжении всего XVIII в. в сибирских заводах господствовали рационализм и утилитарность, эстетические задачи ставились и решались главным образом при возведении культовых построек.

К первой трети XIX в. на Алтае сложилась самобытная ветвь русского классицизма — промышленное зодчество.

Ее развитие связано с введением в 1806 г. в штат заводов должности архитектора. Важно отметить, что профессиональные архитекторы при заводах появились уже с конца 1780-х годов. Первым из них стал А. И. Молчанов (1764 — после 1824), выходец из семьи заводского солдата, посланный на средства Кабинета учиться в Академию художеств в Петербург. Сибирские заводские архитекторы являлись воспитанниками Академии художеств и «практическими» учениками К. И. Росси.

В решении общественного центра горного города-завода Барнаула учениками К. И. Росси Л. И. Ивановым (1803–?) и Я. Н. Поповым (1802 – после 1852) были на практике осуществлены принципы градостроительной теории классицизма: эстетика максимально раскрытого пространства, система пространственных связей и создание далеких зрительных перспектив, превращение города в произведение градостроительного искусства. Это позволяет отнести ансамбль исторического центра бывшего города-завода к числу редких памятников архитектуры в Сибири.

В этом ансамбле площадей и улиц особенно значительными художественными достоинствами обладают Демидовская площадь с обелиском в честь столетия горного дела на Алтае (1825 г.) и заводская площадь. Проекты первой и второй плавильных фабрик Барнаульского сереброплавильного завода (арх. А. И. Молчанов, П. К. Фролов, 1817–1826) по монументальности, совершенству пропорций являются не только первоклассным классицистическим произведением, но и одним из первых в России решений образа промышленного сооружения.

Важно отметить, что если в XVIII в. Сибирь непосредственно использовала опыт Урала и его кадры, то в XIX столетии развитие уральской и сибирской архитектуры шло параллельно и самостоятельными путями, но в русле одного стиля — классицизма. Уральские и сибирские заводские постройки стали отражать индивидуальность их создателей.

К заслугам заводских архитекторов относится их стремление к стандартизации и типизации построек: были созданы типовые проекты заводских школ, училищ, госпиталей, магазинов, казарм, жилых домов-квартир с учетом сибирских климатических условий, что при обширном строительстве имело практическое значение.

Типовые проекты заводских архитекторов являлись самостоятельными творческими проектами, в чем убеждает сравнение с образцовыми проектами столичных зодчих.

Горный город Барнаул, Горная Колывань, Змеиногорск, Павловский завод, представляя новый принцип организации поселений, характеризовались оригинальностью объемно-планировочного построения, социальной структуры и образного решения. Они составили, наряду с Уралом, особую эпоху в градостроительстве России и породили новый ценный вид памятника, когда органично сливаются природа и творческая мысль человека: архитектурно-ландшафтный ансамбль. Среди таких ансамблей — плотина и пруд Павловского сереброплавильного завода (1763–1764 гг.), Змеиная гора и Змеиногорский тракт; нагорная часть, плотина и устье р. Барнаулки в Барнауле (XVIII в.).

Уникальную ценность представляет собой комплекс Колыванской шлифовальной фабрики, включающий плотину, пруд, производственные сооружения (1727, 1802, 1820-е гг.; архитекторы и строители — Ф. В. Стрижков, С. В. Лаулин, шихтмейстеры Вяткин, Девяткин). Комплекс расположен у горы Фабричной, к юго-западу находится озеро Колыванское, из которого вытекает р. Белая. К югу от Колывани поднимается гора Синюха, сложенная из белого шпата и серого кварца с темной слюдой. Высота горы — 1117 м над уровнем моря.

Фабрика построена на месте первого из Колывано-Воскресенских медеплавильного завода, основанного в 1727 г. Строительство фабрики связано с открытием на Алтае в XVIII веке богатых месторождений минералов, поделочных камней, разнообразной сырьевой базы, включающей порфиры серо-фиолетовые, яшмы палевые, голубые, зеленые, кварциты, брекчии, граниты, мраморы и др.

Колыванская плотина относится к комбинированным деревянно-земляным плотинам, к русскому типу плотин. Высота — 10 м, длина — 150 м. Со стороны пруда обнесена легкой металлической оградой. Сохранился старый водосброс, из которого вода по каналу проходит через завод. Каменная кладка стен канала высотой до 2 метров в хорошем состоянии. В 1801–1802 гг. установлено водоналивное колесо для обеспечения работы станков Колыванской шлифовальной фабрики, в 1820 г. установлено второе водоналивное колесо в связи со строительством здания для «производства колоссальных вещей».

Основное производственное здание построено по проекту Ф. В. Стрижкова: двухэтажное, сложенное из гранита, прямоугольное в плане под двускатной кровлей. Сохранился интерьер XIX в. Здание является памятником русского промышленного классицизма начала XX в.; кроме того, это мемориальный памятник, связанный с историей камнерезного искусства России, с деятельностью механика-изобретателя, камнереза, организатора камнерезного дела в Колывани Ф. В. Стрижкова и династиями камнерезов.

Проект здания для «обработки колоссальных вещей» составлен Ф. В. Стрижковым в 1807 г., осуществлен в 1820 г. под руководством управляющего фабрикой С. В. Лаулина. Здание одноэтажное, каменное, прямоугольное в плане, под двускатной кровлей. Площадь цеха для обработки крупных вещей — 350 кв. м. Здесь была выполнена из ревневской зелено-волнистой яшмы по проекту архитектора Мельникова знаменитая «царица ваз», экспонирующаяся в Государственном Эрмитаже в Петербурге.

Комплекс Колыванской шлифовальной фабрики является ценнейшим памятником промышленной архитектуры России XVIII – первой половины XIX вв., а также памятником камнерезного искусства.

Во второй половине XIX – начале XX вв. в городах и селах Алтая формируются традиции эклектики, своеобразно преломившиеся в промышленных сооружениях. Примерами служат комплексы ликеро-водочного завода в г. Змеиногорске, пивного (ныне дрожжевого) завода Ворсиных в Барнауле.

В начале XX в. на Алтае строится большое число кожевенных, свечных и других заводов, а также мельниц.

К началу XX в. в Барнауле было 6 овчинно-шубных и кожевенных, 2 мыловаренных, 5 кирпичных, 2 лесопильных, 2 пивоваренных заводов, 5 мукомольных мельниц, около 40 пимокатных мастерских. Все эти сооружения не могли не влиять на архитектурный облик города. Быстро росли склады готовой продукции и промышленные предприятия на берегу Оби. Здесь была построена первая в Барнауле электростанция в стиле неоклассицизма.

Оригинальными постройками начала XX века стали конный завод купца А. Винокурова в с. Тюменцево — памятник архитектуры с оригинальной системой несущих элементов. Архитектурное решение обусловлено конструкцией многогранного шатра. Центральный объем имеет диаметр 21 метр. Шорная конного завода (1909–1910) входит в ансамбль конного манежа. Стены из красного кирпича, в перекрытии использованы деревянные формы простых конструкций. Фундамент из местного камня.

В 1929 г. в историческую часть г. Камня-на-Оби вписалось построенное по проекту и под руководством конструктора и ученого Ю. В. Кондратюка (Шаргея) зернохранилище, названное за силуэт и особенно за наклонную верхнюю транспортную галерею «мастодонтом». Деревянная конструкция зернохранилища не имеет аналогов. Единственное на территории страны промышленное сооружение оригинальной конструкции, связанное с именем теоретика космонавтики Ю. В. Кондратюка, к сожалению, катастрофически пострадало от пожара.

История и практика строительства сибирских заводов и других промышленных сооружений — это интересный и важный пласт русской культуры, и архитектуры в частности. Заводские ансамбли Алтая имеют основания на реставрацию, сохранность и использование их в качестве музеев промышленной архитектуры и техники, имеющих значение и для мировой практики.

Н. А. Томилов

ИСТОРИЯ МУЗЕЕВ СИБИРИ В ИССЛЕДОВАНИЯХ РОССИЙСКИХ УЧЕНЫХ

Актуальность изучения истории музеев определяется прежде всего существенной ролью самих музеев в жизни государства, общества и индивида. Нам не раз приходилось писать о той социальной значимости, которую проявляют музеи в своей разнообразной деятельности, и особенно о социальной значимости музейных историко-культурных ресурсов [14, с. 46–52; 15, с. 57–62; и др.]. Заметим, что к музеям природоведческих профилей также относится это утверждение о важности изучения, их истории.

При рассмотрении вопроса о социальных функциях музеев и их историко-культурного потенциала нами выделена целая группа (полтора десятка) таких функций. Это функция интеграции (обеспечивает связи между социокультурной действительностью настоящего и прошлого), функция идентификации (вызывает осознание людьми сходства и различия современных и прошлых социокультурных систем), коммуникационная функция (способствует взаимопониманию и взаимодействию людей в рамках глубины истории человечества и его культуры), консолидирующая функция (способствует увеличению объема общих культурных явлений в общностях человечества), дифференцирующая функция (разделяет человечество по социокультурным границам), созидательная функция (увеличивает объем участия историко-культурных и природных ресурсов музеев в развитии общества), мировоззренческая функция (формирует установки, людей на общность человечества и его многообразие), функция документирования (доказывает существование явлений и процессов в прошлом и настоящем), функция охраны и хранения (обеспечивает сохранность музейных фондов), познавательная (научно-исследовательская) функция, образовательная функция, эстетическая функция, воспитательная функция, экономическая функция (увеличивает ценности человечества, в том числе и в финансовом исчислении), политическая функция (позволяет использовать историческое и социокультурное наследие для доказательства тех или иных политических процессов в прошлом и настоящем, для формирования государственных действий и т. д.).

Научная значимость исследований по истории музеев связана с проблемами музееведения по изучению музейных процессов во всей их хронологической глубине. Как известно, появление первых музеев в Сибири приходится на последние два десятилетия XVIII в. (Иркутский музей был создан в 1782 г.). Изучение истории музеев сибирского региона России может помочь решить проблему периодизации музейной деятельности, выявить общие и особенные черты и явления в возникновении и дальнейшей работе сибирских музеев, определить место и значение их в музейном деле России и шире в составе мировой цивилизации.

Материалы по истории музеев Сибири могут быть реализованы в действии фактически всех социальных функций музеев и их историко-культурного наследия. Что касается культурно-просветительной работы музеев

с посетителями, в том числе и с туристами, то здесь приоритет имеет образовательная, эстетическая, воспитательная, мировоззренческая и коммуникационная функции.

В последние десятилетия (более чем полвека) изучение истории музеев Сибири — муниципальных, ведомственных и общественных, приняло целенаправленный характер. Такой целенаправленности начало в этом деле положил выдающийся московский музеевед и историк А. М. Разгон [5], написавший несколько больших статей по истории российских, в том числе сибирских музеев. Московские ученые Российского института культурологии в 2001 г. выпустили в свет фундаментальный труд — двухтомник «Российской музейной энциклопедии» [4], в котором приведены краткие исторические очерки по музеям России, в том числе и по музеям Сибири. Основную работу по составлению и научному редактированию осуществили сотрудники сектора музейной энциклопедии вышеназванного института А. А. Сунднева (заведующая сектором), Е. А. Воронцова, Т. Н. Кандаурова, М. Е. Каулен, Д. А. Равикович, Н. В. Ратозий, М. Н. Тимофейчук, И. В. Чувилова, Т. Ю. Юренева. И за эту трудную работу российское гуманитарное научное сообщество им глубоко благодарно.

В самой Сибири историей музейного дела результативно занимаются барнаульские ученые во главе с О. Н. Труевцевой, выпустившей в свет несколько монографий и учебных пособий [29, 30, 31, 32 и др.], новосибирские ученые, подготовившие помимо научных статей книгу «Музеи научных центров и институтов Сибирского отделения Российской академии наук» [2], в создание которой наиболее существенный вклад внесли Г. М. Запороженко, О. Н. Шелегина и Н. М. Щербин.

Отметим и омский культурологический научный центр, где под руководством Г. М. Патрушевой, В. Г. Рыженко, Н. А. Томилова готовятся кадры музееведов, с 1986 г. издается многотомная научная серия «Культура народов мира в этнографических собраниях российских музеев» [10, с. 240–247; 28, с. 34–39 и др.], подготовлены и изданы несколько очерков по истории музеев Енисейска, Новосибирска, Омска и Тюмени [6; 8, с. 82–91; 11, с. 6–48; 19, с. 129–139; 20, с. 7–83; 22, с. 5–39; 23, с. 7–44 и др.], разрабатываются проблемы периодизации истории сибирских музеев [9, с. 139–141; 12, с. 11–18; 13, с. 45–51 и др.] и отражения вышеназванных историко-музейных направлений в сибирских научных изданиях [25, с. 130–134; 26, с. 34–38 и др.].

Публикации монографий, статей, брошюр по истории музеев и в целом музейного дела в Сибири существенно возрастали в количественном измерении, начиная с середины XX в. и вплоть по настоящее время. Вот список (и неполный) тех ученых и краеведов, которые внесли в этот период весомый вклад в изучение истории музеев Сибири: (названные уже выше ученые в этот список не включены) Т. А. Асташкина, Э. Р. Ахунова, Л. В. Баранцева, В. Б. Богомолов, Л. И. Боженко, П. Я. Букшпан, П. П. Вибе, З. К. Глусская, В. Ф. Гришаев, Е. И. Ермакова, С. Г. Жамбалова, М. А. Жигунова, И. В. Захарова, Л. Ю. Китова, Б. А. Конилов, М. А. Корусенко, Л. П. Кравцова, А. Ю. Майничева, Ю. А. Макаров, В. Г. Монгуш, Е. Г. Морозова, Т. Н. Назарцева, Г. В. Найдакова, А. П. Окладников, И. В. Октябрьская, Д. А. Равикович, Н. Я. Савельев, И. В. Сальникова, А. В. Смелякова, Е. Ю. Смирнова, А. П. Сорокин, И. В. Спирина, Т. В. Станюкович, В. В. Тихонов, Р. Ф. Тугутов, Л. В. Шестакова и др.

Увеличению научных работ по истории музеев в последние годы способствует издающийся в Омске с 1999 г. российский журнал «Культурологические исследования в Сибири» [24, с. 44–49]. В его разделах «Музееведение и музейное дело», «Юбилейные события» и других опубликованы до полусотни статей, освещающих музееведческие аспекты. Среди них немало статей об истории музеев, авторами которых являются Э. Р. Ахунова (Омск), О. Г. Байкова (Новосибирск), Е. Б. Бидюк (Нерчинск), В. С. Вайнерман (Омск), П. В. Виноградов (Якутск), А. О. Дыртык-оол (Кызыл), М. А. Жигунова, Ю. П. Зародова, И. В. Захарова (Омск), Л. Л. Карнаухова (Красноярск), Б. А. Конилов (Омск), Л. В. Корнева (Хабаровск), А. Ю. Литвинцев (Нерчинск), Л. А. Лупинас, Е. В. Мельникова, Т. П. Мордкович, Т. М. Назарцева, Г. М. Патрушева, О. В. Петренко (Омск), Е. А. Поправке (Владивосток), В. Г. Рыженко, А. В. Смелякова, Г. И. Сороколетова (Омск), Ю. В. Тетерин (Новосибирск), Н. А. Томилов, В. С. Томилова (Омск), Ю. С. Худяков (Новосибирск), И. А. Чупарина (Иваново), Т. В. Чухно (Ленинск-Кузнецкий), П. В. Шевелева (Омск), О. Н. Шелегина (Новосибирск), Е. А. Яценко (Омск) и др.

Основные направления и темы в изучении истории музеев Сибири — это история их создания, периодизация истории музеев, характеристика в динамике всех видов деятельности музеев — собирательной, фондовой, научно-исследовательской, издательской, экспозиционной, экскурсионной работы, в целом работы с посетителями (все мероприятия в образовательной и воспитательной сферах), участия музеев в региональных, общероссийских и международных организациях и мероприятиях и др.; изучение проблем кадров музейных работников и их подготовки в учебных заведениях; музеографические аспекты — характеристика с подробным описанием конкретных музеев; социальные функции музеев; видные деятели музейного дела в Сибири — изучение их биографий и вклада в создание и развитие музеев и другие вопросы. Все эти направления и темы требуют, безусловно, дальнейших научных изысканий, хотя полученные научные результаты их исследований, особенно в последней трети XX — начале XXI в., носят существенный характер.

Очень важно, что появились исследования истории не только отдельных музеев, но и целых групп музеев и шире — музейного дела в Сибири в отдельные исторические периоды, периодизации истории музеев — это прежде всего фундаментальные труды А. М. Разгона и О. Н. Труевцевой, но и работы Л. И. Боженко, Е. Г. Морозовой, В. Г. Рыженко, Н. А. Томилова, О. Н. Шелегиной и некоторых других ученых.

Еще один вид работы по изучению истории сибирских музеев — это публикация документов, в первую очередь из фондов государственных архивов. Таких публикаций много в изданиях самих музеев сибирского региона (ежегодниках, известиях, записках, трудах и т. п.). Но появляются и отдельные монографического уровня издания. Например, Омский областной музей изобразительных искусств приступил к изданию сборников документов «Живое прошлое» [1]. Автором-составителем первого тома этого издания является старший научный сотрудник музея О. Н. Крепкая. Это замечательная и очень нужная книга.

Отметим и факт нарастания библиографических указателей литературы о музеях и в целом о становлении и развитии музейного дела в Сибири. Наибольший вклад в это музееведческое направление внесла О. Н. Труевцева. Кроме того, значительные библиографические данные содержатся в специальных библиографических указателях [32, с. 3–4], фундаментальных очерках по истории отдельных музеев, в диссертациях по музеологическому направлению, некоторых статьях.

Значительную работу проделали сотрудники Омского государственного историко-краеведческого музея, подготовившие и издавшие библиографический указатель в связи со 130-летием музея, включивший в себя работы за 1878–2008 гг. общим количеством в 3545 наименований [3]. Эта, безусловно, выдающаяся работа была выполнена под научным руководством П. П. Вибе (директор музея, доктор исторических наук), составителем — ученым секретарем музея кандидатом исторических наук А. А. Кильдюшевой и ее помощниками кандидатом исторических наук И. Н. Черновой и Н. У. Ткаченко.

Еще одно важное с научной точки зрения направление исследовательской работы в сибирском музееведении — это персоналии, т. е. статьи о видных музейных деятелях и музеологах. Их сегодня довольно много печатается в научных изданиях самих музеев — журналах, записках, известиях, трудах и др., а также в изданиях отдельных вузов и научных учреждений. Например, в журнале «Культурологические исследования в Сибири» были опубликованы статьи о следующих музейных деятелях и занимающихся музееведческими исследованиями ученых — П. П. Вибе, И. Г. Девятяровой, И. В. Захаровой, Т. М. Исламовой, Б. А. Коникове, В. И. Матющенко, Т. М. Назарцевой, Г. М. Патрушевой, А. М. Решетове, В. Г. Рыженко, Н. А. Томилове, Э. А. Шулеповой.

В современных условиях еще одна острая проблема — это статус самих музеев в России как научно-исследовательских, а не просто культурно-просветительных учреждений. Кое-где сегодня в отдельных субъектах Российской Федерации начинает превалировать мнение, что научно-исследовательская функция музеев не только не основная, но что научной работой музеи вообще не должны заниматься. Это глубокое заблуждение, но оно может в условиях рыночной экономики вызвать негативные явления в музейном деле. Нельзя возвращаться к 1930-м – 1950-м гг., когда в определениях музея отсутствовало понимание его как научного учреждения, а в направления работы включались только собирание, хранение и экспонирование музейных предметов. Необходимо придерживаться достигнутого в 1960-х гг. уровня определения музея как научного учреждения (за это особенно ратовал А. М. Разгон) или в расширенном варианте как научно-исследовательского и культурно-просветительного учреждения [7, с. 80]. Об этом нам пришлось говорить в выступлении с докладом в ноябре 2009 г. в г. Алматы на Международной научной конференции «I Аргынбаевские чтения», работавшей по направлениям музееведения и этнографии [21, с. 99–102].

Обязательность научных исследований музейных учреждений связана прежде всего с необходимостью изучения ценнейшего наследства, представленного в них музейными предметами. Музейный предмет понимается как «...изъятый из среды бытования и включенный в музейное собрание объект (памятник) истории, культуры или природы, являющийся первоисточником знаний и разнообразного (эмоционального, мировоззренческого, воспитательного и т. д.) воздействия» [15, с. 58].

Изучение ценнейших коллекций российских музеев и в целом музеев мира, ввод их в научный и информационный оборот через публикации каталогов и современные информационные системы, исследование истории музеев и накопленного опыта разных видов музейной и музееведческой работы являются сегодня наиболее важными задачами мировой музеологии.

В заключение подчеркнем еще раз, что одним из важнейших результатов работы сибирских историков и музееведов явились очерки истории музейного дела и историки отдельных музеев Сибири. Сегодня возникла и готова активно работать группа ученых — историков и музеологов, обладающих существенным опытом как проведения научных работ с коллекциями музеев, так и изучения и написания истории музеев.

Все более необходимой осязается и реализация предложений ученых и ряда учреждений Омска (Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского, Омского филиала Института археологии и этнографии СО РАН, Сибирского филиала Российского института культурологии МК РФ и РАН) о подготовке книг или даже серии по истории музеев Сибири. Сегодня в этом огромном регионе несколько сотен музеев и, конечно же, написать историю их всех — задача на много много лет. Но по написанию истории старейших и ведущих музеев Сибири (включая музеи российского Дальнего Востока) все же есть реальная перспектива.

Для осуществления такой работы нужны прочный союз музеев и научных учреждений, их тесное сотрудничество и совместная научно-исследовательская работа. В ближайшей перспективе реальной является подготовка омскими учеными книги (или нескольких книг) по истории ряда музеев Западной Сибири. Но для выполнения

этой работы требуется поддержка научных учреждений Омска со стороны самих музеев и администраций сибирских административно-территориальных субъектов Российской Федерации.

Если вести речь о разработке периодизации изучения истории музеев Сибири, то эту работу предстоит еще выполнить. Но на основании ряда показателей публикаций (количественных и содержательных) и в какой-то мере интуитивно мы предлагаем следующую схему выделения основных периодов и в них этапов истории этого изучения.

Первый период публикаций по истории сибирских музеев приходится, по нашему мнению, на время со второй четверти XIX в. и почти до конца второго десятилетия XX в. В нем просматриваются два этапа. Первый этап охватывает время со второй четверти XIX в. (выявленная О. Н. Труевцевой первая публикация о музеях Сибири относится к 1829 г. [32, с. 6, 38] по конец 1870-х гг. и характеризуется больше публицистичностью статей (хотя были и научные статьи), их небольшим количеством, бессистемностью. Вторым этапом начинается с 1880-х гг. и заканчивается примерно 1917 г. Он характеризуется прежде всего значительным увеличением публикаций о музеях Сибири и в том числе об истории их создания и дальнейшего развития в связи с возрастанием числа музеев в Сибири, появлением большого количества научных работ о музеях.

Второй период охватывает, как нам представляется, время с конца второго десятилетия и до конца 50-х гг. XX в. В связи с бурным музейным строительством и в целом существенным развитием музейного дела в советскую эпоху значительно увеличивается количество публикаций о сибирских музеях, в том числе и по их истории. Изложение истории музеев становится постепенно анализирующим, интерпретация ее осуществляется на основе научно-материалистического мировоззрения и с учетом государственных интересов.

Третий период — это хронологический промежуток с 60-х гг. XX в. по настоящее время. Именно в эту пору выходят в свет те фундаментальные труды по истории музеев Сибири, о которых речь уже шла выше, в том числе работы монографического характера, в своей основе не только анализирующие, но и синтезирующие источники и научные подходы. Существенно возросло и количество таких исследований, они приняли целенаправленный облик. Появились и музееведческие научные центры в самой Сибири, занимающиеся и изучением истории музейного дела, в том числе и воссозданием истории сибирских музеев.

В нем можно выделить два этапа. Первый приходится на время 60-х гг. — первой половины 80-х гг. XX в. Появляются работы фундаментального значения, прежде всего труды А. М. Разгона и некоторых других ученых по истории музеев России, в т. ч. и Сибири.

Второй этап начинается со второй половины 80-х гг. XX в. и длится по настоящее время, характеризуется изданием трудов монографического типа по истории музейного дела в Сибири, целенаправленным характером изучения истории сибирских музеев, появлением научных центров в данном направлении в Барнауле, Новосибирске, Омске и группы исследователей в этих и некоторых других городах в самой Сибири.

Изложенная в кратком виде схема периодизации изучения истории музеев Сибири представляет собой предварительные наброски (хотя и основывается на достаточно большом объеме источников), требует углубленного изучения и прежде всего изучения содержательной и мировоззренческой сторон научных публикаций по данной проблеме.

Впереди нас, возможно, ждет третий этап современного периода, одним из знаковых явлений которого могла бы стать работа по подготовке и изданию серии трудов по истории ведущих музеев Сибири.

Библиографический список

1. Живое прошлое: История Омского музея изобразительных искусств, 1923–1960 годы: Сборник документов. Омск: Наука, 2006. Т. 1. 271 с.
2. Музеи научных центров и институтов Сибирского отделения Российской академии наук. Новосибирск: Издание Ин-та истории СО РАН, 2009. 262 с.
3. Омский государственный историко-краеведческий музей. 1878–2008: Библиографический указатель. Омск: Издание Омск, ист.-краеведческ. музея, 2009. 406 с.
4. Российская музейная энциклопедия: В 2 т. М.: Прогресс, «Рипол Классик», 2001. Т. 1. 416 с. Т. 2. 436 с.
5. Слово о соратнике и друге (К 80-летию А. М. Разгона). М.: Издание Гос. историческ. музея, 1999. 121 с.
6. Спирина И. В. История создания музея изобразительных искусств в Омске (1870-е – 1930-е годы). Омск: Наука, 2004. 352 с.
7. Терминологические проблемы музееведения. М.: Издание Центральн. музея революции СССР, 1986. 136 с.
8. Томилов Н. А. Енисейск как памятник истории и культуры и Енисейский краеведческий музей // Культурологические исследования в Сибири. 2006 а. № 1. С. 82–91.
9. Томилов Н. А. История музейного дела Сибири: проблема периодизации // Культура и интеллигенция сибирской провинции в XX веке. Новосибирск, 2000 а. С. 139–141.
10. Томилов Н. А. Музейные фонды Сибири и научная серия «Культура народов мира в этнографических собраниях российских музеев» // Музейные фонды и экспозиции в научно-образовательном процессе. Томск, 2002.
11. Томилов Н. А. Новосибирский областной краеведческий музей (краткий исторический очерк) // Хозяйство русских в коллекциях Новосибирского областного краеведческого музея. Новосибирск, 1996. С. 6–48.
12. Томилов Н. А. Периодизация истории исторических и краеведческих музеев Сибири // Музейные ценности в современном обществе. Омск, 2008 а. С. 11–18.

13. Томилов Н. А. Проблема периодизации истории исторических и краеведческих музеев Сибири // Культуры и народы Северной Азии и сопредельных территорий в контексте междисциплинарного изучения. Томск, 2008 б. С. 45–51.
14. Томилов Н. А. Роль историко-культурных ресурсов музеев в процессах стабильного развития российского общества // Ресурсы исторических и краеведческих музеев и проблемы их эффективного использования в современном российском обществе. Красноярск, 2006 б.
15. Томилов Н. А. Современный музей: его социальные функции и научно-исследовательская деятельность // Труды Центрального музея: музейное дело, археология, история, источниковедение, антропология и этнология, фольклористика. Алматы, 2009. Вып. 2.
16. Томилов Н. А. Социальная значимость музейного историко-культурного наследия // Культуры и народы Северной Азии и сопредельных территорий в контексте междисциплинарного изучения. Томск, 2008 в. С. 42–44.
17. Томилов Н. А. Социальные функции археологического наследия // Северный археологический конгресс. Екатеринбург Ханты-Мансийск, 2002. С. 384–385.
18. Томилов Н. А. Традиционно-бытовая культура: сферы и социальные функции // Культура как система в историческом контексте: опыт Западно-Сибирских археолого-этнографических совещаний. Томск, 2010. С. 32–35.
19. Томилов Н. А. Тюменский областной краеведческий музей и его этнографические работы // Этнографическое обозрение. 2000 б. № 1. С. 129–139.
20. Томилов Н. А. Тюменский областной краеведческий музей (краткий исторический очерк) // Хозяйство русских в коллекциях Тюменского областного краеведческого музея. Тюмень, 1994. С. 7–83.
21. Томилов Н. А., Ахметова Ш. К., Патрушева Г. М. Международная конференция музеологов и этнографов в Алматы // Культурологические исследования в Сибири. 2010. № 1.
22. Томилов Н. А., Макаров Ю. А. Омский государственный объединенный исторический и литературный музей (Краткий исторический очерк) // Народы Севера Сибири в коллекциях Омского государственного объединенного исторического и литературного музея. Томск, 1986. С. 5–39.
23. Томилов Н. А., Патрушева Г. М. Музей археологии и этнографии Омского государственного университета (Краткий исторический очерк) // Хозяйство и средства передвижения сибирских татар в коллекциях Музея археологии и этнографии Омского государственного университета. Новосибирск, 1999. С. 7–44.
24. Томилов Н. А., Томилова В. С. Российский журнал «Культурологические исследования в Сибири» и его вклад в изучение культуры (к 10-летию издания журнала) // Культурологические исследования в Сибири. 2008. № 2. С. 44–49.
25. Томилова В. С., Томилов Н. А. Музееведение и музейное дело на страницах журнала «Культурологические исследования в Сибири» // Социально-экономическое и историко-культурное наследие Тарского Прииртышья. Тара, 2009. С. 130–134.
26. Томилова В. С., Томилов Н. А. Проблемы музееведения и музейного дела на страницах российского журнала «Культурологические исследования в Сибири» и других сибирских изданий // Музейные фонды и экспозиции в научно-образовательном процессе. Томск, 2002. С. 34–38.
27. Томилова В. С., Томилов Н. А., Корусенко М. А. Научные журналы и серии по археологии, этнографии, этноархеологии и культурологии в Омске // Культурологические исследования в Сибири. 2005. № 2. С. 150–158.
28. Томилова В. С., Томилов Н. А., Корусенко М. А. Научные серийные издания Омского научного центра России по археологии, этнографии, этноархеологии и культурологии // Интеграция археологических и этнографических исследований. Одесса; Омск, 2007.
29. Труевцева О. Н. История сибирского музея: методология, историография, источники: Учебное пособие. Барнаул: Изд-во Алтайск. ин-та искусств и культуры, 1999. 208 с.
30. Труевцева О. Н. Музеи Сибири во второй половине XX века. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 2000. 336 с.
31. Труевцева О. Н. Общественные и муниципальные музеи Сибири: исторический опыт и современность. Барнаул: Изд-во Алтайск. техническ. ун-та, 1998. –130 с.
32. Труевцева О. Н. Становление и развитие музейного дела в Сибири. Материалы библиографии. Барнаул: Изд-во Алтайск. ин-та искусств и культуры, 1997. 275 с.

Н. В. Труевцев

ИСТОРИЯ ИКОФОМ КАК ВЗГЛЯД В БУДУЩЕЕ

Современные музеи значительно отличаются от своих предшественников. На смену Кунсткамерам пришли современные музейные комплексы с полифункциональными возможностями, которые являются подлинными центрами науки, искусства, культуры.

Развитие музеев в настоящее время невозможно без глубоких знаний основ музейного дела в разных странах мира, изучения международного опыта деятельности музеев.

Развитию международных связей музеев в значительной степени способствуют неправительственные организации, объединения профессионалов, связанные едиными целями и задачами, направленными на сохранение культурного наследия. Такими объединениями являются в настоящее время общепризнанные и авторитетные организации Международный совет музеев (ИКОМ) и одно из его основных структурных подразделений Комитет музеологии (ИКОФОМ).

Рождению этих организаций предшествовала длительная история развития международного музейного движения. Первая в мире международная организация музеев т.н. «Ассоциация музеев» была создана в Йоркширском музее (графство Йорк, Англия) 20 июня 1889 г. Она объединяла коллективных и индивидуальных членов разных стран. По мере роста влияния и авторитета этой организации стали появляться национальные музейные ассоциации в других частях мира.

Первая мировая война нанесла невосполнимый урон мировому наследию. После ее окончания для поддержания мира и развития сотрудничества между народами была создана международная организация Лига наций. Международное, национальное и локальное культурное наследие играло важную роль в миротворческом процессе. Поэтому Международная комиссия по культурному сотрудничеству при Лиге наций основала Международное бюро музеев — новую международную музейную организацию.

Международное бюро музеев занималось распространением научных знаний, координацией научных исследований, осуществляло всестороннюю поддержку музейного дела, изучало вопрос о росте милитаризации в мире и ее опасности для сохранности музейных коллекций. Журнал «Музеон», издаваемый бюро, более 20 лет являлся ведущим международным музейным изданием.

В 1939 г. Европа вновь была втянута в международный конфликт, вылившийся в мировую войну. Международное бюро музеев использовало свой практический опыт для сохранения национального культурного наследия стран участников войны.

После окончания второй мировой войны и создания ЮНЕСКО Международное бюро музеев было включено в структуру этой организации и получило новое название — Международный совет музеев (ИКОМ). Музеи разных стран мира получили возможность получить защиту в условиях экстремальных ситуаций, войн и катастроф, возможность совместного поиска путей совершенствования своей деятельности, более открытого доступа к памятникам истории и культуры. За 62 года существования ИКОМ стал массовой авторитетной международной организацией, объединяющей индивидуальных членов и национальные комитеты пяти континентов.

Международное музеологическое сообщество организационно оформилось в мае 1977 года, когда на 34 сессии Консультативного комитета Международного совета музеев (ИКОМ) было принято решение об учреждении Международного комитета музеологии (ИКОФОМ).

В резолюции № 7 XII Генеральной Ассамблеи ИКОМ, которая проходила в Москве 28 мая 1977 года, была подчеркнута необходимость определения музеологических терминов для достижения взаимопонимания между музейными профессионалами в различных странах. ИКОМ призвал свои национальные и международные комитеты аккумулировать теоретические и практические знания для унификации музеологической терминологии и созданию словаря музейных терминов.

Этот очевидное для сегодняшнего дня решение было результатом многолетней дискуссии между сторонниками традиционного узкого понимания музея как хранителя ценностей и представителями более широкого подхода к музею как инструменту сохранения наследия и служения обществу в изменяющемся мире.

Большую роль в становлении современной музеологии сыграл Президент ИКОМ (1971–1977 гг.) Ян Елинек, который и возглавил ИКОФОМ с момента его образования. Будучи Президентом ИКОМ, Ян Елинек инициировал закрепление в резолюции № 4 Генеральной ассамблеи (1971 г.) обращение к правительственным организациям о признании музеологии в качестве научной дисциплины на университетском уровне и рекомендации музейному сообществу о развертывании и публикации научных исследований в области музеологии,

XI генеральная ассамблея (1974 г.), принимая во внимание тот факт, что многие центры подготовки музейных работников ограничивают свои программы музеографическими техниками рекомендовала шире использовать в обучении междисциплинарную музеологию.

Важное значение для становления музеологии как научной дисциплины внесли публикации ИКОФОМ: «Возможности и ограничения научных исследований, типичных для музеев Польши» (1978), «Социологические и экологические аспекты музейной деятельности» (1979), «Музеология: наука или практика музейной деятельности» (1980), «Междисциплинарность в музеологии» (1981), «Методология музеологии и профессиональная подготовка» (1983), «Музей-территория-общество: новые тенденции, новая практика» (1983).

Последние четыре публикации вышли под редакцией Виноша Софки, который с 1983 года возглавил до конца 80-х годов ИКОФОМ и внес существенный вклад в становление музеологии. Признание музеологии в качестве самостоятельной научной дисциплины, как в университетских, так и в музейных сообществах было достигнуто во многом благодаря организации широких обсуждений актуальных проблем развития музеев в изменяющемся мире. При этом, учитывая междисциплинарный характер музеологии, к организации и участию в международных симпозиумах привлекались другие комитеты ИКОМ, а также эксперты в различных областях социального знания.

О содержании проведенной работы можно судить по темам симпозиумов и коллоквиумов: «Коллекционирование сегодня для будущего» (1984), «Оригиналы и копии в музеях» (1985), «Музеология и идентичность» (1986),

«Музеология и музеи» (1987), «Музеология и развивающиеся страны» (1988), «Прогнозирование: инструмент музеологии?» (1989), «Музеи и сохранение наследия» (1990), «Язык выставок» (1991).

Важно подчеркнуть, что содержание научных дискуссий транслировалось музейным профессионалам через публикацию материалов обсуждений, вышедших в свет под редакцией Виноша Софки.

Однако это был не единственный канал обращения музеологов к музейным практикам. Фактом, не получившим до сих пор адекватной публичной оценки, является создание в 1987 году под эгидой ИКОМ международной летней музеологической школы в Брно, на базе университета Массарика. Первым директором этой школы был известный музеолог З. З. Странский. С 1988 года школу возглавил Винош Софка.

В отличие от других учебных заведений, осуществлявших краткосрочную подготовку музейных работников, программа школы в Брно предусматривала широкую музеологическую подготовку, базирующуюся на инновационных подходах к музейной практике. Имея в виду, что большинство слушателей обладали достаточно богатым и разнообразным опытом практической работы, преподаватели школы ставили своей целью не только ознакомление с современными методами музейной работы, но, в первую очередь, формирование музеологического мышления, ориентированного на осмысление практики с точки зрения цивилизационных вызовов современной жизни. При этом значительная часть знаний приобреталась в ходе дискуссий, коллоквиумов, в ходе которых слушатели обменивались не только методами музейной деятельности, но и сложившимися в разных странах подходами к сохранению и воспроизводству историко-культурного наследия.

Социальное значение школы заключалось в том, что ее выпускники становились носителями и пропагандистами новой музеологической идеологии, ориентированной на общегуманитарные ценности и потребности общества. Международная летняя музеологическая школа в Брно просуществовала до 1999 года. Однако ее идеи и принципы обучения оказались не только востребованными, но и реально воплощенными в других странах и, в частности, в России.

Большой вклад в развитие международного музейного сотрудничества внесла президент ИКОФОМ (2001–2007 гг.) доктор Хильдегард Фиеррегг, которая в настоящее время занимает пост профессора кафедры музеологии университета философии (Мюнхен). Она — автор и руководитель успешных научно-исследовательских проектов: «Школа и музей», «Общественный музей», «Сохранение исторических зданий и монументов и образование», редактор журналов «Музеология и философия», «Музеология и непостижимое наследие», координатор ежегодного журнала комитета музеологии «ICOFOM study series».

Богатый опыт международного сотрудничества в области музеологии до сих пор не нашел отражения в научных исследованиях. Отсутствуют не только монографии, но и отдельные статьи, посвященные проблемам истории сотрудничества, социальным технологиям взаимодействия ученых-музеологов, профессиональных музейных работников.

Во многом это обусловлено разобщенностью архивных источников и отсутствием их научно-технической обработки. Единственным официальным центром хранения документации ИКОМ является ICOM Museum information centre в Париже. Однако там содержатся лишь официальные документы ежегодных собраний ИКОФОМ.

Тридцатилетний опыт работы Комитета музеологии, а также опыт работы других Комитетов ИКОМ, несомненно, заслуживает глубокого научного анализа.

Изучение собственной истории, и ее обсуждение может позитивно сказаться на перспективном планировании деятельности неправительственных организаций в процессе сохранения культурного наследия.

О. Н. Труевцева

РОЛЬ МУЗЕЕВ В ИНТЕГРАЦИИ КУЛЬТУРЫ СИБИРСКИХ АБОРИГЕНОВ В ПОЛИКУЛЬТУРНОЕ ПРОСТРАНСТВО

Организация Объединенных наций объявила 2010 год Международным годом сближения культур, подчеркивая тем самым необходимость и значимость формирования гражданского единства, укрепления этнокультурного многообразия.

В настоящее время человечество вступает в принципиально новую постиндустриальную эпоху, характеризующуюся возникновением культуры гармонизма или культуры гармоничной цивилизации. Эта культура является важнейшим показателем устойчивого развития человечества, обеспечивает процветание всем нациям и народам.

Важнейшим фактором гармонизации общества являются гармоничные межэтнические отношения в многонациональных государствах. Основу этих отношений составляет информация о каждом народе. Чтобы организовать гармоничную жизнь в современном обществе нужно знать историю, национальные особенности культуры, традиции народов, его культурное наследие.

Еще несколько десятилетий назад немногие люди знали о коренных народах. В наши дни все изменилось. Сегодня все мировое сообщество, правительства, неправительственные организации и отдельные представители

работают на благо коренных народов и борются за их права. Организация объединенных наций (ООН), Европейский союз, неправительственные Международные организации последние десятилетия прилагают немалые усилия к тому, чтобы учесть интересы коренных народов, сохранить культуру, сделать так, чтобы люди жили в уважении друг к другу.

ООН объявила 1993 год Международным годом коренных народов мира. Через два года уже целое десятилетие (1995–2004 гг.) было посвящено коренным народам мира. В 2005 г. Генеральная Ассамблея ООН провозгласила 2005 по 2014 годы годами II Международного десятилетия коренных народов мира. Главной целью объявленных десятилетий являлась необходимость обратить особое внимание мировой общественности на 300 млн. жителей планеты в более чем 70 странах мира, которых следует оберегать и рассматривать как малочисленные, коренные, включая народы Арктики, Южной Америки, Азии, Африки и Австралии [1, с. 8].

В Сибири в перечень коренных малочисленных народов включены 40 народов, общей численностью 244 тыс. человек, проживающих в 28 субъектах [2]. Уязвимость традиционного образа жизни каждого из малочисленных народов Сибири делают особенно актуальной планомерную деятельность государства по сохранению их культурного наследия и традиционного образа жизни в природной среде, воспроизводство хозяйственной деятельности [3].

Утвержденная в феврале 2009 г. Концепция устойчивого развития коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации представляет собой государственный проект по защите прав малочисленных народов Севера. Концепция основана на глубоких знаниях современной ситуации в области традиционного природопользования, образования, здравоохранения, этнокультурного и социально-демографического развития коренных народов. Впервые в данной Концепции предусмотрена не только государственная поддержка коренных малочисленных народов, но и содействие мобилизации их внутренних ресурсов путем укрепления их социально-экономического потенциала, сохранения исконной среды обитания, традиционного образа жизни и традиционной хозяйственной деятельности. Для достижения этого необходимо решение ряда задач, включая: развитие и модернизацию традиционных занятий; содействие самоорганизации; повышение возможностей доступа к образованию; снижение детской смертности и в целом существенное улучшение качества жизни малочисленных народов Севера; сохранение культурного наследия.

О сохранении культурного наследия коренных народов Сибири призваны заботиться музеи. В отличие от библиотек и архивов, музеи хранят весь спектр памятников истории и культуры: движимых, недвижимых, материальных, духовных, природных. Музеи неразрывно связаны с сохранением и воспроизводством историко-культурного наследия народов. Только в музее на основе подлинных памятников и присущих музею форм коммуникации формируется объективное представление об этносе и его культуре, о проблемах взаимоотношения и взаимовлияния народов, их истории, традициях, обычаях, национально-психологических особенностях и формах их проявления. Музейные коллекции являются не только ценным информационным источником, раскрывающим взаимодействие культур народов, но и обладают мощным эмоциональным потенциалом воздействия на посетителей. Музеи делают информацию не только более доступной для понимания различных категорий населения, но и влияющей на формирование ценностных ориентаций, формирующих толерантность и уважение к этническим культурам других народов.

Музеи Сибири имеют многолетний опыт по сохранению, и представлению этнокультурного наследия. Однако современные процессы мирового развития заставляют музеи пересмотреть основные направления деятельности и привести их в соответствие с вызовом времени.

Богатый опыт представления культуры коренных малочисленных народов Сибири накоплен в Красноярском краевом краеведческом музее.

В 2001 году Красноярский краевой краеведческий музей представил посетителям новую комплексную экспозицию. Значительное место в новой экспозиции занимает тема «Этносы Сибири», раскрывающая материальную и духовную культуру 9 аборигенных этносов: энцев, ненцев, нганасан, кетов, селькупов, долган, эвенков, якутов, хакасов, проживающих на территории края в XVII – нач. XX вв. Экспозиция подчеркивает самобытность и своеобразие культурных традиций каждого народа [4, с. 26–27].

Культуру шорцев, эвенков, ненцев, нганасан, тофалар представляет скомполекованная в 20–30 гг. XX в. коллекция этнографии коренного населения Сибири Новосибирского государственного краеведческого музея.

Эвенкийский окружной краеведческий музей славится коллекциями старинных украшений для оленя, музыкальных инструментов, шаманских амулетов, календарей эвенков и якутов. Таймырский окружной краеведческий музей располагает уникальной этнографической коллекцией одежды, предметов быта и религиозного культа нганасан — малого народа, проживающего в Долгано-Ненецком автономном округе. Этнографическая коллекция Ямальского районного музея насчитывает более 8 тыс. ед. хранения и состоит из пяти разделов: жилище, бытовые вещи, национальная одежда, детские игрушки, священные предметы [5, с. 284.] Культура кумандинцев [6] наиболее полно представлена в фондах Бийского краеведческого музея им. В. Бианки (Алтайский край). В 1997 г. в Бийском краеведческом музее был открыт зал культуры и быта кумандинцев. Сотрудники музея представили не только традиционную культуру народа, но и отразили проблемы современного уровня жизни и состояния старожил. Однако отсутствие свободных экспозиционных площадей и выставочных залов у музея не позволило сохранить посетителям уникальную коллекцию на более длительное время. Выставка была закрыта.

Коллекции по истории и культуре кумандинцев представлены также в фондах муниципального учреждения культуры «Красногорский краеведческий музей». Национальный музей Республики Алтай стал организатором серии мероприятий, посвященных возрождению культуры и традиций этого коренного малочисленного народа: всероссийской научно-практической конференции, этнографического праздника в селе Шунарак у подножия священной горы кумандинцев Кызыл Гая, выставки этнографического наследия кумандинцев.

Малочисленный народ северо-западной Сибири — селькупы в настоящее время проживают в Томской и Тюменской областях, Ямало-ненецком и Ханты-Мансийском АО, Красноярском крае. Наиболее полная этнографическая коллекция о культуре и традициях селькупов Томской области была собрана журналистом и краеведом В. В. Рудольфом в 70-е — 90-е гг. XX в. [7, с. 56–57].

За пятнадцать лет работы в районе журналистом-краеведом была собрана уникальная коллекция, составившая основу музейного фонда Красноселькупского районного краеведческого музея Ямало-Ненецкого автономного округа [7, с. 58].

Ежегодно коренные народы Парабельского, Верхнекетского, Каргасокского, Александровского, Колпашевского районов Томской области встречаются в с. Парабель на международном этническом фестивале «Легенды Севера», организаторами которого являются и районные музеи. Местом проведения фестиваля выбрано Оськино озеро — священное место коренных народов. Участники фестиваля: эвенки, селькупы, ханты и манси, представляющие общины коренных народов Томской области, знакомят участников с особенностями своей самобытной культуры, традициями и обычаями. Необходимо отметить, что более половины участников фестивалей — дети и молодежь коренных народов, многие из них на празднике впервые начинают идентифицировать себя с коренными народами Сибири, изучать свой родной язык и говорить на нем.

Наряду с всероссийскими программами в большинстве регионов Сибирского Федерального округа осуществлялась реализация региональных целевых программ, направленных на обеспечение этнокультурного и социально-экономического развития коренных малочисленных народов Севера.

Финансирование региональных проектов позволило провести модернизацию музейных экспозиций и выставок, создать новые музейные комплексы, включившие природное наследие коренных народов Сибири. Современная концепция развития музеев основана на реализации комплексного подхода к наследию, сохранение его материальной, нематериальной составляющих. Природная среда, ландшафт, являются неотъемлемыми составляющими сохраняемого наследия.

Наиболее интересные проекты в новом тысячелетии были реализованы в Ямало-Ненецком и Ханты-Мансийском округах Тюменской области, Иркутской и Кемеровских областях, Алтайском крае, Республике Алтай.

В Ямало-Ненецком автономном округе проживают представители трех национальностей, отнесенных к коренными малочисленным народам Севера: ненцы, ханты, селькупы.

Культура ямальских старожилов неразрывно связана с природой, тундрой и оленем. Поэтому главная задача музеев — показать удивительную способность этого народа жить в суровых условиях Сибири в гармонии с природой, окружающей человека средой и быть самодостаточными и независимыми.

Парк-музей «Живун», занимающий площадь в 32 гектара, является филиалом Шурышкарского районного историко-краеведческого комплекса. Расположен в с. Мужы, являющимся исторически достоверной средой бытования хантов. На его территории реконструированы хантыйские этнографические объекты: лабаз, летняя изба, чум, представлены орудия охоты, транспортные средства, ритуальные предметы хантов. Музей является организатором народных праздников, фестивалей «Ворна хатл», «Лун кутуп хатл», летних детских этнографических лагерей, национальных праздников «День оленевода», «День рыбака», «Вороний день», которые постоянно привлекают туристов.

На территории округа созданы и активно работают с посетителями и туристами еще 6 центров национальных культур, этнографический комплекс в поселке Горноknязевск, геологический памятник природы «Харбейский».

Уникальные образцы этнической культуры ненцев, ханты, манси, селькупов собраны в музеях Ханты-Мансийского автономного округа. Этнографический музей-заповедник «Торум Маа» был основан в Ханты-Мансийске в 1987 г. по инициативе известных угорских поэтов и писателей Ювана Шесталова и Еремея Айпина. Расположен музей под открытым небом в уникальной по своей красоте и своеобразию природно-ландшафтной среде. По жилым, хозяйственным и культовым строениям, расположенным на территории музея, посетитель может составить наглядное представление о богатстве и своеобразии духовной культуры и жизненного уклада обско-угорских народов, владевших тайнами гармоничного сосуществования с суровым климатом и дикой природой. Важно, что сотрудниками музея, экскурсоводами являются представители коренного народа ханты, что значительно обогащает национальный колорит представляемой информации. На территории музея проводятся традиционные медвежьи игрища и свадебные обряды народа ханты.

С бытом и образом жизни пимских ханты знакомит экомузей г. Лянтора. Хантыйский этнографический музей возник на территории древнего родового поселения семьи Востокиных в излучине реки Вачим — юн. Культура пимских ханты уникальна по своему диалекту, особенностям традиционного быта и уклада. О традиционной культуре, быте и хозяйственной деятельности ханты реки Пим рассказывают сами представители рода Востокиных.

Сохранились родовые постройки: деревянные срубные избы, являющиеся сезонными жилищами; хозяйственные и священные лабазы на фигурных столбах; хозяйственные навесы; загоны для животных; хлебные печи и т. д.

Историко-культурный и экологический центр Мегион включает краеведческий музей в Мегионе и музейно-туристический комплекс «Югра». Прямо из стойбищ хантыйских оленеводов привезены почти все экспонаты парка музея под открытым небом. Музей представляет собой хантыйское стойбище, которое продолжает жить своей собственной жизнью рядом с поселком.

О принципах гармоничного сосуществования коренных народов Севера с окружающей природной средой рассказывает экспозиция Музея Мах-Сир Ях (музей рода Бобра). Музейные экспонаты воссоздают историческую и природную среду обитания рода Бобров аганских ханты.

Особого внимания заслуживает и работа этнографов и археологов университетов и музеев Кемеровской области, где с 1990 г. осуществляется областная целевая программа по созданию в Кузбассе сети национальных экомузеев. В Кемеровском государственном университете создан и успешно работает Учебно-научный центр этноэкологических исследований Притомья. Региональная целевая программа была продолжена на 2008–10 гг. и получила название — «Социально-экономическое развитие наций и народностей в Кемеровской области на 2008–2010 гг.». Этнографические экомузеи Притомья: шорский «Тазгол», телеутский «Чолкой», тюльберов «Тюльбергский городок» стали подлинными хранителями материального, нематериального «живого» и природного наследия коренных народов Сибири.

Областная государственная социальная программа «Экономическое и социальное развитие коренных малочисленных народов в Иркутской области до 2011 г.» способствовала продолжению работы по разработке и реализации концепции интегрированного музея, экомузеев в Иркутской области. Иркутский архитектурно-этнографический музей «Тальцы» представляет материальную и духовную культуру эвенков, тофалар. Тофалары — самый малочисленный из коренных народов Сибири. Общая численность населения составляет около 500 чел. В музее реконструировано тофаларское стойбище со всеми атрибутами традиционной жизни аборигенов.

Наиболее ярко идеи современной музеологии воплотились и в практической деятельности музея «Ангарская деревня».

Таким образом, музеями Сибири накоплен значительный опыт по сохранению, воспроизводству и презентации культурного наследия коренных малочисленных народов Сибири. Однако, к сожалению, культура ряда коренных малочисленных народов не нашла отражения в музейных экспозициях и выставках. Это, с одной стороны, обусловлено недостатком средств для организации экспедиционных исследований. Требуется значительных средств и формирование коллекций. С другой стороны, еще более затратным является создание музеев под открытым небом, экомузеев. Многие музеи в силу отсутствия экспозиционных площадей не могут представить посетителям все богатство имеющихся коллекций. Музеи не имеют в штате профессиональных этнологов. Богатство культуры коренных народов до сих пор не нашло должного отражения в мультимедийных средствах, научных и популярных изданиях.

Очевидно, что решение этих вопросов невозможно осуществить в ближайшем будущем. Однако, принципиально важно, что эти проблемы выявлены и ожидают своего решения.

Библиографический список

1. Коренные народы и международное сотрудничество. Серия: Библиотека коренных народов Севера. Вып. № 11. М., 2005. С. 8.
2. Единый перечень коренных малочисленных народов Российской Федерации утвержден распоряжением Правительства РФ от 17 апреля 2006 г. № 536-р. // Мир коренных народов Живая Арктика. Альманах ассоциации коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока. № 19. 2006. С. 39.
3. См.: Конституция РФ (ст. 69, 71, 72); Федеральные законы от 30 апреля 1999, № 82-ФЗ «О гарантиях прав коренных малочисленных народов РФ»; от 7 мая 2001 г. № 49-ФЗ «О территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ»; от 20 июля 2000 г. № 104-ФЗ «Об общих принципах организации общин коренных малочисленных народов»; Федеральным законом от 5 апреля 2009 г. № 4 — ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ»; положениями Концепции устойчивого развития коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации (утверждена распоряжением Правительства РФ от 4 февраля 2009 г. № 132-р); международными обязательствами РФ в рамках выполнения положений Рамочной конвенции по защите прав национальных меньшинств Совета Европы от 1 февраля 1995 г.
4. Ярошевская В. М. Красноярский краевой краеведческий музей на рубеже двух веков. Опыт создания новых экспозиций // Музей и общество. Материалы международной конференции. Красноярск, Россия. 10–13 сентября 2002.
5. Мифы и предания ненцев Ямала. Тюмень: Изд-во Института проблем освоения Севера СО РАН, 2001. С. 284.
6. По данным переписи населения 2002 г. численность кумандинцев составляла: в Алтайском крае — 1663 человека; в Республике Алтай — 931 человек; в Кемеровской области — 294 человека; в прочих регионах России — 226 человек. Всего по России — 3114 человек.
7. Музейный компас Сибири: Ямало-Ненецкий автономный округ / Под ред. О. Н. Труевцева. Барнаул: Алт-ГАКИ. 2005.

ЭТНОКУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ МУЗЕЙНО-МЕМОРИАЛЬНОГО КОМПЛЕКСА ЖЕРТВ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕПРЕССИЙ И ТОТАЛИТАРИЗМА «АЛЖИР»

Духовное богатство любого народа в значительной мере предопределяется его способностью сохранять свою историческую память, беречь и развивать национально-культурные традиции, формировать подрастающие поколения на примере отцов. Существенную роль в решении этой задачи играют музеи, которые собирают, сохраняют, реставрируют, классифицируют и экспонируют ценности истории и культуры. Каждый элемент музея — это оживший подлинник национального наследия, достояние отечества, его духовная ценность, обладающая огромным культуросозидающим потенциалом. Однако, для его реализации необходимо, чтобы эти ценности не оставались «вещью в себе», а были востребованы обществом, использовались как средство удовлетворения потребности современников в осмыслении духовного мира разных эпох, в познании своей истории.

Современный музей не может быть лишь кладом раритетов, он должен органично вписаться в современную культуру, принять на себя обеспечение преемственности культурно-исторического развития, нравственно-эстетическое воспитание подрастающего поколения, вовлечение людей в мир подлинных духовных ценностей. Каждый музей может и должен стать центром духовной жизни региона, институтом социально-культурной деятельности, опирающейся на сконцентрированные в нем ценности истории и культуры. Однако сегодня ряд музеев мира испытывают недостаточную защищенность со стороны государства и общества; присущая многим музеям односторонняя ориентация на историю, научная неразработанность методологии и методики использования музейной экспозиции как средства вовлечения разных групп населения в социально-культурную деятельность.

Музеи, являясь сокровищницей человеческой памяти, во все периоды существования общества служили ему источником, пополняющим духовные силы, сохраняющие коллективную память, обогащающие и развивающие интеллект нации. В тревожные периоды, переживаемые обществом, роль музеев многократно возрастала и становилась комплексной, охватывая сферу не только духовной жизни, но и существенно влияя на экономику и социальную жизнь общества.

В начале XXI в. общество переживает именно такой сложный период своей истории. Происходящая в обществе смена формаций, ценностей и приоритетов, начавшийся процесс изменения менталитета казахстанского человека поставили музеи в уникальное положение. Музеи, изначально по своей социальной сути, теснейшим образом связаны с обществом, с изменениями, происходящими в нем. И в первую очередь это связано с глобализацией, т. е. формированием процессов во всех сферах жизни общества, в том числе и социально-культурной. Вопросами военной истории, и в частности истории развития вооружений и военной техники, в определенные периоды времени занимались в объеме единой государственности. Сегодня бурно развивается культура, система образования, открываются памятники, музеи, архивы. Это находит свое отражение и в вопросах изучения истории несколько с других позиций.

Основные направления глобализации в социально-культурном пространстве могут быть следующие:

- развитие массовой культуры, в которой необходимо расширить в первую очередь ее положительные черты — доступность широких слоев населения к памятникам духовно-исторической культуры;
- тенденции к обеспечению всеобщей грамотности и повышению культуры образования;
- обеспечение межкультурных коммуникаций в общепланетарном масштабе.

Современный Музей, жизнь которого насыщена множеством форм практической деятельности и массой теоретических разработок, а история исчисляется веками, в настоящее время имеет особые возможности для дальнейшего развития. Одной из главных тем для размышлений музейных специалистов является прогнозирование в области создания Музея XXI вв.: с чем войдут музейные институты в новое тысячелетие, каковы пути их дальнейшего развития, что должно быть изменено, исходя из имеющегося опыта, в самом понятии Музея?

История уготовила республике Казахстан особую роль — соединять миры и цивилизации, давать новые импульсы для развития и прогресса, вносить в культурное и социальное развитие европейского и мирового сообщества начала высокого уровня духовности, толерантности и открытости по отношению к другим цивилизациям и культурам. Культура во все времена спасала нашу страну, обеспечивала ее целостность и стабильность и поэтому заслуживает того, чтобы сегодняшнее государство и общество озаботились ее поддержкой и защитой. Приоритетом Республики Казахстан является, сохранение культурно-исторического наследия.

Следуя данной политике государства, ежегодно в нашей стране открываются памятники, музеи, библиотеки, архивы. Музеи выполняют не только функции сохранения наследия, памяти, культуры, но и выполняют информационную и межкультурную функции. Экспозиции, выставки, научные форумы и конференции, просвещают народ, обогащая их новой информацией. Межкультурный обмен музеев в современном мире постоянно развивается и совершенствуется. Ежегодно у нас в Казахстане проводятся выставки искусства, науки, просвещения, истории, этнографии зарубежными представителями разных стран. Казахстан организует выставки в Европе, США, Японии, Китае и т. д. Происходит взаимообогащение информацией.

В столице нашей Республики Казахстан Астане открываются памятники и музеи: Музей Первого Президента РК — история становления личности первого президента РК Н. А. Назарбаева, становление Независимого Ка-

захстана, Президентский центр культуры — представлена древняя история Казахстана, этнографии и искусства, Независимый Казахстан, Музей города Астаны, Музей изобразительного искусства, Музей С. Сейфулина, Музей золота, Музейно-мемориальный комплекс АЛЖИР расположенный в с.Акмол, установлены памятники: Богембай батыру, Кенесары Касымову, С. Сейфулину, А. С. Пушкину, Расколота звезда посвящена памяти жертв политических репрессий и др.

Президентом Республики Казахстан Н. А. Назарбаевым активно поддерживается политика сохранения культурных памятников, истории народов, искусства. Особое внимание уделяется трагическим страницам нашей истории, уважению к памяти ушедших поколений — закономерность, а не дань политической моде.

30 декабря 1996 г. вышел Указ Президента Республики Казахстан «Об объявлении 1997 г., Годом общенационального единства и памяти жертв политических репрессий», Указ от 5 апреля 1997 г. «Об установлении 31 мая Днем памяти жертв политических репрессий».

31 мая 2007 г. — это знаменательная дата в истории нашего Государства. Состоялась открытие музейно-мемориального комплекса посвященный памяти жертв политических репрессий. Открытие музея было приурочено к 70-летию памяти жертв политических репрессий. Церемония проходила с участием Президента Республики Казахстан Н.А. Назарбаева. В этот день ежегодно приезжают бывшие узники АЛЖИРа, их дети, внуки.

Одним из приоритетов политики РК является сохранение мира, стабильности и наследия. Многие уделяется в изучении истории как хорошего, так и плохого прошлого. Хорошее служит настольной книгой для построения счастливого будущего, плохое предупреждает появление его в будущем.

Музейно-мемориальный комплекс АЛЖИР (Акмолинский лагерь жен изменников родины) находится 35 километрах юго-западнее нашей столицы. На берегу живописного берега озера Жаланаши, где в разные годы содержалось более 20 тыс. женщин. Женщин, чья вина заключалась лишь в том, что они были просто женами, сестрами, дочерьми своих мужей, братьев, отцов.

Поэтому мемориал не только дань уважения памяти о тех, кто пострадал от тоталитарного режима, но и наставление потомкам.

Безусловно, значительная роль в развитии общенациональной культуры принадлежит архивам, библиотекам, музеям, в том числе и военным. Глобализм — это мировой процесс, который ведет к размыванию национальных границ, причиной чему является формирование мирового рынка. Музеи призваны сохранять культурные ценности своей страны, дух своего народа.

Главными задачами нашего музея были и остаются, исходя из требований времени.

1. «Выживаемость» музеев в современных условиях.
2. Комплектование фондов.
3. Вопросы сохранности музейных коллекций.
4. Научная деятельность, это в первую очередь исторические исследования, имеющие задачей исследование музейных предметов и коллекций и комплектование музейных коллекций. Особое место среди исторических исследований занимают архивные исследования.
5. Разработка теоретических и методических основ образовательно-воспитательного процесса в музее и практическое применение их результатов в выставочно-экспозиционных, а также иных формах музейной деятельности, что является предметом музейно-педагогических исследований.
6. Постоянное развитие и совершенствование межкультурного обмена и получение Международного признания.

Повышение роли музеев в организации досуга людей, в свою очередь, влияет на экспозиционную и культурно-образовательную деятельность. Это наглядно проявилось в тенденции создавать более привлекательные для посетителей экспозиции путем воссоздания в них интерьеров, помещения в них действующих моделей и различных технических средств звукового сопровождения, киноэкранов, мониторов, компьютеров, а также в использовании театрализованных форм работы с посетителем, музейных концертов, праздников, балов.

Итак, к новым функциям музея относится функция организации свободного времени и коммуникативная.

Коммуникация (лат. communico делаю общим, связываю, общаюсь) это передача информации от одного сознания к другому. Общение, обмен идеями, мыслями, сведениями такой смысловой ряд выстраивается в связи с этим понятием.

В начале XX в. появился термин «социальная коммуникация, а после второй мировой войны возникли философские концепции развития общества, рассматривающие социальную коммуникацию как источник и основу общественного развития.

Понятие «музейная коммуникация» ввел в научный оборот в 1968 г. канадский музеолог Дункан Ф. Камерон. Рассматривая музей как коммуникационную систему, он считал ее отличительными специфическими чертами визуальный и пространственный характер. Согласно его трактовке, музейная коммуникация это процесс общения посетителя с музейными экспонатами, представляющими собой «реальные вещи». В основе этого общения лежит, с одной стороны, умение создателей экспозиции выстраивать с помощью экспонатов особые невербальные пространственные «высказывания», а с другой, способность посетителя понимать «язык вещей».

Одной из основных миссий музея является его образовательная деятельность, которая является важной составляющей институциональной роли музея. А отношения музея со школами всех уровней — это важное измерение его ин-

ституционного контекста, требующего квалифицированного управления. Музеи постепенно пересматривают свою роль в качестве общественных образовательных учреждений. В работе со школьниками музеи делают ставку на развитие представлений детей о мире, способности наблюдать, классифицировать и генерировать информацию.

В собирательной работе, наш музей придерживается принципов историзма, которые являются важнейшей стороной исторического тематического материала.

Экспозиция Музейно-мемориального комплекса «АЛЖИР» — это рассказ о массовых политических репрессиях на территории Казахстана. Но уникальность нашей страны в том, что здесь отбывали наказание или погибли не только представители коренной национальности, но и десятков других народов бывшего СССР. Поэтому «АЛЖИР» — это горькая страница нашей общей истории, «АЛЖИР» — наша общая память и боль. Как всегда, миролюбивый и тоталитарный Казахстан первым возрастил Цветок памяти и показал этим пример другим народам и государствам.

В основе идейно-исторической концепции музея — не только память, но и прощение, без которого невозможны мир и счастье будущих поколений.

Являясь научно-исследовательским и просветительским учреждением культуры, наш музей собирает, изучает и сохраняет историко-культурное наследие, содействуют повышению культурно-образовательного уровня населения, распространению знаний о человеке и его окружении, о характере массовых репрессий, служат духовному развитию общества. Музей уникален. Он дает посетителям символический доступ в пространство культуры, истории, возможность личного переживания. По-существу, музей «является школой вещей, школой визуального, пространственного восприятия, где усваивается язык вещей, постигаются их культурные значения и факт их антропогенности, рукотворности».

В экспозиции музейно-мемориального комплекса «АЛЖИР» представлены фотографии, видеоматериалы, документы и личные вещи репрессированных узниц-алжира. Экспозиционный фонд нашего музея ежегодно пополняется новыми материалами. Благодаря изучению истории репрессий, поиска детей и внуков репрессированных.

Ежегодно сотрудники музея проходят стажировки в музеях Европы, Средней Азии, принимают участие научных конференциях, форумах, выезжают в командировки в целях сбора информации, обмена опытом.

Функциями музея являются: культурно-образовательная, коммуникационная, научно-теоретическая.

Ежегодно наш музей посещают около 30 тысяч человек. Целыми группами приезжают школьники, студенты, общественные, политические деятели нашей страны, ближнего и дальнего зарубежья, послы иностранных государств, ученые, писатели, журналисты, потомки репрессированных. Они приносят цветы и оставляют записи в Книге отзывов. Испания, США, Германия, Канада, Россия, Украина, Польша, Грузия, Дания — вот география этих отзывов.

Ведется и выставочная работа музея, организовываются выставки в школах, библиотеках, военных образовательных учреждениях. Проводятся семинары, лекции и экскурсии. Печатаются и издаются брошюры, статьи в газетах и журналах, выпущен журнал «АЛЖИР». Ежегодно в музее «Алжир» выпускаются фильмы посвященные массовым репрессиям, тяжелой жизни женщин-узниц АЛЖИРА. Фильмы показывают посетителям и гостям музея. Был снят фильм: «Лютый холод Алжира», «Возвращенная память», «Мы будем жить». 21 апреля 2009 г. музейно-мемориальный комплекс «АЛЖИР» совместно с посольством Италии и Евразийским Национальным Университетом провели презентацию книги Джулио Виньели и Юлии Джаккетти Бойко «Неизвестная трагедия итальянцев Крыма». Дж. Виньели — профессор Международного права Генуэзского университета и Юлия Джоккетти Бойко — член Ассоциации итальянцев в Крыму, занимаются изучением истории итальянцев депортированных в Казахстан.

Стимулом развития музея является осуществление принципа «диалога эпох» путем проведения постоянных научных исследований, опирающихся на наследие прошлого, а так же участие в «диалоге-интерпретации» музейного посетителя. Таким образом, постоянное изучение — интерпретация музейных коллекций как на профессиональном уровне, так и на уровне посетителя является основным условием динамики развития музейной концепции.

Музей современного мира отображает принципы восприятия и интерпретации по новым технологическим рамкам. Музей «АЛЖИР» придерживается этих рамок, совершенствуя свою деятельность. Как известно, экспозиция создается для посетителя. Регулярные исследования музейной публики (анкетирование, наблюдения и проч.), проводящиеся в нашей стране и за рубежом, показали, что посетитель традиционного музея, (если он, конечно, не является специалистом в данной области) при ознакомлении с новым материалом бывает поставлен перед дилеммой: самостоятельно интерпретировать увиденное или обратиться за помощью к сотруднику и справочному аппарату музея. Поскольку целью большинства посетителей является общее ознакомление с музеем и «поиск интересных предметов», то экспозиция нашего музея рассматривается как синтез двух основных факторов: приобретения знания, сохранение памяти и получения информации. Поэтому основная тематическая линия должна быть интерпретирована на доступном уровне и представлена как в физическом, так и пространственном аспектах.

Следуя этому в музее «АЛЖИР» и в ряде музеев нашей Республики, для того, чтобы по-новому убедительно представить экспонаты, стараются задействовать все имеющиеся в распоряжении музеографические средства. Так, использование видео — и звукозаписи, слайдов и различных интерактивных устройств позволяют посетителям «пережить определенные ощущения, увидеть собственными глазами, лучше познать самих себя, задавая себе определенные вопросы по мере соприкосновения с различными проявлениями жизни...».

На основе настоящего обзора я решила определить основные тенденции деятельности Музея и задач, стоящих перед ним.

1. Динамичный образ жизни современного общества и новые связи между архитектурным и культурным пространством привели как к изменениям в самой структуре Музея как института Культуры, так и установлению качественно нового диалога «Музей – посетитель» на интеллектуальном и духовном уровнях. Происходит углубление ряда смысловых моментов в экспозиции за счет проведения временных выставок, которые стимулируют интерес публики к Музею и постоянное развитие его концепции.

2. Смелое использование аудио-визуальных средств коммуникации в экспозиции и внедрение новых компьютерных технологий в процесс обработки документации и работы с коллекциями. Это привело к рождению новой эпохи в экспо-дизайне, когда звук, свет и цвет становятся, своего рода, музейными экспонатами в виртуальном пространстве. В свою очередь, появление компьютерных баз данных, электронной почты и электронной публикации облегчает и ускоряет поиск информации о «музейных ресурсах», повышает качество исследовательской работы и расширяет возможности появления рабочих контактов с различными учреждениями на высоком уровне.

3. Музей будущего формируется среди разнообразия и изменчивости мировых явлений, окруженный многоликостью общечеловеческой Культурой. В современных условиях, когда роль отдельной личности, значимости ее участия в происходящих процессах возрастает, Музей, как думается, должен явиться реализацией идеи встречи Культуры и Цивилизации через мир предметов и идей, запечатленных в них, а значит, стать верным помощником современному человеку в деле познания себя, своего места в Культуре, познания и признания мира во всем его многообразии.

...Никто не может отрицать сегодня, что с развитием средств коммуникации, мы быстро движемся к образованию единого мирового общества. Народы, нации и государства более не могут существовать отдельно друг от друга...

В этом смысле Музей наших дней поставлен перед задачей изучения новых путей и поиска решений в деле построения Музея для Человека Будущего.

Библиографический список

1. Волькович А. Ю. Модель музейной коммуникации в концепции зарубежных музееведов // Музей в современной культуре. СПб, 2007. С. 111.
2. Гнедовский М. Б. Музейная коммуникация и музейный сценарий // Музей и Современность: Сб. науч. тр. НИИ культуры. М., 2006
3. Гнедовский М. Профиль музея // Советский музей. 2005. С. 5.
4. Жигульский З. Музеи мира: Введение в музееведение. М., 2003. 199 с.
5. Краткий словарь музейных терминов. М., 2004. 397 с.
6. Кодекс профессиональной этики. Париж, 2007. 311 с.
7. Юренева Т. Ю. Музееведение. М., 2003.
8. Тришечкина Л. «АЛЖИР» Возвращенная память. Астана, 2008 г.
9. Шляхтина Л. М., Мастеница Е. Н. Музейно-педагогическая мысль в России. Исторические очерки. Санкт-Петербург, 2006.
10. Грибанова Е. М., Зулкашева А. С. Страницы трагических судеб. «Жеты жаргы». Алматы, 2002.

О. А. Шагланова

ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ МУЗЕЙ НАРОДОВ ЗАБАЙКАЛЬЯ КАК МОДЕЛЬ СОХРАНЕНИЯ ЭТНОКУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ АВТОХТОННЫХ ЭТНОСОВ И ЭТНИЧЕСКИХ ГРУПП БАЙКАЛЬСКОГО РЕГИОНА

Освоенная природно-географическая среда и культурная память народа формируют этнические локусы пространства, позволяющие говорить о феномене культуры конкретного этноса. Этническая идентичность, как наиболее устойчивая форма социальной интеграции человечества, играет ведущую роль в формировании культурных ценностей этносов в процессе исторического развития, поддерживает трансляцию традиционного культурного опыта. В современную эпоху глобализации и унификации культуры изменяется понимание функции музеев, вектор деятельности которых все более направлен на сохранение этнического разнообразия на карте мира. Как отмечают специалисты в музееведении, «в числе фундаментальных принципов, которыми обязался руководствоваться Международный совет музеев (ИКОМ), безусловно, признано существование интеллектуального, культурного и социального разнообразия, благодаря наличию которого музей становится средством выживания малочисленных этнических групп и предотвращения процесса гомогенизации культуры» [14, с. 44].

Автохтонными этносами Забайкальского края являются эвенки, сойоты и буряты, этническая история которых тесно переплетена и является свидетельством разнообразных адаптационных практик, направленных на сохранение культурных ценностей каждого этноса и формирующих своеобразный этнокультурный ландшафт, связанный с естественной средой обитания. С переселением русских на территорию Забайкалья в середине XVII века меняется содержание культурной среды региона и формируется мозаика этнических традиций, гармонично сочетающая в себе исторически разные хозяйственные и культурные типы жизнедеятельности. Почти через столетие, в середине XVIII века в Байкальском регионе появляется этническая группа старообрядцев («семейских»), чья самобытная русская традиция внесла яркие краски в этнокультурную среду Забайкалья.

В 1973 году при поддержке правительства Бурятской АССР и ведущих ученых-этнографов и археологов региона был открыт Этнографический музей народов Забайкалья, организованный по типу музеев под открытым небом категории «скансен», где музейное собрание формируется из перевезенных с разных мест памятников, как правило, по причине невозможности их сохранения на месте бытования [7, с. 393].

За первые десятилетия своей активной деятельности музей, выражая стремления общества к сохранению недвижимых памятников традиционной культуры народов Забайкалья, произвел музеефикацию нескольких десятков недвижимых объектов, которые не могли функционировать на месте своего существования под натиском социалистического строительства. Как отмечают исследователи того периода «стремительные темпы индустриального развития республики неизбежно ведут к исчезновению многих памятников народной архитектуры, культуры и быта. Это особенно заметно в районах, прилегающих к крупным стройкам, имеющим государственное значение, как например, Селенгинский целлюлозно-картонный комбинат, Гусиноозерская ГРЭС, Байкало-Амурская железнодорожная магистраль и др.» [13, с. 4]. На территории музея эти памятники образовали самостоятельные комплексы, организация которых имела целью детального отражения культурного наследия коренных народов и пришлых этнических групп Забайкалья. При их создании учитывались природные особенности проживания этнической группы и, поэтому комплексы были размещены на тех участках музейной территории, которые максимально соответствовали естественным условиям бытования памятников [11, с. 8].

Особенное внимание было уделено музеефикации памятников для создания археологического комплекса, который существенно расширяет хронологические рамки музейного собрания. На территорию музея были перенесены памятники археологии, принадлежащие разным культурным слоям, включая эпохи палеолита, неолита, бронзового и раннего железного веков. Кроме того, в реконструированном виде экспонируется хуннское жилище, вывезенное с места его раскопа на Нижне-Иволгинском городище. В планах деятельности музея по музеефикации археологических памятников был намечен перенос княжеского кургана Хунну № 54, раскопанного известным археологом П. Б. Коноваловым в Кяхтинском районе Республики Бурятия. Однако после многих лет ожидания перевозки и размещения на территории музея данный памятник был, к сожалению, утрачен. В музейной практике в нашей стране и за рубежом известно, что «не музеефицированный сразу после раскопок объект, как правило, утрачивается; кроме того, музейное использование — единственная возможность его включения в современную культуру [4, с. 390]. Сейчас одним из пунктов развития археологического комплекса музея является воссоздание на его территории этого уникального памятника археологии эпохи Хунну для передачи информации о нем широкому кругу посетителей. Сохранение в культурной памяти свидетельства о существовании древнего памятника продиктовано стремлением зафиксировать хотя бы в воссозданном виде материальное прошлое этноса, историческая роль которого огромна, поскольку, как отмечают ученые, «хуннская ветвь этногенеза в Центральной Азии, — это часть истории региона, в котором шел процесс сближения и интеграции тюркоязычных и монголоязычных этносов» [5, с. 81].

Уникальным уголком этнической культуры сойотов на территории музея является создаваемый комплекс, где представлены образцы жилых помещений и хозяйственных построек. Сойоты являются автохтонным этносом Окинского района Республики Бурятия, расположенного на труднодоступном Центральном плато в горном массиве Восточных Саян и граничащим с территориями Монголии и Республики Тыва. Традиционно сойоты занимались оленеводством и собирательством. В XVII в. Окинский край был населен бурятами скотоводами, «в результате тесного этнокультурного взаимодействия этих двух этносов к концу XIX — началу XX вв. бурятская и сойотская культуры дали новую гармоничную форму, в которой логично сочетались начала той и другой» [10, с. 279]. По мнению Л. Р. Павлинской, сойотам удалось сохранить архаичный мировоззренческий пласт культуры, который прочно удерживается сегодня в сознании не только старшего, но и среднего поколения [9, с. 161]. Несмотря на то, что полная концептуальная разработка содержания этнического комплекса сойотов еще не завершена, он является единственным образцом исчезающей культуры малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока, в список которых сойоты были включены в 2006 году. По сведениям 2009 года их численность насчитывается всего 2770 человек.

Всего на территории Этнографического музея народов Забайкалья в разные периоды были воссозданы следующие комплексы: археологический, эвенкийский, бурятский забайкальский и бурятский предбайкальский, русский старожильский (казачий), старообрядческий («семейский»), промыслово-ремесленный, городской (старый Верхнеудинск) и идет разработка сойотского комплекса. На данный момент Этнографический музей народов Забайкалья зарегистрирован как объект культурного наследия федерального значения по указу президента Российской Федерации № 176 от 20.02.1995 года. Согласно этому указу на территории музея 23 объекта определены как памятники культурного наследия и расположены в разных этнических комплексах.

Жилые постройки на этнографических комплексах свидетельствуют об уровне социокультурного развития общества и раскрывают особенности этнических приемов строительства, бытовавших в крае (например, старообрядческая церковь, рубленая «в лапу», западно-бурятские восьмистенные юрты, «семейский» дом-связь, восточно-бурятская войлочная юрта, эвенкийские и сойотские чумы и т. д.), наглядно иллюстрируют разнообразие материалов, используемых при строительстве жилых помещений (лиственница, кора, береста, дранье, шкуры, войлок). Украшенные орнаментами и резьбой элементы фасада жилых домов, содержат разнообразную и глубокую по смыслу символику, отражающую традиционные представления этносов о ценных категориях своей культуры.

В интерьере домов и жилых помещений были воспроизведены наиболее характерные черты, отражающие этнические и культурные особенности народов Забайкалья. Почти все экспозиции, расположившиеся в музейных объектах, хронологически и стилистически соответствуют памятникам той эпохи и способствуют реконструкции целостного художественного образа. Кроме того, во внутреннем пространстве жилищ народов Забайкалья можно проследить различные зоны, в котором реализовалось определенное поведение человека. Как отмечают исследователи, внутреннее пространство жилища у любых народов имеет свое символическое деление, где особенно выделяется зона актуального пространства, в которой проходит вся жизнедеятельность членов семьи, и зона сакрального пространства, которая регламентирует действия человека в этом культурном горизонте, предписывая соблюдение норм и правил [2, с. 182; 12, с. 78].

Музейные коллекции, собранные во время экспедиционных исследований с конца 1960-х годов 20 века являются вещественным свидетельством богатого культурного наследия этнических групп и автохтонов Забайкалья и содержат предметы, которые несут в себе ценную информацию об основах мировоззрения этносов. Так, среди предметов труда у старообрядцев особое место занимает орудие прядения — прялка, которая выполняла важную функцию обеспечения членов семьи самыми необходимыми вещами в доиндустриальных условиях жизнедеятельности. О высокой социальной значимости этого предмета говорит тот факт, что нить пряжи ассоциировалась в народном сознании с «нитью жизни» и особое отношение к ней было зафиксировано в разных жанрах народного фольклора. Уникальная коллекция «семейских» прялок Этнографического музея представляет собой редкие образцы предмета разного возраста и богато украшенных резьбой и росписью, символическое значение которых восходит к архаичным пластам представлений о солярном культе в мировоззрении русских, и особенно у «семейских» [8, С.22].

Коллекция бурятской одежды XIX – начала XX вв., расположенная в музейном фонде, представляет собой интересные образцы, функционирование которых было утрачено в эпоху социалистических преобразований. Исследовательская работа собранных материалов показала существующую связь одежды с бытовым укладом, с социальной жизнью, обычаями и обрядами [1, с. 27]. В ансамблях костюмов и его сочетаниях с комплектом головных украшений отразился социальный статус бурятской женщины в эпоху общинно-родового строя. Более того, как отмечает Д. С. Дугаров «женская одежда является «текстом», содержащим сакрализованную информацию о предках женщины и ее рода» [3, с. 36]. Мужская одежда бурят, бытовавшая в этот хронологический период, является свидетельством взаимовлияния различных культур на территории Забайкалья. В костюмах нашли отражение локальные отличия бурятской культуры и, особенно, они выражены между Забайкальскими и Предбайкальскими группами бурят, что было обусловлено разными природными условиями проживания и характером иноэтничных культурных влияний.

Итак, включенные в состав музея в соответствии с его концепцией развития историко-культурные объекты для презентации обществу вместе с моделированием пространственной и культурной среды их функционирования образуют «оригинальный текст и образы для ознакомления и диалога между посетителями музея и наследием», позволяют эффективно выполнять его миссию — служение обществу [14, с. 33].

Кроме сохранения музейных экспонатов и визуальной передачи зафиксированной в них информации новому поколению, музей использует творческие подходы в осуществлении музейной коммуникации, направленные на воспроизводство духовных элементов культуры выполняющих эмоциональную и этнопсихологическую функции. Одним из популярных музейных продуктов в этой отрасли профессиональной деятельности является создание анимационных сценариев или интерактивной живой экспозиции, отражающих различные аспекты этнической культуры. Так, например, для разных возрастных групп были воспроизведены приемы возжигания семейного очага на эвенкийском комплексе и приготовление пищи, воспроизводство ритуалов гадания, эвенкийские детские игры. Ареалы расселения эвенков разных родов расположены в труднодоступных уголках Байкальского региона, а условия их современного быта существенно модернизированы. По свидетельству А. В. Тиваненко «только в самых дальних уголках забайкальской тайги, на местах бывших стойбищ можно встретить полусгнившие лабызы, навесные захоронения людей и животных, некоторые предметы прошлого кочевого быта. Этнографическому музею удалось отыскать некоторые такие места и по собранным материалам не только реконструировать жилища, но и воссоздать характерное стойбище охотников, рыболовов и оленеводов XIX – начала XX века» [11, с. 17]. Поэтому воспроизводящий традиционную картину жизнедеятельности древнейшего автохтона региона эвенкийский комплекс музея в современную постиндустриальную эпоху, вместе с интерактивной живой экспозицией, представляет особый большой интерес для посетителей разных возрастных групп, а также российских и зарубежных исследователей, имеющих научный интерес к исчезающей эвенкийской культуре, являющейся частью тунгусо-маньчжурской группы народов.

На территории предбайкальского комплекса для школьных групп средних классов прошла демонстрация бурятских женских украшений на головных уборах, где были представлены яркие экспонаты из музейной коллекции, имеющих богатую символику, отраженную в орнаменте и особенностях техники изготовления, сочетающей драгоценные металлы и камни. Аудитория знакоилась с их терминологией на бурятском языке и социальным значением украшений в жизни бурятской женщины. Неподдельный интерес вызвал показ бурятского седла обитого серебром и инкрустированного кораллами, изготовление которого свидетельствует о высоком мастерстве и особенной технике, утраченных в современной атрибуции конского убранства бурят. В ходе живой экспозиции участники имели возможность использовать знания бурятского языка и вместе с сотрудниками музея стали исполнителями бурятского старинного кругового танца «ехор».

Созданием временной экспозиции «Юрта улигершина» и исполнением образцов эпических произведений, музей не только расширил бурятский комплекс, но и усилил информационную значимость предметов, отражающих эпоху бытования эпических сказаний — улигеров. Бурятская традиция устного пересказа эпосов из поколения в поколение как форма передачи древнего фольклорного наследия и особый социальный статус его исполнителя — улигершина, свидетельствуют о высоком социальном значении эпических текстов и их востребованности в этнической памяти. Подобные музейные сценарии направлены на сохранение важных элементов национальной культуры через наглядную демонстрацию музейных предметов и живое участие аудитории в процессе воспроизведения, происходит осмысление значимости сохранения языка как основы этнического самосознания в современной социальной среде бурят.

Социально значимым музейным продуктом является разработка сценария традиционной свадьбы бурят в интерьере бурятской юрты с воспроизведением ритуала возжигания домашнего очага и угощением духа-хозяина семейного очага. Данное мероприятие направленно на сохранение семьи и укрепление брака, инициируется центром сохранения семьи и брака и осуществляется при поддержке и научно-просветительской деятельности сотрудников музея. Таким образом, Этнографический музей осваивает новое направление в своей деятельности — сохранение и воспроизводство нематериального культурного наследия народов Забайкалья. Данное понятие и его дефиниции пока еще обсуждаются в дискуссиях и являются ныне актуальным направлением в музейной теории [14, с. 64; 6, с. 92].

Благодаря богатому опыту музеефикации памятников и предметов традиционной культуры автохтонных этносов и этнических групп Забайкалья, используя фиксированный подход, «при котором максимально сохраняются убранство и обстановка со всеми временными наслоениями» [4, с. 390] Этнографический музей ведет научно-просветительскую работу с разными слоями населения, выполняя важную функцию формирования в социальном пространстве толерантного отношения к соседним культурам и поддержания интереса современного поколения к собственной этнической истории и культурным ценностям, демонстрируя многовековую мудрость и простоту жизни этноса, транслируемых через музейные коллекции и воссозданную историко-культурную среду.

Библиографический список

1. Бадмаева Р. Д. Коллекция бурятского костюма XIX – начала XX вв. в Этнографическом музее // Материальная культура и искусство народов Забайкалья, Улан-Удэ, 1982. С. 26–37.
2. Байбурин А. К. Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. Л., 1983.
3. Дугаров Д. С. Орнито-зооморфная символика женского костюма некоторых тюрко-монгольских народов // Материальная и духовная культура калмыков. Элиста, 1983. С. 36–51.
4. Каменецкий И. С., Каулен М. Е. Музеефикация памятников // Российская музейная энциклопедия, М., 2001. С. 390.
5. Коновалов П. Б. О хуннской ветви этногенеза в Центральной Азии // Древние кочевники Центральной Азии (история, культура, наследие). Улан-Удэ, 2005. С. 76–83.
6. Кулемзин А. М. Об определении понятия «нематериальное культурное наследие» // Музееведение и историко-культурное наследие. Выпуск III. Кемерово, 2009. С. 91–95.
7. Никишин Н. А. Музеи под открытым небом // Российская музейная энциклопедия, М., 2001. С. 393.
8. Охрименко Г. И. Этнографическая экспедиция к «семейским» Забайкалья // Материальная культура и искусство народов Забайкалья. Улан-Удэ, 1982. С. 15–25.
9. Павлинская Л. Р. Кочевники голубых гор (Судьба традиционной культуры народов Восточных Саян в контексте взаимодействия с современностью). СПб., 2002.
10. Павлинская Л. Р. Некоторые проблемы развития национальных культур коренных народов Сибири на современном этапе // Культурное наследие народов Сибири и Севера. СПб., 2005. С. 277–283.
11. Тиваненко А. В. Этнографический музей народов Забайкалья. Путеводитель. Улан-Удэ, 1984.
12. Содномпилова М. М. Символизм вертикальной структуры традиционного жилища бурят // Мир Центральной Азии. Культурология. Философия. Источниковедение. Т. 3. Улан-Удэ, 2002. С. 73–78.
13. Хомосов С. Р., Савельева Р. Г. Этнографический музей — заповедник народов Забайкалья // Материальная культура и искусство народов Забайкалья, Улан-Удэ, 1982. С. 3–14.
14. Шулепова Э. А. и др. Культурное наследие в контексте инновационных гуманитарных технологий / Э. А. Шулепова, М. Е. Каулен, И. В. Чувилова, О. Е. Черкаева, М. В. Губина, Н. Е. Чернявская, Л. П. Хаханова // Музееведение и историко-культурное наследие. Вып. 3. Кемерово, 2009. С. 5–90.

РОЛЬ МУЗЕЕВ В СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ АДАПТАЦИИ НАСЕЛЕНИЯ В ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

В современных условиях мирового развития Международный Совет музеев (ИКОМ) ЮНЕСКО важное значение придает роли музеев, являющихся уникальными социокультурными точками пересечения прошлого, настоящего и будущего, в формировании социальной гармонии, трансляции духовных ценностей, адаптированности населения к глобальным трансформациям.

XXXI Ежегодный Международный Симпозиум Комитета музеологии ИКОФом/ИКОМ ЮНЕСКО (КНР, Чангша, 2008) «Музеи, музеология и глобальные коммуникации» обозначил общемировые тенденции в развитии музейного дела, определил круг задач, требующих дальнейших музеологических исследований. Среди них изучение: музеев как посредников в передаче информации; всемирного диалогового процесса музейных объединений; влияние социально-экономических изменений на развитие музейного дела; социальное воздействие информатики; символика виртуального пространства в новой интерпретации действительности. Были поставлены проблемы, связанные с изучением и представлением в музеях культурного разнообразия и региональной идентичности [1]. В Чангшинской декларации отмечается, что «Музеи и музеология в условиях глобализации необходимы для международного культурного и социального развития. Они должны внести разнообразие в жизнь местного сообщества, более эффективно вести с посетителями социально-ориентированный диалог с использованием новых технологий». Таким образом были определены музейные аспекты корреляции локального и глобального применительно к роли музеев, необходимость их адаптации к социокультурным реалиям [2, с. 33–34].

На Ежегодном Международном Симпозиуме Комитета музеологии Сибири «Музеи для общества XXI века» (Тайвань, Тайпей, 2009 г.), обсуждавшем общемировые и внутригосударственные стратегии, статус и роль музеев в рамках культурной политики в условиях глобализации подчеркивалась необходимость сохранения и активной трансляции национального историко-культурного наследия в целом и традиционной культуры жизнеобеспечения этносов, в частности [3]. На примере Национального музея Тайвани демонстрировались формы адаптации культурного наследия к особенностям восприятия современного человека. Сельский туризм был представлен как личностная адаптация к экзотическим природным условиям, культуре жизнедеятельности аборигенного населения.

2010 год, как известно, объявлен Генеральной ассамблеей Организации Объединенных Наций Международным годом сближения культур. В конце XX столетия на всех континентах в обществах различного типа и уровня развития — от традиционных до постиндустриальных наблюдалось явление, получившее название «этнического парадокса» современности, характеризующееся двумя тенденциями: глобализацией, прогрессирующей унификацией материальной и духовной культуры, развитием личностного индивидуализма и комплексной этнокультурной фрагментацией и активизацией этнического самосознания населения разных стран. В новом тысячелетии при выборе человеком определенной жизненной стратегии адаптивного поведения важное значение имеет прагматика традиционной культуры, возрождение интереса к собственным корням, этничности, религиозным верованиям, системам жизнеобеспечения и культуре жизнедеятельности, а также увеличение в общем массиве знаний, предлагаемых к трансляции от поколения к поколению в системе образования и культуры [4]. Это стимулирует музеи адаптировать основные направления деятельности в соответствии с вызовом времени. Для эффективной реализации своей миссии, создания условий для эффективной социокультурной адаптации населения к условиям эпохи глобализации музеи не только должны хранить и презентовать историко-культурное и природное наследие, но и реагируя на социальные запросы, стать средством межкультурной коммуникации, способствующим формированию веротерпимости, толерантности, стремления постигать и принимать мир других людей.

В контексте соотношения традиций и новаций, локального опыта конкретных людей в глобальных исторических процессах необходима комплексная реконструкция культуры жизнеобеспечения этносов. Универсальными основополагающими в развитии культуры жизнеобеспечения являются адаптационные процессы как динамический результат взаимодействия субъектов адаптации с внешней средой (как природной, так и социальной), направленной на создание адекватного ей образа жизни, формирование соответствующих ментальных установок, этнических констант. Социокультурная адаптация рассматривается как наследования и актуальное использование обычаев, норм поведения, знаний и традиций, выработанных и функционировавших в рамках соответствующих социальных институтов, реализующихся в личной и общественной жизни. В глобализирующемся мире для дальнейшего поступательного развития общества приоритетное значение имеет позитивное психоэмоциональное настроение населения, обусловленное осознанием благоприятных перспектив личностного развития. Человек постоянно идентифицирует себя с большими и малыми социальными группами и общностями, с учетом этого личностная адаптация приобретает жизненные краски, а деятельность в определенной культурной среде — продуктивность.

В настоящее время в зарубежной и российской практике используются различные типы и формы «интегрированных» музеев, ориентированных на культурно-образовательную, социально и индивидуально дифференцированную деятельность с привлечением средств массовой информации, представляющих интерес как с теоре-

тической так и научно-практической точки зрения. Так, в национальном лесном парке «Чжангчжачжи» (КНР), включенном в Список Природного наследия ЮНЕСКО, воспроизведена традиционная китайская деревня с соответствующей культурой жизнеобеспечения. Своеобразной объемной картой Казахстана с историко-культурными и природными объектами (макеты уникальных архитектурных, мемориальных, социокультурных зданий) является «Этно-мемориальный комплекс «Атамекен» в г. Астана. Уникальный музейно-культурный комплекс «Национальная деревня», открытый в 2007 г. в г. Оренбурге, позволяет продемонстрировать все многообразие, богатство и особый колорит культуры и народных традиций многонационального Оренбургского края, где проживает более 100 национальностей. Идея создания такого историко-этнографического музея под открытым небом направлена на повышение уровня толерантности через знакомство с культурой различных этнических общностей, проживающих в Оренбуржье, и в какой-то степени приобщения к ней. На территории «деревни» расположились десять национальных подворий, представляющих историю и культуру самых многочисленных по своему составу этнических общностей: русских, татар, казахов, украинцев, башкир, мордвы, армян, немцев, чувашей, белорусов. В каждом из подворий есть историко-этнографический музей, библиотека, кафе национальной кухни. Все строения выполнены с учетом национальных архитектурных особенностей, традиционных орнаментов. За несколько лет существования музейно-культурный комплекс «Национальная деревня» посетили десятки тысяч людей. Проводимые в ней государственные, календарные, национальные праздники способствуют межкультурному диалогу, социокультурной адаптации населения к условиям проживания в полиэтничном приграничном регионе, укреплению стабильности, межрегиональных и международных связей одного из крупнейших субъектов Российской Федерации.

Сибирский регион имеет богатый адаптационный опыт населения в различных природно-климатических зонах, эволюционных и бифуркационных условиях, а его историко-культурное и природное наследие является важным стратегическим и геополитическим ресурсом России. В современных условиях, когда в ряде регионов России заметно обострились межнациональные отношения, особо ценным представляется опыт Сибири, в которой на протяжении значительного исторического периода достаточно мирно уживались многочисленные (и разнообразные в этнокультурном отношении) массы мигрантов. Продуктивный обмен культурными ценностями играл важную роль в адаптационных процессах, а полиэтническая среда способствовала выработке у сибиряков толерантности. В настоящее время важную роль в этнической идентификации и социокультурной адаптации населения в полиэтничном обществе играют экологические музеи. В них актуализируется этнокультурное освоение пространства, создаются нетрадиционные формы интерпретации этнографических источников. Местные жители вовлекаются в работу по сохранению традиций, творческую переоценку настоящего, и прогнозированию будущего, готовятся специалисты по комплексному сохранению местного наследия. Сибирские экомuzeи «Торум-Маа», «Музей природы и человека», «Тюльберский городок», созданные в местах компактного проживания аборигенов Сибири, позволяют сохранить этническую специфику и интегрировать ее в современную среду, что невозможно, осуществить посредством «государственных и региональных программ возрождения» и обычных средств музеефикации наследия [5].

Музеи под открытым небом, музеи-заповедники, документирующие этногенез народов, их быт и культуру посредством комплектования, хранения, изучения и популяризации этнографических коллекций занимают приоритетные позиции в формировании и трансляции региональной идентичности. Из сибирских самыми крупными и известными являются: Тобольский историко-архитектурный, историко-этнографический «Шушенское», историко-культурный и природный «Томская писаница», Историко-архитектурный музей под открытым небом Института археологии и этнографии СО РАН. В них создаются и активно апробируются методики адаптации заимствованных музеями форм культурно-просветительной работы (клубной, театральной) к новым социокультурным запросам населения с учетом половозрастных и этноконфессиональных особенностей [6, с. 587–588].

Значительный интерес представляет деятельность Этнографического музея-заповедника народов Забайкалья (пос. Верхняя Березовка близ Улан-Удэ, Респ. Бурятия), открытого в 1973 по инициативе академика А.П. Окладникова, археологов, этнографов, буддологов Бурятии. Научная программа этого музея и его структура отражают сложный процесс формирования и сосуществования коренных этнических групп (бурят, эвенков) и русского населения, их национальная самобытность. На площади в 37 га размещено 6 экспозиционных комплексов (построены по тематико-хронологическому принципу с учетом природных факторов): археологический, историко-этнографический (эвенки, забайкальские буряты, русские старожилы, старообрядцы-семейские), городской. Демонстрируются 25 деревянных построек культового и гражданского назначения, перевезенных с мест бытования, около 12 тысяч традиционных предметов, а также этнографические рисунки, фотографии. Воссозданы жилые и хозяйственные постройки с характерным для них интерьером и оснащением (мебель, утварь, орудия труда, одежда и т. д.), наглядно представляющие особенности материальной и духовной культуры разных этнических групп. Учитывая этнические особенности, на территории заповедника проводятся соответствующие праздники сельско-хозяйственного цикла: бурятский — стрижка овец; русский — праздник уборки хлеба, эвенкийский — ритуально-обрядовый охотничий праздник, посвященный медведю. Составляется календарный годовой план мероприятий с учетом распределения их по историко-этнографическим комплексам. Круглогодично во всех комплексах проводятся «Ярмарка забав» и «Праздник добрых соседей». Значительное место в деятельности музея занимает воссоздание народных обрядов, организация фольклорных праздников, театрализованных представлений, играющих важную роль в межпоколенной передаче традиций [5, с. 40–43].

Для решения проблем, связанных с определением региональной, этнической идентичности человека как адаптационный механизм музеи могут использовать современный дискурс науки, культуры, образования. Это предполагает создание теоретических моделей отражения сложных социокультурных процессов и внедрение в музейную деятельность результатов историко-этнографических и этносоциальных исследований; проведение образовательной и воспитательной деятельности, направленной на формирование личности, способной к рефлексии и трансгенерационной трансляции оптимальных для данного региона моделей культуры жизнеобеспечения. На основе современных научных достижений необходимо представлять музейными средствами (сравнительные и проблемные, виртуальные экспозиции, экскурсии, лекции) знания и умения, позволяющие людям успешно адаптироваться к новой социальной и информационной среде, активно воздействовать на нее в личных и общественных интересах.

Так, в Музее истории и культуры народов Сибири и Дальнего Востока Института археологии и этнографии СО РАН апробировалась структура культуры жизнеобеспечения населения Сибири, разработанная в рамках Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям». В историко-этнографической экспозиции, носящей в значительной мере сравнительный характер, культура жизнеобеспечения населения Сибири была представлена в соответствии с хозяйственными комплексами, определяющимися конкретными ландшафтно-климатическими условиями. В частности, демонстрируются важнейшие компоненты материальной культуры (жилище, одежда, утварь), обеспечивающие витальные потребности кочевников — скотоводов: казахов, южных алтайцев, бурят. На основе репрезентативных и аттрактивных экспонатов показана специфика культуры жизнеобеспечения хантов, манси, кетов, ненцев, селькупов, занимающихся рыбной ловлей, промысловой охотой, оленеводством. В комплексе русского старожильского населения Сибири, связанного с земледелием, экспонируются типовые и уникальные предметы материальной и духовной культуры [6, с. 63–66]. В целом многомерная научно-экспозиционная модель культуры жизнеобеспечения народов Сибири конца XIX – первой половины XX в. отражает полноценное использование природно-средовых особенностей региона, процессы гибкой экологической и социокультурной адаптации.

В Институте истории СО РАН в соответствии с Программой Президиума РАН «Историко-культурное наследие и духовные ценности России» успешно реализуется проект «Культура жизнеобеспечения русского населения Сибири: традиционные, новационные, информационные аспекты», носящий интеграционный характер. Исследования проводятся на стыке истории, этнографии, музеологии: разрабатываются, с учетом зарубежного опыта, система критериальных оценок уровня развития культуры жизнеобеспечения в глобальном контексте, а также методики, позволяющие органично сочетать визуальные, виртуальные, интерактивные подходы в историко-этнографической реконструкции традиционной культуры. В рамках проекта совместно с Мультимедиацентром Новосибирского государственного университета создается электронная база изображений по традиционной культуре жизнеобеспечения, хранящихся в музеях и архивах Сибири, европейской части России, зарубежных государств, а также опубликованных в соответствующих каталогах. Использование сравнительно-исторического метода, компьютерного моделирования, «электронного музееведения» (интернет-ориентированные базы данных) позволит представлять в исторической динамике адаптацию традиционных культур жизнеобеспечения этносов к изменяющимся условиям, будет способствовать сохранению национального историко-культурного наследия и его адекватной презентации в современных коммуникативных системах [7, с. 4–11].

Участники Международной научно-практической конференции «От истории к современности», музейного семинар-тренинга «Музеи в глобальном контексте: процесс и приоритеты», организованного Ассамблеей народа Казахстана и Международным фондом гуманитарного сотрудничества стран Содружества (Астана, 28–29 мая 2010 г.) отметили, что возрастает значение музеев как социокультурных институтов, призванных оценивать и использовать национальное историческое наследие как стратегический ресурс, а также их интернациональная и адаптивно-адаптирующая роль. Музеи, как институты социальной памяти, вносят значительный вклад в образование и патриотическое воспитание, формирование идентичности, как местных сообществ, так и целых регионов и стран. В результате изучения и обобщения опыта музейной работы, достижений в области музеологии, конструктивных предложений по повышению уровня деятельности музеев их научно-методического обеспечения участники семинара-тренинга считают целесообразным, в частности:

- создать Ассоциацию музеев стран содружества СНГ для интеграции деятельности музеев по сохранению, изучению, презентации национального историко-культурного наследия, соответствующей условиям глобализации; активизацию сотрудничества академической науки, культуры, образования; повышению профессионального уровня сотрудников музеев; расширения международного сотрудничества;

- в контексте соотношения традиций и новаций, локального опыта конкретных людей в глобальном контексте исторических процессов необходимо осуществлять в музеях комплексную реконструкцию культуры жизнеобеспечения этносов, отражать процессы адаптации и этнокультурного взаимодействия; вводить в научный оборот фондовых материалов музеев посредством публикации каталогов коллекций, в т. ч. интернет-ориентированных; создавать интегрированные региональные музеи;

- расширять и совершенствовать использование новых музейных технологий, информационных, мультимедийных, содействовать развитию социологических исследований в музеях.

В рамках международного проекта «Демографическое пространство Азии: история, современность, гипотезы будущего» представляется перспективной разработка и реализация инициированного Комитетом музеологии Сибири и Научным советом по музеям СО РАН; проекта «Музейный меридиан» (охватывающего территории Сибири, Казахстана, Монголии, Китая, Индии) и предполагающего формирование сравнительных виртуальных экспозиций по культуре жизнеобеспечения и социокультурной адаптации населения в контексте сложных демографических, этнокультурных и геополитических процессов на территории Азии. Новационной с теоретической и научно-практической точки зрения может явиться создание концепции и модели интегрированных региональных музеев, органично сочетающих глобальное и локальное, традиционное и современное в культуре этносов, использующих информационные, интерактивные технологии и способствующих внедрению этно-исторического опыта с учетом реалий XXI века, гармонизации общества в целом.

Библиографический список

1. ICOFOM Study Series-IIS 38. 31 Annual International symposium. Museums, museology and global communication. China, Changsha, 2008.
2. Трубецкая О. Н., Шелегина О. Н. Интеграция академических и вузовских музеев Сибири в мировое музейное сообщество (по материалам Международного симпозиума «Музеология, музеи в меняющемся мире» (Барнаул – Новосибирск – Чанша, КНР, сентябрь, 2008 г.) // Академические и вузовские музеи: роль и место в научно-образовательном процессе: Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием. Томск, 7–10 декабря 2008 г. / Отв. редактор Э. И. Черняк. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2009.
3. Proceedings of International Symposium «Museums for the Society in the 21 Century». Taipei, 2009.
4. Шелегина О. Н. Адаптационные процессы в культуре жизнеобеспечения населения // Философия образования. 2009. № 1. С.132–137.
4. Кимеев В. М. Экомuzeи Притомья в постиндустриальном обществе: генезис, архитектура, функции. Томск, 2008.
5. Жигунова М. А., Шелегина О. Н. Этнографические музеи Сибири // Сибирская историческая энциклопедия. Т.3. Новосибирск, 2009.
6. Нагайцева Н. Д., Гусейнова Т. Н. Музейная педагогика: музейные праздники. Технология подготовки и проведения: Учеб. пособие. Ч. 1. Улан-Удэ, 2005.
7. Сальникова И. В. Культура жизнеобеспечения автохтонного населения Сибири (на примере этнографических коллекций Музея истории и культуры народов Сибири и Дальнего Востока) // Адаптационные механизмы и практики в традиционных и формирующихся обществах: опыт освоения Азиатской России: Мат-лы Всеросс. научно-практической конференции. Новосибирск, 2008.
8. Шелегина О. Н. О проекте «Культура жизнеобеспечения русского населения Сибири: традиционные, новационные, информационные аспекты» // Культура жизнеобеспечения русского населения Сибири в XVII–XX вв.: традиционные, новационные, информационные аспекты: Сб. науч. тр. / Институт истории СО РАН. Новосибирск, 2009.

Л. М. Шляхтина

МУЗЕЙ И ТУРИСТ КАК АКТУАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА НАУКИ И ПРАКТИКИ

В эпоху глобализации экономических и социальных процессов, растущей взаимозависимости цивилизаций и этносов современная культура отличается многообразием идей, интересов, представлений и предпочтений. Свойственные ей динамизм, противоречивость взаимоисключающих импульсов отражают стремление осознать и использовать региональный и мировой культуротворческий потенциал. В быстроменяющейся обстановке, обусловленной изменениями политической ситуации, экономических условий, идеологических установок, духовных и нравственных ориентиров предъявляются новые требования ко всем институтам культуры, в том числе и к музеям.

Традиционно в сознании многих людей бытует представление о музее, в котором всегда царит тишина, в стеклянных витринах хранятся экспонаты, подернутые пылью веков, а к посетителю выходит всезнающий, строгий ментор — экскурсовод. Это распространенное мнение выразил известный французский поэт Поль Валери: «музеи — наводненные пустынности, на которых лежит печать храма и салона, кладбища и школы».

Однако современный музей — это своеобразный символ культуры, о котором существуют различные позиции и точки зрения. Сегодня музей предстает перед нами многочисленными гранями: в виде творческой «лаборатории», «сокровищницы», «машины времени», переносающей нас в другие времена и страны; в виде «места сохранения, изучения и экспонирования материальных свидетелей прошлого», «собора лиц», встающих за конкретными предметами, «живого организма», «способа диалога времен и культур», «хранилища, занимающегося научно-исследовательской и просветительской деятельностью»; одновременно «театром культуры» и «кладовкой ценностей»...

Таким образом, происходящие трансформации социокультурного пространства, с одной стороны, и расширение границ понимания музея, с другой стороны, влекут за собой, по-нашему мнению, и изменения парадигмы музея. Это связано в первую очередь с феноменологией музея — «museion» — «храм мус». В различные периоды значение слова несколько отдалялось от первоначального, например, музей рассматривался как «собрание древностей или редкостей», продукт «века истории». Современные ученые все чаще обращаются к пониманию, восходящему к истокам, к «храму мус» — покровительниц искусств и наук, склоняясь в сторону то первого, то второго слова этого определения, то есть, понимая музей как сакральное место, храм, либо как центр искусств и культуры. Подобно храму, музей, помогает человеку каждый раз подтверждать свои убеждения, сравнивать свое мировосприятие с ценностями, принятыми в данном обществе в данную эпоху. Исследователи также видят музей как культурный центр и социальный инструмент.

Данная трактовка феномена музея, как нам представляется, соотносится с коммуникационным подходом, утвердившимся в проблемном поле музееведения и культурологии в последнее время *. Она позволяет рассматривать музей как специализированный способ трансляции культуры и освоения культурного опыта, а также как компоненту социализации, характеризующейся приобретением культурной компетенции. Элемент аккумуляции становится все более важным в современных социокультурных стратегиях.

Музей, сохраняя культурное и научное наследие, интерпретируя прошлое и настоящее, играет главную роль в культурной жизни практически всех стран. Однако современные музеи столкнулись с тем, что общество, сильно «испорченное» развитием высоких технологий, особенно глобальной сети Internet, которая позволяет найти ответ почти на все интересующие вопросы, дает возможность совершать путешествия по городам, странам и музеям, не выходя из дома, требует от них кардинально нового во взаимодействии с реальным и потенциальным посетителем. Несмотря на доступность информации, потребность видеть своими глазами и памятники древности, и шедевры мирового искусства, и природные заповедники заставляет людей собираться в путь и становиться туристами.

В силу этого проблема «музей и туризм» приобретает в настоящий момент особую актуальность, и поэтому неслучайно многие музеологи выделяют ее в качестве приоритетной в XXI веке. По мнению, Яни Эрреман, в последние годы именно туризм признан тем феноменом международного значения, который потребовал пересмотра и корректировки деятельности музеев. Никто не сомневается, что развитие туризма способствовало радикальным изменениям, произошедшим в музее в последние годы, но музейное сообщество пока так и не выработало определенной стратегии действий [1, с. 4–5]. По этому вопросу идет обширная полемика среди специалистов. Некоторые уже готовы принять изменения, происходящие в музее, а другие настаивают на том, что они несут в себе угрозу музеям и другим хранилищам наследия. Одни утверждают, что «музеи захлестнула обыденщина, снижение культурного уровня, они превратились в место развлечений и массовых увеселительных мероприятий на потребу индустрии туризма и в угоду экономическим требованиям» [1, с. 8]. Их оппоненты думают наоборот, а именно видят музей, как активного участника текущих глобальных процессов. Для этой группы своеобразным девизом стало высказывание Ролана Арпена: «Музей — это не остров. Музей является частью «культурной системы» [1, с. 7]. Дискуссионность проблемы подтверждает ее несомненную актуальность и недостаточную изученность **.

Анализируя взаимодействие музея и туризма в современном мире, можно заметить, что оба эти явления тесно взаимосвязаны друг с другом. В нынешних условиях туризм приобрел поистине массовый характер и стал одной из форм проведения свободного времени не только элитной части общества, но и среднего класса, молодежи и учащихся, что привело к формированию мощной индустрии досуга со своей инфраструктурой. Появляется необходимость определения в ней специфической роли музея. Обращает на себя внимание изменение отношения к туризму со стороны общества, в котором важное место занимают приоритеты в системе духовных ценностей. Специалисты отмечают, что в первые годы после Второй Мировой войны люди использовали свободное время для восстановления физических и умственных сил в целях повышения производительности труда; в 60–70-е годы в западных странах проявляется стремление к потреблению и накоплению материальных благ (приобретение

* Основываясь на положениях теории музейной коммуникации, разработанной канадским ученым Д. Камероном в 60-е годы XX века, зарубежные и отечественные музееведы в дальнейшем активно их развивали и использовали для решения теоретических и практических задач музейного дела. Об этом подробнее см.: *Cameron D. F. A viewpoint: The museum as communication system and implication for museum education // Curator. 1968. V. 11. № 1; Гнедовский М. Б.* Современные тенденции развития музейной коммуникации // *Музееведение: Проблемы культурной коммуникации в музейной деятельности: Сб. науч. тр. М., 1989. С. 199–222; Гнедовский М. Б., Дукельский В. Ю.* Музейная коммуникация как предмет музееведческого исследования // *Музейное дело. Музей – культура – общество: Сб. науч. тр. Вып. 21. М., 1992; Музей и коммуникация: Концепция развития Самарского областного историко-краеведческого музея им. П. В. Алабина / Под ред. Н. А. Никишина и В. Н. Сорокина. М.; Самара, 1998 и др. работы.*

** В какой-то мере это можно объяснить тем, что данная проблема стала особенно волновать музеологов сравнительно недавно. В отечественной литературе можно отметить реферативный обзор А. В. Крикловенской «Работа музейных объединений с туристами» (Музейное дело и охрана памятников. Экспресс-информация. Вып. 1. М., 1987), а также статью П. М. Шульгина, раскрывающую экономические и организационные аспекты деятельности музея как «туристско-экскурсионной системы» (Региональные проблемы развития музейного дела. М., 1990. С. 141–149).

Отдельные работы, посвященные данной проблематике, можно найти преимущественно в специализированных периодических изданиях, таких как «Museum Journal», «Мир музея», «Parks & recreation». Большое внимание было уделено рассматриваемой теме в двух номерах (№ 199–200) журнала «Museum» за 1999 год.

недвижимости, предметов роскоши), а в 80-х годах потребление материальных благ отходит на задний план, уступая место духовным ценностям, в частности, потребности в путешествиях [4, с. 25]. Так, исследователи указывают на интенсивное развитие туризма в США, фиксируя рост интереса к природным и культурным ландшафтам, памятникам и музеям с 1991 по 1995 год на 16%. По данным Ассоциации индустрии путешествий США в этот период около 54 млн. человек посетили музеи и другие исторические места. По мнению американских социологов, происходит смена мотивации от чисто развлекательных мероприятий к более глубокому знакомству с культурно-историческими ценностями. Отмечается также, что личность туриста — любителя исторического наследия отличается более высоким уровнем образования, интеллекта и материального обеспечения. Цель его путешествий — пополнение знаний, участие в познавательных и просветительных программах, а досуг и развлечения стоят на втором месте [3, с. 28–38].

Таким образом, туризм рассматривается как способ использования свободного времени, дающий большой простор креативному развитию личности. Он может иметь форму учебных поездок, разнообразных экскурсий, посещений фестивалей, участия в праздниках и т. д. Эту же мысль высказывает исследователь Е. В. Середина. Анализируя развитие российского музейного дела и туризма, она выявила взаимозависимость музеев и туризма, которая выражается в том, что именно музеи часто определяют формирование и туристских маршрутов. Так появился популярный маршрут в Пушкинские горы, в котором музей-заповедник «Михайловское» привлекает внимание прежде всего. Одновременно происходит и обратный процесс: высокий спрос на духовные ценности или привлекательность значимого историко-культурного памятника и территории становятся причиной создания новых музеев. В качестве примера Середина приводит музея Михаила Булгакова в Москве, появление которого было обусловлено массовым наплывом туристов, стремящихся попасть в квартиру созданных писателем литературных героев [4, с. 6].

Подобная взаимозависимость существует во всем мире: мы не можем представить туриста, посетившего Петербург и не побывавшего в Эрмитаже, так же как пребывание в Париже невозможно без осмотра Лувра, и такие примеры многочисленны. На современном этапе развития индустрии туризма маршруты создаются как раз с учетом разнообразия культурного наследия, что порой вызывает опасения у специалистов [5, с. 10]. Они говорят о том, что туризм в последнее время превратился в новую форму паломничества. Шедевры музейных собраний и исторические места становятся для некоторых туристов священными реликвиями и, стремясь их увидеть, они способны проделать путь в сотни и даже тысячи километров. Подобное паломничество к памятникам культуры несет в себе опасность перенасыщения музеев посетителями и отрицательного воздействия на сохранность музейных коллекций и памятников.

Широко бытует мнение о том, что музеи — это великие символы цивилизации, кладовые человеческого наследия, и вполне естественно, что люди стремятся к ним, пытаются хоть чуточку прикоснуться к истории, ощутить особый аромат эпохи, почувствовать себя сопричастным с ней. Это доставляет немалое удовольствие многим туристам. Но музеи не всегда в состоянии справиться с возрастающим потоком желающих их посетить. Нелсон Граберн, хранитель раздела североамериканской этнологии в музее Херста (США), указывает на необходимость постоянно находить возможности для создания специальных мест, которые бы принимали часть туристов на себя. Такими местами могут быть зоологические и ботанические сады, заповедники, музеи восковых фигур и др. [6, с. 18]. Еще одним способом рассредоточения туристов может быть развитие «туризма первооткрывателей», за который ратует Катлин Перье-Д'Итерен. «Туризм первооткрывателей», направленный на стимулирование любознательности публики, позволит показать ей малоизвестные, а часто просто забытые, памятники и расширить доступ к культурному наследию. Для этого необходима разработка оригинальных маршрутов по конкретной тематике и составление специальных путеводителей [7, с. 12].

Одной из главных положительных сторон развития взаимодействия музеев с туризмом является расширение канала межкультурной коммуникации. Как уже говорилось, туристы все больше обращаются к музеям, видя в них лучшее средство знакомства и понимания истории, культуры и жизни страны, региона или города. Становится ясно, что «самосознание и знание окружающего мира, развитие личности и достижение поставленных целей — все это немислимо без получения знаний культурного характера дома, на работе и во время путешествий» [8, с. 75]. По мнению Терри Стивенса, музеи на рынке услуг организации свободного времени должны рассматриваться в качестве основного средоточия культуры и отправной точки для изучения туристом всей страны или ее части, выбора дальнейших маршрутов [9, с. 24].

Мы полагаем, что, расширяя кругозор в целом, музеи способствуют аккультурации посетителей, то есть развитию понимания и оценки представленных в них национальных или инонациональных культур. Культурно-образовательные горизонты музея ценны тем, что человек не просто получает разнообразную информацию, но может удостовериться в ней с помощью музейных предметов, которые представляют собой социокультурные реалии, прошедшие ценностно-познавательный анализ, являющиеся подлинными свидетельствами, убедительным доказательством исторического прошлого или настоящего национальной и мировой культуры.

Туристы обращаются к таким институтам, как музеи, не только, чтобы узнать подлинную правду об ушедших или иных мирах, но и чтобы найти и оценить свое собственное место в культуре. [10, с. 18]. Иными словами их взаимодействие позволяет туристу осуществить культурную самоидентификацию, что невозможно без формиро-

вания чувства уважения к культурному наследию. Музеи признаны достоянием всего человечества, поскольку их главное предназначение — научить человека понимать и воспринимать традиции других народов и наций, быть кросскультурным центром синхронного и диахронного развития мировой культуры.

Итак, по общему признанию, музеи являются главным «действующим лицом» в индустрии туризма. С течением времени взаимосвязь между музейной и туристской деятельностью постоянно усиливается: музеи включаются в систему туристско-экскурсионных маршрутов; новые туристские маршруты возникают на базе новых музеев и, наоборот, появление новых музеев может быть следствием интенсивной туристской деятельности. Проходившая в Каракасе конференция приняла декларацию, где отмечалось: «...мы должны быть впереди, мы должны с честью выполнить миссию учреждения, ответственного за сохранение нашего наследия, и в то же самое время предпринять действенные меры, направленные на обеспечение сбалансированного развития человеческой личности и достижение благополучия в обществе». [11, с. 23] О том, что данная проблема волнует специалистов, свидетельствуют многочисленные конференции и салоны, проводимые в разных странах. Так, в 1995 году в Венесуэле (Баркисимето) при участии Национального комитета Венесуэлы ИКОМ, представителей туристических агентств и директоров учреждений культуры, проходил форум под названием «Наследие, музеи и туризм», главным выводом которого является мысль о необходимости тесного сотрудничества в целях успешного развития музеев и индустрии туризма [11, с. 21]. В 1996 году на Кубе (Гавана), при содействии Юнеско состоялась Международная встреча по проблемам культурного туризма в Латинской Америке и странах Карибского бассейна [11, с. 22], а в ноябре 1997 года во Франции (Нант) прошел первый Международный салон по культурному туризму, на который были приглашены специалисты по музейному делу и туризму со всего мира. В центре внимания был вопрос о наиболее рациональных формах работы в сфере музейно-туристского бизнеса [12, с. 53].

Последние десятилетия XX века, отмеченные интенсивным развитием туризма и ростом числа музеев, превращают последние из центров пассивного созерцания памятников истории и культуры музеи в место приобретения индивидуального опыта, экспериментов с новыми методами распространения и получения информации, а также развития коммерческой деятельности. Изменение взглядов на культуру, признание за каждой эпохой права на собственное видение мира, права на диалог с современной культурой позволило переосмыслить возможности воздействия культурной среды музея на туристов. Музейная среда понимается нами не как «созерцательное пространство», где человек выступает в роли наблюдателя раскрывающихся перед ним нравственных, духовных коллизий ушедших эпох, а как «живое», развивающееся пространство, обладающее высокой силой информационного и эмоционального воздействия. В этом пространстве турист, получая визуальную и вербальную информацию и выполняя определенные поведенческие действия, вступает в диалог с уже несуществующими культурными реальностями, что и позволяет осуществлять межкультурную коммуникацию.

Следует отметить, что характерной особенностью современного туриста, который рассматривается как реальный и потенциальный посетитель музея, является повышение его образовательного уровня. Сегодня аудитория музея — достаточно грамотные люди, которые уверены в своей образованности и хотят получить максимум информации в минимум времени. Независимо от возраста, они отличаются от посетителей 70–80-х годов, воспринимавших всю информацию «на веру», пассивно слушавших экскурсовода или лектора. В силу этого музеи, создавая атмосферу психологического и интеллектуального комфорта, постепенно становятся гостеприимнее и уютнее, а методы взаимодействия как с отечественными, так и зарубежным туристом претерпевают существенную трансформацию, связанную с получением удовольствия от посещения музея. Это обуславливает необходимость создания в музее инфраструктуры в виде всевозможных услуг, удовлетворяющих разнообразные потребности туриста.

Очевидно, что в XXI веке роль музея в туризме, предопределенная феноменом музейного предмета и музейной среды, будет трансформироваться, наполняясь новым содержанием и обретая новые черты. По нашему мнению, это приведет к изменению границ и смыслового содержания взаимодействия музея и туриста в контексте межкультурной коммуникации. Не претендуя на исчерпывающее объяснение, попытаемся обозначить объективные факторы, определяющие развитие этого сложного и многогранного процесса.

– Современная цивилизация стремительно преобразует окружающую среду, социальные институты, бытовой уклад. В этой связи культура оценивается как фактор творческого жизнеустройства, неиссякаемый источник социальных новаций. В современном обществе в связи с проходящими в нем процессами диверсификации культура постепенно утрачивает связи со своей изначальной средой, становясь всеобщей, более открытой и доступной благодаря интенсивному развитию информационных технологий и средств связи, что является проявлением всеобщей тенденции глобализации.

– В прошлом, индивид, появившись на свет, заставлял определенную структуру культурных ценностей, которая не менялась с течением столетий. Теперь на протяжении одной жизни чередуются несколько культурных эпох. Это предопределило последовательную и радикальную переоценку просветительской модели культуры. Возникают новые модели, во многих отношениях противоположные прежней, показывающие принципиально иное понимание культурных феноменов. Это связано с необходимостью противостояния глобализации и сохранения культурной идентичности.

– В современном мире туристическая индустрия представляет собой целый межотраслевой комплекс. В социально-экономической системе городов, регионов и стран музеи или музейная сеть играют все более за-

метную роль. Усиление внимания к развитию туризма — общепризнанная мировая тенденция, ибо наряду с активным развитием культурных связей и контактов, характерным для процесса глобализации, все более возрастает интерес к богатству и своеобразию национальной культуры.

— Музеи предоставляют туристам уникальную возможность, с одной стороны, расширения границ культурного пространства и осмысления социальной памяти, а с другой стороны, они создают условия активизации наблюдательных возможностей человека, стимулирования смелости в проведении сравнений и поиске аналогий, а также и моделировании многочисленных социокультурных ситуаций.

Выделенные факторы взаимодействия музея и туриста определяют, по нашему мнению, многоуровневый характер межкультурной коммуникации, в контексте которой это взаимодействие осуществляется. Методологической основой понимания межкультурной коммуникации для нас являются концепция диалога, разработанная М. М. Бахтиным, которую переосмыслил и развил применительно к культуре XX века В. С. Библер. Мы солидарны с его мнением о том, что «культура есть всеобщая форма одновременного общения и бытия людей различных — настоящих, прошлых и будущих — культур, каждая из которых есть всеобщая форма одновременного общения и бытия людей» [13, с. 289]. Здесь будет уместно вспомнить также и идеи русского философа начала XX века Н. Ф. Федорова. Размышляя о музее как феномене культуры, он понимал его как проект объединения всех прошедших поколений («отцов») с последующими («сынами»). Музей в трактовке Федорова является посредником между Прошлым и Будущим, между культурой ушедшей и культурой настоящей, то есть своеобразным механизмом, с помощью которого ныне живущее общество обеспечивает себя информацией о культурно-историческом пространстве, в котором оно существует [14]. Опираясь на эти суждения, мы считаем необходимым акцентировать внимание на том, что именно пространство музея создает оптимальные условия и для «вхождения» в культуру, и для «общения» в культуре в указанном выше смысле. Попадая в музейную среду, турист имеет возможность «погрузиться» в прошлое, соприкоснуться с иной, отличающейся от современной предметно-пространственной средой, познакомиться с другими культурными нормами и традициями и т. д. Любому музею, как традиционно устроенному, так и организованному по новаторским принципам, имманентно присуща способность быть «перекрестком» времен и культур, что осознанно или неосознанно привлекает к нему туриста.

Так, большой популярностью в Европе пользуется музей под открытым небом Блистс Хилл (Blists Hill) *. Его экспонаты — подлинные и реконструированные здания рабочий поселка конца прошлого столетия, рассказывающие о жизни простых людей в Англии на рубеже XIX и XX веков. Переступая порог этого музея, посетители оставляют за плечами привычный мир и переносятся на сто лет назад, в типичный промышленный городок эпохи королевы Виктории. Они встречают людей, одетых по моде тех лет, которые занимаются своими повседневными делами, гуляют или отмечают праздники. Первое, что туристы видят на своем пути — банк, где их радушно встречает клерк и предлагает обменять современные деньги на старинные пени и шиллинги. Это позволяет глубже окунуться в эпоху, прикоснувшись к ней через эти старые монетки, которые можно здесь и потратить. Атмосфера и «жители» города сами рассказывают о себе. История как будто оживает на глазах у посетителя, а он становится ее частью. Ему предоставляется удивительная возможность прожить один день в девятнадцатом столетии. На главной улице расположены продуктовая лавка, аптека, где можно купить такие же продукты, которые покупали жители, населяющие эту территорию. Для посетителей всегда открыта дверь в местные закусочную и паб, где можно расслабиться, отдохнуть, отведать блюда, приготовленные по старинным рецептам, и насладиться прохладой настоящего английского пива. Невозможно пройти мимо пекарни, от которой исходит аромат свежее выпеченного хлеба, и дети ни за что на свете не пропустят магазин сладостей, не попробовав конфет, которыми лакомились их сверстники сто лет назад. Здесь действует небольшая типография, где каждый может напечатать газету на старинном станке, мастерская по производству свечей, лепных деталей из гипса, столь популярных украшений в домах, литейная мастерская, шахта по добыче угля, лавки плотника, портного, приемная врача и многое другое. Везде работают люди, показывая процесс производства той или иной вещи. С ними можно поговорить, узнать, чем они занимаются. Двери местной школы всегда открыты. Сидя за партами, можно прослушать урок по какому-нибудь предмету, попробовать пописать специальными карандашами на небольших досках. Немного в стороне располагаются доменные печи, где выплавлялся первый чугун, обжигался кирпич. Стоя на специально оборудованной площадке, присутствовать и при изготовлении вещей с помощью ковки, видя разницу в технологии получения кованого и литого чугуна [15, 16]. Возможность не только увидеть, но и сделать какие-то вещи — это не только получение знаний и представлений об эпохе XIX века, но и активное включение в процесс межкультурной коммуникации.

В музее, вне зависимости от его вида, типа и профиля, кроме пространственно-временного общения осуществляется межкультурная коммуникация и на межличностном уровне. Культура, являясь «феноменом самодетерминации человеческого бытия» и «формой самодетерминации судеб и сознания индивидов», как указывает В. С. Библер, — это не просто общение, а, «общение различных форм понимания», что предполагает диалогичность, позволяющую, по выражению М. М. Бахтина, «почувствовать себя дома в мире других людей». Диалог

* Музей Blists Hill является одним из семи объектов открытого в 1968 году музейного комплекса Траст Музей ущелья Айренбридж (The Ironbridge Geiorge Museum Trust) в Англии, в графстве Шропшир на берегу реки Северн. Это место получило мировую известность как колыбель английской промышленной революции, здесь впервые был выплавлен чугун и построен чугунный мост, а также находились заводы по производству фарфоровых изделий и керамической плитки.

включает в себя обмен идеями и мыслями, чувствами и переживаниями, нравственным опытом и жизненными коллизиями. Постигание нравственных перипетий, сосредоточенных в историческом опыте и образцах культуры, аккумулированных в музее, намного активнее происходит между людьми, совместно ищущими истину в процессе диалогического общения. Интерполируя мысль выдающегося философа М. Мамардашвили, считавшего что «современного человека» как понятия не существует, мы полагаем, что человек, по сути, есть попытка стать человеком, и всегда, пока живет, находится в стадии становления, неся веру в способность себя переделывать. Человек не просто существует, он человеком становится. Он — единственное существо, способное к движению человеческого в самом человеке.

В музее личность, в нашем случае турист, испытывая воздействие историко-культурной среды, прямо или опосредованно, совершает внутренний акт самоопределения, соотнося свои взгляды и представления, знания и опыт, этические и эстетические критерии с нормами других эпох, народов, культур. Таким образом, в процессе межкультурной коммуникации происходит акт познания как мира вокруг себя, так и мира в себе. Известно, что картина мира входит важнейшим компонентом в структуру мировоззрения, а уникальные условия музея и специфика туризма не только способствуют расширению сознания, но и активизируют чувственное познание путем получения наглядных впечатлений. Гносеологическая роль музея не вызывает сомнения и прежде всего с генезисом и развитием его образовательной функции. Однако в рамках обозначенной проблемы нас в первую очередь интересует аспект познавательно-рекреационный, поскольку туризм является средством удовлетворения растущих потребностей людей в знакомстве с культурой своей и других стран и одновременно способом с организации свободного времени. Туризм (внутренний, выездной и въездной) и посещение музеев стали сегодня заметной формой времяпрепровождения людей. Современное постиндустриальное общество, обремененное разнообразными психологическими стрессами, зачастую не приемлет музейный консерватизм, требуя большей аттрактивности и зрелищности. Музеи все более активно завоевывают свое место в индустрии досуга с учетом собственной рекреативно-познавательной специфики. Стратегически важным является развитие системы развлекательных и релаксационных форм взаимодействия с туристами, что стимулирует создание новых структурных подразделений (отделы гостеприимства, отделы культурных проектов или культурных программ и т. д.). Так, посещение Царского Села входит в типовую Программу пребывания в Санкт-Петербурге российских и зарубежных туристов, предлагаемую большинством турфирм. В среднем, один только Екатерининский дворец принимает более 1 млн. 200 тыс. экскурсантов в год, каждый третий из которых — иностранец. Развивая инфраструктуру, государственный музей-заповедник «Царское село» превращается в культурно-туристский «продукт» [17, с. 12]. Дворцово-парковый ансамбль Царского Села как императорская летняя парадная резиденция, сочетавшая пышное величие дворцовой жизни с покоем и простодушием дачного места, был всегда в центре развлечений и городских праздников. Эти традиции возрождаются и сегодня. В музее-заповеднике существует свой концертный зал, в Запасном дворце формируется инновационный театральный центр Елены Левшиной, есть своя конюшня, пять экипажей, сани, школа верховой езды. Организовано прогулочное катание в экипажах (кареты, фаэтоны, кабриолеты, троечные сани и др.) для туристов. В Китайской деревне можно снимать элитные квартиры в аренду, летом работает база отдыха и т. д. Школа верховой езды предполагает развитие систематического экскурсионного обслуживания туристов. Разрабатывается историческая «Царская конная тропа» маршрута по Александровскому и Баболовскому паркам. В перспективе — возрождение рыцарских турниров, или «Царскосельских каруселей», распространенных в XVIII веке живописных зрелищ, превращаемых в яркое театрализованное костюмированное действо, а также использование свободных луговых пространств для создания различных объектов досуговой индустрии — ипподрома, манежа, гольф-клуба.

В современном мире музеям неизбежно приходится конкурировать с другими активно развивающимися учреждениями досуга. Стремясь стать более привлекательными для туристов и при этом не утратить основных функций, музеи ищут пути модернизации своей деятельности для решения проблем межкультурной коммуникации. По мнению Маргарет Дж. Кинг, «музеи развиваются, превращаясь — одни с готовностью, другие с беспокойством — из закрытого клуба или монастыря XVIII века в хорошо налаженную общественную машину XX и XXI столетий. Каждый, кто заинтересован в будущем музеев, должен, отбросив предубеждения, совершить этот головокружительный скачок». Результатом такого «скачка» можно считать превращение некоторых музеев в центры культурно-исторического наследия. Показательным, на наш взгляд, примером переосмысления традиционных направлений деятельности старейшего в России «классического» музея — заповедника за счет освоения новых пластов культурного наследия являются усилия, предпринимаемые коллективом Государственного мемориального историко-литературного и природно-ландшафтного музея-заповедника А.С. Пушкина «Михайловское». Инновационный характер деятельности этого музея, проявляющийся в создании новых экспозиционных комплексов, реализации интересных и нестандартных культурно-образовательных проектов, а также в развитии ландшафтного, паломнического, усадебного, этнографического и других видов туризма, был изначально заложен в его новой концепции [18].

Своеобразным вызовом музеям в последние годы стали так называемые центры наследия, возникшие вследствие интенсивного развития туризма. Они представляют собой что-то среднее между тематическими парками и музеями. Центр наследия отличается от музея тем, что строит свою деятельность на основе темы, а не коллек-

ций, используя технологии тематических парков с увлекательными аттракционами. Располагаясь как в старых зданиях (бывших церквях, заброшенных промышленных или складских помещениях), так и в новых, они в доходчивой и нетрадиционной форме рассказывают о местной истории, культуре, традициях и людях. Примером такого центра наследия может служить «Джорвик вайкинг сентер» в Йорке (Великобритания). Туристам предлагается пройти по культурно-временному туннелю, после чего он попадает в деревню викингов. Деревня была воссоздана на основе точных научных данных, полученных во время раскопок, проводившихся неподалеку. Воображение посетителей поражают оригинальные экспозиции, сопровождающиеся особыми звуковыми эффектами и запахами [19, с. 31]. Часто в подобные центры наследия приглашают людей, которые играют роль местных жителей и в то же время осуществляют охрану. Центры наследия привлекают большое число туристов, что связывают с тем, что там можно провести целый день вместе с друзьями или семьей и наравне с приобретением знаний и опыта, можно хорошо отдохнуть и развлечься.

Видя все возрастающий интерес туристов к объектам «впечатления и переживания», многие музеи стали ориентировать свою деятельность на создание специальных культурных проектов, которые предусматривают осуществление в пространстве музея межкультурной коммуникации всех уровней: пространственно-временной, межнациональной и межличностной. Одним из примеров такого рода проектов может быть Царскосельский Карнавал в г. Пушкине (Санкт-Петербург). О масштабе данной акции свидетельствует количество участников (более 400 тысяч человек), а также разнообразие его программы, включающей Карнавальные Конкурсы, Парады и Шествия. Среди них: «царица карнавала», «царь карнавала», конкурс исторического костюма «дела давно минувших дней», конкурс экстравагантного костюма «третье тысячелетие карнавала», конкурс детских карнавальных костюмов «старая, старая сказка», конкурс карнавального костюма для собак «dog-карнавал», конкурс карнавальных зонтов «крыша мира», конкурс карнавальных тортов «пир на весь мир!», конкурс карнавальных балконов «бал балконов». Церемония закрытия карнавала традиционно проходит на территории Екатерининского парка музея-заповедника и заканчивается театрализованным представлением и фейерверком. [20, 21]. Карнавал как символ смешения высокого и низкого, бытового и бытийного, смешного и грустного, национального и интернационального, прошлого и настоящего как нельзя более адекватно выражает суть кросскультурных контактов. Музей и турист, вовлеченные в «водоворот» эпох, культур, стилей и жанров, открывают новые грани возможностей межкультурной коммуникации.

Современный музей, реализуя познавательный-рекреационный потенциал, становится местом встречи и общения культур и индивидуумов. Диалог, перерастающий в полилог, является сегодня основной формой взаимодействия музея с человеком. Интенсивное развитие индустрии туризма и изменение роли и места музея катализирует развитие стратегических направлений и приоритетных видов их взаимодействия. Рассмотренная нами тема находится в открытом проблемном поле и, безусловно, требует дальнейшей теоретической разработки и практических исследований. Сложность феномена музея, многоаспектность сферы туризма, быстро меняющиеся социально-психологические параметры личности современного человека предопределяют необходимость интеграции усилий музееведения, культурологии, психологии, социологии, педагогики и других наук, что обусловлено и полифоническим характером современной культуры в целом.

Библиографический список

1. Эрреман Я. Музеи и туризм: культура и потребление // *Museum*. 1999. № 199.
2. Ефремова М. В. Основы технологии туристского бизнеса. М., 1999. С. 25.
3. Confer J.C., Kerstler D.L. Past perfect: Exploration of heritage tourism // *Park and recreations*. 2000 № 2. P. 28–38.
4. Середина Е. В. Роль музеев в формировании территориальных рекреационных систем. Автореф. дис. ... канд. геогр. наук. М., 1995.
5. Перье-Д'Итерен К. Туризм и сохранение исторического наследия: стремление к гармонии // *Museum*. 1999. № 200.
6. Граберн Н. В поисках самобытности // *Museum*. 1999. № 199.
7. Перье-Д'Итерен К. Туризм и сохранение исторического наследия: стремление к гармонии // *Museum*. 1999. № 200.
8. Квартальнов В. А. Туризм, экскурсии, обмены: Современная практика. М., 1993.
9. Стивенс Т. Путник с тяжелой ношей остро нуждается в друге... // *Museum*. 1999. № 199. С. 24.
10. Граберн Н. В поисках самобытности // *Museum*. 1999. № 199.
11. Блавиа де М. Г. Музей как посредник // *Museum*. 1999. № 200.
12. Пищулин Ю. Осенние откровения Нанта // *Мир музея*. 1998. № 1.
13. Библер В. С. От наукоучения — к логике культуры. Два философских введения в XXI век. М., 1991.
14. Музей, его смысл и назначение // Федоров Н. Ф. Сочинения. М., 1982. С. 580–596.
15. О музейном комплексе подробнее см.: Hitchcock M. Tourist Trap // *Museum Journal*. 1998. № 6. P. 37–39.
16. Hobbey S. Friendly faces // *Museum Journal*. 1986. № 6. P. 32–33.
17. Стрельникова В. Как из Царского Села сделать конфетку: в Царском Селе начата реализация комплексной программы развития туризма // *Известия*. 2000. 21 января.

18. Василевич Г. Н. О сохранении и развитии Пушкинского заповедника (концепция и традиция) // Михайловская пушкиниана. Вып. 4. М., 1999. С. 5–44.
19. Трампа У. «Те папа»: музейная программа нового типа // Museum. 1999. № 199.
20. Биржаков М. Б., Воронцова И. В., Метелев Н. И. Событийный туризм: Карнавалы в истории и современном туризме // Туристские фирмы. Вып. 23. СПб., 2001. С. 192–198.
21. Кориунова В., Думащин Ю. Карнавал нас всех объединил // Царскосельская газета. 2000. 29 июня. С. 1.

Т. К. Щеглова

УСТНАЯ ИСТОРИЯ И МУЗЕОЛОГИЯ: ПУТИ И ФОРМЫ СОТРУДНИЧЕСТВА

Понятие «устная история», также как и «музеология» до сих пор является дискуссионным. Одни определяют и устную историю и музеологию как самостоятельные науки, другие рассматривают их как теорию и методику работы, в том числе исследовательской. Но, так или иначе, их связывает ряд факторов и черт. Во-первых, более интенсивная методологическая и теоретическая направленность исследований исторического профиля. Во-вторых, становление и развитие этих исторических дисциплин связано с внедрением звукозаписывающей и электронно-вычислительной техники со второй половины XX века, информационно-коммуникативных технологий и компьютерных программ. Эти факторы привели к корректировке принципов экспозиционной работы в музеологии, вернули музеи к научной работе и междисциплинарному взаимодействию. В то же время развитие устной истории предоставило новые методы изучения исторического прошлого и историко-культурного наследия, создало новые исторические источники, отвечающие высокими демонстрационными и эмоциональными ресурсами, что создало возможности модернизации музейной работы и в сфере научных изысканий и в сфере презентации памятников истории и культуры.

В современной научной практике среди множества определений устной истории выделяется несколько ее принципиальных функций и содержательных компонентов. Это собственный метод исследования — интервью, с помощью которого осуществляется фиксирование субъективного знания отдельной человеческой личности об эпохе, в которой жил человек. Это собственный исторический источник — фото-, видео- и транскрибированные «материалы исторического интервью». Их отличительными признаками является индивидуальная оформленная в звуке или видеоизображении информация, отражающая эмпирический жизненный опыт человека, как участника или очевидца исторических явлений и процессов; его оценки и представления. Например, в определении одного из ведущих центров устной истории США «Истории и памяти университета Индианы» с помощью устных исторических источников собирается «материал о прошедших событиях у свидетелей и участников этих событий. Устная история базируется на памяти, а память, в свою очередь, является субъективным способом фиксирования прошлого, включающего в себя современную переоценку давних событий и индивидуальную психику человека. Устная история может установить как индивидуальный опыт и впечатления могут повлиять на прошлое, и как прошлое влияет на настоящее» [1]. Обязательным в устной истории является документирование и архивирование устных исторических источников, для их последовательного использования и в экспозиционной и в научно-исследовательской работе.

Взаимодействие с устной историей открывает большие перспективы для музеологии. Об этом свидетельствует то значение, которое ныне вкладывается в современные представления о музеологии, среди них «структура и методы комплексного процесса сбора ... и экспонирования и другого коммуникативного использования таких предметов движимого культурного наследия, которые могут ... служить получению и распространению познаний, а также передаче эмоций» [2].

В связи с этим в рамках данной небольшой публикации есть возможность охарактеризовать несколько путей взаимодействия устной истории и музеологии. Во-первых, существует необходимость расширить понятие «музейные предметы» за счет «историко-культурного наследия», которое должно включать не только вещественные памятники культуры, но и памятники или продукты духовного наследия, базирующиеся на коллективной и индивидуальной исторической памяти. Нельзя ограничивать социальную значимость музеев только той частью культурного наследия, которая сосредоточена в музеях в предметном виде. Так было изначально с самых первых музеев. Однако в XX веке изменились представления об информации, кардинально изменились способы и пути ее фиксации, презентации и хранения. Например, история недавнего прошлого в экспозициях музеев может быть интереснее через рассказы ее участников. Соответственно должно меняться и представление о наследии. К памятникам наследия, по нашему мнению, относятся не только те, которые можно увидеть, т. е. предметы историко-культурного наследия, но и те, которые составляют духовное, ментальное, этническое, конфессиональное его содержание, хранящееся в памяти человека или общества, рассказанное или продемонстрированное им.

Одним из главных предназначений музеев как раз должны стать фиксация и хранение памяти и ее презентация. Традиционно музей заполняет эту нишу опять же мемориально-вещественными артефактами и свидетель-

ствами — фотографиями, дневниками, записками, письмами и другими предметами. Менее распространенным является включение в экспозицию устной или визуальной информации, которая отличается большим эмоциональным воздействием. Хотя при формировании тематических коллекций музейщики часто работают с «бывалыми людьми», «знатоками местной истории», с помощью которых моделируются или реконструируются историко-культурные процессы. Но такая работа проводилась и проводится музеями без научно-методического оформления материалов бесед или опроса, их документирования и архивирования, тем более без аудио- или видеофиксации.

На современном этапе развития музееведения активизировались поиски новаторских подходов, как на этапе сбора самого материала, так и на этапе его популяризации и демонстрации массовому посетителю, формирования экспозиций. Исследовательские, собирательские, поисковые и познавательные усилия из материальной сферы все чаще перемещаются в духовную. Одной из очевидных проблем современных музеев является существование огромных музейных фондов с сотнями тысяч экспонатов, лишь незначительная часть которых доступна для населения через постоянные и временные выставки. Зарубежные музеологи, высоко оценивая содержание музейных фондов России, тем не менее, все чаще критикуют их за архаичный способ презентации историко-культурного наследия, за превращение музеев в склады вещей, которые недоступны не только массовому посетителю, но и исследователям. Вызывают нарекания со стороны музеологов и методы работы с посетителями. При распространенных формах презентации историко-культурного наследия посетитель выдвинут из процесса познания прошлого. Он являлся пассивным созерцателем, более того в процессе познания задействованы в основном только органы зрения.

В наши дни ищутся новые принципы формирования экспозиции, пути презентации наследия, формы и методы взаимодействия посетителя и экспозиции, способы воздействия экспозиции на посетителя. Среди них новационные формы презентации интеллектуальных достижений человечества, основанные на развитии научной и технической мысли, являющейся важнейшей частью духовного наследия. В отечественном музееведении к этому профилю, прежде всего, относится Политехнический музей, который одним из первых стал пересматривать принципы построения экспозиции от пассивных форм к активным. За Уралом примером является иркутский музей «Экспериментарий» — Музей занимательной науки. В нем большая часть экспонатов, объясняющих законы физики, создана силами сотрудников музея из подручных средств. Их можно не только потрогать, но и приводить в действие самостоятельно. Усилило бы эффект восприятия использование в экспозиции продукции визуальной антропологии и устной истории. Например, аудио-видеоинтервью по истории развития регионального сообщества физиков, их рассказы о жизни и деятельности. Современные технические условия позволяют организовать индивидуальный просмотр или прослушивание без участия экскурсовода. Устная информация обогащает любой вещественный экспонат. Иногда без комментариев или объяснений информанта невозможно понять или адекватно оценить, каким образом реализовывался тот или иной предмет в истории или культуре. И для посетителей многие предметы так и остаются безмолвными, несмотря на сопроводительные подписи. В таких случаях достаточно было бы аудио- или видеоинтервью, сопровождающие вещественные источники в экспозиции.

Устная информация значительно дополняет и письменные документы особенно широко используемые при демонстрации событий новейшей истории. Музейные экспозиции по истории XX века не могут удивить посетителей «экзотическими экспонатами», такими как зуб мамонта, захоронение древнейшего человека, кинжал скифского воина и т. д. XX век представлен в музеях предметами унифицированной фабрично-заводской материальной культуры, предметами повседневной жизни и технических достижений. Устные исторические источники представляют музеям возможность дать более широкую, более глубокую и более панорамную картину исторического процесса или события. Примером является «тематический музей» по истории репрессий «АЛЖИР» — «Акмолинский лагерь жен изменников родины» (Республика Казахстан), в котором при формировании экспозиций интересно сочетаются вещественные экспонаты и рассказы очевидцев; в «музеях исторического события», например, в музее по истории Солоновского боя в Волчихинском районе Алтайского края; вещественные и вербальные коллекции в «музеях исторической личности», например, музее писателя В. М. Шукшина в с. Сростках или писателя А. П. Соболева в с. Смоленское, музее космонавта Г. С. Титова в с. Полковниково Алтайского края. При любом профиле музея большое значение в музейной работе, в т. ч. при создании экспозиций, приобретают историко-культурные памятники устного происхождения вербальная и визуальная записи воспоминаний, рассказов, семейных историй. На современном этапе музейщики ищут пути включения этого наследия в музейные фонды, музейные экспозиции, музейные временные выставки.

Для этого при государственных музеях, на наш взгляд, целесообразно создавать архивы устных исторических источников, т. н. «устные архивы». Также как и при общественных мемориальных комнатах, кабинетах, центрах в образовательных и культурно-просветительских учреждениях. И в том и в другом случае необходимо выполнение ряда научно-методических условий, которые разработаны в устной истории. Первое условие касается правильной научной фиксации интервью с последующим документированием и архивированием материалов. Обязательным условием для общественных музеев является последующая передача «устных архивов» на государственное хранение в муниципальные и центральные архивы или создание фондов устных источников при государственных музеях с регистрацией и постановкой на учет. Это требование связано с уникальностью создаваемых «человеческих документов», востребованность которых будет возрастать из года в год, из десятилетия в десятилетие, из столетия в столетие.

Устные исторические источники в силу своей специфики больше чем какие-либо другие документы из государственных фондохранилищ (официальные документы), отражают «аромат эпохи», ощущения и самочувствие человека в эту эпоху, «живое дыхание истории». Созданные на основе интервью или материалов беседы источники отличаются «человеческим содержанием» и поэтому показывают не только историю быта или бытовые условия эпохи, а человека эпохи. Этим они и интересны тем, кто стремится к объективной и полной реконструкции прошлого и тем, кто пришел увидеть в музеях прошлую жизнь и человека прошлого. Музейщикам устные исторические источники позволяют уйти от ограничения их деятельности складированием древностей и стать многофункциональными учреждениями.

Таким образом, создание устных архивов при музеях является перспективным развитием музейного дела. Современная эволюция музеев по пути от презентации материальных культурных артефактов к презентации всего историко-культурного наследия человечества требует обновления арсенала методов работы по сбору, хранению и популяризации материальных и духовных ценностей, как единого целого, полномерно отражающего эпоху. Когда экспозиция материальной культуры сопровождается звуковым или видеорядом, шумовым фоном эпохи, слайдовой демонстрацией, пением или рассказом участника событий. Для устного историка важно, что любая эпоха, исторический процесс, историческое событие или явление отражается не только в артефактах или вещественных источниках, но и в звуковой форме в виде рассказа человека о них. В отечественных музеях метод устной истории получил широкое распространение в музейной практике музеев министерства культуры, Мемориальном музее космонавтики, музее Н. Е. Жуковского и др.

В завершении можно предложить несколько путей вкрапления устной истории в музейное дело. Представляется интересным комбинировать экспозиции по истории раскулачивания и репрессий из вещей и фотографий семейных архивов с коллекциями аудио — и видеоматериалов с рассказами, песнями, стихами и другими устными вербальными и визуальными памятниками, собранными и созданными исследователями с помощью носителей информации о том, как это было. Наложение видеоряда или аудиозаписи на экспозицию фотографий, личных вещей, архивных дел создает условия для более эмоционального восприятия. По такому же принципу можно создавать выставки или постоянные экспозиции по истории целины с фоторядом и аудиорядом песен и воспоминаний целинников с шутками, прибаутками, или рассказами о повседневной жизни, или рассуждениями об общественной атмосфере того времени, о дискуссионных моментах. По таким же принципам можно формировать выставки по истории исчезнувших сел, по истории общественной реакции региональных сообществ в 1991 г. на попытку ГКЧП взять власть в свои руки. Жизненные истории, изнутри отражающие исторические события, позволяют ощутить дыхание истории, бережно, с пониманием (осуждение, одобрение, уважение и другая палитра эмоций) относиться к событиям и участникам исторической жизни. В развитии научных форм популяризации (создание выставок и экспозиций) большое значение приобретают психолого-педагогические вопросы, в частности воздействие музея на посетителя.

Направлениями работы по созданию при музеях архивов устных исторических источников может стать интервьюирование очевидцев и участников не только в общероссийских событиях, но и интересных для конкретного регионального сообщества. Например, в истории Алтайского края есть ряд общеисторических процессов и событий, протекавших своеобразно, соответственно специфическим региональным условиям. Среди них известны роговское движение в Причумышье в годы гражданской войны, добытинское восстание в период коллективизации в Причарышье, ефремовское движение в стахановской истории на территории хлебопашеских районов и т. д. Любой общероссийский исторический процесс имел свое «региональное лицо» на Алтае и может быть запечатлен в музейных экспозициях или инсценирован в лицах с озвучиванием или сопровождаться аудио — и видеоматериалами.

Предметом сотрудничества устных историков и музеологов может служить формирование фонда устных исторических источников по истории советских общественных организаций (пионерия, комсомол). В целом необходимо отметить, что советская эпоха, оставшись в прошлом, очень быстро уходит из знаковой системы современного общества. Быстро происходит потеря советской лозунгово-уличной агитации, монументальной живописи и скульптур, советских традиций оформления улиц и парков и других широко распространенных свидетельств советской эпохи. Новая символика настенной живописи рекламно-плакатного творчества является свидетельствами иного времени — постсоветской России. Пройдет еще несколько лет и сбор материальных свидетельств советской эпохи будет также крайне актуальным, каким в советское время являлся сбор материальных памятников крестьянской цивилизации. Забывается и советская повседневная жизнь в колхозах, и традиции общественной жизни через историю пионерских организаций, народных дружин и т. д. При этом уповать на письменные документы нельзя, даже в газетах и журналах жизнь общества в советское время не отражалась адекватно ни в ее драматическом, ни счастливым проявлении. Зачастую лакировалась, политизировалась или ретушировалась и т. п. Не способствуют реконструкции советской истории в музеях и не менее ангажированные современные оценки. Воссоздать в экспозиции жизнь коммуналки, колхозного общества или пионерского отряда можно только с опорой на вербальные или визуальные устные свидетельства.

Самостоятельным направлением музейной региональной работы может стать история науки, научных исследований и изобретений в гуманитарной, естественнонаучной, технической сферах. Это может быть, в частности,

история исторических, археологических, этнографических исследованиях на Алтае. Приведем пример работы с известными российскими этнографами, участвовавшими в изучении Алтая. Население Алтайского края в силу особенностей заселения его территории и формирования большого числа историко-культурных групп является предметом исследования ведущих российских этнографов из Москвы, Ленинграда, Новосибирска, Омска, Томска проводивших на его территории экспедиции и выезды в 1950-е – 1990-е годы. Их материалы легли в основу публикаций, монографий, статей и других солидных научных изданий по истории и культуре народов Алтая. Но получить полное представление по ссылкам на их полевые материалы об их исследовательских маршрутах, изученных населенных пунктов, этнографических группах невозможно. С помощью устной истории можно организовать интервью по истории этнографических исследований с такими известными исследователями как В. А. Липинская (г. Москва), Е. Ф. Фурсова, Г. В. Любимова (г. Новосибирск), Т. Б. Смирнова, М. А. Жигунова, Т. Н. Золотова (г. Омск) и другими. В музеях можно создать стенды с картографированием исследовательских маршрутов и их озвучивание с помощью отрывков аудио и видеоинтервью и зрительно обогатить с помощью слайд-фото-презентацией из материалов экспедиции. Около такой экспозиции можно организовать самостоятельное объемное проникновение посетителя в тематическое прошлое.

Таким образом, устная история создает новые возможности для музейной практики в области поисково-собираательной, экспозиционно-презентационной и научно-исследовательской работы. Одновременно создает условия для решения теоретико-концептуальных и методологических проблем музеологии и других гуманитарных наук.

Библиографический список

1. What is Oral history — Indiana: Indiana University Center for the Study of History and Memory [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.indiana.edu>, свободный.
2. Шнайнер К. Предмет исследования музееведения и происхождение дисциплины // Музеи мира. М., 1991. [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.pribaikal.ru/1600/article/2173.html>

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Ан Светлана Андреевна

Доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой философии и культурологии Алтайской государственной педагогической академии (г. Барнаул, Россия).

Участник трех международных ежегодных музеологических симпозиумов: «Музеи, музеология и глобальные коммуникации» (Россия/Новосибирск – КНР/Чангша, 2008 г.); «Музеи в обществе XXI века» (КНР, Тайвань/Тайбэй, 2009); XXII Генеральная Конференция ИКОМ (КНР/Шанхай, 2010). Член Комитета музеологии Сибири (ИКОФОМСИБ). Автор монографий по истории философии и культуры России и Китая, трудов о гуманистическом назначении музеев.

Электронная почта: s.an2010@yandex.ru

An Svetlana Andreevna

Doctor of philosophy, Professor, Chair of Department of philosophy and culturology, Altai State Pedagogical Academy (Barnaul, Russia).

Participant of ICOFOM Annual symposiums: “Museums, Museology and global communications” (Russia/Novosibirsk – PRC/Changsha, 2008); “Museums in society of XXI century” (PRC, Taiwan/ Taipei, 2009); XXII General Conference of ICOM (PRC/ Shanghai, 2010). Member of ICOFOMSib. Author of scientific monographs on history of philosophy and culture of Russia and China, of the articles about humanistic appointment of museums.

E-mail: s.an2010@yandex.ru

Белькова Лариса Викторовна

Директор Муниципального образовательного учреждения дополнительного образования детей «Детская школа искусств «Традиция». Почетный работник общего образования Российской Федерации. Член ИКОФОМСИБ.

Сфера научных интересов: этнокультурное наследие, музейная педагогика, этнокультурное образование и воспитание.

Электронная почта: volobuev@mail.ru

Belkova Larisa Viktorovna

Principal of the Local Educational Institution of Supplementary Education for Children “Children’s Art School Traditsiya (Tradition)”. Honorary worker in the field of general education of the Russian Federation. Member of ICOFOMSIB.

E-mail: volobuev@mail.ru

Tel. 31-79-31; 89039105345.

Address: 47, Mamontova St., Vlasikha settlement, city of Barnaul, Russia, 156902

Бармин Вадим Валерьевич

Кандидат искусствоведения, сотрудник Алтайской региональной организации партии «Единая Россия». Член ИКОФОМСИБ.

Сфера научных интересов: проблемы истории и этнокультуры коренных народов Сибири проживающих на территории Сибири.

Электронная почта: vad310@yandex.ru

Barmin Vadim Valerievich

Candidate of Art History, collaborator of Altai Regional department of “United Russia”. Member of ICOFOMSIB.

Professional interests: history and ethno culture of aboriginal peoples of Siberia

E-mail: vad310@yandex.ru

Булгаева Галина Дмитриевна

Сотрудник иконописной мастерской Барнаульско-Алтайской Епархии, искусствовед. Член ИКОФОМСИБ.

Сфера интересов: изобразительное искусство Западной Сибири XVIII–XIX века, реставрация, реконструкция памятников церковного искусства XVII–XX веков.

Электронная почта: zamolotskih@mail.ru

Bulgayeva Galina Dmitrievna

Altai State University

Collaborator of icon-painting workshop of the Diocese of Barnaul and Altai Krai, art historian. The member of ICOFOMSIB.

Sphere of interests: fine arts of Western Siberia XVIII–XIX centuries. Restoration, reconstruction of monuments of church art of the XVII–XXth centuries.

E-mail: zamolotskih@mail.ru

Виерегг Хильдегард К.

Доктор философии, профессор университета философии г. Мюнхена. Почетный профессор Алтайской государственной педагогической академии (г. Барнаул, Россия). Президент Международного Комитета музеологии (ICOFOM) Международного Совета Музеев (ICOM/UNESCO), 2001–2007, вице-президент Комитета музеологии Сибири (ICOFOMSIB) с 2003 г. Редактор ряда сборников ICOFOM ICOFOM Study Series (ISS) 1998–2007 гг. Редактор Информационного бюллетеня ICOFOM 2001–2007 гг. Автор серии монографий по истории и теории музеев.

Электронная почта: vieregg.hildegard@pc-future.de

Vieregg Hildegard K.

Prof. Dr. phil. Munich School for Philosophy, Main Department II: Sciences in a Philosophical Perspective: Science of Art History, Literature and History. Lectureship in Museum Sciences in Munich/Germany and on an international level. Honorary Professor at Altai State Paedagogical Academy Barnaul (Siberia/Russian Federation). President of the International Committee for Museology (ICOFOM) in International Council of Museums (ICOM/UNESCO), 2001–2007. Vice-President of ICOFOM Siberia/Russian Federation (ICOFOM SIB) since 2003.

Publications to Museum Sciences. Editor of the ICOFOM Study Series (1998–2007). Editor of ICOFOM Newsletter (2001–2007). Other Publications: 2006: Museumswissenschaften (Museum Sciences). 2007: Studienbuch Museumswissenschaften. Impulse zu einer internationalen Betrachtung (Study Book to Museum Sciences. Impulses on an International Approach). 2008: Geschichte des Museums. Eine Einführung (History of Museum. An Introduction). Recent research projects: "Museums, World Heritage Sites and the Ethics" and "The Language of Museums".

E-mail: vieregg.hildegard@pc-future.de

Жарникова Светлана Сергеевна

Аспирант отдела технологий и защиты наследия института социально-культурной работы, наследия и туризма Восточно-сибирской академии культуры и искусств. Член ИКОФОМСИБ

Телефон: 89516362715, 8-(3012)-23-32-78 (раб), 8-(30144)-53-3-50.

Электронная почта: Zharnikova@yandex.ru

Адрес: 671280, Республика Бурятия, дер. Ильинка, ул. Коммунистическая, 9-1.

Zharnikova Svetlana Sergeevna,

East Siberian State Academy of culture and arts. Postgraduate student of the department of Museum technologies and protection of heritage, Institute of Social Cultural Work, Heritage and Tourism. Member of ICOFOMSIB.

Telephone: 89516362715 (mobile), 8-(3012)-23-32-78 (work), 8-(30144)-53-3-50 (home phone).

E-mail: Zharnikova@yandex.ru

Address: 9 Kommunisticheskaya St., 1, village of Ilyinka, Pry-Baikal district, the Republic of Buryatia 671280.

Ковешникова Елена Анатольевна

Кандидат исторических наук, доцент кафедры музейного дела Кемеровского государственного университета культуры и искусств (КемГУКИ), директор музея истории КемГУКИ. Участник ежегодных международных симпозиумов ИКОФОМ и ИКОФОМСИБ 2008–2010 гг.: «Музеи, музеология и глобальные коммуникации» (Россия/Новосибирск – КНР/Чангша, 2008); «Музеи в обществе XXI века» (КНР, Тайвань/Тайбэй, 2009). Член ИКОФОМСИБ.

Сфера научных интересов: музейная коммуникация; музейная педагогика и интерактивные, инновационные формы и методы работы музея с посетителями; методика экскурсионной работы; научное проектирование экспозиций.

Адрес: 650029, Россия, Кузбасс, Кемерово, ул. Ворошилова, 17, офис 315; 650065, Кемерово, пр. Ленина, 150-б, 65

Электронная почта: ezlena@mail.ru

Телефон: 8-904-969-76-02

Koveshnikova Elena Anatoljevna

Candidate of historical science, senior lecturer of Kemerovo State University of Culture and Arts. Head of the Museum of University history. Member of ICOFOMSIB.

Sphere of scientific interests: museum history, museum communications; museum pedagogics; technique of excursion work; scientific designing of expositions.

Address: 650029, Russia, Kuzbass region, Kemerovo, Voroshilova st. 17, office 315; 650065, Russia, Kuzbass region, Kemerovo, Lenina pr. 150-б, 65

E-mail: ezlena@mail.ru

Tel. 8-904-969-76-02

Крайнева Ирина Александровна

Кандидат исторических наук, инженер-исследователь Института систем информатики им. А.П. Ершова СО РАН, специализация — история науки и техники. Более 20 публикаций по истории информатики в России. Ученый секретарь Научного совета по музеям СО РАН. Координатор проекта «Электронный фотоархив СО РАН» (<http://www.soran1957.ru>)

Адрес: Россия, Новосибирск, пр. Лаврентьева, 6

Электронная почта: cora@iis.nsk.su

Телефон: +7-383-330-73-52

Kraïneva Irina Aleksandrovna

PhD, engineer-researcher A. P. Ershov Institute of Informatics Systems of the Siberian Branch of Russian Academy of Sciences, PhD on history of computer science (degree received from the Russian Academy of Sciences) "Academician Andrei Ershov scientific biography", Has more than 20 published works on the history of informatics in Russia, Scientific secretary of the SB RAS Museum Scientific Council, Coordinator of SB RAS Electronic photoarchive project (<http://www.soran1957.ru>)

Address: Russia, Novosibirsk, Lavrentiev pr., 6

E-mail: cora@iis.nsk.su

Tel. +7 383 330 73 52

Кулемзин Анатолий Михайлович

Доктор культурологии, профессор, заведующий кафедрой музейного дела Кемеровского государственного университета культуры и искусств. Автор 125 научных и учебно-методических публикаций, в том числе 6 монографий. Открыл более 100 археологических памятников. Член ИКОМ, ИКОФОМСИБ.

Адрес: Россия, 650099, Кемерово, ул. Советская, 71-78.

Электронная почта: kulemzin@art.kemerovonet.ru

Kulemzin Anatolyi Mikhailovich

Doctor of Culturology, professor, Chair of the Department of museum business, Kemerovo State University of Culture and Arts. The author of 125 scientific and educational-methodical publications, including 6 monographies. Has opened more than 100 archaeological monuments. Member of ICOM, ICOFOMSIB.

Address: Russia, 650099 Kemerovo Sovetskiy Prospekt, 71-78.

E-mail: kulemzin@art.kemerovonet.ru

Guo-ning Chen

Professor, doctor, Graduate Institute of Museology Tainan National University of the Arts.

Lectureship in Museum Sciences in China/Taiwan and on an international level.

Member of ICOFOM, Standing Board member of Chinese Association of Museums (CAM), Vice President of ICOFOM SIB & SAP

Ламин Владимир Александрович

Доктор исторических наук, член-корреспондент РАН. Директор Института истории СО РАН. Известный специалист в области истории социально-экономического развития России и Сибири, создания транспортных структур Сибири и Дальнего Востока, их интеграции в мировую систему коммуникаций, а также академического музееведения. Автор более 200 научных работ, в том числе 12 монографий. Участник XXI Ежегодного симпозиума ИКОФОМ «Музеи, музеология и глобальные коммуникации» (Россия/Новосибирск – КНР/Чангша, 2008). Председатель Научного совета по музеям СО РАН, член ИКОФОМСИБ.

Адрес: Новосибирск, Николаева, 8

Электронная почта: lamin@history.nsc.ru

Телефон: +7 383 330 13 49

Lamin Vladimir Aleksandrovich

Doctor of History, corresponding member of RAS. Director of Institute of history of the Siberian Branch of the Russian Academy of Science. Expert in the field of history of social and economic development of Russia and Siberia, the author and co-author of more than 200 scientific works, including 12 monographies.

Current Research Interests: Studying the formation of transport system in Eurasia, including the role of transport communications in development of regional economy and sociopolitical processes. Actual problems of national, ethnic regional self-identifications in Eurasia.

Address: Russia, Novosibirsk, Nicolaev str., 8

E-mail: lamin@history.nsc.ru

Tel.: +7 383 330 13 49

Маранда Линн

Хранитель фондов, Музей Ванкувера, г. Ванкувер, Канада. Автор более 150 научных статей по антропологии. Профессиональный опыт работы в музее составляет более 44 лет. Первый Вице-президент Международного Комитета музеологии (ICOFOM), член Королевского Антропологического Института и американской Антропологической Ассоциации, члена научного совета по Антропологии Музея Ванкувера, член Ассоциации Содружества Музеев, Международного Комитета ИКОМ по Музеям Этнографии (ICME), и Ассоциаций музеев Канады.

Электронная почта: wpgwhiskers@yahoo.ca

Maranda Lynn

MA, FRAI, FAAA, Curator Emerita, Museum of Vancouver (previously Vancouver Museum), Canada, and formerly, Curator of Anthropology, has had more than 44 years of professional museum experience and has had numerous papers, articles and reviews published. Is First Vice-President of ICOM's International Committee for Museology (ICOFOM),

a Fellow of both Royal Anthropological Institute and American Anthropological Association, and member of Council for Museum Anthropology, Commonwealth Association of Museums, ICOM's International Committee for Museums of Ethnography (ICME), and of museum associations in Canada.

E-mail: wpgwhiskers@yahoo.ca

Мишакова Оксана Эдуардовна

Кандидат исторических наук, доцент, заведующая кафедрой музейных технологий и охраны наследия Восточно-Сибирской академии культуры и искусств. Член ИКОФОМСИБ.

Сфера научных интересов: история и теория музейного дела, интеграция музеев в туристическое пространство Сибири, культурное наследие Сибири.

Адрес: Бурятия, Россия, 670031 г. Улан-Удэ, ул. Терешковой, 1, каб. 327

Электронная почта: oksana_mishakova@mail.ru

Телефон: +73012233278, факс +7 3012 232414.

Mishakova Oksana Eduardovna

Candidate of historical science, Chair of the department of museum technologies and protection of heritage, East-Siberian Academy of Culture and Arts. Member of ICOFOMSIB.

Sphere of scientific interests: history and theory of museology, integration of museums into tourist sphere of Siberia, cultural heritage of Siberia.

Address: Republic of Buratia, Russia, 670031, Ulan-Ude, Tereshkova St. 1, of. 327.

E-mail: oksana_mishakova@mail.ru;

Tel. +73012233278, *Fax* +7 3012 232414.

Малиновский Лев Викторович

Доктор исторических наук, профессор Лингвистического института Алтайской государственной педагогической академии (г. Барнаул, Россия). Автор свыше 600 научных работ, в том числе 5 монографий. Член ИКОФОМСИБ.

Сфера научных интересов - немецкий язык, этнокультурное наследие российских немцев, международная деятельность вузов.

Электронная почта: malgeorge@rambler.ru

Malinovskiy Lev Victorovich

Doctor of History, Professor, Linguistic Institute of Altai State Pedagogical Academy. Member of ICOFOMSIB.

Sphere of scientific interests: connected to Germany, the German language and to the Germans of Russia.

E-mail: malgeorge@rambler.ru

Миягашев Денис Алексеевич

Археолог, востоковед, заведующий отделом археологии Этнографического музея народов Забайкалья. Аспирант Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН. Член ИКОФОМСИБ.

Сфера научных интересов: археология Евразии, этнография народов Южной Сибири, Средней Азии и Дальнего Востока.

Электронная почта: oksana_mishakova@mail.ru

Miyagashev Denis Alekseevich

Archeologist, orientalist, head of archaeological department of Ethnographical museum of peoples of Transbaikalia area. Member of ICOFOMSIB.

Scientific sphere — archaeology of Eurasia (Bronze age-Xiongnu time – Middle ages), migrations in archaeology, ethnography of the peoples of Southern Siberia, Central Asia and Far East.

E-mail: oksana_mishakova@mail.ru

Нагайцева Нина Дмитриевна

Кандидат исторических наук, доцент кафедры музейных технологий и охраны наследия Восточно-Сибирской академии культуры и искусств. Член ИКОФОМСИБ.

Сфера научных интересов: история музеев и благотворительности в Бурятии, этнокультурное наследие.

Адрес: Бурятия, Россия, 670031 г. Улан-Удэ, ул. Терешковой, 1, каб. 327,

Электронная почта: oksana_mishakova@mail.ru

Телефон: +73012233278, факс +7 3012 232414.

Nagaitseva Nina Dmitrievna

Candidate of historical sciences, member of Chair of museum technologies and protection of heritage, East-Siberian academy of culture and arts.

The author of scientific articles on a theme "Transbaikalia Charity in the XIXth century: historical aspect", history of museums of Buryatiya, ethnocultural heritage.

Address: Buryatiya, Russia, 670031, Ulan-Ude, Tereshkova st., 1, of. 327,

E-mail: oksana_mishakova@mail.ru;

Tel. +73012233278, *fax* +7 3012 232414.

Патрушева Галина Михайловна

Кандидат исторических наук, доцент, заведующая кафедрой музеологии, экскурсоведения и туризма Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского. Участник международного музеологического симпозиума «Музеи, музеология и глобальные коммуникации» (Россия/Новосибирск – КНР/Чангша, 2008). Секретарь Комитета музеологии Сибири (ИКОФОМСИБ).

Сфера научных интересов: этнография народов Сибири, музееведение, экскурсоведение.

Адрес: г. Омск, проспект Мира, 55 а.

Электронная почта: gmp-04@rambler.ru

Телефон: +7 9136025458

Patrusheva Galina Mikhailovna

Candidate of historical sciences, Senior lecturer, Head of the department of Museology, Excursion and Tourism, Omsk State University named after F.M.Dostoevskiy, the Secretary of Committee for Museology, Siberia.

Address: Omsk, Mira av. 55a

E-mail: gmp-04@rambler.ru

Tel. 79136025458

Сальникова Ирина Владимировна

Кандидат исторических наук, заведующая музейно-источниковедческим сектором Института археологии и этнографии СО РАН. Руководитель Музея истории и культуры народов Сибири и Дальнего Востока ИАЭ СО РАН. Член Научного совета по музеям СО РАН. Член ИКОФОМСИБ. Участник музеологического симпозиума «Музеи, музеология и глобальные коммуникации» (Россия/Новосибирск – КНР/Чангша, 2008). Номинант конкурсов «Меняющийся музей в меняющемся мире» (2005), «Научный музей в 21 веке» (2009).

Сфера научных интересов: музеология, археология.

Адрес: Россия, Новосибирск, пр Лаврентьева 17.

Электронная почта: salnikovair@rambler.ru

Телефон: (383) 3302492

Salnikova Irina Vladimirovna

Candidate of History, manager of museum department of Institute of Archaeology and Ethnography. Russian Academy of Sciences, Siberian Branch, Novosibirsk, Russia. The associate professor of museology department of Novosibirsk State Pedagogical University. Specialization: Museology, Archaeology. Member of the SB RAS Museum Scientific Council ; Member of ICOFOMSIB. The Nominee of competition: “Varying Museum in Varying World”, 2005, “Scientific Museum in 21 Century”, 2009. The participant of international exhibition of museum collections. Korea, 2005. Germany, 2007. The first international congress of Eurasian archaeology. Izmir. International Scientific and Practice Conference: Museology, museums in varying world”, China 2008.

Address: Novosibirsk, Russia, Prospekt Lavrentieva, 17.

Tel. +7 383-330-05-37

Смирнова Людмила Александровна

Директор МУК «Тальменский районный краеведческий музей» Алтайского края. Лауреат краевого музейного фестиваля «Музейный перекресток» (2006 г.), дипломант международного фестиваля «Русское искусство в Европе» (2007 г.), национальной туристской премии им. Ю.Сенкевича (2008 г.) Участник международного музеологического симпозиума «Музеи, музеология и глобальные коммуникации» (Россия/Новосибирск – КНР/Чангша, 2008). Член ИКОФОМСИБ.

Электронная почта: smirn-l-a@yandex.ru

Smirnova Lyudmila Alexandrovna

Director of the Municipal Establishment of Culture *The Talmensky District Museum of History and Lore* in Altai Krai, a member of the Siberian Committee for Museology, a participant of the International Symposia of the UNESCO Council of Museums. The laureate of regional museum festival “Muzeyny Perekrestok” (“Museum Crossroads”) (2006), the diploma winner of the international festival “Russian Art in Europe” (2007). the author of the museum projects “K Vam Edet Musey” (The Museum is Coming to you), “Oda Lesu” (“An Ode to the Forest”) and tourist projects “Schastlivy Vmeste” (“Happy Together”), “Vremya Otdykhat na Altaye” (“It’s Time to Have a Rest in the Altai”), “Dorogoyu Predkov” (“On the Ancestors’ Way”). Member of ICOFOMSIB.

E-mail: smirn-l-a@yandex.ru

Степанская Тамара Михайловна

Доктор искусствоведения, профессор, член-корреспондент Российской Академии Естествознания, член Союза художников России, заведующая кафедрой истории отечества и зарубежного искусства. Автор более 300 научных, научно-методических и учебных работ, монографий по истории искусства и архитектуры г. Барнаула, Алтайского края и Сибири.

Сфера научных интересов: история архитектуры и градостроительства Сибири; изобразительное искусство России; интеграция и модернизация гуманитарного знания в искусстве.

Электронная почта: stm@art.asu.ru

Stepanskaya Tamara Mihajlovna

Doctor of Art history, professor, corresponding member of the Russian Academy of Natural sciences, member of the Union of artists of Russia, Chair of history of fatherland and foreign art. The author more than 300 scientific, scientifically-methodical and studies, monographies on history of art and architecture of Barnaul, Altay territory and Siberia. The basic scientific directions: history of architecture and town-planning of Siberia; the fine arts of Russia; integration and modernization of humanitarian knowledge into art sphere.

E-mail: stm@art.asu.ru

Томилов Николай Аркадьевич

Доктор исторических наук, профессор, директор Омского филиала Института археологии и этнографии СО РАН, Сибирского филиала Российского института культурологии Министерства культуры Российской Федерации и РАН заведующий кафедрой этнографии и музееведения Омского государственного университета. Создатель и главный редактор журнала «Культурологические исследования в Сибири», ряда научных серий в т. ч. «Культура народов мира в этнографических собраниях российских музеев». Член Комитета музеологии Сибири, Научного совета по музеям СО РАН.

Адрес: 644077, г. Омск, ул. Андрианова, 28 (рабочий); 644077, г. Омск, пр-т Мира, 55-в, кв. 57. (домашний)

Электронная почта: tomilov@hist.omsu.omskreg.ru

Телефоны: 8(3812) 26-88-58 (рабочий); 8(3812) 64-33-18 (домашний)

Tomilov Nikolaj Arkadieievich

Doctor of History, professor, Director of Omsk branch of Institute of Archaeology and Ethnography, Siberian branch of Russian Academy of Sciences. Member of the SB RAS Museum Scientific Council. Member of ICOFOMSIB.

Address: 28 Andrianova St., Omsk, 644077; Prospect Mira, 55-v, 57, Omsk, 644077

E-mail: tomilov@hist.omsu.omskreg.ru

Tel.: 8(3812) 26-88-58 (work), 8(3812) 64-33-18 (home).

Труевцева Ольга Николаевна

Доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой историко-культурного наследия и туризма Алтайской государственной педагогической академии. Секретарь Комитета музеологии Международного совета музеев, Председатель Комитета музеологии Сибири, член Научного совета по музеям СО РАН.

Адрес: Россия, Алтайский край, г. Барнаул, пос. Бельмесево, ул. Альпийская, 24.

Тел.: 8-385-2-388-447

Электронная почта: truevtseva@yandex.ru.

Truevtseva Olga Nikolaevna

Doctor of historical sciences, professor, Chair of a historical and cultural heritage and tourism of the Altay State Pedagogical Academy. Chair of Committee for Museology Siberia.

Address: Russia, Altay territory, Barnaul, v. Belmesevo, Alpijskaia st., 24.

Tel. 8-385-2-388-447

E-mail: truevtseva@yandex.ru.

Шагланова Ольга Андреевна

Кандидат исторических наук, приглашенный профессор Национального Музея Этнологии в г. Осаке, Япония. Главный хранитель Этнографического музея народов Забайкалья (Республика Бурятия, г. Улан-Удэ). Участница Конгресса Антропологов России в 2003 и 2005 гг. Член ИКОФОМСИБ.

Сфера научных интересов: традиционная культура монгольских народов, проблемы защиты объектов природного и культурного наследия коренных народов Республики Бурятия.

Электронная почта: shoa@rambler.ru

Shaglanova Olga Andreevna

Candidate of history, visiting associate professor of National Museum of Ethnology in Japan (Osaka). Chief curator of the Ethnographic museum of peoples of Transbaikial area (Republic of Buryatia, Ulan-Ude). Participant of Congress of Anthropologists of Russian (2002, 2004) and XXIIth General Congress of ICOM (Shanghai, China). Member of ICOFOMSIB. Author of books and papers about traditional culture of Mongolian peoples.

Professional interests: Social changes and movement, transformation of religion and society of the Mongolian peoples. Legal anthropology (the modern land legislation and its influence on the natural lifestyle of the Mongolian people; the problems of protection and preservation the rights of indigenous peoples, their environment, traditional way of life), migration process in Inner and Northern-East Asia.

E-mail: shoa@rambler.ru

Семенов Евгений Владимирович

Кандидат исторических наук, доцент кафедры музейных технологий и охраны наследия ФГОУ ВПО Восточно-Сибирская государственная академия культуры и искусств.

Сфера научных интересов: история Сибири, археология, антропология, наследие.

Адрес: г. Улан-Удэ, ул. Терешковой, 1 (рабочий); г. Улан-Удэ, пос. Таежный, д. 17 «б»/2 (домашний)

Электронная почта: sew11@mail.ru

Телефон: +7 3012 233278

Semenov Evgeny Vladimirovich

Assistant professor of the department of Museum technologies and heritage protection, East-Siberian State Academy of Culture and Art.

Address: Russia, Republic of Buriatia, Ulan-Ude c. Tereshkova St., 1

E-mail: sew11@mail.ru

Tel. +7 3012 233278

Степанская Алла Георгиевна

Кандидат искусствоведческих наук, доцент кафедры истории отечественного и зарубежного искусства Алтайского государственного университета. Член ИКОФОМСИБ.

Сфера научных интересов: Русское искусство 18 века, влияние русской архитектурной школы на художественное пространство Сибири.

Электронная почта: stm@art.asu.ru

Stepanskaya Alla Georgievna

Ph.D. in Art history, assistant professor, Chair of History of Native and Foreign Art, Altai State University. Member of ICOFOMSIB. Teaching courses: "Russian art of the 18th century", "History of art collections". Scientific project: "The influence of Russian architectural school on Siberian art space".

E-mail: stm@art.asu.ru

Труевцев Николай Валерьевич

Аспирант Алтайской государственной педагогической академии, кафедра Отечественной истории. Научный руководитель: доктор исторических наук, профессор М. А. Демин. Тема диссертации: "История создания и развития Комитета музеологии (ICOFOM)". Участник XXXI Ежегодного Международного Симпозиума ICOFOM (КНР, г. Чаньша). Доклад: «Роль ICOM/ICOFOM в развитии музеологии (1970–1980 гг.)», «Глобализация как фактор функциональных изменений музея». Участник международного научного форума в Средней Азии, Бишкек (ноябрь, 2009). Член Комитета музеологии Сибири (ICOFOMSIB).

Электронная почта: truevtsev@mail.ru

Truevtsev Nikolay Valerjevich

Postgraduate student of Altai State Pedagogical Academy / Department of Russian History. Supervisor: Professor Demin M. A., Doctor of History. Theme of the dissertation: "The history of ICOFOM/ICOM and its further development and intentions". The participant of the XXXI Annual International Symposium ICOFOM (Changsha/Peoples' Republic of China/PRC) Report on the topic: "The Role of ICOM/ICOFOM in formation (the development) of Museology (1970-80)", "Globalization as a factor of structure functional changes of museum". The participant of the International forum in Central Asia. Bishkek (November, 2009). Member of ICOFOMSIB.

E-mail: truevtsev@mail.ru

Шелегина Ольга Николаевна

Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Институт истории СО РАН, заместитель директора Музея СО РАН. Секретарь Комитета музеологии Сибири, заместитель председателя Научного совета по музеям СО РАН. Участник Российских конгрессов этнографов и антропологов (2007, 2009), философов (2009), фольклористов (2010), культурологов (2010), международных ежегодных симпозиумов Комитета музеологии Сибири (2008, 2009 г.).

Сфера научных интересов: культура жизнеобеспечения населения Сибири, история музейного дела, адаптация музеев к социокультурной динамике, условиям эпохи глобализации, информационные технологии, менеджмент.

Адрес: Новосибирск, Николаева, 8

Электронная почта: oshelegina@yandex.ru

Телефон: +7 383 330 05 89, +7 913 912 70 12

Shelegina Olga Nikolaevna

Ph. D. in history, Senior Researcher SB RAS Institute of History, participant ICOFOM Annual symposiums: "Museums, Museology and global communications" (Russia/Novosibirsk – PRC/Changsha, 2008); "Museums in society

of XXI century” (PRC, Taiwan/ Taipei, 2009); XXII General Conference of ICOM (PRC/ Shanghai, 2010). Secretary of ICOFOMSib. Author of scientific monographs on history of academic museums and culture.

Address: Russia, Novosibirsk, Nicolaev St., 8

E-mail: oshelegina@yandex.ru

Tel.: +7 383 330 05 89, +7 913 912 70 12

Хусаинова Априза Хусаиновна

Директор музейно-мемориального комплекса «АЛЖИР», посвященного памяти жертв политических репрессий г. Астана (Республика Казахстан). Член ИКОФОМСИБ.

Сфера научных интересов: история политических репрессий в России, Польше, Казахстане, документирование истории политических репрессий, культурное наследие

Электронная почта: museum@ppi.kz

Телефон: 7-7172-32-67-01

Khussainova Apriza Khussainovna

Director of State Enterprise “ALZHIR” (The Republic of Kazakhstan, Astana) Museum-Memorial Complex dedicated to Victims of Political Repressions and Totalitarianism.

E-mail: museum@ppi.kz

Tel. 7-7172-32-67-01

Шляхтина Людмила Михайловна

Кандидат педагогических наук, доцент кафедры музееведения и экскурсоведения Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств. Автор монографий и учебников по музеологии. Член комитета музеологии Сибири.

Адрес: 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая набережная, 2.

Тел. 80812-312-9348.

Электронная почта: shlyachtinalm@rambler.ru

Shljachtina Lyudmila Mihajlovna

Ph.D. in pedagogical sciences, chair of museology and excursion of St.-Petersburg State University of culture and arts. The author of monographies and textbooks of museology. A member of ICOFOMSIB.

Address: 191186, St.-Petersburg, Palace quay, 2.

Tel. 80812-312-9348.

E-mail: shlyachtinalm@rambler.ru

Щеглова Татьяна Кирилловна

Доктор исторических наук, профессор, первый проректор по учебной работе, заведующая кафедрой отечественной истории Алтайской государственной педагогической академии. Автор серии монографий по истории и этнокультуре народов Алтайского края и Сибири.

Адрес: Россия, 656031, Барнаул, ул. Молодежная, 55, каб. 208 а.

Тел. 8-385-2-388-433.

Shcheglova Tatyana Kirillovna

Doctor of History, professor, Chief pro-rector on the study, Chair of the department of Home history, Altay state pedagogical academy. The author of a series of monographies on history and ethnoculture of the people of Altay territory and Siberia.

Address: Russia, 656031, Barnaul, Molodejhnai St., 55, of. 208 a.

Tel. 8-385-2-388-433

Научное издание

Музеи и этнокультурный туризм:
Сборник материалов III Ежегодного международного симпозиума
Комитета музеологии Сибири

Ответственность за аутентичность и точность цитат, имен названий и иных сведений,
а также за соблюдение законов об интеллектуальной собственности
несут авторы публикуемых материалов

*Верстка А. С. Терёшкиной
Дизайн обложки Н. В. Труевцева*

Подписано в печать 01.11.2010 г. Формат: 60 × 84 1/8.

Уч.-изд. л. 21. Усл. печ. л. 19,5.

Тираж 100 экз. Заказ № _____

Редакционно-издательский центр НГУ.
630090, Новосибирск-90, ул. Пирогова, 2.